

902.6

C-47

СЛАВЯНЕ
НА ДНЕСТРЕ
И ДУНАЕ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЛАВЯНЕ
НА ДНЕСТРЕ
И ДУНАЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

НБ ПНУС

475252

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1983

902.6

C-47

Сборник посвящен исследованиям древностей I тыс. н. э. в междуречье Днестра и Дуная. На основании новых археологических материалов рассматриваются вопросы этнокультурного развития населения на рубеже и в I тыс. н. э., сложения славянской культуры раннего средневековья и расселения славян.

Сборник иллюстрирован.

Для археологов, историков, студентов исторических факультетов и всех, кто интересуется древней историей славян.

Редакционная коллегия

В. Д. Баран (ответственный редактор),
Р. В. Терпиловский (ответственный секретарь), *А. Т. Смиленко*

Рецензенты

М.М. Кучинко, Е. В. Максимов

Редакция литературы по социальным проблемам
зарубежных стран, археологии и документалистике

0507000000-018
С М221(04)-83 73-82

© Издательство «Наукова думка», 1983

ВВЕДЕНИЕ

Важное место в историческом развитии Юго-Восточной и Средней Европы в I тыс. н. э. занимает Днестро-Дунайское междуречье, являющееся воротами к границам Римской, а позже Византийской империи.

В настоящем сборнике помещены статьи, в которых рассматриваются вопросы этнокультурного и социального развития населения данного региона в названный период. Письменные источники римского и византийского времени называют на этой территории множество этнических группировок, которые на протяжении I тыс. н. э., сменяя друг друга, смешивались и создавали новые этнокультурные образования. Тут встречаются различные культурные направления, идущие с юга, северо-востока и северо-запада. Кроме того, земли Днестро-Дунайского междуречья входили в сферу интересов римской, а позже византийской империи. Все это создавало ситуацию, при которой, с одной стороны, на рубеже и в первой половине I тыс. н. э. наблюдается этнокультурная пестрота, с другой — разноэтнические своеобразия нивелировались провинциально-римскими, а позже византийскими влияниями.

Эта картина нашла отражение в археологических источниках, в которых разобраться довольно сложно. Археологам удалось зафиксировать в Днестро-Дунайском бассейне культурные пласты, свидетельствующие о наличии здесь фракийского, скифо-сарматского, славянского и германского населения, но показать их взаимоотношения, определить тенденции и направления исторического развития оказалось очень трудной задачей. Ее решение требует новых исследований и существенного пополнения археологических источников, их корреляции с письменными, лингвистическими и антропологическими данными.

Особенно остро стоит вопрос об исторических судьбах населения междуречья Днестра и Дуная в середине I тыс. н. э., когда территория интенсивно заселяется славянами. В археологической литературе нередко проявляются тенденции преуменьшения вклада славянского населения в этнокультурное развитие данного региона. Некоторые исследователи (И. Нестор, Д. Теодор и др.) не

всегда отмечают славянские элементы в материальной культуре населения в I тыс. н. э. в Подунавье и однобоко интерпретируют определенные группы археологических памятников (культура Ипотешты-Киндешты-Чурел).

В последние годы в Поднестровье, Попрутье и других регионах СССР осуществлены широкие исследования памятников рубежа и первой половины I тыс. н. э. В результате были выявлены ранее не известные славянские древности V в., заполнившие хронологическую лауну между культурами римского и раннесредневекового времени и открывшие новые возможности для сравнительного их изучения в ретроспективном плане. Это позволило более реально подойти к проблемам исторического развития населения Юго-Восточной Европы, в частности Днестро-Дунайского междуречья в I тыс. н. э., показать взаимоотношения славянского и местного населения в этих процессах, чему и посвящен настоящий сборник.

Статьи, помещенные в сборнике, имеют общую направленность и отличаются новизной материала, преобладающая часть которого впервые вводится в научный оборот. Именно новые археологические материалы позволяют наметить пути продвижения славян к югу и уточнить время их появления в Подунавье.

Не все проблемы, поднятые авторами, решены окончательно. Многие из них имеют дискуссионный характер и требуют дополнительного изучения. Тем не менее надеемся, что сборник вызовет определенный интерес у специалистов и широкого круга читателей.

В. Д. Баран

СЛОЖЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА РАССЕЛЕНИЯ СЛАВЯН

Среди многих проблем, связанных с изучением славянских раннесредневековых древностей, важное место занимают вопросы их сложения. В настоящее время определилось два направления в поисках истоков раннеславянской культуры. Одна группа исследователей, отдавая предпочтение социально-экономической модели, видит ее подосновы на северо-востоке в верховьях Днестра, в области распространения памятников киевского типа III—V вв. (П. Н. Третьяков, В. Н. Даниленко, И. Вернер¹). Исследователи второй группы (И. П. Русанова, В. В. Седов), исходя из морфологических признаков самой материальной культуры, главным образом из близости или идентичности определенной формы керамики и погребального обряда, предполагают, что истоки раннесредневековой культуры славян находятся в междуречье Вислы и Одера, где расположены пшеворские древности². К. Годловский пишет, что «археологическую культуру славянских народов в период их великих переселений на огромных пространствах от Днестра до Лабы и Балканского полуострова характеризует не столько определенный состав ведущих категорий находок, сколько общая модель и структура этой культуры, отражающая определенный тип социально-экономических отношений, обычаев и верований». Автор считает, что общий тип раннеславянской культуры коренным образом отличается от того, что характерно для культур римского периода в Средней Европе и Скандинавии, а также в степной и лесостепной зонах Восточной Европы, таких как пшеворская, вельбарская, черняховская³.

¹ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге.— М.; Л., 1966, с. 301—302; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности.— Л., 1970, с. 43—110; Даниленко В. М. Пізньозарубинські пам'ятки киевського типу.— Археологія, 1976, 19, с. 65—91; Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавинов.— СА, 1972, № 4, с. 102—115.

² Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв.— М., 1976, с. 196—215; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян.— М., 1979, с. 101—133; Седов В. В. Формирование славянского населения среднего Поднепровья.— СА, 1972, № 4, с. 116—130.

³ Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V—VII w. N, E. Kraków, 1979, S. 7—27, 11—12.

Несоответствия, возникающие при сравнительном анализе древностей V—VII вв. и памятников киевского типа (разнотипность керамики, различия во внутреннем устройстве жилищ), К. Годловский объясняет тем, что культура славян раннего средневековья сформировалась в очень короткий промежуток времени, когда они оказались уже за пределами своей первоначальной территории и продвинулись несколько к югу в области черняховской культуры между Днепром, Днестром и Вислой.

И. Вернер полагает, что в лесостепной зоне Украины в период между существованием черняховской культуры, которую он считает одноэтничной-готской, до появления в VI в. славянских древностей, то есть на протяжении всего V в., существовал хиатус — полное запустение.

Таким образом, исследователи первой группы отрицают участие в сложении славянских древностей населения черняховской и пшеворской культур, связывая их с германцами, а исследователи второй группы отрицают участие носителей киевской культуры, считая их балтами. В. В. Седов и И. П. Русанова связывают с балтами и более поздние памятники V—VII вв. Верхнего Поднепровья типа Колочина. И. П. Русанова не признает славянскими и памятники типа Пеньковки.

Общим для обеих упомянутых групп исследователей является ограничение территории обитания славян в римское время небольшим регионом — в первом случае Верхним Поднепровьем, во втором — Юго-Восточной Польшей. П. Н. Третьяков, не исключал возможности наличия в пшеворской и черняховской культурах славянских элементов и их участия в формировании славянских раннесредневековых древностей⁴, но отводил им в этих процессах незначительное место.

Все это выглядело довольно достоверно лишь до тех пор, пока славянские раннесредневековые древности изучались по материалам поселений и немногочисленных могильников не раньше VI—VII вв., то есть периода, когда они достигают уровня сложившейся культуры и представляют определенный этап в социально-экономическом и культурном развитии славянского общества, весьма отдаленный от периода их формирования. Социально-экономическая модель славянских племен VI—VII вв., периода их наиболее интенсивных расселений на огромных пространствах Южной и Средней Европы, действительно отличается от модели, свойственной населению черняховской и пшеворской культур, и наиболее близка к хозяйственной модели киевской культуры. В пражской группе славянских памятников вырабатывается более-менее устойчивая форма горшка с высоким стройным корпусом, высоко поставленными закругленными плечиками и прямым или несколько отогнутым низким венчиком, имеющая аналогии среди более ранних культур (например, одной из многочисленных форм пшеворской посуды). Мы считаем, что ни один из отдельно взятых при-

⁴ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 50.

знаков, ни форма какой-то группы горшков, ни экономическая модель не могут представлять собой символ славянского этноса и тем более не могут служить основой для вычленения из славянских древностей определенных культурных областей.

В этой связи отметим интересные наблюдения Б. А. Рыбакова⁵. В поисках истоков праславянской культуры он сопоставил территорию распространения памятников пражского типа с теми этнокультурными общностями, которые занимали ее в более раннее время, начиная с эпохи бронзы. Оказалось, что в различные эпохи: бронзы (тшинецко-комаровская), раннего железа (лужичская и скифская лесостепные культуры), II в. до н. э.—II в. н. э. (пшеворская и зарубинецкая) и во II—IV вв. н. э.—пшеворская и черняховская культуры занимали приблизительно те же регионы в междуречье Днестра и Одера, что и памятники славян раннего Средневековья. Исследователь считает, что все эти культуры, характеризующиеся типологически близкими чертами, имеют отношение к процессам формирования славянских древностей.

Не вдаваясь в анализ памятников дочерняховского периода, отметим, что сравнительное изучение культур римского времени на отмеченной территории (черняховской, киевской, пшеворской) показало, что они обладают признаками, типологически близкими к древностям славян VI—VII вв., но ни одна из них, отдельно взятая сама по себе, еще не составляет их подосновы.

В последние годы на территории Украины открыты славянские памятники или жилищные комплексы на поселениях черняховской и киевской культур, культуры карпатских курганов Верхнего Попрутья, а также пеньковского и пражского типов, представляющие более ранний хронологический этап в развитии славянской раннесредневековой культуры (рис. 1). В ряде случаев они хорошо датируются фибулами конца IV—V вв. н. э. и могут служить надежным источником для этнокультурных построений. Эти древности составляют искомое промежуточное звено между культурами римского и раннесредневекового времени VI—VII вв. Их исследования позволяют несколько повернуть изучение вопросов сложения раннесредневековой культуры славян и заметить, по нашему мнению, более реальные пути их решения, учитывая социально-экономическую структуру славянского общества и не пренебрегая морфологическими признаками раннеславянской культуры.

Обратимся к источникам.

Первым поселением римского времени, где открыты славянские четырехугольные полуземлянки с печкой-каменкой, было селище черняховской культуры у с. Черепина Пустомытовского района Львовской области на Верхнем Поднестровье. Оно исследовалось нами в 1954—1956 гг. Открытые полуземлянки (№ 8, 12) несколько отличались от других черняховских жилищ на этом по-

---

⁵ Рыбаков Б. А. Исторические судьбы праславян.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978, с. 182—196.

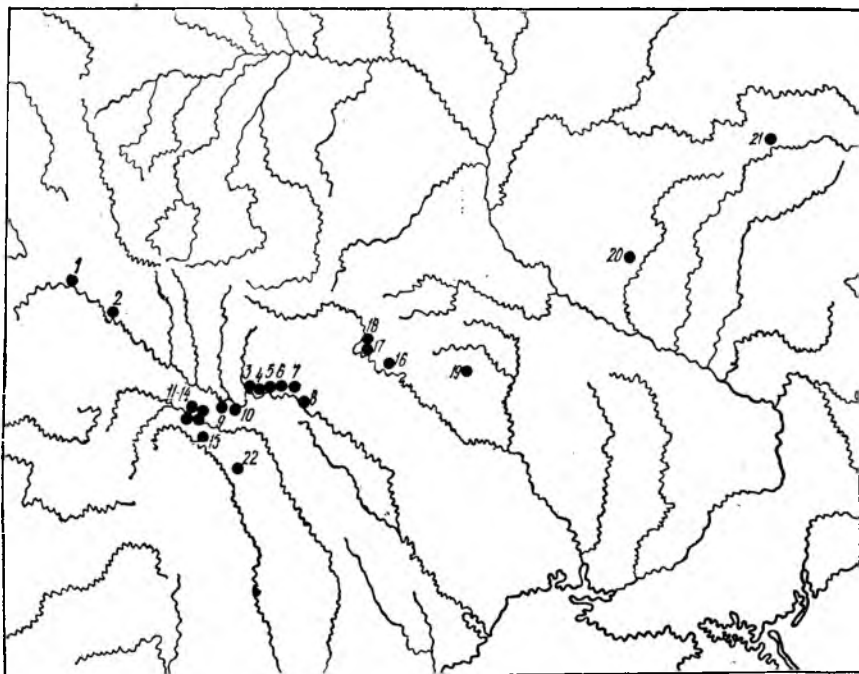

Рис. 1. Карта-схема славянских памятников V в.:

1 — Черепин; 2 — Зеленый Гай; 3 — Каветчина; 4 — Сокол; 5 — Устье; 6 — Теремцы; 7 — Бакота; 8 — Бернашевка; 9 — Рашков II; 10 — Рашков III; 11 — Кодын I; 12 — Кодын II; 13 — Рогизна; 14 — Гореча II; 15 — Глубокая; 16 — Куня; 17 — Пархомовка; 18 — Голяки; 19 — Кочубеевка; 20 — Хитцы; 21 — Песчаное; 22 — Ботошана.

селении не только печами-каменками вместо открытых очагов, но и более правильными четырехугольными очертаниями и меньшей глубиной жилищ (рис. 2).

В жилище № 12 отсутствовали хорошо датирующие находки. Керамический комплекс состоял из лепной и гончарной посуды, глиняного пряслица, а также ключа и ножа, выкованных из железа (рис. 3, 13—22). В печи-каменке выявлено 43 фрагмента лепных толстостенных сосудов с бугристой поверхностью, принадлежавших семи различным горшкам. В развале печи найдены отдельные фрагменты гончарной посуды. Лепная керамика из жилища по составу теста, способу формовки сосудов и технике обработки поверхности не отличается от лепной посуды с других объектов Черепинского поселения. Однако сосуды из печи-каменки имеют несколько более строгую профилировку с расширяющейся верхней частью, утолщенным, но довольно низким венчиком, что приближает их к славянской посуде раннего средневековья (рис. 3, 13—14).

В жилище № 8 в развале печи-каменки, а также на полу обнаружена такая же лепная посуда совместно с гончарной, как и в полуземлянке № 12 (рис. 3, 1—10). Возле устья печи стоял вко-

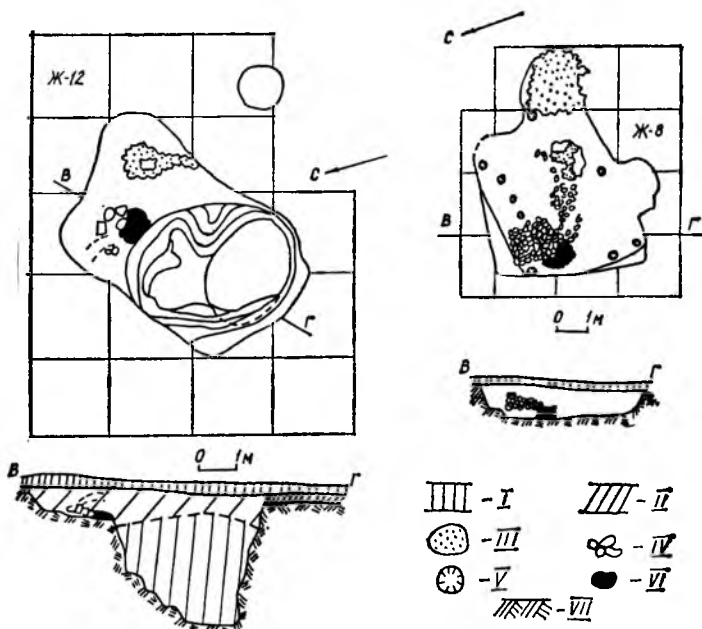

Рис. 2. Жилища № 8 и 12 с поселения в Черепине:

I — чернозем; II — переходной слой; III — глиняная обмазка; IV — камни; V — столбовые ямки; VI — под печи; VII — материк.

панный в пол большой лепной широкогорлый хорошо сохранившийся сосуд, имеющий близкие аналогии среди лепной посуды славянских раннесредневековых поселений (рис. 3, 1). Рядом с ним расчищена нижняя часть еще одного большого сосуда, используемого для хранения припасов. Здесь же на полу найдена железная фибула с лукообразной дужкой и сплошным плоским приемником (рис. 3, 11). Она составляет близкую аналогию железной фибуле из поселения в Куне, опубликованной П. И. Хавлюком и датированной им V в. н. э.⁶ По-видимому, концом IV—V вв. н. э. датируется и наша фибула, которая вполне вписывается в керамический комплекс жилища, дополняемый бронзовой подвеской в виде фигурки льва (рис. 3, 12) и не противоречит отнесению его к гуннскому времени.

На поселении у с. Сокол Каменец-Подольского района Хмельницкой области (раскопки Л. В. Вакуленко) из 13 открытых жилищ черняховской культуры в 8 обнаружены печи-каменки, в одном — глиняная печь, еще в одном — очаг, в трех, значительно разрушенных, — отопительных сооружений не найдено. Все жилища представляют собой полужемлянки четырехугольной подквадратной формы, ориентированные стенками или углами по сторонам

⁶ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 211—212.

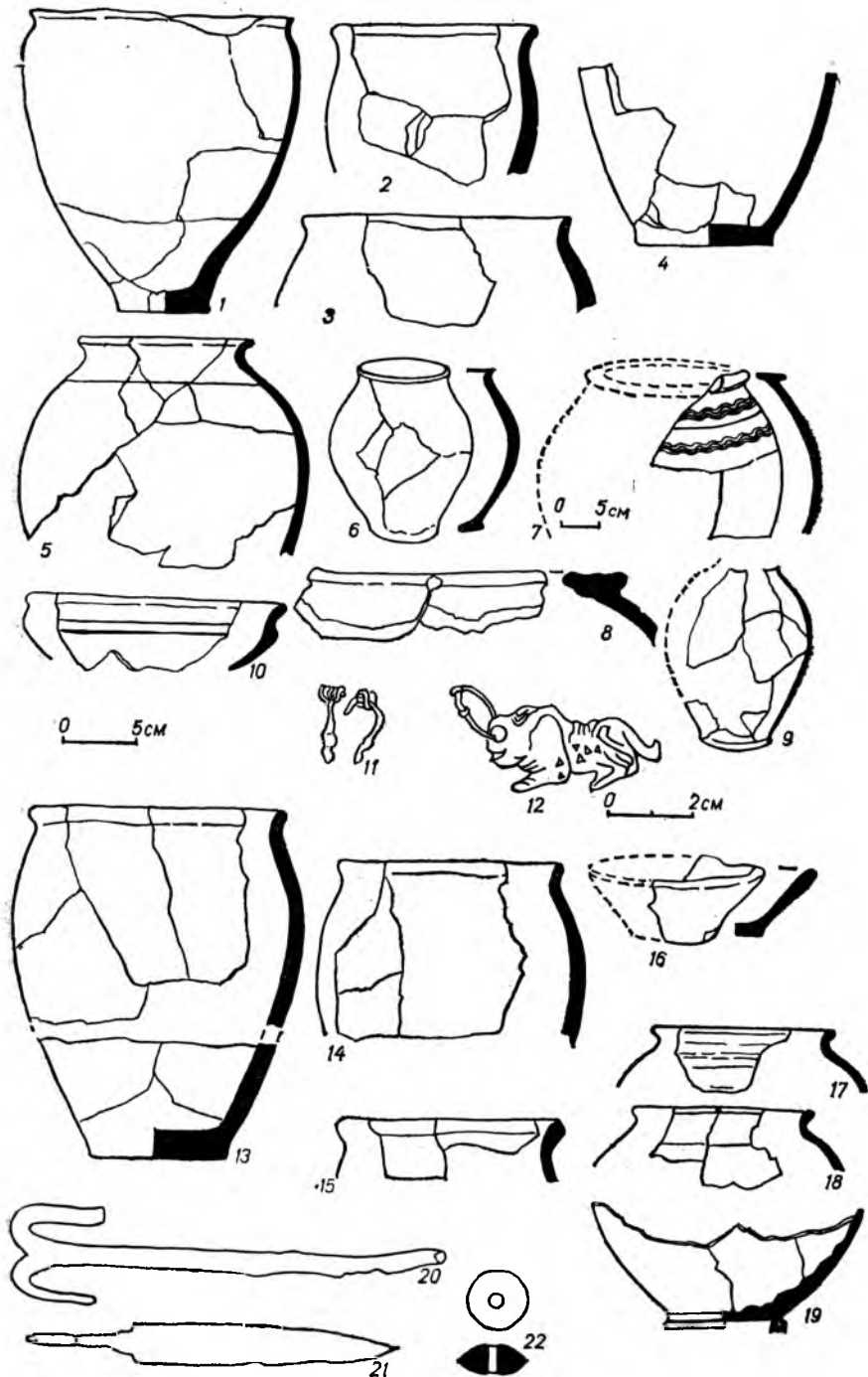

Рис. 3. Черепин. Находки из жилищ № 8 (1—12) и № 12 (13—22):
 1—4—13, 14, 16 — лепная посуда; 5—10, 15, 17, 18, 19 — гончарная посуда; 11, 12, 20, 21 —
 вещи из металла.

света. В заполнении некоторых из них наблюдалось довольно много обожженной глиняной обмазки с отпечатками деревянных конструкций, а в жилище № 9 с печью-каменкой расчищен слой обожженной глины, покрывающий почти всю площадь полуземлянки (см. статью Л. В. Вакуленко в настоящем сборнике).

Керамический комплекс жилищ состоял из лепной и гончарной посуды, при незначительном преобладании первой. Гончарная посуда представлена горшками и пифосами со значительными примесями песка в тесте, лощеными мисками и кувшинами, лепная посуда — горшками и единичными коническими плошками. Все они толстенные с грубыми примесями шамота, плохого обжига. Довольно большой комплекс керамики собран при расчистке жилища № 9 с относящейся к нему пристройкой. Сохранилось 27 венчиков и несколько днищ лепных сосудов, а также около десятка диагностических фрагментов гончарной керамики. Среди лепной посуды выделяются четыре сосуда (сохранилась верхняя часть) с вертикальными или слабо отогнутыми венчиками и высоко поставленными закругленными плечиками. По форме они близки к горшкам пражского типа VI—VII вв. От последних их отличает большая толщина стенок и в некоторых случаях утолщение венчиков. Остальные типы лепных горшков и небольших конических плошек, в основном на высоком поддоне, соответствуют комплексу лепной черняховской посуды Поднестровья, характеризующейся утолщенными и отогнутыми венчиками, пологими плечиками и плавной выпуклостью бочка.

На основании амфорной тары, железной фибулы, многочастных гребней с дугообразной спинкой и археомагнитных данных Л. В. Вакуленко датирует поселение III — серединой V в.⁷

В последние годы на Среднем Днестре И. С. Винокуром широко исследовалось многослойное поселение у с. Бакота Каменец-Подольского района Хмельницкой области⁸. На нем хорошо представлены как черняховские объекты (полуземляночные и наземные жилища), так и славянские полуземлянки с чисто лепными керамическими комплексами VI—VIII вв. Автор исследований выделяет 21 жилище-полуземлянку, в комплексах которых сочетаются лепная черняховская керамика с гончарной сероглиняной посудой. Конечно, при наличии двух одновременных хорошо насыщенных находками слоев можно допустить и моменты механического смешения разнородной керамики в некоторых комплексах. Но ряд подквадратных полуземлянок с печью-каменкой, перекрытых сплошным слоем глиняной обмазки, исключает возможность сме-

---

⁷ Вакуленко Л. В. Поселение поздне римского времени у с. Сокол и некоторые вопросы славянского этногенеза.— См. настоящий сборник: Вакуленко Л. В. Поселение у с. Сокол на Среднем Днестре.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. К., 1980, с. 132.

⁸ Винокур И. С. Черняховские традиции в памятниках середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. Лесостепного Днестро-Днепровского междуречья.— In: Rapports du III-e congr. Intern. archeol. slave. Bratislava, 1979, t. 1, p. 867—877.

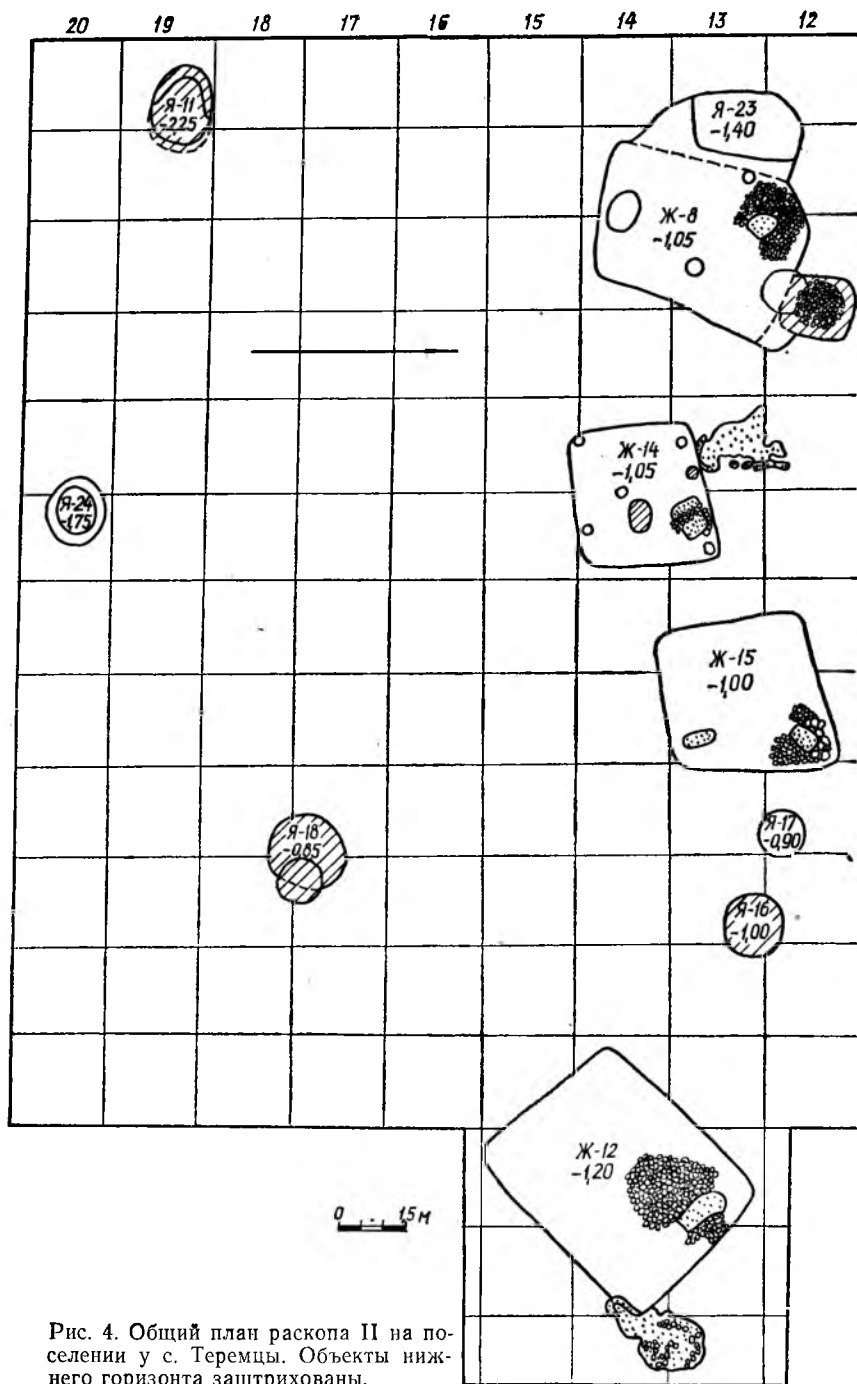
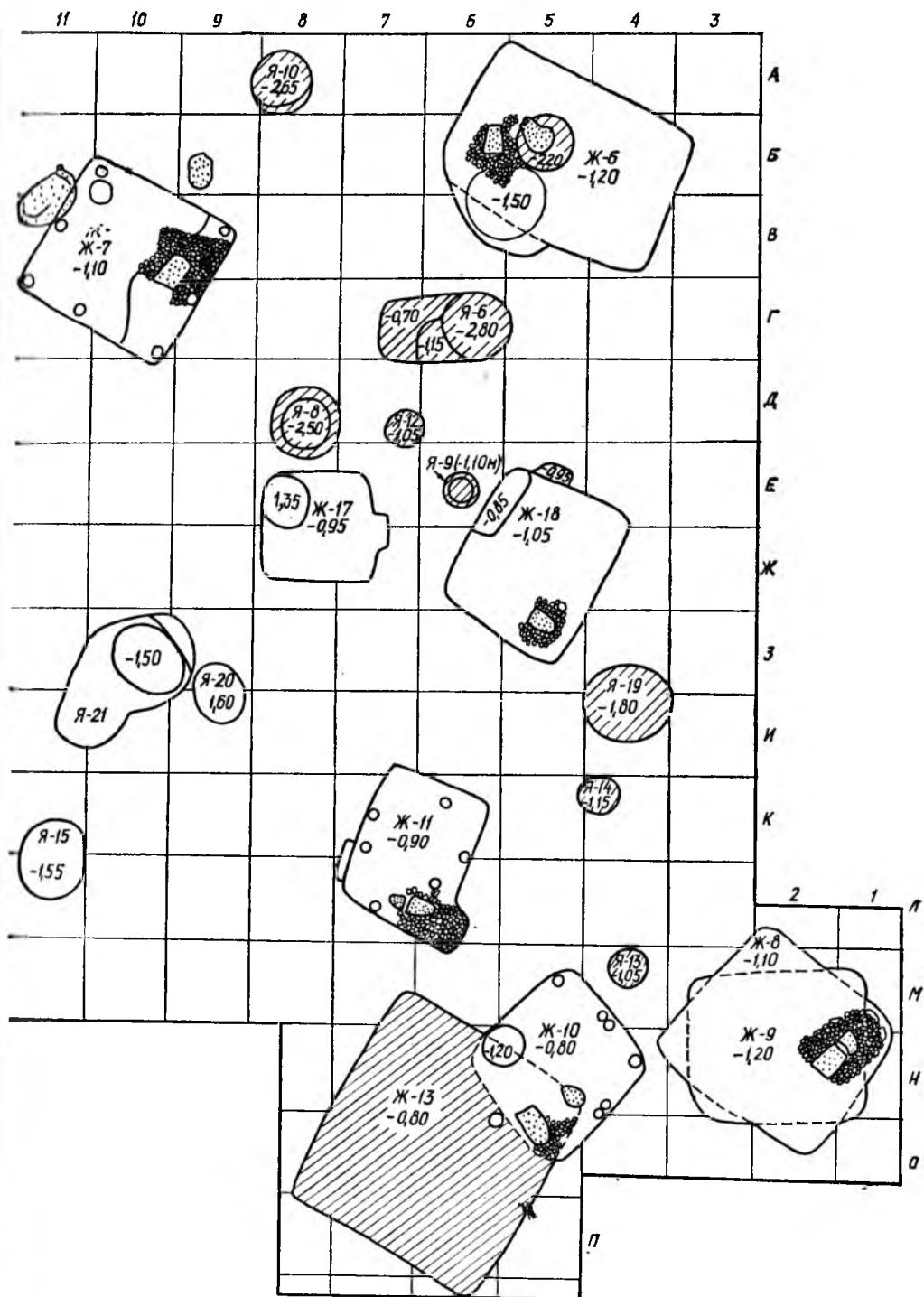

Рис. 4. Общий план раскопа II на поселении у с. Теремцы. Объекты нижнего горизонта заштрихованы.

шения. Их керамические комплексы, сочетающие лепную и гончарную посуду, можно считать закрытыми и не вызывающими сомнений. На полу одной из полуземлянок с печью-каменкой (№ 65) найдена большая подвязная фибула, датированная автором концом IV — первой половиной V в. н. э., подтверждающая наличие на поселении комплексов гуннского времени.

Особое место среди памятников Верхнего и Среднего Поднепровья занимает поселение возле с. Теремцы Каменец-Подольского района Хмельницкой области, исследованное нами в 1979 г. Открыто 15 полуземлянок с печами-каменками: 3 — без отопительных устройств; 13 — ям-погребов*. Подквадратная планировка жилищ, полное отсутствие в ряде из них столбовых ям и глиняной обмазки и наблюдаемые в отдельных случаях следы горелых плах свидетельствуют о срубном характере построек (рис. 4). Однако отметим, что жилища № 2, 6, 8, 12 с печами-каменками имеют несколько удлиненную форму, а в жилище № 11 печь заходит в специально сделанную в материке нишу в северо-восточном углу. В шести полуземлянках открыты ямки от столбов, свидетельствующие об их столбовой конструкции. В жилище № 14, кроме четырех ямок, расположенных в углах полуземлянки, имеется яма от центрального столба. Рядом с ней расчищено овальное углубление, заполненное золой. Если удлиненные жилища больше напоминают полуземлянки черняховской культуры на Среднем и Верхнем Днестре, то жилище № 14, судя по центральному столбу, конструкцией близко жилищам киевской культуры, хотя имеет угловые столбы, которые в большинстве жилищ на поселениях киевского типа отсутствуют. Кроме того, в жилищах киевской культуры отсутствуют печи-каменки. По-видимому, эта постройка сочетает черты обеих культур. Давая характеристику жилищ из поселения в Теремцах, отметим, что в отличие от печей-каменок славянских поселений Среднего Поднепровья VI—VIII вв., сложенных из крупных кусков камня и из каменных плит, печи-каменки исследуемого поселения построены из мелкого камня с примесями гальки. Исключение составляет жилище № 2, где при сооружении печи использовались каменные плиты.

В 16 жилищах и 8 хозяйственных ямах керамические комплексы состоят из лепной и гончарной посуды в разном количественном соотношении (табл. 1). Наименьшее количество гончарной сероглиняной посуды (23%) найдено в жилищах № 7, 15, 16, наибольшее — в жилищах № 1 и 6 (соответственно 78 и 80%). В последних двух жилищах найдены довольно выразительные фрагменты желтоглиняных импортных кувшинов (рис. 7, 30). Приближительные аналогии последним находим в керамике IX и X слоев Афинской Агоры, датирующихся соответственно концом IV—V в.⁹

⁹ *Robinson H. S. Pottery of the roman period chronolog.— Athenian Agora. Princeton; New Jersey, 1959, vol. 5, p. 83, pl. 29.*

* Поселение исследовалось в 1980 г. Полученные материалы не опубликованы.

Таблица 1. Процентное соотношение лепной и гончарной керамики на поселениях у с. Теремцы, сочетание форм и типов лепной посуды в жилищных комплексах

Жилище №	Керамика, %		Типы горшков					Единицы	Миски	Скородки	Плошки	Идентифицированные формы
	гончарная	лепная	I	II	III	IV	V					
1	78	22	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
2	50	50	1	—	2	—	—	2	—	—	—	5
3	99	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	81	9	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
5	53	47	2	2	1	1	—	—	—	—	—	6
6	80	20	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2
7	23	77	3	2	1	—	2	—	1	2	—	11
8	29	71	1	1	—	—	—	1	—	—	—	2
9	35	65	1	1	1	1	2	1	—	6	—	13
10	60	40	1	1	—	1	4	2	—	1	—	10
11	49	51	—	—	—	1	—	1	—	3	—	5
12	23	77	—	2	1	—	—	1	1	—	—	5
13	99	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	53	47	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
15	23	77	1	—	—	1	1	—	—	—	—	3
16	23	77	1	3	—	—	—	—	—	—	—	4
17	65	35	—	—	—	1	—	1	—	—	—	2
Яма № 7	90	10	—	—	—	—	—	2	—	—	1	3
Всего			11	14	6	7	9	12	2	12	1	74

В жилище № 14, хорошо датированном бронзовой трехпальчатой фибулой (рис. 7, 20) концом IV — первой половиной V в., гончарная керамика составляет 53, лепная — 47% всего керамического комплекса. В целом в полуземлянках, за исключением № 3 и 13, лепная керамика составляет 51, гончарная — 49%.

Полуземлянки № 3 и 13 отличаются как внутренним устройством, так и характером керамического комплекса. У них отсутствуют отопительные устройства и практически лепная посуда, составляющая не более 1% всей обнаруженной в них керамики. Лепная керамика не обнаружена и в пяти хозяйственных ямах.

Кроме того, в пяти других ямах лепная керамика составляет всего 2% керамического комплекса. Эти объекты выделяются и стратиграфически. В трех случаях они перекрыты жилищами с печами-каменками. Так, яма А перекрыта жилищем № 1; яма Б — жилищем № 6, причем в обоих случаях на гумусном заполнении ям залежали завалы камней из развалов печей. Полуземлянка № 13 в значительной части перекрыта жилищем № 10 (рис. 4). Полуземлянка № 3 частично перекрыта хозяйственной ямой № 7, в комплексе которой сочетается лепная и гончарная керамика (последняя составляет 25%). Яму № 7 в свою очередь частично перекрывают жилища № 4 и 5 (рис. 5).

Четкая стратиграфия и особенности керамического комплекса названных выше объектов позволяют выделить их в отдельный

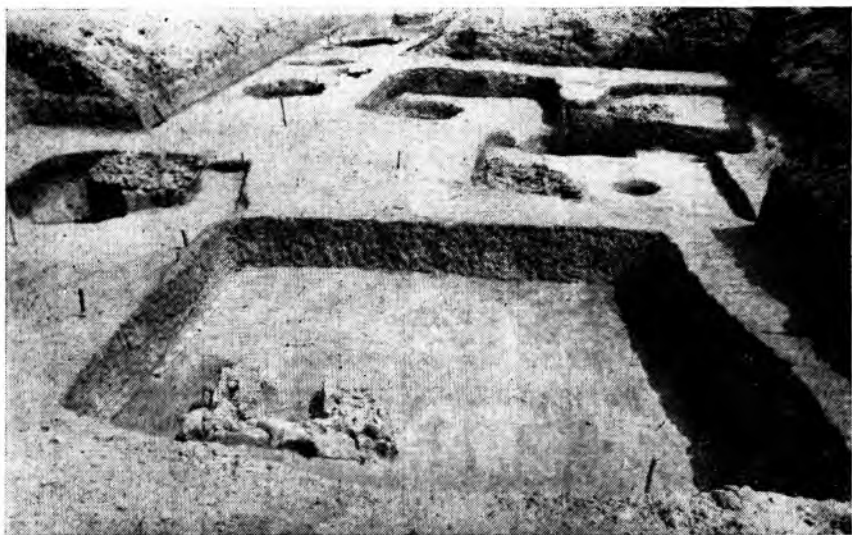

Рис. 5. Теремцы. Раскоп I. Вид с юго-востока.

нижний более ранний горизонт. Датировка этого горизонта затруднительна из-за отсутствия хорошо датированных вещей. На основании керамики, верхней части бронзовой фибулы, стеклянного конического кубка, бронзового пинцета с фасетировкой всю группу объектов нижнего горизонта можно отнести к концу III—IV в. н. э.

Верхний горизонт составляют все остальные полуземлянки с печами-каменками и принадлежащие к ним пять хозяйственных ям. Керамика из объектов этого горизонта своеобразна и требует специального рассмотрения. В отличие от керамических комплексов, хорошо известных в славянских жилищах VI—VII вв., она кроме лепной посуды включает и гончарную. Кроме того, сама лепная керамика также имеет отличительные черты. Она состоит в основном из горшков, но найдено две миски, 12 сковородок и одну плошку. В глине примеси дресвы и шамота, в отдельных случаях только дресвы или шамота. Исключением является горшок из жилища № 11, в тесте которого, как и в гончарных сосудах, имеются примеси песка, кварца и дресвы (рис. 6, 18). В целом лепная керамика довольно хорошей сохранности. Значительное количество сосудов (74) сохранилось настолько, что может быть использовано в большей или меньшей мере для проведения сравнительной типологии.

Все горшкообразные сосуды по постановке венчиков и плечиков, профилировке бочка, размерам, соотношению наибольшей выпуклости и высоты корпуса могут быть разделены на ряд типов. Однако лепная керамика из Теремцов в целом характеризу-

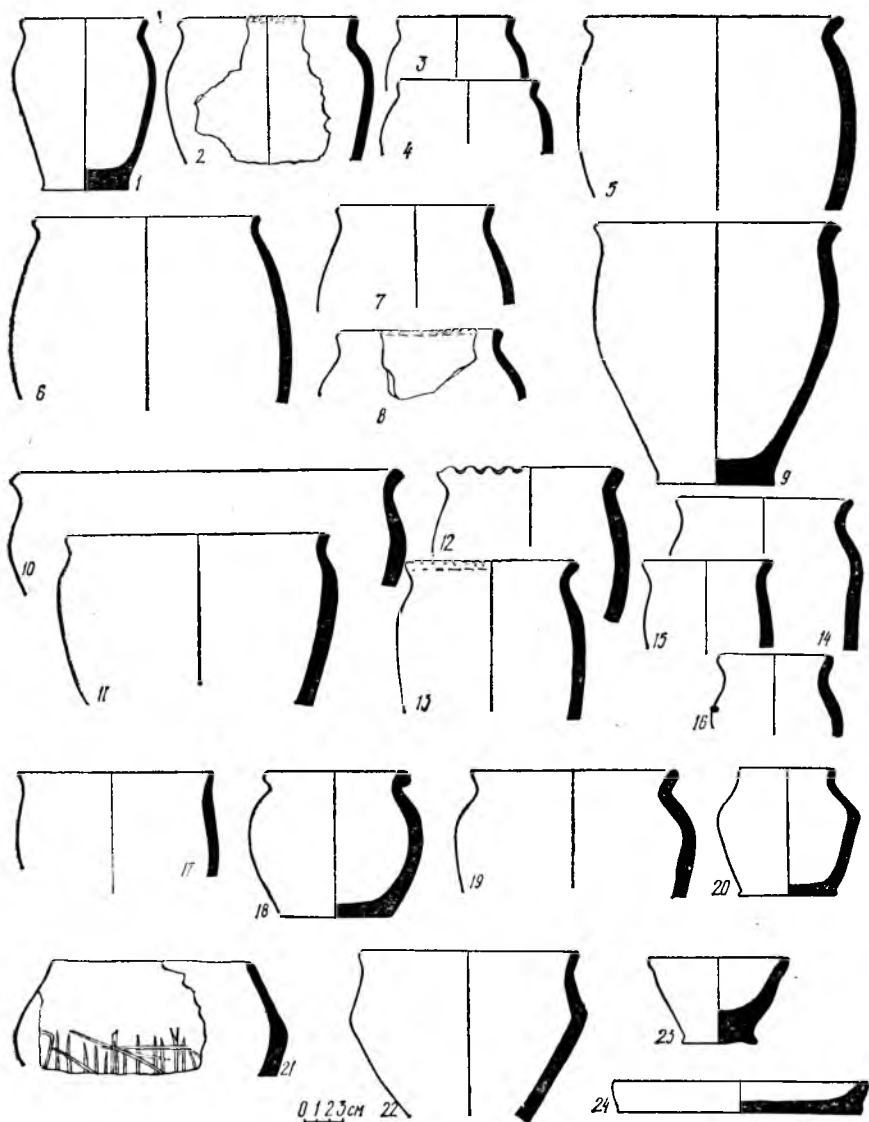

Рис. 6. Основные формы лепной посуды с поселения у с. Теремцы:

1-4 — тип I; 5-6 — тип II; 7-8 — тип III; 9-11 — тип IV; 12-16 — тип V; 17-21 — редкие формы горшков; 22 — миска; 23 — пешка; 24 — сковородка.

ется неустойчивостью форм, во многом подражает гончарным сосудам, поэтому в ряде случаев трудно достичь необходимой классификационной четкости. В данной работе мы ограничимся выделением основных типов лепной посуды.

К первому типу относятся стройные горшки с выпуклым корпусом верхней части сосудов. Венчики высокие, отогнуты наружу, в двух случаях прямые. Иногда четко выражено горло, крутые высоко поставленные плечики (рис. 6, 1—4). Встречены в восьми жилищах (в двух по два экземпляра). Один горшок украшен по краю венчика косыми насечками (рис. 6, 2).

Наиболее широко представлены горшки второго типа, также найденные в восьми жилищах. Они несколько больших размеров, чем горшки первого типа, имеют более широкое горло, венчики отогнуты наружу, но довольно низкие, почти всегда с закругленным несколько утолщенным краем. Плечики поставлены в верхней части сосуда, но менее крутые, чем в сосудах первого типа (рис. 6, 5—6). Два сосуда из жилища № 16 также украшены по краю венчика косыми насечками.

К третьему типу относятся горшки, близкие к биконической форме (рис. 6, 7—8). Венчики всегда выразительно отогнуты наружу, плечики пологие, наибольшая выпуклость корпуса размещена приблизительно по середине высоты сосуда. Они найдены в шести жилищах. У одного из них прослеживаются по краю венчика слабые продолговатые следы пальцевых вдавлений (рис. 6, 8).

Четвертый тип представлен стройными раскрытыми горшками с несколько отогнутым наружу венчиком. Диаметр горла чуть меньше или равен наибольшей выпуклости сосуда, дно довольно узкое, плечики крутые, размещены в его верхней части (рис. 6, 9—11). Эти горшки найдены в семи жилищах, по одному экземпляру в каждом.

К пятому типу относятся высокие узкие горшки, несколько напоминающие банковидную форму. Венчик высокий с наклоном наружу. Диаметр горла немногим меньше наиболее расширенной части сосуда (рис. 6, 12—16).

В жилищах № 2, 8 найдены массивные широкие днища от больших толстостенных горшков-зерновиков. Девять горшкообразных сосудов представляют единичные редкие формы: у одного из них (яма № 7) вогнутый внутрь венчик, ребристый перелом бочка и штриховка в нижней части (рис. 6, 21). В этой яме и жилище № 17 найдены небольшие биконические горшки с ребристым переломом плечиков и широким дном (рис. 6, 19, 20). Остальные горшкообразные сосуды по форме и постановке венчика похожи на гончарные (рис. 6, 18).

Один из них имеет широкий горизонтальный венчик и напоминает пифосовидные сосуды, характерные для черняховской гончарной посуды. По составу теста и серому цвету он также не отличается от гончарной керамики.

В четырех жилищах (№ 7, 9—11) найдены сковородки с низкими или развитыми бортиками (рис. 8, 11—16; 9, 13—14). Две

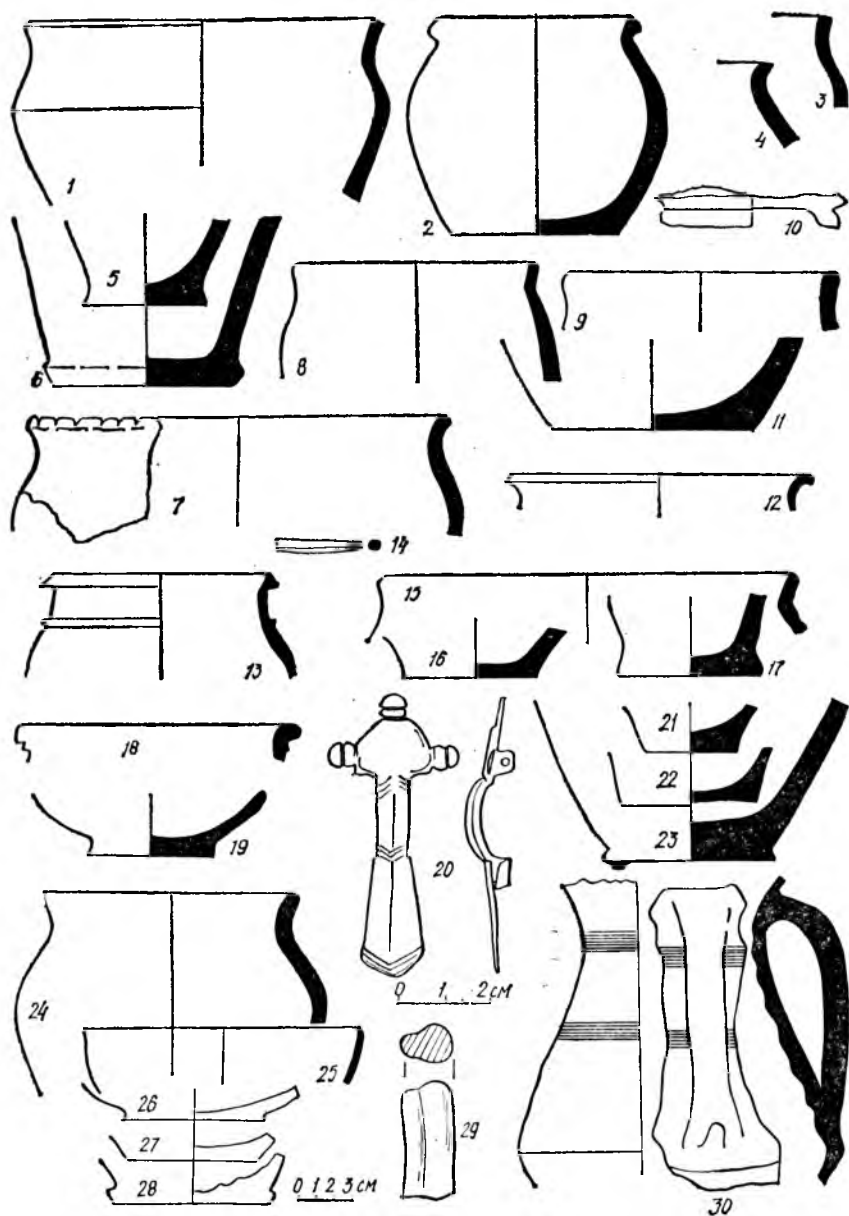

Рис. 7. Теремцы. Находки из жилищ № 1 (21—30), 12 (1—14) и 14 (15—20):
 1—8, 15—17, 21—24 — лепная посуда; 9—14, 18, 19, 27—30 — гончарная посуда; 20 — брон-
 зовая фибула.

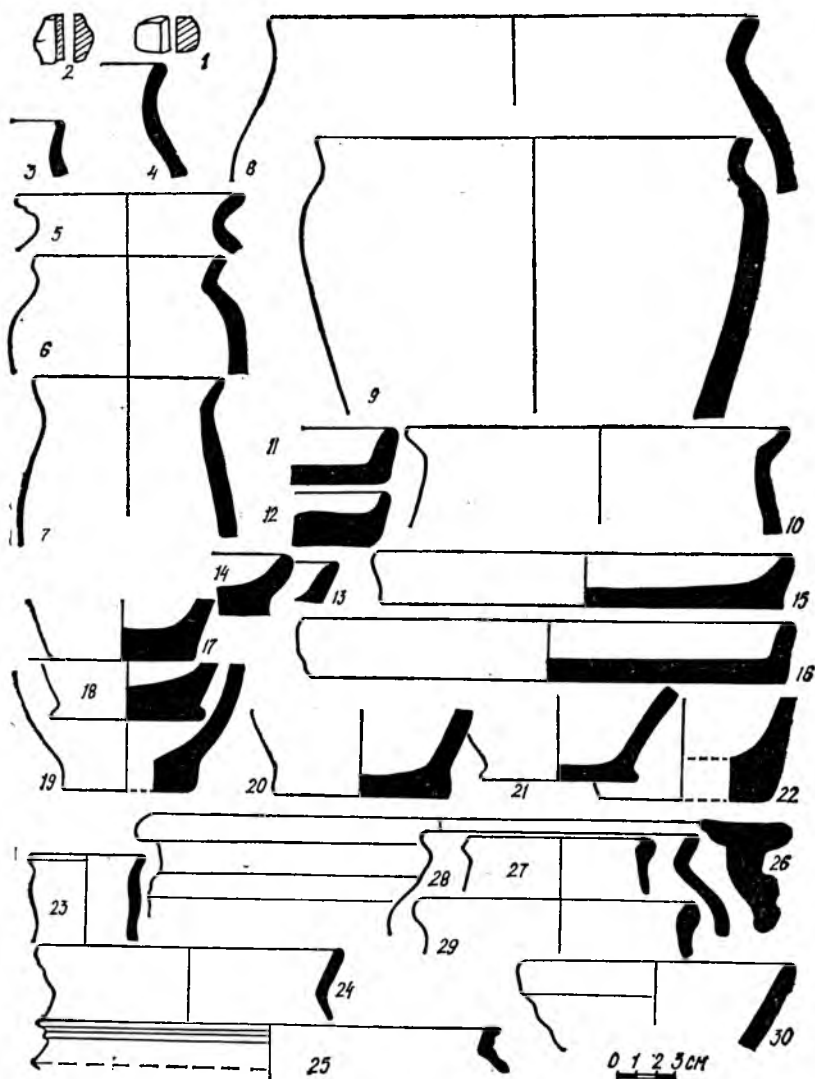

Рис. 8. Теремцы. Находки из жилища № 9:

1, 2 — глиняные пряслица; 3—22 — лепная посуда; 23—25 — гончарная столовая посуда;
26—30 — гончарная кухонная посуда.

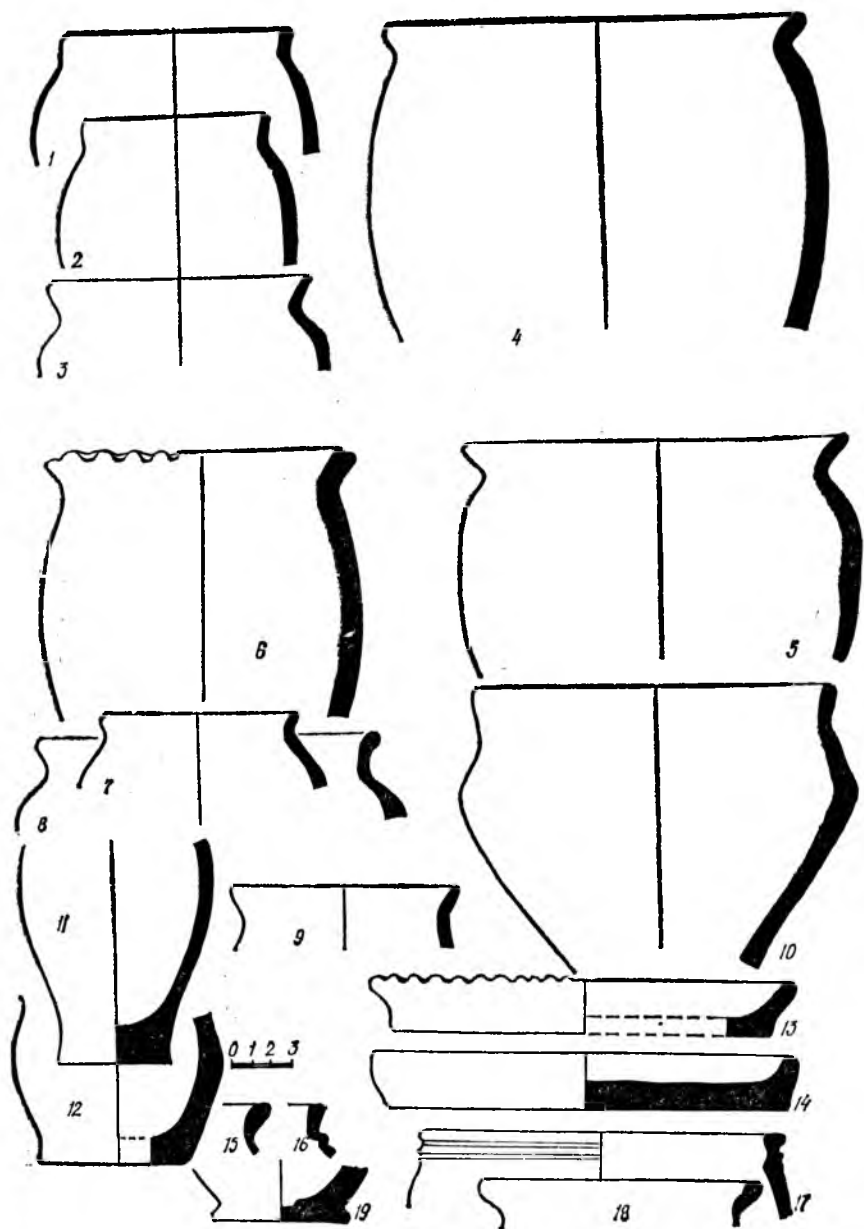

Рис. 9. Теремцы. Находки из жилища № 7:

1—14 — лепная посуда; 15—17 — гончарная столовая посуда; 18—19 — гончарная кухонная посуда.

сковородки по краю венчика украшены нарезками или пальцевыми вдавлениями.

В комплексах жилищ № 7 и 12 (рис. 9, 1—19; рис. 7, 1—14) обнаружены две глубокие раскрытые миски с ребристым переломом плечиков (рис. 7, 1; 9, 10). Поверхность их, в отличие от горшков, несколько заглажена. По форме они напоминают глубокие гончарные черняховские миски.

Гончарная керамика состоит из двух групп. К первой относятся сосуды с гладкой пролощенной поверхностью, глина почти без примесей, ко второй — с шершавой поверхностью и со значительными примесями песка, дресвы, иногда кварца. Количественно преобладает вторая группа, представленная главным образом горшками и пифосообразными сосудами. В первой группе, кроме мисок, представляющих основную форму столовой посуды, встречаются отдельные фрагменты кувшинов, полностью отсутствуют кубки. В целом гончарная керамика лишена изящных ярких форм и характером выделки, небрежностью обработки поверхности и другими признаками свидетельствует о некоторой деградации по сравнению с более ранними черняховскими комплексами Поднепровья.

Незначительную группу представляют обломки амфор. Среди них — фрагменты стенок с густым рифлением и обломки ручек. Датировать их трудно, но, по-видимому, амфорная тара поступала на поселение не только в III—IV вв., но и в гуннское время. Это подтверждают и два импортных кувшина с Подунавья, которые имеют приблизительные аналогии в IX и X слоях Афинской Агоры, датированные концом IV—V в.¹⁰

Среди других находок на поселении особого внимания заслуживает бронзовая фибула, найденная на полу между стенкой и печью в жилище № 14. Она относится к переходному типу от двухпластинчатых к пальчатых. Головка фибулы состоит из щитка с тремя кнопками, орнаментированными бороздками, с внутренней стороны — две пластины с отверстиями для стержня пружины. Дужка короткая, слабо выгнутая, при переходе в головку и ножку украшена двойными и тройными насечками. Ножка довольно длинная, более тонкая и широкая, чем дужка. Кроме того, она постепенно расширяется книзу и заканчивается овалом, почти полукругом. С лицевой стороны имеет еле заметное продольное ребро. Внизу украшена сдвоенными насечками, которые сходятся под углом. С внутренней стороны, сразу под дужкой, прикреплен пластинчатый приемник иглы, не отличающийся от приемников пятипальчатых фибул. Длина фибулы вместе с верхней кнопкой 6,3 см, длина ножки 2,6 см (рис. 7, 20). Отметим, что для нашей фибулы очень трудно подыскать точные хорошо датированные аналогии. Довольно приблизительной аналогией является позолоченная фибула из погребения № 1 г. Веймера (ГДР), относящаяся к южно-

¹⁰ *Robinson H. S. Op. cit.*, p. 83; pl. 29, 268, 295.

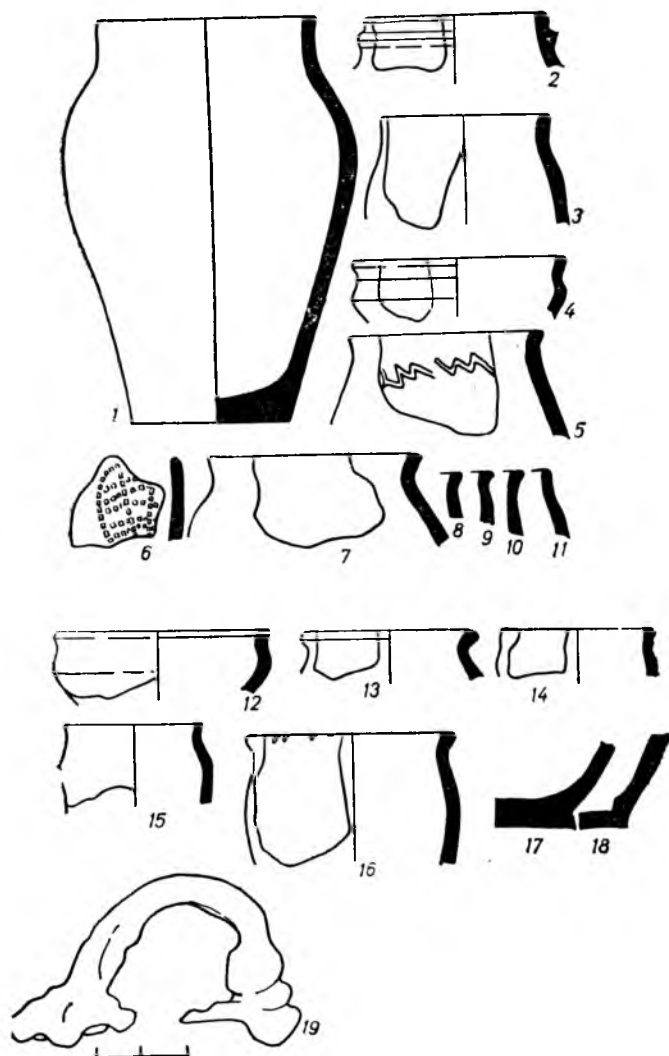

Рис. 10. Гореча II. Находки из жилища № 25 (1—11). Колыи I. Находки из жилища № 10 (12—19). (По Б. А. Тимощуку и И. П. Русановой).

русско-дунайскому типу и датируемая около 400 г. н. э. и несколько позже¹¹. Нашу фибулу можно датировать первой половиной V в.

Среди других находок назовем бронзовый фацетированный пинцет из хозяйственной ямы, железный наконечник копыя, железные ножи, глиняные прясла, фрагменты стеклянных сосудов.

¹¹ Bohn-Blancke G. Gesellschaft und Kunst den Germanen.— Dresden, 1973, S. 342, f. 59, N 59.

Верхний горизонт поселения в Теремцах, на наш взгляд, представляет определенный этап развития славянской материальной культуры гуннского времени, более поздний, чем классические черняховские памятники на Днестре, и несомненно более ранний, чем славянские раннесредневековые древности с чисто лепными комплексами.

Близкие по характеру жилищ и вещественному материалу комплексы открыты и на поселениях римского времени Северной Буковины.

На черняховском поселении Рогизна в г. Черновцы в полуземляночном жилище с печью-каменкой (№ 2) Б. А. Тимощуком найдены 33 фрагмента лепной и 3 фрагмента гончарной посуды¹². Один из сосудов, сохранившийся в верхней части, несомненно представляет близкую форму пражскому типу.

На двухслойном поселении Гореча II в г. Черновцы Б. А. Тимощуком открыты объекты культуры карпатских курганов и славянские жилища раннего средневековья. Два из них (№ 1, 7), по мнению автора раскопок, являются переходным типом, связывающим типологически обе культуры. Жилища перестраивались: на месте очага в жилище № 1 построена печь-каменка, но в новых постройках сохранены некоторые приемы более раннего строительства, а их керамические комплексы содержат характерные формы посуды обеих культур¹³ (рис. 10, 1—11).

Две полуземлянки подквадратной формы с печами-каменками (№ 23, 24) открыты И. П. Русановой и Б. А. Тимощуком на поселении культуры карпатских курганов под г. Черновцы — Кодын II. По данным авторов, здесь обнаружена лепная и гончарная посуда, характерная для этой культуры. В двух других полуземлянках с печью-каменкой (№ 12, 30) на этом поселении керамические комплексы сочетают лепную посуду пражского типа и культуры карпатских курганов.

Многие жилищные комплексы, сочетающие славянскую раннесредневековую лепную керамику и посуду, характерную для памятников римского времени, открыты на раннесредневековых поселениях.

Кодын I расположен рядом с поселением Кодын II (исследовали И. П. Русанова и Б. А. Тимошук). Здесь открыты две хорошо датированные полуземлянки (№ 10, 21). По форме и внутреннему устройству (наличие печей-каменок) они не отличаются от других славянских жилищ этого памятника. Их время определяется железной фибулой с лукообразной дужкой, сплошным плоским приемником и кнопкой на головке (рис. 10, 19) и поздним вариантом железной подвязной фибулы, найденной на борту полуземлянки № 21. Обе фибулы не могут быть отнесены к более позд-

---

¹² Тимошук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст., с. 36, рис. 15, 1—4, 6, 7, 13, 15.

¹³ Там же, с. 31—34.

нsmу времени, чем V в.¹⁴ Б. А. Тимошук первую фибулу датирует IV—V вв.¹⁵

В жилище № 10 вместе с фибулой выявлено десять фрагментов сероглиняной гончарной керамики черняховского типа и 38 фрагментов лепной посуды (рис. 10, 12—19).

У одного из горшков имеются нарезы по краю венчика, что также более характерно для лепной керамики римского времени, чем пражского типа. Авторы исследований поселений в Кодыне отмечают своеобразие славянской и раннесредневековой керамики в Верхнем Попрутье, формы которой нередко восходят к более ранним типам культуры карпатских курганов¹⁶.

На поселении у с. Глыбока Черновицкой области в борту славянской полуземлянки с печкой-каменкой Л. В. Вакуленко открыт гончарный горн с выходом в жилище. В печи найдена сероглиняная посуда, в жилище — лепные горшки, в том числе и формы пражского типа, а также небольшая сковородка¹⁷. Автор раскопок и Б. А. Тимошук рассматривают это жилище вместе с горном как гончарную мастерскую¹⁸. На этом поселении гончарная сероглиняная керамика найдена еще в нескольких славянских полуземлянках (№ 4, 13, 14, 19), где она составляет от 2,4 до 16,9% их керамического комплекса. Л. В. Вакуленко отмечает, что большая часть фрагментов гончарных сосудов находилась на уровне пола¹⁹, поэтому возможность механического смешения находок, несмотря на наличие слоя культуры карпатских курганов, минимальная.

Керамические комплексы, сочетающие лепную и гончарную посуду черняховского типа, открыты О. М. Приходнюком на славянском поселении Лука-Каветчинская Каменец-Подольского района Хмельницкой области на Среднем Днестре²⁰. Из 27 исследованных жилищ-полуземлянок с печью-каменкой 13 содержат кроме лепной и гончарную серолощеную посуду черняховского типа. Последняя найдена и в нескольких хозяйственных ямах. Автор исследований датирует поселение в пределах V—VIII вв. Объекты, содержащие лепную и гончарную посуду, относит к раннему этапу. Отметим, что лепная керамика представлена в основном пражскими формами горшков, но имеются сосуды с утолщенным венчиком и заокругленным бочком, близкие к черняховской лепной посуде, а также отдельные биконические формы, напоминаю-

¹⁴ Русанова Н. П. Славянские древности VI—VIII вв.— М., 1978, с. 27—28.

¹⁵ Тимошук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст., с. 39.

¹⁶ Там же, с. 18—21.

¹⁷ Вакуленко Л. В. Раннеславянское поселение у с. Глубокого в Прикарпатье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 246—250, рис. 4, 1—7, 8—13.

¹⁸ Там же, с. 246—250; Тимошук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст., с. 13.

¹⁹ Там же.

²⁰ Выражаем глубокую благодарность О. М. Приходнюку за предоставленную возможность ознакомиться с материалами раскопок Луки-Каветчинской.

щие посуду киевского или пеньковского типов. Некоторые из них украшены под венчиком гладким валиком.

В нескольких жилищах и ямах, а также в культурном слое вне объектов найдены фрагменты красноглиняных амфор с густым рифлением, которые в сочетании с черняховской гончарной керамикой определяют начало поселения. В жилище № 27 найдена железная подвязная фибула с кнопкой на головке. Она относится к типу узкопластинчатых фибул с широкой рамкой приемника, которые в Подунавье (Истрия, Сучидава — ранневизантийский слой) датируются VI—VII вв.²¹ Фибула из Луки-Каветчинской по своим особенностям (более узкая рамка подвязного приемника) может быть несколько более ранней. Она датируется автором раскопок в пределах V в.

В жилище найдена исключительно лепная керамика. Из пяти сохранившихся венчиков три довольно развитые, два — близки сосудам пражского типа. Их датировка, на наш взгляд, не противоречит хронологическим рамкам, определенным для фибулы.

Довольно однородный комплекс керамики, сочетающий лепную и гончарную сероглиняную керамику, дало поселение у с. Устье Каменец-Подольского района Хмельницкой области на Днестре. Здесь О. М. Приходнюком открыты семь полуземлянок, из них шесть — с печью-каменкой и одна — с очагом²². В жилище № 1, в большей части разрушенном, найден лепной горшок. Во всех остальных жилищах лепная славянская посуда сочеталась с гончарной черняховской керамикой, представленной довольно значительным количеством фрагментов.

Важной особенностью поселения является его однослойность. Если учесть, что в ближайших окрестностях отсутствуют черняховские поселения, то сомнения по поводу случайного механического смешения различных категорий керамики отпадают. В трех жилищах (№ 5—7) часть лепной посуды сохранилась настолько, что автору раскопок удалось воссоздать их форму — по крайней мере верхнюю часть горшков.

В жилище № 5 пражские формы посуды сочетаются с формами, близкими к более ранней черняховской лепной посуде. В двух случаях край венчика орнаментирован нарезками и штампом, один фрагмент сосуда — налепами. Еще более показательной является лепная керамика из полуземлянок № 6, 7. В первом случае два из трех лепных сосудов, сохранившихся в верхней части, по форме близки черняховской лепной посуде (рис. 11, 1—5; 7, 8), во втором — классические черняховские формы отсутствуют вообще. В обоих жилищах найдены сковородки с пологими низкими бортиками (рис. 11, 6). Керамическим комплексам соответствует и продолговатая форма жилища, напоминающая полуземлянки рим-

²¹ Горюнов Е. А., Казанский М. М. О происхождении широколопастных фибул. — КСИА АН УССР, 1978, № 155, с. 28.

²² Приходнюк О. М. Слов'яни на Поділлі VI—VII ст. н. е.— К., 1975, с. 107—108.

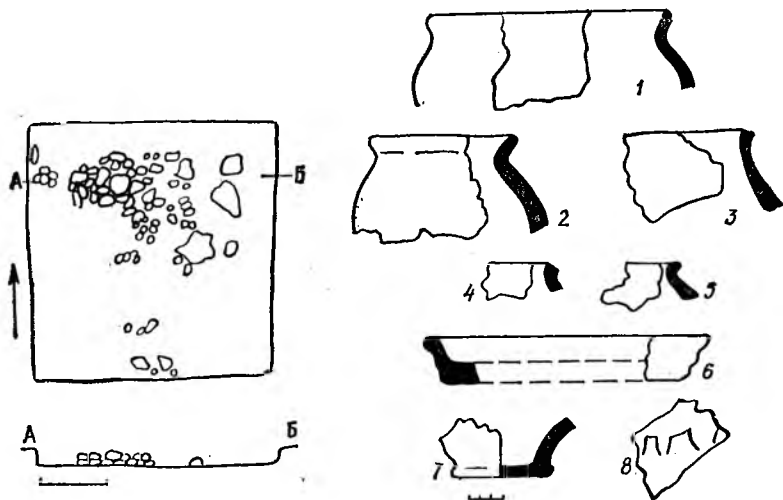

Рис. 11. Устье I. План и разрез жилища № 7:
1-8 — керамика из жилища. (По О. М. Приходнюку).

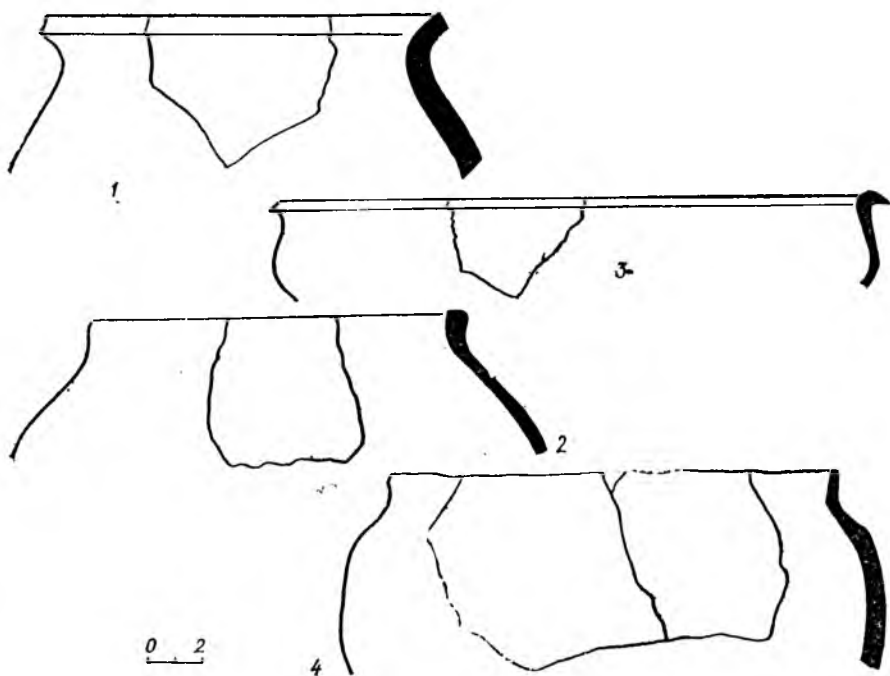

Рис. 12. Рашков II. Керамика из жилища № 4:
1, 3 — гончарная; 2, 4 — лепная.

ского времени на Днестре. В полуземлянке № 7 вместо печи стоял очаг, сложенный из каменных плит по образцу очагов, характерных для жилищ черняховской культуры.

Жилищные комплексы, в которых сочетается лепная и сероглиняная гончарная посуда, открыты нами на двух славянских раннесредневековых поселениях у с. Рашкова Хотинского района Черновицкой области на Днестре.

На поселении Рашков II, где исследовано 11 жилищ-полуземлянок с печами-каменками, в четырех из них, а также в хозяйственной яме вместе с лепной посудой обнаружено по несколько фрагментов гончарной керамики черняховского типа. Поселение занимает узкую береговую террасу протяженностью более 800 м. Гончарная керамика встречена только на его западной окраине. В восточной части поселения гончарная посуда отсутствует. Наиболее выразительный комплекс открыт в жилище № 4, где фрагменты двух гончарных горшков со значительными примесями песка и дресвы в тесте и лощенной миски сочетаются с лепным горшком пражского типа (рис. 12, 1—4).

На большом раннеславянском поселении Рашков III, исследованном полностью, открыто 92 жилища-полуземлянки с печью-каменкой в одном из углов и значительное количество хозяйственных ям. Все они, кроме полуземлянок № 9, 14, 72, 85, 86 и ямы № 13, содержали исключительно лепную посуду, представленную в основном горшками. В керамических комплексах указанных пяти жилищ и одной ямы сочетается лепная и гончарная сероглиняная керамика. Эти жилища расположены на восточной окраине поселения. В жилище № 85 лепная керамика очень фрагментарна, но один горшок удалось склеить. У него отогнутый наружу венчик, сравнительно узкое горло, крутые почти с изломом плечики, поставленные в верхней части сосуда и непропорционально широкое днище (рис. 13, 1). По форме он более близок черняховской лепной посуде, чем славянской раннесредневековой. В жилище № 86 фрагменты двух гончарных сосудов (рис. 13, 2, 3) сочетаются с лепными горшками близкими к пражскому типу (рис. 13, 4, 5).

В 1977—1978 гг. частично исследовано многослойное поселение в Бернашевке Могилев-Подольского района Винницкой области²³. В раннеславянских жилищах № 1, 3 отмечено наличие фрагментов лепной и гончарной керамики. В жилище № 3 лепная керамика характеризуется чертами, свойственными комплексам VII в., поэтому находки здесь гончарной керамики можно считать случайными (на поселении открыт черняховский слой).

В жилище-полуземлянке № 1 керамический комплекс составляют ранние формы горшков пражского типа, а также формы, близкие к лепной черняховской посуде, поэтому наличие здесь

²³ Раскопки производились совместной экспедицией Института археологии АН УССР и Каменец-Подольского пединститута (В. Д. Баран, И. С. Винокур, А. И. Журко, Д. Н. Козак).

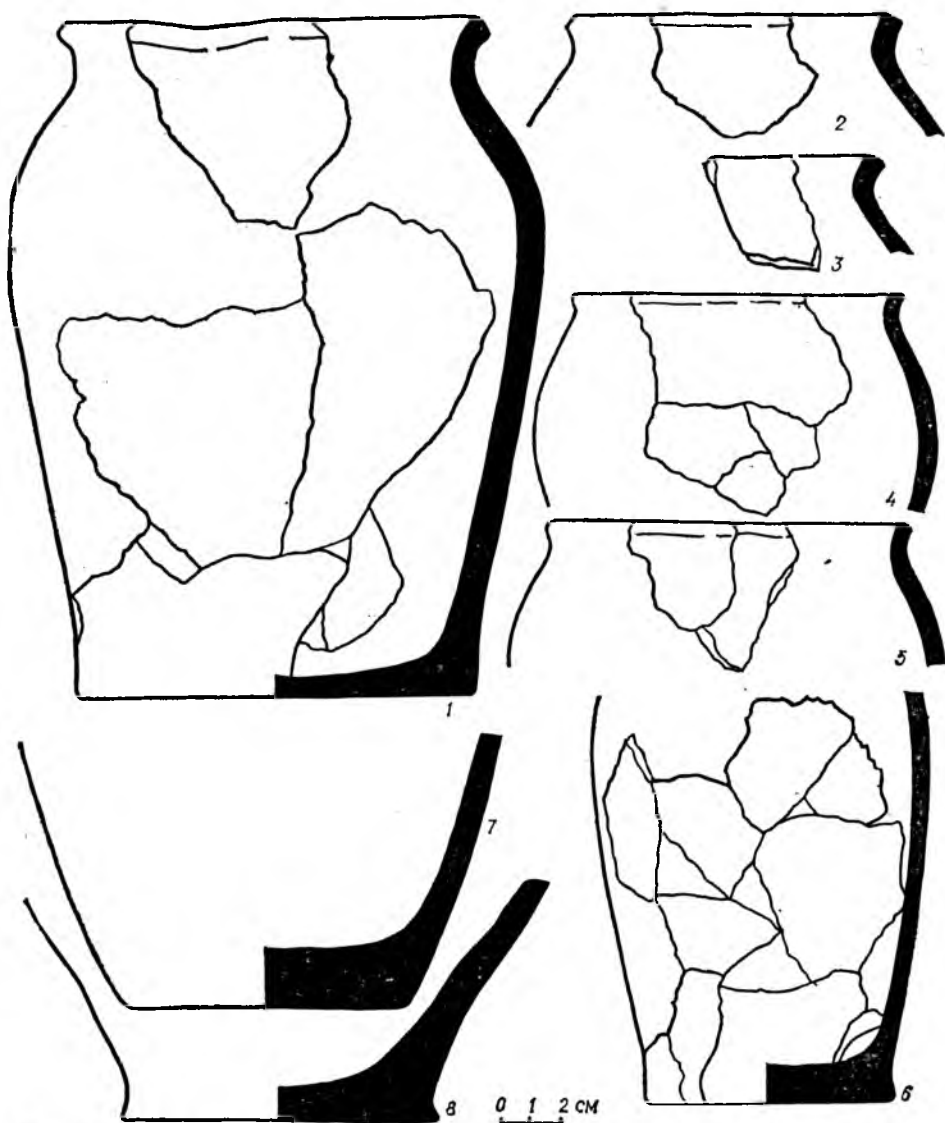

Рис. 13. Рашков III. Керамика из жилищ № 85 (1), 86 (2-8): 1, 4-8 — лепная; 2, 3 — гончарная.

гончарной сероглиняной керамики мы считаем вполне закономерным. Причем гончарная керамика составляет незначительную часть всего комплекса (на 276 фрагментов лепных сосудов — лишь 14 гончарных).

Одним из первых памятников на Днестре, где в полужемлячных жилищах с печью-каменкой, кроме лепной посуды, встречены фрагменты гончарной черняховской керамики, является славянское поселение в Зеленом Гае Залещицкого района Тернопольской области. Оно исследовалось нами в 1966—1967 гг.²⁴ Из восьми открытых славянских жилищ гончарная керамика встречена в четырех — № 1, 4, 7, 9, причем в единичных фрагментах. В остальных полужемлячках керамические комплексы состояли исключительно из лепной посуды. Отсутствие черняховского слоя на поселении, а также черняховских памятников поблизости исключает возможность случайного попадания гончарной посуды в славянские объекты. Следует также отвести высказанное в археологической литературе опасение, что гончарная посуда, найденная в славянских жилищах, могла происходить из нижнего липицкого слоя²⁵. По формам, характеру примесей (три из четырех сосудов имеют значительные примеси песка и кварца в тесте) и технологии они хорошо отличаются от керамики липицкой культуры, поэтому хотя бы в трех случаях из четырех ошибка исключена.

В жилище № 1 найдено днище гончарного сосуда со значительными примесями крупнозернистого песка. Лепные сосуды довольно толстостенные. Они имеют короткий, слабо отогнутый венчик с горизонтально срезанным краем, крутые высокие плечики и вполне соответствуют пражским формам. В керамическом комплексе жилища № 4 в печи найдена верхняя часть гончарного сосуда черняховского типа. По составу теста он не отличается от днища из жилища № 1. Орнаментирован углубленными многорядными горизонтальными линиями.

Лепная керамика более разнообразна, чем в жилище № 1. Из девяти сосудов, сохранность которых позволяет воссоздать их форму, шесть можно отнести к пражскому типу, три по форме, профилировке венчика, а также обработке поверхности ближе стоят к лепной посуде черняховской культуры в Поднестровье. Один из горшков имеет несколько заглаженную поверхность и окрашен под венчиком штампом.

В жилище № 7 керамический комплекс представлен довольно значительным количеством лепной посуды (рис. 14, 1—13, 15) и днищем большого гончарного сосуда со значительными примесями песка и кварца (рис. 14, 14). Ряд лепных горшков из этого жилища принадлежит к пражским формам (рис. 14, 1). Два небольших узкогорлых сосуда скорее напоминают черняховскую керамику (рис. 14, 10, 13). К ним, по-видимому, следует отнести не-

²⁴ Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю.— К., 1972, с. 170—185.

²⁵ Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв., с. 34.

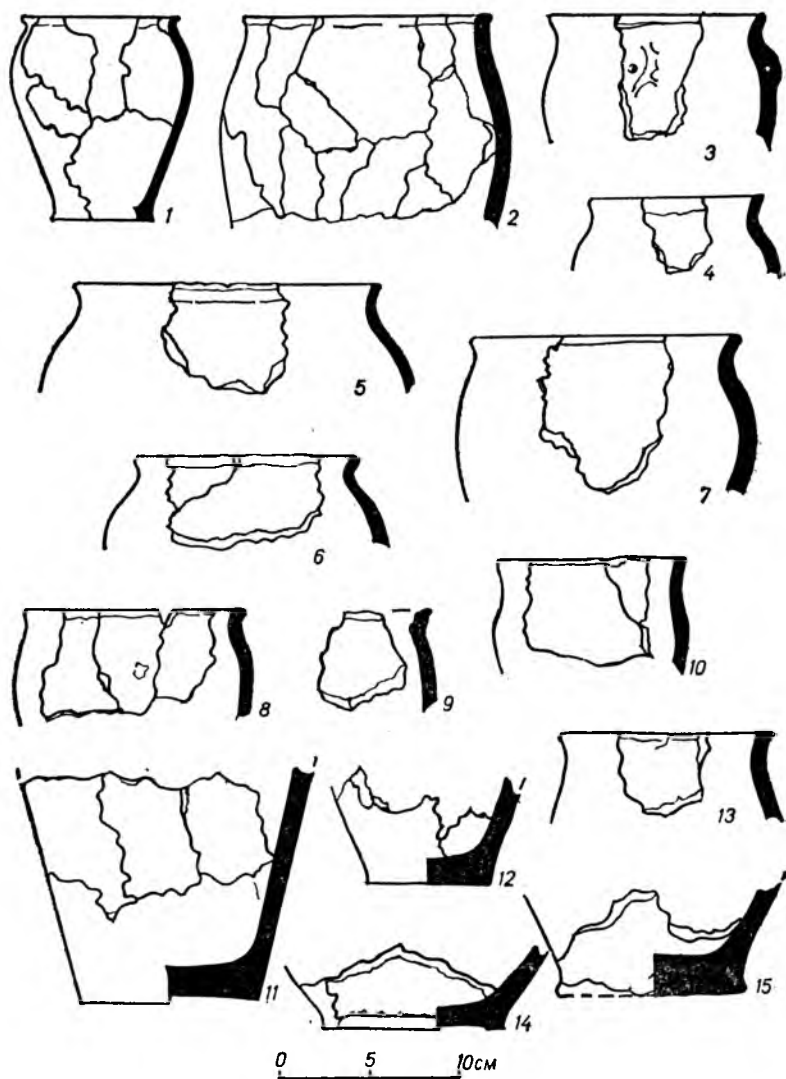

Рис. 14. Зеленый Гай. Керамика из жилища № 7 (1, 3—15) и печи за пределами жилища (2): 1—13 — лепная; 14 — гончарная.

большой горшок с бугристой поверхностью, который сочетает пражскую форму и иксовидное ушко, характерное для керамики второй четверти I тыс. н. э., в частности вельбарской культуры²⁶ (рис. 14, 3). В полуземлянке № 9 керамики очень мало. Найденные здесь три горшка являются переходной формой от лепной чер-

²⁶ Смішко М. Ю., Свешиков І. К. Могильник III—IV ст. н. е. у с. Дитиничі Ровенської області.— МДАПВ, 1961, вип. 3, с. 94, рис. 4, 13.

няховской посуды к пражскому типу. В составе комплекса этого жилища имеется дно от небольшого гончарного сосуда.

Несколько славянских поселений типа Пеньковки, на которых обнаружены комплексы V в. н. э., исследовано в верховьях Южного Буга.

Жилище-полуземлянка с печью-каменкой открыта И. П. Хавлюком возле с. Куня Гайсинского района Винницкой области. На полу жилища вместе с лепной посудой типа пеньковки найдена железная фибула с длинной дужкой и сплошным плоским приемником, датированная концом IV—V в.²⁷ Синхронное поселение исследовалось И. П. Хавлюком в 1977 г. у с. Пархомовка Ильинецкого района Винницкой области. Здесь открыто четыре полуземлянки и хозяйственная яма. В двух жилищах обнаружены очаги, еще в двух — печи-каменки. Керамика, выявленная в жилищах, лепная. Сочетаются пеньковские и пражские формы. В жилище № 3 на полу найдена спинка большой бронзовой фибулы с лукообразной дужкой и сплошным плоским длинным приемником конца IV—V в.²⁸

На поселении у с. Голики Ильинецкого района Винницкой области из четырех исследованных полуземлянок в одной открыта печь-каменка, в трех — очаги. Жилище № 2 имело четырехугольную удлинненную форму, три остальные — подквадратную. Керамика лепная. Преобладают ребристые формы горшков, встречаются дисковидные крышки, характерные для памятников киевского типа. Исходя из характера керамики, а также своеобразия жилищ, П. И. Хавлюк полагает, что поселение у с. Голики близко по времени к селищу возле с. Куня, где найдена фибула конца IV—V в.²⁹

К указанной группе селищ в верховьях Южного Буга относится поселение возле с. Кочубеевка Уманского района Черкасской области, исследованное в 1979 г. О. М. Приходнюком³⁰. Здесь открыты четыре жилища-полуземлянки: в одном — печь-каменка, в трех — очаги. В жилищах № 1—3 вместе с лепной посудой найдено по одному фрагменту гончарной сероглиняной керамики черняховского типа. Лепная посуда довольно выразительная. Преобладают биконические, иногда ребристые горшки пеньковского типа, восходящие к формам посуды киевской культуры. Встречаются формы, близкие к черняховской лепной посуде, а также единичные сосуды пражского типа.

Среди памятников Днепровского Левобережья, где открыты комплексы V в. н. э., следует назвать поселение около с. Хитцы Лубенского района Полтавской области, исследованное Е. А. Го-

²⁷ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения..., с. 211—212.

²⁸ Хавлюк П. И. Исследование славянских памятников на Южном Буге.— АО 1978. М., 1979, с. 395.

²⁹ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения..., с. 184—188.

³⁰ Материалы не опубликованы. Выражаю искреннюю благодарность О. М. Приходнюку, любезно предоставившему возможность ознакомиться с ними.

рюновым³¹. На поселении открыты остатки девяти жилищ-полуземлянок с очагом или глиняной печью-каменкой и ямкой от центрального столба. Керамические комплексы ранней фазы поселения состоят из лепных горшков, в основном биконической, округлобокой цилиндрической формы, а также незначительного количества дисковидных крышек. Сосуды по форме, составу керамической массы сочетают черты керамики киевского и пеньковского типов, хотя встречена небольшая группа сосудов, близких по форме пражскому типу. В составе керамики — фрагменты сероглиняных гончарных мисок с лощеной поверхностью, характерны для древностей черняховской культуры. Черняховские элементы дополняет и трехчастный костяной гребень.

К ранним пеньковским памятникам можно отнести и один из четырех могильников № 3 у с. Большая Андрусовка Кремгесовского района Кировоградской области на р. Тясмин. На этом могильнике Д. Т. Березовцом открыты четыре славянских погребения с трупосожжениями в ямках, иногда перекрытых сосудом, повернутым вверх дном³². В одном из них (№ 4) найдена бронзовая литая пряжка с подвижным язычком, которую О. М. Приходнюк на основании центральноевропейских аналогий датирует V в.³³ Керамика могильника маловыразительная, но своими биконическими формами вписывается в группу пеньковских древностей.

Е. А. Горюновым в 1978 г. на поселении возле с. Песчаное Курской области открыто два подквадратных жилища-полуземлянки (одно с ямой от центрального столба). Керамика лепная, по характеристике автора раскопок, близка к посуде типа Колочина. Она сочетается с единичными фрагментами сероглиняной гончарной черняховской керамики. Поселение датируется трехлопастным наконечником стрелы гуннским временем³⁴.

Таким образом, нами рассмотрены 20 памятников, на которых открыты комплексы конца IV—V в. (см. рис. 1). Они охватывают большую территорию от верховьев р. Псел на востоке до верховьев Южного Буга, Прута и Днестра на юго-западе. Не все они в одинаковой мере изучены и тем более опубликованы. Многие из них еще исследуются или исследовались в последние годы и известны лишь по публикациям информативного характера. Некоторые памятники публикуются в настоящем сборнике впервые, поэтому наша характеристика во многом не полна. Однако многие поселения (Черепин, Куня, Пархомовка, Теремцы, Пасечное, Кодын и др.) надежно датированы, что позволяет выделить их в

³¹ Горюнов Е. А. К истории Днепровского Левобережья в середине третьей четверти I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1977, с. 16—21.

³² Березовець Д. Т. Могильники уличів у долині р. Тясмину.— В кн.: Слав'яноруські старожитності, К., 1969, с. 67—68, рис. 2, 2; 3, 4—6.

³³ Приходнюк О. М., Казанський М. М. Керамічні комплекси поселення Луг I на Тясміні.— Археологія, 1978, т. 27, с. 46.

³⁴ Горюнов Е. А., Казанский М. М., Усова Г. А. О работе Днепровской Левобережной экспедиции.— АО 1978. М., 1979, с. 57—58.

отдельный хронологический этап, предшествующий древностям VI—VII вв.

По характеру материала они отчетливо делятся на две территориально-культурные группы, связанные с территорией Среднего Днепра и Южного Буга, с одной стороны, и Днестро-Прутским междуречьем — с другой.

Уже на самом раннем этапе эти группы памятников имели свои особенности в домостроительстве и керамике, а в некоторой степени, и в погребальном обряде.

Для Днедро-Бугской группы наиболее распространенным является полуземляночное жилище подквадратной формы с очагом, реже печью-каменкой, иногда с центральным столбом. Так, на поселениях в Пархомовке два из четырех жилищ имели очаги, в Голиках и Кочубеевке — три из четырех. На поселении в Хитцах из девяти открытых жилищ четыре (№ 2, 5, 6, 9) имеют очаги, а в трех случаях — и ямку от центрального столба. Е. А. Горюнов относит их к ранней фазе поселения и датирует не позднее V в. В остальных жилищах этого поселения, относящихся к VI—VII вв., открыты глиняные печи. Автор раскопок отмечает изменения в их конструкции, подчеркивая, что на позднем этапе исчезает центральный столб, хотя в целом планировка жилищ остается прежней³⁵.

Таким образом, в Верхнем Поднепровье и верховьях Южного Буга в V в. преобладают квадратные углубленные жилища с очагом и лишь в конце V — начале VI в. появляются печи-каменки, которые в дальнейшем становятся основным типом отопительного устройства на памятниках типа Пеньковки.

В погребальном обряде заметно некоторое преобладание ямных трупосожжений, но встречаются и урновые захоронения (при настоящем уровне исследований могильников эти данные очень относительны).

Посуда исключительно лепная (Куня, Пархомовка, Голики). В Кочубеевке, Песочном и ранних комплексах Хитцов совместно с лепной встречены единичные фрагменты гончарной сероглиняной керамики, характерные для черняховской культуры. В лепной керамике преобладают биконические формы и круглобокие горшки с наибольшей выпуклостью в средней части, характерные для памятников пеньковского типа. На поселениях в Песочном и Хитцах заметное место занимают цилиндро-конические сосуды, известные по колочинской группе памятников. Встречаются отдельные формы с высоким крутым плечиком, близкие к пражскому типу. Состав керамики дополняют дисковидные крышки (Голики, Хитцы) и сковородки (Кочубеевка).

В целом эти памятники несомненно типологически связаны с древностями киевского типа, составляющие подоснову как пеньковской, так и колочинской групп раннесредневековых славянских древностей. Этот вопрос разобран в одной из наших работ и тща-

³⁵ Горюнов Е. А. К истории Днепровского Левобережья., с. 16.

тельно разработан Е. А. Горюновым и Р. В. Терпиловским, поэтому не нуждается в дополнительных доказательствах³⁶.

Во второй днестровско-прутской группе поселений следует разграничить, с одной стороны, раннеславянские поселения, где открыты жилищные комплексы V в. н. э. (Кодын I, Глыбока, Устье, Лука-Каветчинская, Зеленый Гай, Бернашевка, Рашков II, Рашков III), с другой — поселения черняховской культуры и культуры карпатских курганов (Черепин, Сокол, Бакота, Теремцы, Рогизна, Гореча, Кодын II), где также имеются комплексы V в. н. э. Для первых раннесредневековых поселений объекты V в. определяют начало их возникновения, для вторых представляют завершающий этап существования. Эти группы поселений имеют как сходные, так и отличительные черты. Для их определения проведем сравнительный анализ.

Отметим, что не все перечисленные поселения в одинаковой мере пригодны для сравнительного изучения. На некоторых из них (Бернашовка, Бакота, Глыбока и др.) зафиксированы слои как римского, так и раннесредневекового времени, что не исключает случаев механического смешения материалов. Кроме того, не все они в достаточной мере опубликованы, о чем писалось выше³⁷. Поэтому ограничимся такими поселениями, как Черепин, Теремцы, Зеленый Гай, Кодын II, Рогизна, Гореча, Кодын I. Материалы остальных упомянутых памятников будут привлекаться лишь по мере необходимости.

От более ранних комплексов римского времени жилища, датированные концом IV—V в. н. э. на поселениях в Черепине и Теремцах отличает наличие печей-каменок, правильные четырехугольные очертания и в некоторых случаях срубная конструкция стен. Но следует отметить, что на поселениях в Соколе и Бакоте черняховские жилища, в том числе и с печами-каменками, включают большое количество обожженной глиняной обмазки, предполагающей стены из плетня, обмазанные глиной, характерные для памятников черняховской культуры III—IV вв.—периода ее расцвета. С другой стороны, такие же стены были и в жилище на раннесредневековом славянском поселении в Бернашовке, над полом которого расчищен сплошной слой обожженной глины с отпечатками деревянных конструкций.

На раннесредневековых поселениях в Устье и Зеленом Гае кроме полуземлянок с печью-каменкой открыто по одному жилищу с очагом. В целом подквадратные полуземлянки из Черепина и Теремцов, сохраняя некоторые черты более ранних черняховских построек, уже не отличаются от жилищ из Зеленого Гае, Устья, Рашкова III и всех иных славянских раннесредневековых поселений пражского типа междуречья Днестра и Днепра.

³⁶ Горюнов Е. А. К истории Днепровского Левобережья., с. 16; Терпиловский Р. В. Население Нижнего и Среднего Подесенья III—V вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук.— Киев, 1980, с. 18—20.

³⁷ Баран В. Д. Славяне в середине I тыс. н. э.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 19—30.

Отличительной чертой является некоторая продолговатость четырех жилищ на поселении в Теремцах (№ 2, 6, 8, 12), что более характерно для черняховских полуземлянок. Кроме того, в одном из жилищ этого поселения (№ 14) открыта ямка от центрального столба, чем оно напоминает конструкцию жилищ киевской культуры. Все это свидетельствует о том, что в IV—V вв. на Среднем Днестре в среде черняховской культуры вырабатывается определенный, характерный для славян, тип подквадратного полуземляночного жилища столбовой или срубной конструкции и в качестве отопительного устройства появляется печь-каменка.

Подквадратная форма жилища с четырьмя почти равными стенами, правильными прямыми углами обусловлена в первую очередь переходом от плетневой к срубной конструкции стен. Этот переход начался уже в III—IV вв. Он связан с какими-то интеграционными глубинными процессами, общими для регионов лесной и лесостепной зоны, особенно их пограничья при определяющем влиянии населения киевской культуры, где срубные постройки имели глубокие традиции, восходящие к зарубинецким древностям.

Под влиянием черняховской культуры этот процесс в дальнейшем охватывает и соседние поселения культуры карпатских курганов Верхнего Попрутья (Кодын II, Гореча), где открыты аналогичные жилища с печью-каменкой, пока что единичные. Что касается происхождения самой печи-каменки как отопительного устройства славянского жилища, очень характерного для славянских поселений междуречья Днепра и Верхней Вислы, с которым последние приходят на Балканы и в Центральную Европу, то она появляется на черняховских поселениях Поднепровья в районах с повсеместным выходом на поверхность камня-песчаника, который в качестве строительного материала широко использовался местным населением и в более раннее и более позднее время.

Погребения V в. в этой группе памятников пока не известны. На более поздних славянских могильниках, в отличие от клочинской и пеньковской групп, преобладают урновые погребения над ямными.

Керамический комплекс поселений Среднего Поднепровья и Верхнего Попрутья, датирующихся в пределах конца IV—V в., характеризуется сочетанием лепной и сероглиняной гончарной посуды. Их количественное соотношение на разных памятниках неодинаково.

На поселениях первой группы (Зеленый Гай, Устье, Рашков III, Лука-Каветчинская и др.) гончарная посуда составляет незначительное количество всей керамики (от 1 до 15%); на памятниках второй группы ее гораздо больше (в жилищах Теремцов от 23 до 80%). Мы считаем, что количественное соотношение обеих групп керамики является и хронологическим показателем. Количество гончарной посуды постепенно уменьшается в более поздних комплексах, а в VI в. она выходит из употребления. Например, на полностью раскопанном поселении Рашков III, датирующемся в основ-

ном в пределах VI—VII вв., где открыто 9 жилищ, гончарная сероглиняная керамика черняховского типа выявлена лишь в шести полуземлянках и одной яме, наиболее ранних. Она представлена немногими фрагментами сосудов и сочетается с лепной посудой, по форме близкой к керамике в Теремцах. Показательным в этом отношении является жилище № 13 на поселении в Рашкове III. Оно датировано браслетом не ранее VI в., и его керамический комплекс состоит исключительно из лепной посуды³⁸.

Имеются различия и в самом наборе форм лепных сосудов. В первой группе памятников встречаются уже стройные горшки пражского типа с наибольшей выпуклостью в верхней части и прямым или очень незначительно отогнутым низким венчиком. Во второй группе подавляющее количество форм горшков ближе всего к лепной посуде черняховских поселений Верхнего и Среднего Поднестровья III—IV вв. (Бовшев, Черепин, Демьянов), а также керамике других культур римского времени, в частности киевского типа.

Сравнивая лепную посуду из наиболее широко исследованного Теремцовского поселения V в. с керамикой более ранних памятников и более поздних славянских поселений первой группы, получим следующую картину.

Горшки I типа с высоким венчиком и резко подчеркнутой шейкой редко встречаются как на черняховских, так и на славянских поселениях. Найдены единичные горшки в слоях римского времени в Бовшеве II, Черепине, Горече и славянских жилищах в Рашкове и Зеленом Гае. Типы II, IV, VI, встречаются как на черняховских, так и на раннеславянских памятниках пражского типа (Зеленый Гай, Устье, Рашков III, Кодын I и др.). Некоторые аналогии для сосудов II и IV типов находим на поселениях киевской культуры, а также на позднезарубинецком поселении в Казаровичах³⁹.

Сосуды III типа более характерны для памятников черняховской культуры Верхнего и Среднего Поднестровья, однако некоторые биконические формы или близкие к ним известны на памятниках пражского типа (Зеленый Гай, Рашков III), но они более характерны для поселений типа Пеньковки. Некоторые единичные формы сосудов с ребристым плечиком имеют аналогии как на более ранних черняховских поселениях (Бовшев II), так и на славянских селищах VI—VII вв. (Рашков III). Приведенные данные свидетельствуют о том, что на славянских памятниках V—VI вв. большинство форм посуды (рис. 15), характерной для V в.,

³⁸ Баран В. Д. Славяне в середине I тыс. н. э. ..., рис. 7, 1—5.

³⁹ Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л. О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э.—СА, 1979, № 2, рис. 3, 48, 49, 32; Максимов Е. В., Орлов Р. С. Поселение и могильник второй четверти I тыс. н. э. у с. Казаровичи близ Киева.—В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности, рис. 4, 5, 9.

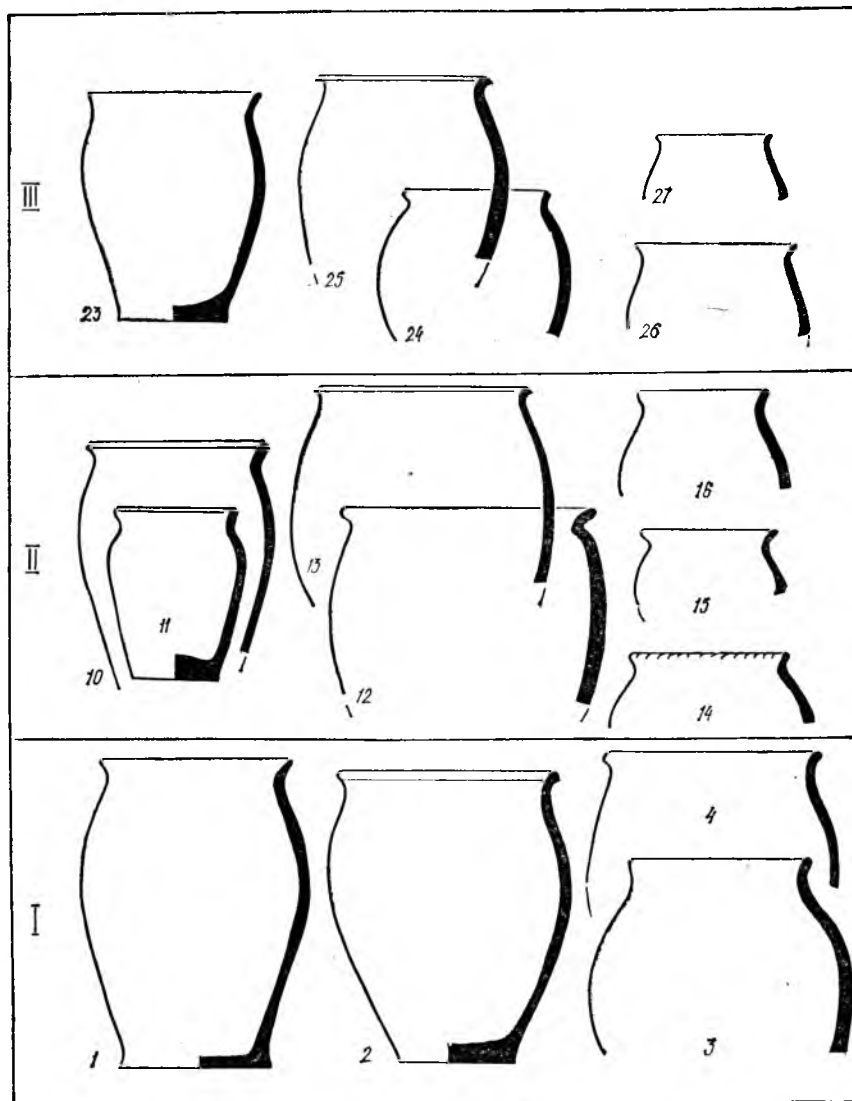
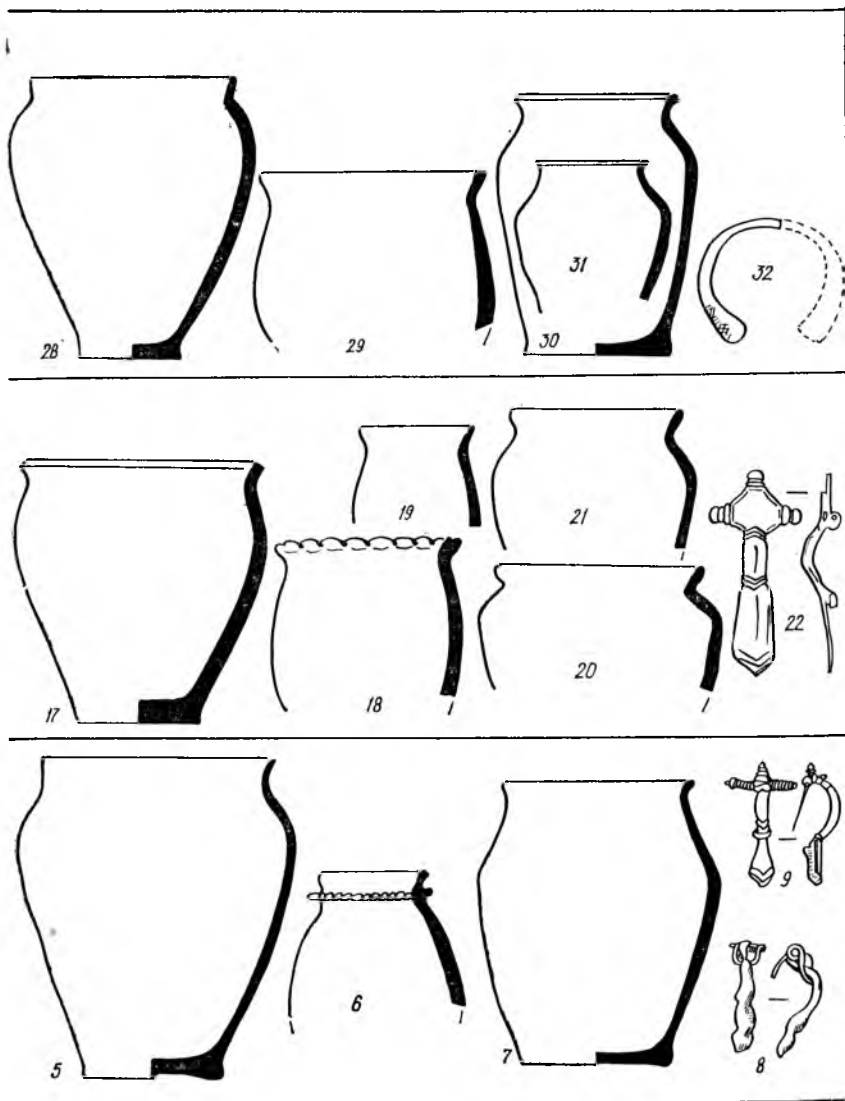

Рис. 15. Развитие керамических форм

I — лепные сосуды (1, 2) и фибула (8) с поселения черняховской культуры Черепин. го горизонта поселения Теремцы (10—22) — конец IV—V в.; III — лепные сосуды и браслет 30—32) — конец VI в.

сохраняется. Развитие лепной керамики в VI—VII вв. отличается большей стабильностью форм.

Таким образом, с открытием памятников V в. н. э., типологически связанных, с одной стороны, с древностями киевского типа и черняховской культуры, а с другой — со славянскими раннесред-

Поднепровья в IV—VI вв.:

Бовшев II (3—9) — IV — начало V в.; II — лепные сосуды и фибула из объектов верхне-из ранних комплексов славянских поселений Рашков II (28—29) и Рашков III (23—27,

невековыми культурами, получено недостающее звено в цепи культурного развития славянского населения I тыс. н. э. между Днепро-вским Левобережьем и Верхним Днестром. Эти процессы захватывают и часть населения в верховьях Прута культуры Карпатских курганов. Пока ещё не открыты такие памятники в составе

пшеворской культуры на территории Польши, хотя между Днестром и Западным Бугом они участвуют в сложении черняховских древностей как один из ее компонентов. Древности черняховской культуры, карпатских курганов и пшеворской составляли северную периферию провинциально-римской культуры и подвергались значительному ее влиянию. Памятники киевского типа находились за пределами этой зоны и были больше связаны с кругом культур лесной полосы. Провинциально-римские изделия, в частности костяные трехчастные гребни, гончарная сероглиняная керамика, фибулы, попадают на эту территорию через соседей — население черняховской культуры.

Сравнительный анализ этих древностей приводит нас к выводу о том, что в славянской раннесредневековой культуре интегрируются элементы культур римского времени, но их участие в процессах формирования ее отдельных локальных групп неодинаковое. Киевская культура непосредственно относится к формированию пеньковской и колочинской групп раннесредневековых памятников, часть памятников лесостепной зоны черняховской культуры находится в подоснове пражских и в какой-то мере пеньковских древностей. Но все это звенья одного исторического процесса, совершавшегося в первой половине I тыс. н. э. и закончившегося в VI—VII вв.

Славянская культура VI—VII вв. по своему характеру, социально-экономическому развитию, направлению связей отличается от модели, характерной для культур провинциально-римской периферии (черняховской, пшеворской, карпатских курганов), и продолжает традиции культур, расположенных севернее очерченной зоны. Об этом свидетельствует тот неопровержимый факт, что многие из главных признаков, характерных черняховским и пшеворским древностям этого времени, были утрачены. Например, отсутствуют труположения — неотъемлемый признак черняховских биритуальных могильников; погребения с оружием, характерные для пшеворской культуры. В целом меняется и сам характер содержания могил — они беднеют. Вместо просторных ям со многими сосудами-приставками, украшениями, вещами быта, а в пшеворской культуре и оружием, славянское поселение в VI—VIII вв. хоронит умерших в небольших ямках, куда ставились урны с очищенными останками после сожжения, или просто сожженные косточки сыпают в ямку, прикрывая горшком или черепком. Бытовые вещи и украшения встречаются в могилах довольно редко, отсутствует оружие.

Привести прототипы славянским погребениям довольно трудно. Отметим, что в них синтезируются определенные черты погребального обряда отмеченных культур, но никогда не повторяется погребальный обряд какой-нибудь одной из этих культур полностью.

При сравнительном изучении поселений интересующих нас культур установлены как общие черты, так и различия. Топография поселений в общем очень близка. Правда, славянские раннесред-

невековые поселения тяготеют к более низменным местам, но известно большое количество поселений, расположенных на бывших пшеворских или черняховских поселениях (Подберезцы, Сокольники, Могила, Рипнев, Бакота, Бовшев, Сокол и др.).

На некоторых черняховских поселениях наблюдается линейная (уличная) застройка. Но эта планировка не единственная. Известны поселения, особенно на Верхнем Днестре, где жилища располагались гнездами и были разбросаны без всякой системы (Бовшев, Черепин), подобно славянским. Приблизительно такая же картина наблюдается и на пшеворских памятниках. Что касается домостроительства, то на славянских раннесредневековых поселениях не находят своего продолжения наземные дома с большими завалами глиняной обмазки, овальные удлиненные земляночные и полуземляночные жилища с очагом. Как-будто бы черты сходства с последними наблюдаются в междуречье Вислы и Одера.

Квадратная форма углубленных жилищ и срубов, характерная для раннесредневековых памятников Днестра и Днестра, связываются, в первую очередь, с территорией Верхнего Поднепровья, где они во второй четверти I тыс. н. э. были основными. Однако эта форма не чужда пшеворским (Подберезцы, Иголома и др.) и черняховским поселениям (Бовшев, Сокол, Бакота, Теремцы, Журовка). Кроме того, печь-каменка (не менее характерный признак внутреннего устройства славянского жилища), не известная нигде за пределами обитания славян, появляется впервые на Днестре в полуземляночных жилищах черняховской культуры. За пределами этой территории все известные жилища с печами-каменками более позднего времени.

При сравнительном изучении керамических комплексов, предметов быта, украшений, вооружения нельзя не заметить, что облик раннесредневековой культуры по сравнению с культурами римской периферии второй четверти I тыс. н. э. в целом меняется. Приостанавливают свою деятельность гончарные центры, а вместе с ними к началу VI в. исчезает гончарная высококачественная посуда. Но этот процесс не является внезапным, как это считалось до обнаружения памятников V в. Сероглиняная гончарная посуда доживает до конца этого столетия и выходит из употребления постепенно, возможно с усиливающимся притоком в лесостепь славянского населения из более северных областей. На славянских поселениях, возникших в пределах V в., гончарная посуда, характерная для древностей римского времени, еще встречается. Из этого следует, что славянские поселения с чисто лепными комплексами следует датировать временем не ранее VI в.

Во многом меняется и состав и форма лепной посуды. Наряду с этим хочется особо подчеркнуть, что основные формы лепной черняховской посуды, хорошо известной из памятников Верхнего и Среднего Поднепровья, а также Лесостепного Поднепровья находят свое продолжение соответственно в пражской и пеньковской группах славянских памятников (рис. 15). Наличие на поселениях V в. подвязных фибул и других их типов, являющихся несомненно

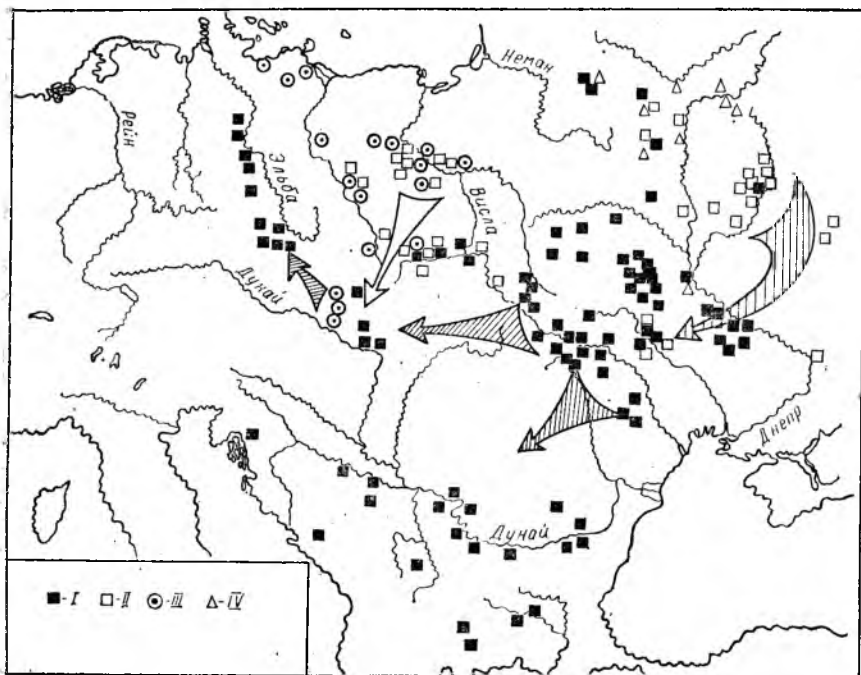

Рис. 16. Карта-схема славянских жилищ V—VIII вв.:

I — полуземлянки с печами; II — полуземлянки с очагами; III — жилища неправильной формы; IV — наземные жилища.

дальнейшим продолжением фибул римского времени, как-будто свидетельствует о сохранении и соответствующей одежде.

Заметные отличия наблюдаются при сравнительном рассмотрении такой важной отрасли хозяйства, как металлургия. Прекращают свое существование крупные металлургические центры типа святокжишских горнов одноразовой плавки. На смену к ним приходят единичные горны или небольшие центры (Гайворон) с горнами многоразовой плавки. В земледелии заметных колебаний не наблюдается. Но в целом, как было сказано выше, хозяйственная и культурная модель во многом отходит от модели, свойственной региону Юго-Восточной и Средней Европы, находившемуся в первой половине I тыс. н. э. под постоянным воздействием провинциально-римской культуры. Последнее обстоятельство ни в коей мере не следует забывать, проводя сравнительное изучение археологических культур римского и раннесредневекового времени, так как исчезновение многих элементов культуры из быта варварских племен римской периферии на территории Европы по времени совпадает с упадком Римской империи и находится в прямой с ним зависимости.

Итак, подводя итоги сказанному, отметим, что погребальный обряд славянского населения V—VI вв. (трупосожжение в яме

или в урне с бедным инвентарем) в различных соотношениях в разных районах восходит к памятникам киевского типа, а также к памятникам пшеворской и черняховской культур. К связующим элементам с памятниками киевского типа можно отнести и квадратную форму жилищ, и сруб. В пеньковской и колочинской группах продолжают развиваться основные керамические формы (биконические и цилиндро-конические горшки). В пеньковской группе значительное место занимает также посуда (горшок с наибольшей выпуклостью посередине высоты), имеющая прототипы в лепной керамике черняховской культуры.

В пражской группе памятников на территории от Днестра до Верхней Вислы слагаемые компоненты культуры можно объяснить наличием типологических связей с памятниками Лесостепной локальной группы черняховской культуры (рис. 15).

Славянские памятники VI—VII вв. между Вислой и Одером при наличии единства в погребальном обряде и многих общих черт в керамике со славянскими древностями пражского типа междуречья Днестра и Днестра уже на самом раннем этапе имеют отличия в домостроительстве (рис. 16). Эти отличия (неправильные или овальные узкие ямы с очагом или без него, полное отсутствие печей) сохраняются длительное время, и лишь в VII—VIII вв. тут наряду с неправильными появляются квадратные полуземлянки с печкой-каменкой или глиняной печью.

Это обстоятельство приводит к принципиально важному выводу о развитии этой группы памятников независимо от продвижения на запад славянского населения из междуречья Днестра и Верхней Вислы. Ни Верхнеднепровские памятники киевского типа (И. Вернер, К. Годловский)⁴⁰, ни пшеворские (И. П. Русанова)⁴¹ сами по себе не могли стать основой славянской раннесредневековой культуры. Попытки показать расселение уже полностью сложившейся раннесредневековой славянской культуры на запад в междуречье Вислы и Одера или на восток, в междуречье Вислы и Днестра, не подтверждаются археологическими источниками.

Сложению славянской культуры раннего средневековья предшествовали глубокие и сложные этнокультурные и социально-экономические процессы. В них участвовало население, оставившее различные памятники второй четверти I тысячелетия (киевский тип), определенные группы черняховской и пшеворской культур, а также другие культурные группы. Это и определило возникновение ее локальных отличий уже на самом раннем этапе. Попытки изобразить славянскую раннесредневековую культуру как простое продолжение развития верхнеднепровских памятников первой половины I тыс. н. э. (И. Вернер, К. Годловский) или пшеворской культуры следует признать неудачными.

⁴⁰ Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавингов.—СА, 1972, № 4, с. 102—115; Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem..., S. 11—12.

⁴¹ Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв., с. 199—215.

Вычленение верхнеднепровских древностей типа Колочина или пеньковских из состава раннесредневековых древностей славян (И. П. Русанова) не подтверждается археологическими источниками. Все они имеют один и тот же погребальный обряд, очень близкие типы домостроительства, одинаковый состав лепной посуды (горшки и сковороды, редкие мисковидные сосуды). Они отличаются только профилировкой одной формы сосуда — горшка, что не имеет решающего значения. К сказанному добавим, что они составляют единую социально-экономическую модель, более близкую к древностям киевского типа, чем пшеворской и черняховской культур. Этим и определяется роль киевских древностей в процессах сложения раннесредневековой культуры славян, причем не только типа Пеньковки и Колочина, но и в какой-то мере пражского типа. Подчеркиваю, важная, но не единственная, так как ряд весьма ощутимых компонентов пражской и пеньковской групп славянских древностей имеет свои истоки в черняховской, а западнее Вислы — и в пшеворской культурах.

С другой стороны, напрашивается вывод о наличии в составе черняховской культуры древнеславянского населения. Материалы поселения в Теремцах полностью подтвердили его и позволили окончательно решить этот вопрос, который мы разрабатывали многие годы. В римское время древнеславянское население, входившее в состав черняховской культуры, было приобщено, как и другие этнические группировки Юго-Восточной и Средней Европы, к общей культурной модели, возникшей под влиянием провинциально-римской культуры. По-видимому, оно находилось и в политической зависимости, особенно после прихода готов в Северное Причерноморье и создания ими военно-политического союза.

Однако сразу же после разгрома причерноморских готов гуннами в Восточной Европе сложилась новая политическая обстановка и славяне выступили против их господства. Начались славяно-готские войны, ярко описанные Иорданом и которые мы рассматриваем как борьбу за политический престиж. Возможно, в них принимали участие и какие-то группы населения Верхнего Поднепровья, но основную силу составляли анты — славянское население Лесостепи, входившее в состав черняховской общности.

Войны проходили с переменным успехом и закончились поражением антского князя Божа. Но оно имело временный, преходящий характер и не остановило процесса консолидации славянских племен и создания ими мощных военно-политических союзов. Последние сменили в Юго-Восточной Европе распавшееся готское объединение, состоявшее из разных этнических группировок степного и лесостепного населения.

В свете последних исследований славянских памятников, датированных фибулами IV—V вв., на Днестре, Южном Буге и верховьях Прута славяно-готские войны можно считать началом сложения новой этнокультурной и социально-экономической общности лесостепного населения Восточной Европы, в которой несомненно ведущее место занимали славяне. Исторические параллели таким

этнокультурным общностям известны. Это в раннежелезном периоде лужицкая этнокультурная общность, скифская и кельтская, в средневековье — славяно-болгарская и др.

И наконец, остановимся на вопросе о путях расселения славян.

Картографирование типов жилищ на славянских поселениях, проведенное П. Донатом и И. П. Русановой, с некоторыми дополнениями и уточнениями, показало, что на всей территории распространения памятников пражского типа, кроме большого региона в междуречье Вислы и Одера, ведущей формой жилища является квадратная полуземлянка с печью-каменкой, редко глиняной печкой, вырезанной в останце. Висло-Одерское междуречье при сохранении общих признаков материальной культуры выделяется из общего массива пражской культурной провинции наличием жилищ неправильных или овальных очертаний и наземных жилищ с удлиненной ямкой и очагом. Характерной чертой этого региона является полное отсутствие печей на поселениях VI в. (рис. 16).

Из сказанного можно сделать вывод о том, что район, откуда расселялись славяне на Дунай, находился между Днестром, Припятью и Верхней Вислой. Он совпадает с находками наиболее ранних фибул на славянских поселениях. По-видимому, славянское население через карпатские перевалы направлялось в Потисье и Верхнее Подунавье, а оттуда вверх по Дунаю в междуречье Эльбы и Одера. Лишь на территории Словакии и Моравии на некоторых поселениях встречаются полуземлянки с очагом, что свидетельствует о возможности переселения в эти районы каких-то групп населения из Верхнего Повисленья. В Нижнее, Среднее Подунавье и на Балканы расселялись славяне из Поднепровья и Верхнего Попрутья, а также Южного Побужья и Поднепровья, принесшие сюда керамику пражского и пеньковского типа и характерные жилища с печкой-каменкой.

Вопрос о времени заселения славянами Днестро-Дунайского междуречья, особенно его нижней части, еще ждет своего решения.

К наиболее ранним письменным источникам, содержащим достоверные данные о славянах-венетах в Северном Подунавье относятся Певтингеровы таблицы — дорожная карта, датируемая не позднее IV в., а наиболее вероятно концом III в.⁴² На карте венеды размещены между Нижним Днестром и Дунаем совместно с сарматами, гепидами, даками, гетами и другими этническими группировками. Более поздние источники, упоминающие славян-склавинов и антов в Северном Подунавье, относятся к первой половине VI в. Иордан хорошо знает и довольно отчетливо определяет территорию славян-склавинов, отмечая, что они проживают южнее Днестра и верховьев Вислы, а земля антов находится в междуречье Днепра и Днестра⁴³. Сообщения Иордана подтверждают и другие источники, также фиксирующие славян в VI в.

⁴² Нидерле Л. Славянские древности. — М., 1956, с. 38.

⁴³ Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Коммент. Е. С. Скржинской. — М., 1960, с. 72.

в междуречье Дуная и Днестра. На северном берегу Дуная отмечает славян Прокопий. Он, в отличие от Иордана, в Подунавье знает не только склавинов, но и антов, считая их одним народом⁴⁴. Оценивая в целом данные Иордана и Прокопия о славянах, следует иметь в виду, что они относятся к середине VI в., а потому должны отражать положение славян в Подунавье в несколько более раннее время, по-видимому, в первой половине VI, а возможно и конце V в. Этим, пожалуй, можно объяснить и расхождение между ними. И если Иордан упоминает южнее Днестра лишь склавинов, а Прокопий склавинов и антов, то это, по всей вероятности, отражает два близких по времени, но разные этапы в истории расселения славянских племен на юг.

Так понимал свидетельства древних авторов и В. П. Петров⁴⁵. По-видимому, в конце V — начале VI в. склавины и анты еще были разделены Днестром, и лишь в более позднее время, в середине VI в., они появляются на правом берегу Днестра. Псевдо-Маврикий в «Стратегиконе» (произведении конца VI в.) уже пишет, как отмечает Е. С. Скржинская, «о жизни и нравах склавинов и антов» вместе, а в начале VII в. этноним «анты» исчезает со страниц письменных источников⁴⁶. Во время правления Юстина (518—527 гг.) и Юстиниана (527—565 гг.) славяне, склавины и анты уже вторгались на территорию Византийской империи, переходя Дунай⁴⁷.

Археологическими материалами славяне к югу от Днестра засвидетельствованы на поселениях черняховской культуры и карпатских курганов (Кодын II, Гореча, Рогизна возле г. Черновцы на Верхнем Пруте), где открыты единичные подквадратные полуземлянки с печью-каменкой, совместно с другими типами жилищ, в том числе наземными. Славянские элементы, правда очень незначительные, в виде определенных форм лепной посуды Э. А. Рикман выделяет в составе черняховской культуры на территории Молдавии⁴⁸.

Вполне определенные славянские поселения, хорошо датированные фибулами, известны в Попрутье в V в. (Кодын I). К памятникам этого же времени относится поселение Ботошаны I, расположенное в Попрутье (в 70—80 км ниже Кодына) на территории Румынской Социалистической Республики⁴⁹.

Следует отметить, что участок Днестра между городами Могилевом-Подольским и Хотинском очень близко подходит к Пруту. Именно здесь открыты некоторые ранние славянские поселения (Теремцы, Сокол, Бакота, Кодын, Ботошаны). Кодын и Ботоша-

⁴⁴ Прокопий из Кесарии: Война с готами.— М., 1950, с. 297—298.

⁴⁵ Петров В. П. Этногенез славян.— Киев, 1972, с. 27—28.

⁴⁶ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 220.

⁴⁷ Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX вв., с. 31—36.

⁴⁸ Рикман Э. А. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры.— Кишинев, 1975, с. 328.

⁴⁹ Teodor D. Gh. Teritoriul est-Carpatic în veacurile V—XI e. n.— Iasi, 1978, p. 11—47.

ны в настоящее время являются наиболее исследованными поселениями в верховьях Прута. На них обнаружены комплексы конца IV—V в., определяющие начало систематического заселения славянами междуречья Днестра и Дуная. Д. Теодору выделена на Пруте и Серете довольно большая группа памятников V—VI вв., которые он относит к типу Костиша-Ботошаны⁵⁰. Вдоль по Пруту и Серету эти памятники опускаются к Дунаю, причем захватывают не только Молдову, но и другие регионы вдоль восточной дуги Карпат⁵¹.

Исследования таких поселений, как Ботошаны, Костиша, Додешты и другие, показали, что для них характерны полуземляночные подквадратные жилища с печью-каменкой в одном из углов, иногда с очагом. Керамические комплексы полуземлянок состоят из лепной (горшки, сковородки), гончарной сероглиняной керамики (горшки, миски) аналогичной посуде из Теремцов, Сокола и других славянских поселений Поднестровья гуннского времени. На поселении в Ботошанах найдена фибула, датирующая послечерняховский слой не позже V в. Ранняя датировка этих поселений (V—VI вв.) подтверждается и наличием густорифленных красноглиняных амфор, найденных на поселениях в Ботошанах и Додештах⁵². Лепная керамика типологически хорошо связывается с посудой более поздних славянских поселений на территории как Северного Подунавья, так и Поднестровья, гончарная восходит к посуде римского времени на той же территории.

Отметим, что в отличие от Поднестровья, где гончарная сероглиняная керамика к началу VI в. полностью выходит из употребления, в Подунавье она бытует и в более позднее время (VI—VII вв.) на памятниках типа Ипотешты-Киндешты-Чурел, а также встречается, но в значительно меньшем количестве, на поселениях типа Сучава-Шипот.

Как видим, полученные новые археологические материалы не только подтверждают, но и уточняют данные письменных источников о славянах Северного Подунавья. Они позволяют отнести начало заселения славянами этого региона к гуннскому времени, не отрицая возможности их инфильтрации на эти земли и в первой половине I тыс. н. э.

Среди известных славянских комплексов V в. в Попрутье (Кодын, Рогизна, Гореча, Ботошаны) встречается керамика пражского типа. Пеньковские формы посуды появляются к югу от Среднего Днестра несколько позже, что согласуется с приведенными выше сообщениями Иордана и Прокопия о склавинах и антах.

В последнее время некоторыми румынскими археологами сделаны попытки интерпретировать памятники типа Костиша-Бото-

⁵⁰ Op. cit., p. 31—32.

⁵¹ Comsa M. Die Slaven im karpatisch-donauländischen Raum im 6—7. Jahrhundert.— ZTA, N 7, S. 197—228.

⁵² Teodor D. Gh. Op. cit., f. 61, 1, 2, 4, 5, 7.

шаны и Ипотешты-Киндешты-Чурел как поселения исключительно местного дако-романского населения. Полная ошибочность такой интерпретации очевидна. В Днестро-Дунайском регионе материальная культура славян сохраняет все те же черты, что и в более северных регионах между Днепром и Днестром. Ни полуземляночные жилища с характерной лишь для славян печью-каменной, ни ведущие формы керамики (горшки пражского и пеньковского типов, сковородки) не были известны в Северном Подунавье до их прихода. Расселение славян в Подунавье было длительным и в основном мирным. Это способствовало развитию близких контактов с остатками местного дако-романского населения, что получило отражение в материальной культуре, сочетающей на ряде поселений как славянские, так и неславянские элементы.

С. П. Пачкова (Киев),
М. А. Романовская (Москва)

ПАМЯТНИКИ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА КОНЦА I ТЫС. ДО н. э.

Памятники конца I тыс. до н. э., расположенные между Карпатами и Днестром (на территории СССР и Румынии), вошли в археологическую науку под названием культуры Поенешти-Лукашевка (рис. 1). История их изучения относится к 1936 г., когда К. Чиходару провел небольшие раскопки могильника Поенешти. Однако в то время исследователь не придал должного значения материалам латенского периода¹. Впервые они были выделены и интерпретированы Р. Вульпе после продолжения раскопок Поенештского могильника в 1949 г.² В это же время вблизи могильника были открыты синхронные ему поселения Гологофта и Шипотул-луй-Стан³.

В 1953 г. Прутско-Днестровской экспедицией, возглавляемой Г. Б. Федоровым, при раскопках славянского городища открыт могильник у с. Лукашевка⁴. Г. Б. Федоров обратил внимание на сходство погребений Лукашевского могильника по материалу и обряду с погребениями из Поенештского могильника и объединил их в одну группу памятников, впоследствии получившей название культуры Поенешти-Лукашевка⁵.

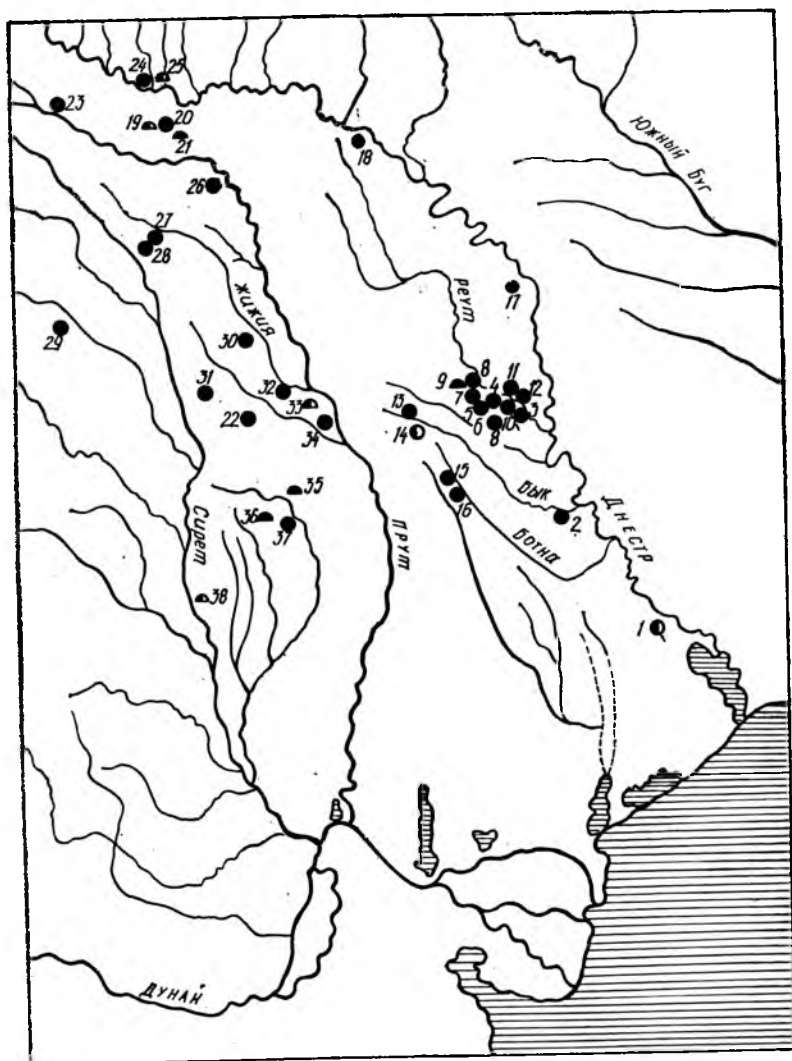
¹ *Cihodrau C.* Poienesti-Tamasidava.— *Acta arheol.*, 1937/1938, vol. 13/14.

² *Vulpe R.* Săpăturile de la Poinești din 1949.— In: *Materiale arheologice privind istoria veche a RPR*, 1953, vol. 1, p. 213—506.

³ *Vulpe R.* Evoluția așezărilor omenești din societatea primitivă și sclavagistă dela Poinești — Vaslui.— *Stud. și cerc. istorie veche*, 1950, N 1, p. 41—46.

⁴ *Федоров Г. Б.* Лукашевский могильник.— *КСИИМК*, 1957, вып. 68, с. 51.

⁵ *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э.— *МИА*, 1960, № 89, с. 15.

●-I ○-II ◐-III ◑-IV

Рис. 1. Схема распространения памятников культуры Поенешти-Лукашевка:

I — поселение, подвергнувшееся раскопкам; II — поселение, известное по шурфовкам и разведкам; III — могильник; IV — отдельные погребения. 1 — Пуркары; 2 — Калфа; 3 — Машкауцы; 4 — Иванча II; 5 — Иванча IV; 6 — Мана; 7 — Лукашевка I; 8 — Лукашевка II; 9 — Лукашевка; 10 — Петрухя; 11 — Бранешты; 12 — Требушены; 13 — Сипотены; 14 — Пыржолтены; 15 — Ульма; 16 — Васи; 17 — Алчедар; 18 — Рудь; 19 — Круглик; 20 — Круглик; 21 — Долиняны; 22 — Гельешты; 23 — Кодын; 24 — Сокол; 25 — Гринчук; 26 — Икимени; 27 — Ботошани; 28 — Кукорени; 29 — Тырпешти; 30 — Глевенешти; 31 — Бойчени; 32 — Лунка-Чурей; 33 — Костулени; 34 — Яссы-Шорогори; 35 — Боросешти; 36 — Поенешти; 37 — Бухашти; 38 — Рэклэтэу.

В последующие годы были проведены значительные работы по выявлению и археологическому исследованию памятников культуры Поенешти-Лукашевка. На территории Молдавской ССР раскопаны поселения Лукашевка II, Ульма, Бранешты и др.⁶; на территории Румынии исследовались поселения Лунка-Чурей, Тирпешти, Гельешти, Давидени и др. и могильник Боросешти⁷. В последние годы синхронные памятники открыты на территории Украинской ССР: поселения Круглик, Сокол, Кодын, могильник Долиняны⁸. Сводки поенешти-лукашевских памятников, по М. Бабешу и Ю. В. Кухаренко, насчитывают, по последним публикациям, десятки и даже сотни пунктов⁹. Однако в них включены, по нашему мнению, памятники, не имеющие отношения к исследуемой культуре, в частности зарубинецкие памятники Южного Побужья. По данным, имеющимся в нашем распоряжении, карта поенешти-лукашевской культуры в настоящее время насчитывает меньшее количество памятников, чем это представляется выше названным исследователям (рис. 1).

По мере открытия новых памятников культуры Поенешти-Лукашевка возникли проблемы, связанные с их интерпретацией: территория распространения и географические рамки культуры; датировка, происхождение и связи ее с предшествующими, синхронными и последующими памятниками; этническая принадлежность населения и многие другие вопросы.

За тридцатилетний период исследования культуры большинство ученых изложили в литературе свои мнения по вышеназванным проблемам. Анализ их работ свидетельствует об отсутствии единого мнения по данным вопросам. Не претендуя на окончательное их решение, мы предлагаем свое понимание особенностей

⁶ Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского., с. 17—22, 240—246; Романовская М. А. Селище Лукашевка II.—СА, 1962, № 3, с. 293—298; Лапушнян В. А., Никулицэ И. Т., Романовская М. А. Памятники раннего железного века.—АН МССР, 1974, вып. 4, с. 74—86; Романовская М. А. Раскопки в Бранештах в 1962 г.—КСИА АН СССР, 1962, вып. 102, с. 37—42.

⁷ Petrescu-Dimbovita si colab. Şantierul arheologic Truşeşti.—SCIV, 1955, t. 6, N 1/2, p. 183—187; Marinescu-Bilcus. Noi urme Bastarne în Moldova de Nord — Vest.—SCIV, 1963, 2, anul. 14, p. 413—417; Teodor S. Săpăturile de la Cucorâni (jud. Botoşani).—Arheol. Moldovei. Bucureşti, 1975, vol. 8, p. 121—201; Teodor S. Unele date cu privire la cultura geto-daça din Nordul Moldovei în lumina săpăturilor de la Botoşana.—SCIV, 1969, vol. 20, N 1, p. 33—42; Babeş M. Moldova centrală şi de Nord în secolele II—I î. e. n. (cultura Poineşti-Lukasevka): Rez. tez. doctorat.—Bucureşti, 1978, p. 1—24; Teodor S. Contribuţii la cunoaşterea ceramicii din secolele III—II î. e. n. din Moldova.—SCIV, 1967, t. 18, N 1, p. 25—43.

⁸ Пачкова С. П. Поселения поблизу с. Круглик на Буковині.—Археологія, 1977, т. 23, с. 24—35; Вакуленко Л. В., Пачкова С. П. О культурной принадлежности поселения позднелатенского времени у с. Сокол.—В кн.: Славяне и Русь Киев, 1979, с. 5—21; Русанова М. П., Тимошук Б. А. Поселение Кодын II в бассейне р. Прут.—В кн.: Археологические открытия 1976 г. М., 1977, с. 364—365; Смирнова Г. И. Раскопки у с. Долиняны на Буковине.—В кн.: Археологические открытия 1977 г. М., 1978, с. 386—387.

⁹ Babeş M. Moldova centrală şi de Nord., p. 1—21; Кухаренко Ю. М. О памятниках поенештской культуры на Украине.—Pr. i materialy Muzeum archeol. i etnogr. Łódz. Ser. archeol. 1978, N 25, S. 218.

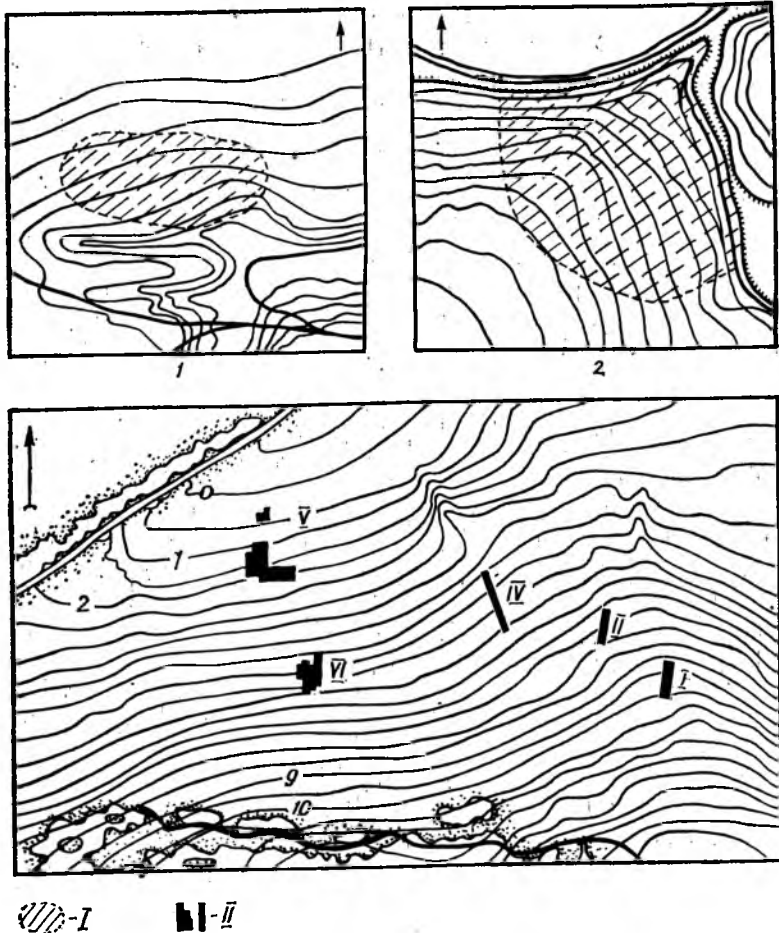

Рис. 2. Планы поселений культуры Поенешти-Лукашевка:

1 — Бранешти; 2 — Машкауцы; 3 — Лукашевка. I — предполагаемая площадь поселений Бранешти и Машкауцы; II — раскопанные участки на поселении Лукашевка II.

поенешти-лукашевской культуры и вопросов, связанных с ее интерпретацией.

Поселения поенешти-лукашевской культуры не были укрепленными и размещались вблизи источников воды. Топографически они делятся на две группы. К первой группе относится большинство расположенных на склонах или на первой надпойменной террасе (Лукашевка II, Сокол, Круглик, Алчедар и т. д.); ко второй — поселения, находящиеся на высоком коренном берегу (Машкауцы, Бранешти)¹⁰. В обеих группах имеются поселения

¹⁰ Ляпушнян В. А., Никулицэ И. Т., Романовская М. А. Памятники., с. 80—86.

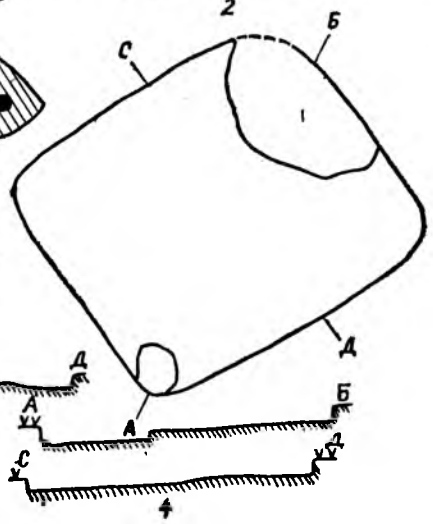
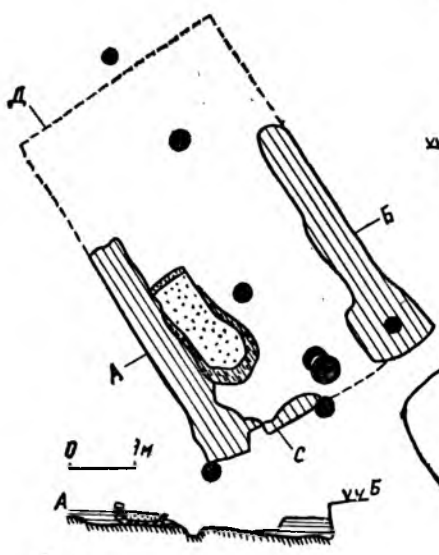
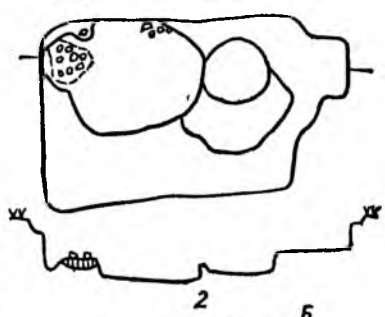
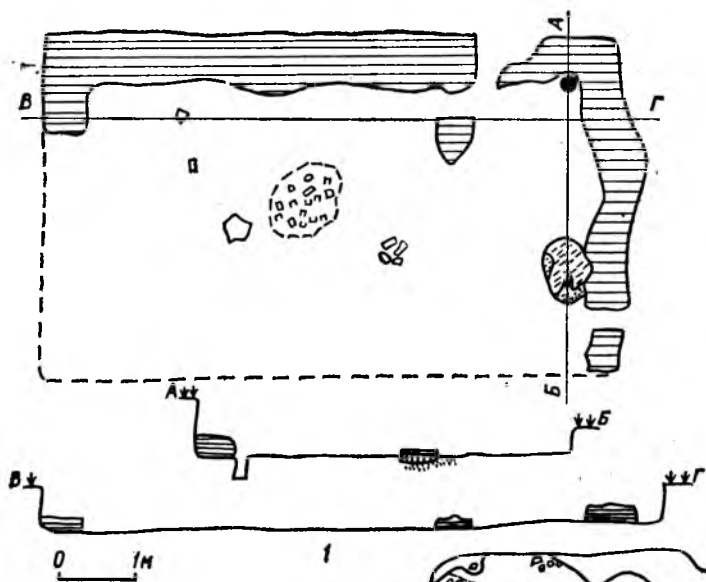

Рис. 3. Планы и профили жилищ поселений культуры Поенешти-Лукашевка: I — Круглик; 2 — Сокол; 3, 4 — Лукашевка II. I — развалы стен; II — камни; III — столбовые ямки; IV — остатки очага; V — зола и древесный уголь; VI — остатки свода глинобитной печи.

массового типа с четко выраженными естественными границами на открытой местности (рис. 2).

По материалам раскопок планировка застройки селищ не прослеживается. Вероятно, улиц не существовало. Жилые постройки, как правило, небольших размеров и конструктивно представлены двумя типами — наземными и полуземляночными сооружениями, встречающимися обычно на одном и том же поселении (Лукашевка II, Ульма). Известны памятники с одним типом жилищ: наземными (Круглик) или полуземляночными (Сокол)¹¹.

Наземные жилища прямоугольной формы. Углубление основания стен составляло 0,2—0,3 м от современной поверхности; размеры колебались от 17 до 24 м², но в отдельных случаях значительно превышали их (в Круглике жилище № 3 — 48 м²). Стены плетнево-каркасной конструкции; крыша крепилась на столбах, следы которых в ряде жилищ сохранились в виде столбовых ямок, расположенных вдоль линии стен, и иногда вдоль длинной оси жилища (Лукашевка II, жилище № 3). В отдельных случаях зафиксирована лишь одна столбовая ямка (Круглик, жилище № 3), но встречаются наземные жилища, при расчистке которых они вовсе не обнаружены (Ульма, жилище № 2; Бранешты, жилище № 1). Остатки стен наземных жилищ представляли собой завалы глиняной обмазки со следами жердей и прутьев. Пол — утрамбованная материковая глина. Отопительные устройства, расположенные у какой-либо из стен или в углу, двух видов: очаги, от которых в ряде случаев сохранились остатки подов и обожженные камни (Круглик, жилища № 1, 2; Ульма, жилище № 1), и глинобитные печи (Круглик, жилище № 3; Лукашевка II, жилище № 3) (рис. 3, I, 3).

Полуземлянки по площади не превышали 20 м² и представляли собой прямоугольной или овальной формы сооружения, углубленная часть которых была врезана в материк на 0,3—0,5 м (рис. 3, 2, 4). Встречены полуземлянки столбовой конструкции (Лукашевка II, жилища № 2, 4). При их расчистке зафиксированы столбовые ямы вдоль стен (Лукашевка II, жилище № 2) и даже в центре полуземлянки (Лукашевка II, жилище № 4). В других столбовые ямы не обнаружены (Лукашевка II, жилище № 6; Сокол, жилища № 3 и 8; Лунка-Чурей, жилища № 1, 2, 3; Ульма, жилище № 1).

От наземных частей стен полуземлянок сохранились куски глиняной обмазки, но в меньшем количестве, чем в наземных жилищах. Полом в полуземлянках служила утрамбованная материко-

¹¹ Пачкова С. П. Поселения поблизу..., с. 24—29; Вакуленко Л. В., Пачкова С. П. О культурной принадлежности..., с. 5—10.

вая глина или суглинок. Отапливались углубленные жилища глинобитными или каменными печами (Лукашевка II, полуземлянки № 2, 6) или очагами (Лунка-Чурей, жилища № 1, 2, 3). В некоторых четких следов отопительных сооружений не зафиксировано (Сокол, жилища № 3, 8; Лукашевка II, жилище № 1). Интерьер ряда углубленных жилищ дополняли предпечные ямы (Лунка-Чурей; Лукашевка II, жилища № 2, 4). В одной из полуземлянок в Ульме открыты остатки глинобитной лежанки, где в неглубокой ямке прослежены следы очага (жилище № 1).

Оба типа жилищ (наземные и полуземлянки) существуют на поселениях одновременно, и комплекс находок в них одинаков, что подтверждается раскопками в Лукашевке II, Бранештах и Ульме.

Некоторые объекты, открытые на поселениях поенешти-лукашевской культуры, связаны с производственной деятельностью: это печь для обжига керамики в Бранештах; мастерская в Ульме, где зафиксированы остатки ремесленной деятельности по переплавке медных и бронзовых предметов.

Возле жилищ находились надворные очаги и хозяйственные ямы, разнообразие по форме и назначению.

Погребальные памятники и обряд захоронения. Могильники поенешти-лукашевской культуры известны по всей территории ее распространения. К настоящему времени наиболее исследованными являются Поенештский (55 погребений)¹², Боросештский (177 погребений)¹³ и Лукашевский (21 погребение)¹⁴ могильники. В последние годы исследуется синхронный вышеперечисленным могильник у с. Доляняны на Буковине¹⁵. Известны погребения в окрестностях Бухэнешти, Костулены, Городиштя-Крейничены, Рэ-кэтэу, Сату Ноу¹⁶, Круглик¹⁷, Гринчук¹⁸, Сипотены¹⁹; некоторые из них могут оказаться частью более крупных могильников.

Общим для могильников является расположение их вблизи поселений в сходных с ними топографических условиях и отсутствие в настоящее время внешних признаков погребений. Возможно, что в древности места погребений были каким-то образом обозначены, так как при раскопках не отмечено нарушения одних погребений другими (Лукашевский и Поенештский могильники).

---

¹² *Vulpe R. Săpăturile dela Poinestil...*, p. 492.

¹³ *Babeş M. Moldova centrală...*, p. 4.

¹⁴ *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э.— МИА, 1960, № 89, с. 22—25.

¹⁵ *Смирнова Г. И.* Могильник типа Поенешты-Лукашевка у с. Доляняны на Буковине (раскопки 1977—1978 гг.).— СА, 1981, № 3, с. 193—207.

¹⁶ *Babeş M. Moldova centrală...*, p. 4—5.

¹⁷ *Тимошук Б. А., Винокур И. С.* Памятники эпохи полей погребений на Буковине.— КСИИМК, 1962, вып. 90, с. 73—76.

¹⁸ *Пачкова С. П.* Урнове поховання в с. Гринчук на Середньому Дністрі.— Археологія, 1979, т. 29, с. 113—114.

¹⁹ *Сергеев Г. П.* Находка медных сосудов в Молдавии.— Изв. Молд. фил. АН СССР, 1956, № 4, с. 135—138.

Погребения совершались в неглубоких ямах, часто не достигавших материкового грунта. Поэтому контуры могильной ямы обычно трудно устанавливаются. В тех случаях, где это удавалось сделать, зафиксированы круглые в плане ямы диаметром 0,5—0,6 м, глубиной 0,49—1,1 м для Поенештского и 0,65—1,32 м для Лукашевского могильников.

Основным обрядом захоронения являлось трупосожжение, совершенное на стороне. Таким местом для Поенештского могильника Р. Вульпе считал три больших зольника, расположенных в 300 м к югу от могильника. Прах сожженного помещали в урну и ставили на дно могильной ямы. Но имеются случаи, когда урна с прахом ставилась на остатки погребального костра (Лукашевский могильник, погребение № 11) или же остатки в виде кусочков древесного угля и золы прослеживаются в засыпке погребений и возле урны (Лукашевка, Боросешти). В Поенештском могильнике среди урновых погребений четыре оказались кенотафами.

Кроме основного вида захоронения — трупосожжения в урне, отмечены случаи ямных погребений, когда остатки кремации сложены на дно могильной ямы и прикрыты крышкой (Поенешти, погребение № 344; Лукашевка, погребение № 4; несколько погребений в Боросешты). Исключением является погребение ребенка в Городиштя-Крейничени, совершенное по обряду трупоположения²⁰.

Праг сожженного в большинстве случаев тщательно очищали от остатков погребального костра. Но в отдельных погребениях (Лукашевка, погребения № 4, 10, 15) кусочки древесного угля и зола встречаются среди костей умершего.

В погребальных урнах обнаружен сопровождающий инвентарь. Найдены предметы, побывавшие в огне: фибулы, бусы, браслеты, пронизи, детали пояса, то есть принадлежности костюма и украшения; орудия труда, положенные после свершения кремации: ножи, пряслица, иглы, шилья. Исключением является оружие (Боросешти, погребение № 29). На всех трех широко исследованных могильниках открыты и безынвентарные погребения.

Урна в большинстве погребений накрывалась крышкой, но в некоторых погребениях крышки отсутствуют (Сипотены, Лукашевка, Гринчук). В качестве урн использовали мски, горшки, кувшины. Крышками, как правило, служили мски. В материалах Поенештского и Лукашевского могильников дополнительных сосудов в погребениях, кроме урны и крышки, не найдено, в то время как в могильнике Боросешти они зафиксированы в 74 погребениях из 117²¹.

²⁰ Babeş M. Moldova centrală., p. 4—5.

²¹ Babeş M. Moldova centrală., p. 4. Однако какая посуда, в каком количестве и где она стояла в погребении неизвестно, так как материалы могильника до сих пор не опубликованы.

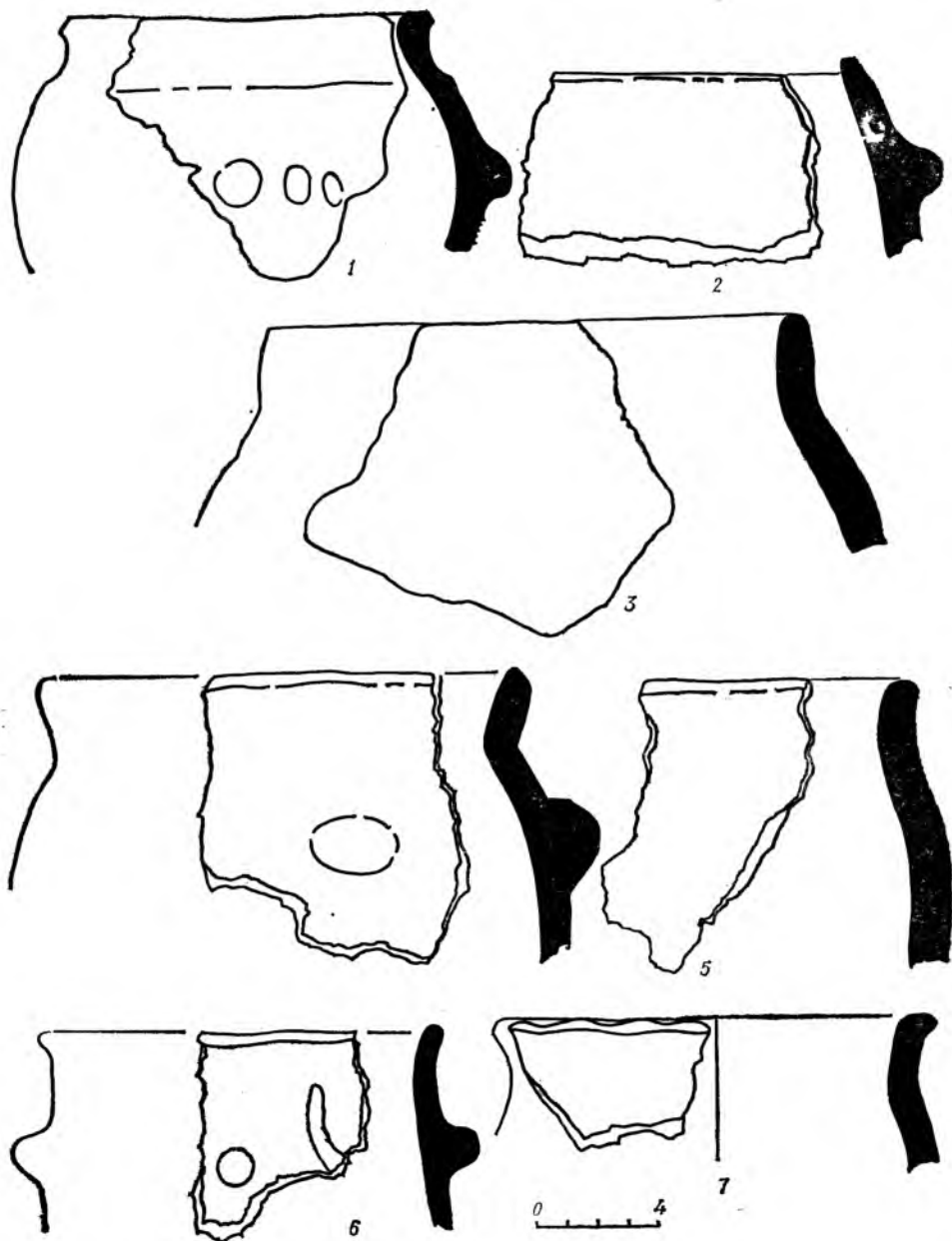

Рис. 4. Кухонная керамика из поселений культуры Поенешти-Лукашевка:
 1, 3 — Ульма; 2, 4—6 — Круглиж; 7 — Сокол.

В подавляющем большинстве сосуды из погребений поенешти-лукашевской культуры вылеплены ручным способом и имеют лощеную поверхность, лишь в Сипотенах они были бронзовыми.

По структуре погребального инвентаря погребения можно с достаточной достоверностью классифицировать по половому признаку захороненных. Погребения с пряслицами, иглами, украшениями и поясами являются женскими; погребения с фибулами, бритвами, щипцами, оружием и, возможно, безынвентарные следует относить к мужским:

При исследовании поселений и могильников поенешти-лукашевской культуры собрана значительная коллекция вещественного материала, первое место в которой занимает керамика.

Керамический комплекс состоит главным образом из посуды, изготовленной в основном ручным способом, и небольшого количества сосудов, выточенных на гончарном круге. Лепная посуда делится на две группы — с шероховатой и с лощеной поверхностью. На поселениях преобладает нелощеная керамика, на могильниках — лощеная, составляющая среди материалов поселений 12—15% всего керамического комплекса.

Основной формой нелощеной посуды был слегка выпуклобокий или округлобокий горшок. По характеру общей профилировки выделяется несколько основных типов горшков: сосуды с невыделенной или очень слабо выделенной горловиной баночной или боченковидной формы; горшки с цилиндрической или почти цилиндрической шейкой; горшки с отогнутой наружу прямой шейкой; горшки с отогнутой наружу изогнутой шейкой (рис. 4, 1—7).

Частыми находками на поселениях являются миски с нелощеной поверхностью. У некоторых из них загнуты вовнутрь края или прямо поставлена шейка с горизонтальным срезом венчика. Имеются миски с выделенной шейкой S-видного профиля, приближающиеся по форме к лощеным мискам. Встречаются сосуды в виде конических чашек с ручьями или плошек, некоторые из них на пустотелой ножке. Последние могли использоваться в качестве крышек или светильников. На поселениях довольно много плоских дисков, служивших сковородками или лепешечницами, встречаются дуршлаг, миниатюрные сосуды (рис. 5, 1—7).

Нелощеная посуда, чаще всего горшки, орнаментировалась. Основным видом украшения являлись разнообразные рельефные налеты: двойные и одинарные шишечки, вертикально и горизонтально расположенные ушки, подковки; налипной валик с ямками и насечками, иногда расчлененный шишечками. Наиболее часто налипным орнаментом украшались горшки первого типа. Реже зафиксирован углубленный орнамент — пальцевые вдавления и насечки по венчику и стенкам. Особым видом орнаментации можно считать прием специального ошершавливания стенок, когда их делали нарочито грубыми, бугристыми, хрповатыми, а шейка и придонная часть при этом заглаживались или подлощивались. Шейка от стенки иногда отделялась каким-либо орнаментальным мотивом: налипным валиком или пояском из пальцевых вдавлений

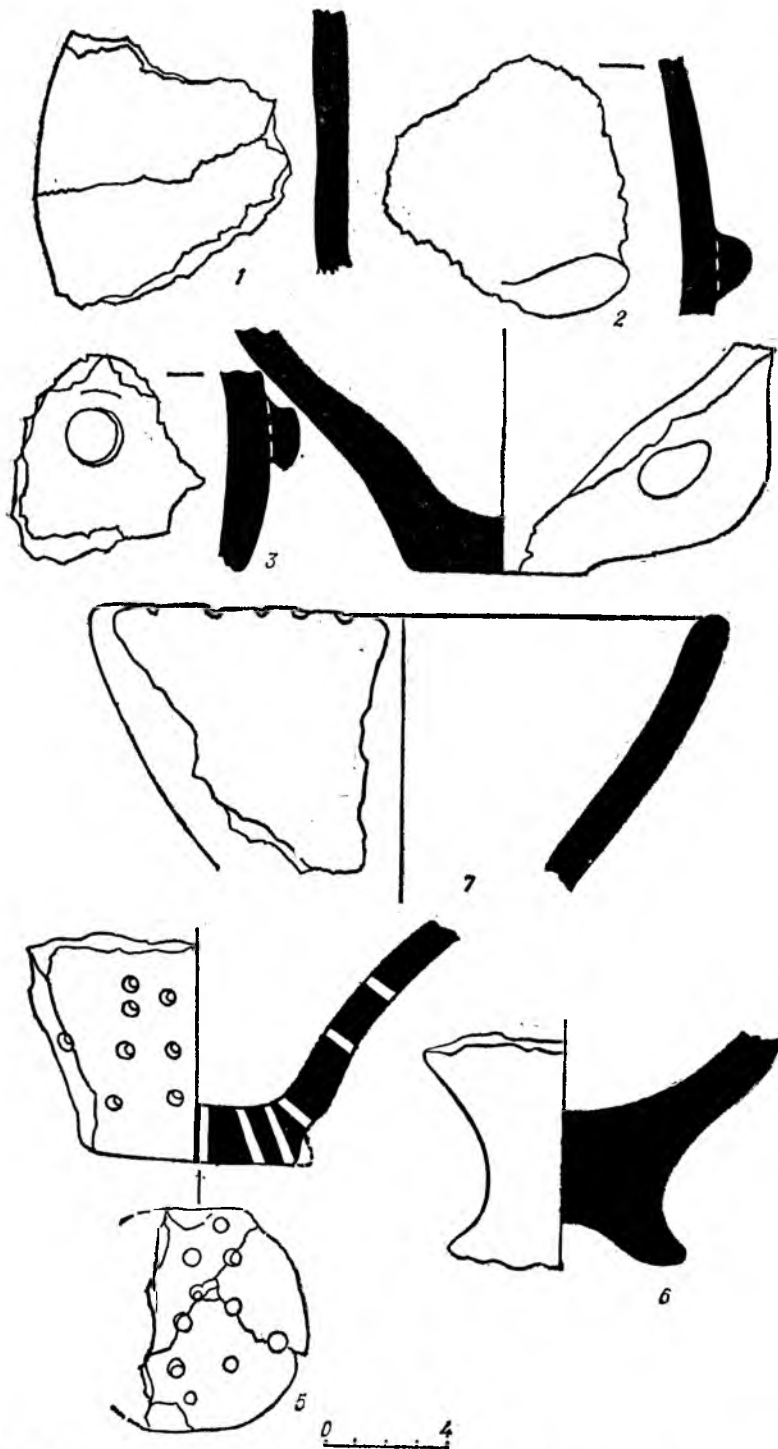

Рис. 5. Кухонная керамика из поселений культуры Поенешти-Лукашевка:
 1 — Круглик; 2—7 — Сокол.

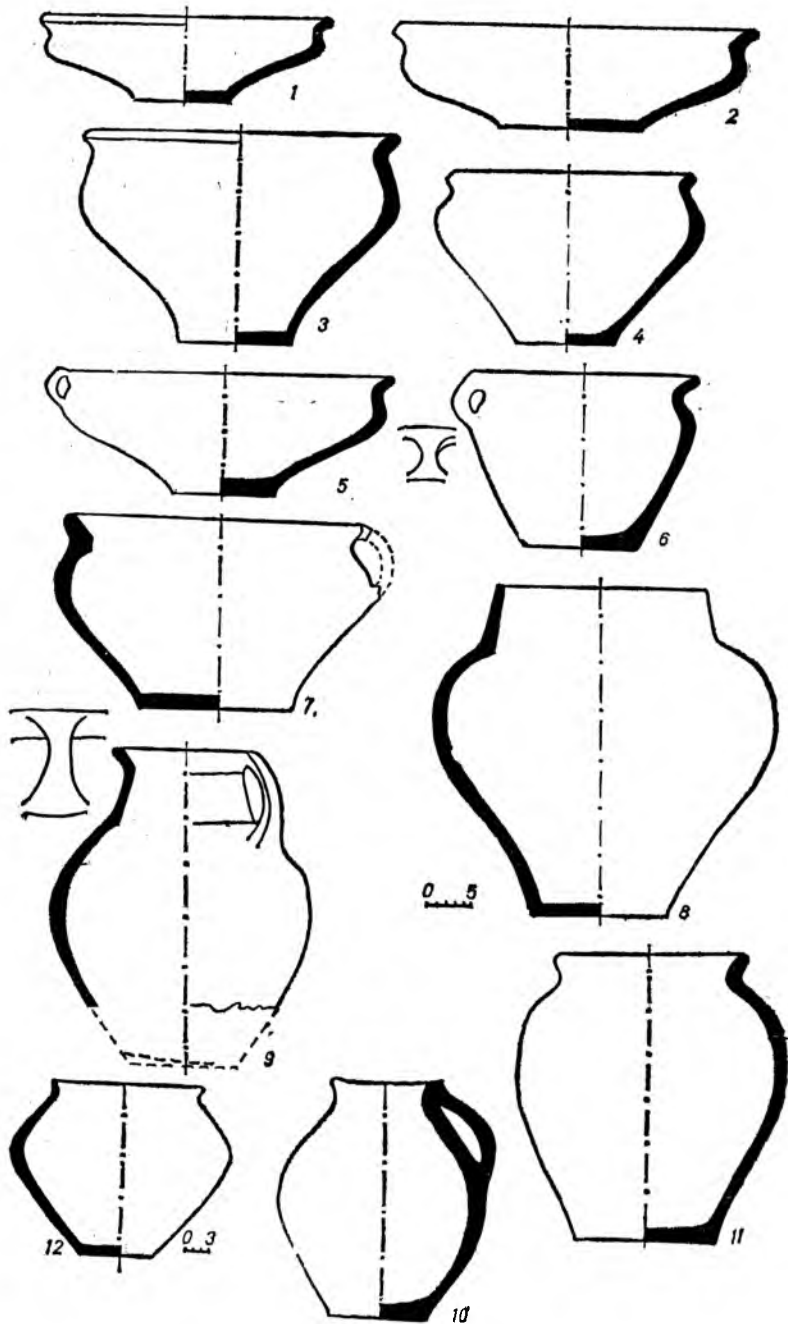

Рис. 6. Чернолощепая керамика из могильников и отдельных погребений культуры Поенешти-Лукашевка:

1, 2, 3, 10, 11 — могильник Лукашевка; 4—9 — могильник Поснешти; 12 — погребение Гринчук.

или насечек. Но сосудов с таким оформлением не так много на памятниках поенешти-лукашевской культуры. По материалам поселения у с. Круглик их не более 8%.

Лощеная посуда отличается тщательностью изготовления, черным, черно-коричневым или серым цветом, равномерным обжигом, хорошо вымешанной керамической массой, с более мелкими, чем в nelloщенной посуде, примесями.

Наибольшее количество экземпляров лощеной посуды дают миски. Они подразделяются на два типа, которые в свою очередь делятся на миски S-видного профиля с выделенной шейкой и округлым бочком, имевшие две-три грани с внутренней стороны края горловины, реже округлый или горизонтально срезанный венчик, и миски с невыделенной шейкой.

Кроме мисок на поенешти-лукашевских памятниках встречаются лощеные горшки с коническим или прямым горлом и с изогнутой шейкой; кувшины и кружки (рис. 6, 1—12).

Посуда, выточенная на гончарном круге, представлена предметами импорта — обломками эллинистических амфор (найденных, по данным М. Бабеша, на 27 поселениях) и кельтской тонкостенной лощеной и графитовой керамикой, известной на памятниках румынской Молдовы — Бойчени, Боросешти, Ботошани, Лунка-Чурей и на территории УССР в Круглик.

Из керамических изделий на памятниках поенешти-лукашевской культуры известны пирамидальной формы грузила для ткацкого станка и пряслица различной формы: плоские, изготовленные из стенок амфор, лепных лощеных и nelloщенных сосудов, биконические и усеченно-конические, округлоуплощенные, горшковидные. Некоторые из них украшены прорезным узором или наколами.

Из орудий труда следует назвать железный наральник латенского типа (Круглик), железные серпы (Круглик 7, Лукашевка II—1, несколько на территории Румынской Молдовы). Наиболее частыми находками на поселениях и на могильниках являются железные ножи, характерной для эпохи латена формы — с горбатой и прямой спинками, шилья, щипцы, иглы, долота, кельт-топор, железные бритвы.

Камень и кость также применялись в хозяйстве поенешти-лукашевских племен. Из камня изготавливались многочисленные точильные бруски, зернотерки, растиральники (последние — из ручек эллинистических амфор). Костяные проколки найдены на многих исследованных поселениях.

Среди **украшений** преобладают железные, реже бронзовые, в отдельных случаях серебряные фибулы. Они особенно характерны для материалов могильников. Так, в Поенештском могильнике фибулы найдены в 39 погребениях из 55, в Лукашевском — в 9 из 21. Большая часть фибул имеет среднелатенскую схему.

Встречаются железные и бронзовые браслеты; стеклянные, глиняные и металлические бусы; серьги; поясные крючки из железа

и бронзы; железные круглые пряжки от поясов; бронзовые и, в единичных случаях, золотые и серебряные спирали.

Оружие представлено отдельными находками наконечников стрел (втульчатой железной — с поселения Лукашевка II, бронзовой — с поселения Машкауцы), наконечников копий, насадная трубка которых длиннее острия (памятники Румынской Молдовы) и железных мечей (кельтский среднелатенского типа из погребения № 29 в Боросешты и два германско-латенского времени из Корни и Рэкэтэу). Оборонительное оружие и воинское снаряжение в виде остатков щитов с умбонами (прямоугольный кельтского типа в погребении № 29 из Боросешты и круглый германского типа из Рэкэтэу), детали кольчуги (Рэкэтэу) и фракийского шлема (Бубуечи). От конской упряжи найдены удила с боковыми псалиями скифского типа (Боросешты, Бубуечи) и с боковыми цепями (веригами) кельтского типа (Трушешты, Морешты, Поенешты).

Из предметов **культурного назначения** следует назвать фигурку бронзового идола, найденную на поселении Лукашевка II (по стилю она относится к изображениям кельтских богов) и «конька» — так называемые подставки (Feuerböcken), выполненные из глины в виде антропо-зооморфных фигурок, украшенных меандром и солярными знаками (Боросешты, Гелиешты) ²².

Хозяйственный и социальный уклад племен поенешти-лукашевской культуры. Материалы исследованных памятников дают определенные сведения об общественном устройстве, хозяйственной деятельности и идеологических представлениях племен поенешти-лукашевской культуры. Эти племена вели оседлый образ жизни, жили в небольших по размеру поселениях с неустановившейся планировкой, что характерно для периода распада первобытно-общинного строя. Устройство и небольшие размеры жилищ свидетельствуют о заселении их отдельными семьями, каждая из которых вела самостоятельное хозяйство.

Вещи, найденные в жилищах, и погребальный инвентарь, обнаруженный в захоронениях, немногочисленны и сравнительно однообразны, что свидетельствует, по-видимому, об отсутствии значительного имущественного, а возможно, и социального неравенства. Но элементы или зачатки его все же были, о чем говорят немногочисленные находки античного импорта, которые могли принадлежать только ограниченному кругу лиц.

Данных об идеологических представлениях и верованиях племен поенешти-лукашевской культуры немного. Характер погребального обряда — трупосожжение — свидетельствует о культе огня, а находки украшений, бытовых предметов и орудий труда в погребениях — о вере в потусторонний мир.

Основой экономической базы поенешти-лукашевского общества являлось пашенное земледелие и приселищное скотоводство. Это

---

²² Babeş M., Mihăilescu-Birliba. Cermanische latenezeitliche «Feuerböcke» aus der Moldau.— In: Bericht Romisch-Germanischen Kommiss. 1970—1971. Berlin: Gruyter, 1972, 51/52, S. 176—196.

подтверждается топографией поселений, расположенных среди пахотных черноземных полей и лугов, погребальным обрядом — трупосожжением, характерным именно для земледельческих племен, находками земледельческих орудий труда (серпы и железный наральник). По определению отпечатков растений на керамике и глиняной обмазке из Круглика, племена поенешти-лукашевской культуры выращивали просо обыкновенное, полбу-двузернянку, мягкую пшеницу, пленчатый и голозерный ячмень, коноплю²³.

Состав домашнего стада определяется остеологическим материалом из жилищ, хозяйственных ям и других объектов, открытых на поселениях. Первое место в стаде, судя по раскопкам в Круглике, принадлежало быку домашнему, затем шли овцы и свиньи, разводились также лошади. Немалое значение в хозяйстве имели лесные промыслы и охота, о чем свидетельствуют находки костей диких животных: лося, оленя благородного, косули, дикой свиньи²⁴.

О существовании местной черной металлургии свидетельствуют остатки железных шлаков, найденные на ряде поселений. Вероятно, железо повсеместно изготовлялось из болотных руд, широко распространенных в Европе. О железообрабатывающем ремесле свидетельствуют кузнечные шлаки и находки железных изделий из поенешти-лукашевских памятников. Металлографические исследования изделий из Круглика показали, что местным кузнецам кроме сыродутного железа была известна сталь. Они владели техникой кузнечной сварки железа со сталью²⁵. В целом местное кузнечное ремесло по уровню своего развития было близко железообработке зарубинецких племен Среднего Поднепровья.

С уверенностью можно говорить о местном производстве изделий из цветных металлов, а именно меди и бронзы. В Ульме найдена производственного характера постройка с остатками горна, сопла и шлаков, свидетельствующих о переплавке бронзовых изделий. Обломок тигля с металлургическим шлаком найден также на поселении Лукашевка II. Месторождения меди на территории распространения поенешти-лукашевской культуры отсутствуют, но в соседних областях Трансильвании они известны еще с эпохи бронзы. Вероятнее всего, оттуда она и поступала на территорию Молдовы в виде готовых изделий или слитков. Об умении местных мастеров-ювелиров обращаться с цветным металлом свидетельствуют два бронзовых сосуда из могильника у с. Сипотены, починенные при помощи бронзовых пластинок и заклепок.

Значительного развития достигло гончарное производство. И хотя местная керамика вылеплена вручную, но встречаются отдельные экземпляры, особенно лощеной посуды, отличающиеся утонченностью форм и высоким качеством исполнения. Петрогра-

²³ Пачкова С. П. Землеробство племен культуры Поенешти-Лукашівка.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976, с. 42—47.

²⁴ Остеологический материал определен Н. Г. Белан.

²⁵ Металлографические исследования железных изделий из Круглика проведены В. Д. Гопаком.

фический анализ простой nelloщенной посуды и столовой лощеной из поднеэтровских памятников поенешти-лукашевской культуры показывает, что она изготовлена из местных глин²⁶. Находки простой nelloщенной керамики, в том числе так называемой гетской формы, и лощеной посуды в примитивной по устройству обжигальной печи в Бранештах также подтверждает производство керамики разнообразных форм с различной обработкой поверхности и разнообразной орнаментацией на одних и тех же поселениях одними мастерами.

Определенного развития достигло прядение и ткачество, о чем свидетельствуют находки глиняных пряслиц и грузил для ткацкого станка, отпечатки ткани простого переплетения на керамике поселений Лукашевка II и Вассиены и находка иглы в одном из погребений Лукашевского могильника. Косторезное, камнерезное, строительное дело и другие виды производств, необходимые для удовлетворения всех потребностей в условиях практически замкнутого натурального хозяйства, несомненно были развиты в поенешти-лукашевском обществе.

Сказанное подтверждается многочисленными остатками материальной культуры, полученными при раскопках поселений и могильников (остатки строительных сооружений, изделия из кости, камня, глины и пр.). Все эти производства носили еще домашний характер. Наиболее развитыми, вероятно, были железодобывающие и металлургические ремесла, характер которых требовал специализации и определенных навыков и не позволяющий долго оставаться в рамках домашнего производства, но и они еще не вышли за рамки общинного ремесла.

О связях племен поенешти-лукашевской культуры с соседней этнической средой можно судить по находкам обломков античной керамики на поселениях. На поднеэтровских памятниках она представлена в основном обломками родосских и косских амфор и составляет иногда до 4,5% общего количества керамики. В амфорах, как считают, привозилось вино и масло. Их находки свидетельствуют о торговле с греческими городами-колониями, являющимися к тому же центрами транзитной торговли греческой метрополии с Северным Причерноморьем. Из предметов греческого импорта можно назвать украшения из бронзы и стекла (бусы, стеклянная посуда). Античные авторы, в частности Полибий, писали, что торговля с античными городами носила меновой характер. В обмен на античные товары шли продукты речного и лесного промыслов, охоты, земледелия и животноводства.

Помимо торговли с античным югом существовали торговые связи с областями кельтской культуры и культуры латенского облика. И хотя в количественном отношении предметы кельтского импорта уступали античному, влияние кельтской культуры на культуру Поенешти-Лукашевка было очень сильным. Это нашло отражение в общем облике культуры, входившей в круг культур

²⁶ Петрографический анализ керамики проведен О. Ю. Круг.

периферии латенского мира. Большое количество вещей, найденных на поенешти-лукашевских памятниках, можно рассматривать как местные, изготовленные в подражание кельтским (например, цепи в погребениях Глэвнешти, различные виды украшений, керамика).

Вероятно, экономические связи существовали у носителей поенешти-лукашевской культуры с населением Дакии. Оттуда поступали золотые и серебряные спирали (Лукашевский и Поенештский могильники), бронзовые изделия и бронза, возможно, в слитках. О связях с населением скифо-сарматского мира свидетельствуют некоторые детали военного снаряжения и упряжи (удила скифского типа из Боросешти).

Аналогии чернолощеным мискам и горшкам, украшениям, частям поясного набора и мечам из поенешти-лукашевских памятников встречаются среди материалов позднелатенского времени на обширной территории от Эльбы до Днестра, что подтверждает существование связей поенешти-лукашевской с ясторфской, пшеворской и зарубинецкой культурами, характер которых был, по всей вероятности, многосторонним и разноплановым, включающим военный, культурный и торговый аспекты. Проследить характер связей в каждом конкретном случае, однако, бывает трудно.

Хронология. Проблемой хронологии культуры Поенешти-Лукашевка занимались многие исследователи, но к настоящему времени в решении ее еще отсутствует полная ясность и единогласие, хотя казалось бы в материалах поселений и могильников имеется достаточное количество датированных закрытых комплексов. Одной из причин, возможно, является не вполне установившаяся датировка отдельных категорий вещей, на основании которых базируется хронология археологических периодов. В свое время исследователь Поенештского могильника Р. Вульпе на основании фибул датировал этот могильник II—I вв. до н. э.²⁷ Сопоставляя керамику и вещи Лукашевского могильника с комплексом из Поенешт, Г. Б. Федоров определил время функционирования Лукашевского этим же временем²⁸. Пересматривая периодизацию фибул и вместе с ними латенского периода, Я. Филип²⁹ и Р. Хахман³⁰ значительно сократили хронологические рамки названных могильников. Поенештский и Лукашевский могильники Р. Хахман датировал отрезком времени приблизительно в 30 лет, отнеся его к концу II — началу I в. до н. э.³¹ Мачинский Д. А. для Поенештского могильника считает приемлемой датой конец II в. до н. э. или рубеж II—I вв. до н. э. — середина или третья четверть

²⁷ *Vulpe R. Săpăturile de la Poinesti...*, p. 490—506.

²⁸ *Федоров Г. Б. Население...*, с. 25.

²⁹ *Filip J. Keltové ve střední Evropě.— Nakladatelství Československé Akademie Ved.* 1956, s. 471—512.

³⁰ *Hachmann R. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit.— 41.— In: Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1960, 1961, S. 258.*

³¹ *Ibid.*, S. 123.

Таблица I. Клейма из памятников культуры Поенешти-Лукашевка

Место находки	Клеймо	Датировка	Автор датировки
Поселение Лукашевка II, жилище № 4	ΙΜΑ	180—150 гг. или 146 г. до н. э.	Д. Б. Шелов
	ΑΓΑΘΟΚΛΕΥΣ	220—180 гг. до н. э.	Д. Б. Шелов
Поселение Лукашевка II, раскоп I	ΙΑ ΒΑΤΡΟΜΙΟΥ	Скорее 200—180 гг. до н. э.	Б. Н. Граков
Поселение Лунка-Чурей	Α[ΝΤΙΜΑ]ΧΟΥ Х	184—146 гг. до н. э.	Д. Б. Шелов
Там же	[ΕΠΙ] ΑΔΙΣΤΟΔΑΜΟΥ ΙΑΚΥΤΝΘΙΟΥ	220—180 гг., скорее 190—180 гг. до н. э.	Тудор
	Α[ΑΜΟ]ΚΡΑ[ΤΟΥ]	200—180 гг. до н. э.	Д. Б. Шелов
»	ΔΙΟΥ	Около 180 г. до н. э.	Д. Б. Шелов
»	ΕΠ[Θ]ΕΑΙ [ΔΗΤ]ΟΥ ΑΓ[Ρ]Ι[ΑΝΙΟΥ]	200—190 гг. до н. э.	Д. Б. Шелов
»	ΕΠΕΕ[ΝΟΘΩΝΓ]ΟΣ	Первая пол. II в. до н. э.	Д. Б. Шелов
	ΑΓΡ[Ι]ΑΝΙΟΥ	200—190 гг. до н. э.	
»	ΣΑΡΑΠΙΩΝΟΣ	220—180 гг. до н. э.	Д. Б. Шелов и Тудор

I в. до н. э.—конец I в. до н. э. или даже рубеж нашей эры³². К. Такенберг отводит Лукашевскому могильнику хронологические рамки в пределах второй половины I в. до н. э.³³

На поселениях ранняя дата определяется обломками родосских амфор с клеймами, датируемыми в пределах 220—180 гг. до н. э. и 184—146 гг. н. э. (табл. I). Поздняя дата определяется фибулами. На поселении Круглик в жилище № 3 найдена фибула позднелатенской схемы с рамчатой ножкой. Подобные фибулы бытовали «во второй половине позднелатенского периода и частично доживали в I в. н. э.»³⁴. На поселении Лукашевка II найдена бронзовая фибула зарубинецкого типа, отнесенная А. К. Амбро-

³² Мачинский Д. А. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поенешти-Лукашевка.— В кн.: Археология старого и нового света. М., 1966, с. 87.

³³ Tackenberg K. Zu den Funden von Lukaschewka im Bezirk Kischeneu Moldau-Republik.— In: Alt-Thüringen Jahresschrift des Museums für Ur—Frühgeschichte Thüringens, 1962/1963, Bd. 6, S. 423—424.

³⁴ Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1-30, с. 22—23.

зом к третьему варианту среднелатенских фибул с треугольно-расширенным концом ножки, которые датируются им последней третью I в. до н. э. — началом I в. н. э.³⁵ Датирующие вещи в комплексах (жилищах и ямах) и культурном слое поселений сопровождаются лощеной керамикой, в том числе и с фацетированным краем, имевшей распространение, как отмечается исследователями, до рубежа нашей эры.

Таким образом, датировка укладывается в хронологические рамки от рубежа III—II вв. до н. э. до рубежа нашей эры (то есть полностью II и I вв. до н. э.).

Несмотря на более узкую датировку исследованных могильников по сравнению с датировкой поселений, хронологические рамки поенешти-лукашевской культуры в целом, по нашему мнению, укладываются в рамки от начала II в. до н. э. до рубежа н. э., а датировки могильников, принятые в настоящее время, в какой-то степени отражают, с одной стороны, более узкие рамки функционирования конкретных памятников по сравнению с культурой в целом, а с другой — неустоявшуюся хронологию определенных категорий археологического материала, в частности фибул.

Разделить поенешти-лукашевские памятники и всю культуру на отдельные этапы развития пока не удастся, хотя такие попытки были. Желание Д. А. Мачинского³⁶ выделить два хронологических этапа на поселении Лукашевка II не подтверждается археологическим материалом. На поселении отсутствуют комплексы с набором находок, четко разделенных хронологически. В одних и тех же объектах в едином комплексе находится лощеная керамика, несущая новые веяния, и нелощеная старых гетских форм и традиций. М. Бабеш, отмечая, что в общем поселения поенешти-лукашевской культуры представляют единое целое, выделяет три хронологические фазы³⁷. К наиболее ранней фазе им отнесено поселение Бовшев, где раскопана землянка с кельтским материалом, не имеющая отношения к исследуемой культуре. Две последующие фазы М. Бабеш разделил по признаку наличия обломков родосских амфор с клеймами, хотя остальной комплекс находок у них одинаков.

Более перспективно разделение этой культуры на локальные варианты, так как различия в материалах памятников, расположенных в Прутско-Днестровском междуречье на территории Украинской и Молдавской ССР, с одной стороны, и в Запрутской Молдове — с другой, отмечаются исследователями³⁸.

Происхождение поенешти-лукашевской культуры. Проблема генезиса памятников поенешти-лукашевской культуры впервые была поставлена в археологической науке после исследования Поенештского могильника (Р. Вульпе). В настоящее время существует не-

³⁵ Там же, с. 17.

³⁶ Мачинский Д. А. К вопросу о датировке..., с. 82—96.

³⁷ Babeş M. Moldova centrală..., p. 12.

³⁸ Федоров Г. Б. Население..., с. 28—30.

сколько точек зрения. Согласно одной культура Поенешти-Лукашевка не имеет корней в местной культуре раннего железного века (Р. Вульпе³⁹, Р. Хахман⁴⁰, К. Такенберг⁴¹, Д. А. Мачинский⁴², М. Бабеш⁴³). Относительно истоков культуры у названных исследователей существуют разногласия. Так, Р. Вульпе, М. Бабеш, Ю. В. Кухаренко и Д. А. Мачинский считают, что исследуемая культура возникла благодаря бастарнам, причем Р. Вульпе и Ю. В. Кухаренко называют их восточными германцами, Д. А. Мачинский же отрицает германскую принадлежность бастарнов. К. Такенберг и Р. Хахман, признавая германский этнос поенешти-лукашевской культуры, выступают против ее принадлежности бастарнам, выводя ее корни из среднегерманской группы ясторфской культуры. М. Бабеш истоки культуры видит в различных германских племенах, продвигавшихся в конце I тыс. до н. э. в Северное Причерноморье и которые античные источники называют бастарнами.

Однако теория привносимого характера поенешти-лукашевской культуры, созданная на материалах могильников, не может объяснить такой важный этногенетический факт, как сочетание на поселениях в одних и тех же комплексах кухонной посуды, формой и орнаментацией близкой гетской предшествующего времени, и чернолощеной столовой посуды новых, неизвестных здесь раньше форм. Причем на поселениях лощеная, так называемая бастарнская, керамика составляет всего 10—15%. Поэтому сторонники этой теории вынуждены относить керамику местных форм к до-бастарнскому периоду (Д. А. Мачинский) или признавать, что для бастарнской керамики характерна не только чернолощеноя посуда, но и nelloщеноя кухонная, среди которой встречаются и гетские формы (М. Бабеш)⁴⁴. Кроме того, сторонники этой теории (Ю. В. Кухаренко⁴⁵ и в какой-то степени М. Бабеш⁴⁶) не могут четко указать территорию поенешти-лукашевской культуры, включая в нее памятники других культур или же включая памятники поенешти-лукашевской культуры в ареал соседних культур (Д. А. Мачинский⁴⁷).

Согласно второй точке зрения, поенешти-лукашевская культура является местной, гетской, представляющей собой дальнейший этап социально-экономического развития населения Карпато-Дне-

³⁹ *Vulpe R. Săpăturile de la Poinesti...*, p. 491—492.

⁴⁰ *Hachmann R. Die Chronologie...*, S. 118.

⁴¹ *Tackenberg K. Zu den Funden...*, S. 403—425.

⁴² *Мачинский Д. А. К вопросу о датировке...*, с. 94—96.

⁴³ *Babeş M. Moldova centrală...*, p. 1—24.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 12.

⁴⁵ *Кухаренко Ю. В. О памятниках поенештской культуры на Украине.—* Pr. i materialy Museum archeol. i etnograficznego, w. Lodzi Ser. Archeol. 1978, N 25, S. 215—219.

⁴⁶ *Babeş M. Moldova centrală...*, p. 1—24.

⁴⁷ *Мачинский Д. А. Археологические памятники у с. Круглик и проблемы зарубинецкой культуры.—* В кн.: Тези доп. поділ. іст.-краєзнав. конф. (верес. 1965 р.). Хмельницький, 1965, с. 71—72.

стровского района в последние века I тыс. н. э. (Г. Б. Федоров, М. А. Романовская⁴⁸). Хотя какое-то влияние чуждых элементов и не отрицалось.

Г. Б. Федоров, первым обосновавший гетский характер поеншти-лукашевской культуры, считал, что своеобразие облика этой культуры создали именно пришлые племена бастарнов и, возможно, в какой-то степени венедов, переселявшихся в конце I тыс. до н. э. из южной Польши в Северное Причерноморье (племена позднепоморской и пшеворской культур позднелатенского времени). Однако количество пришельцев было невелико, и поэтому к рубежу нашей эры они были полностью ассимилированы местным населением.

Проблема происхождения поеншти-лукашевской культуры сложная. Для окончательного ее решения в настоящее время отсутствует достаточное количество материалов. В частности, пока еще нет необходимого количества широко исследованных в комплексе поселений и могильников, расположенных в различных местах распространения поеншти-лукашевской культуры. Мы считаем, что все же поеншти-лукашевская культура представляла собой качественно новое явление по сравнению с гето-фракийской культурой предшествующего времени и не была прямым продолжением предшествующей культуры.

Поеншти-лукашевская культура сложилась в результате обособленного взаимодействия различных этнокультурных пришлых компонентов на местном субстрате гето-фракийской культуры предшествующего времени. Процесс сложения новой культуры не являлся простым наложением новых культурных элементов на старые, а представлял собой своеобразный синтез, в результате которого появились новые черты поеншти-лукашевской культуры, сделавшие безуспешными поиски прямых аналогий в предшествующих и синхронных культурах. Аналогичная картина наблюдается в это время на территории сложения зарубинецкой, пшеворской и ясторфской культур позднелатенского времени. Входя в периферию латенского мира, эти культуры переживали сходные и в то же время присущие только им процессы развития. Сказанное прослеживается на анализе отдельных элементов поеншти-лукашевской культуры.

Памятники культуры Поеншти-Лукашевка были расположены на территории, в предшествующее время занятой гето-дакийскими памятниками северофракийского круга (центральная и северная часть Запрутской Молдовы, лесостепная часть Молдавской ССР, Северная Буковина на территории УССР) и находившейся под влиянием скифских лесостепных культур⁴⁹. То есть субстрат, на котором сложилась поеншти-лукашевская культура, был более

---

⁴⁸ Романовская М. А. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка.— МИА, 1969, № 150, с. 81—95; Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья..., с. 22—25.

⁴⁹ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир.— М., 1979, с. 142.

или менее однородным или, во всяком случае, близким в этнокультурном отношении.

Топография поенешти-лукашевских памятников несколько отличается от топографии памятников предшествующего времени. К настоящему времени ни на одном поселении поенешти-лукашевской культуры не обнаружено следов оборонительных укреплений, хотя часть поселений и располагалась в естественно приспособленных для обороны местах. Для IV—III вв. до н. э. характерно наличие на данной территории цепи укрепленных городищ, расположенных на возвышенных местах, идущих по линии с севера на юг по течению Днестра и затем резко поворачивающих на запад, отделяя Лесостепь от Степи с востока и юга⁶⁰.

Признаком, отражающим в какой-то степени происхождение культуры, являются жилища. Как отмечалось, для поенешти-лукашевской культуры характерно сочетание наземных и полужемляночных домов со стенами плетнево-каркасной конструкции. Подобное сочетание было характерно для гето-дакийского населения IV—III вв. до н. э.⁵¹ Отдельные близкие типы жилищ зафиксированы для ряда культур: подобные по устройству полужемляночные жилища открыты в позднепоморских памятниках⁵², на поселениях губинской группы ясторфской культуры⁵³, на поселении пшеворской культуры позднелатенского времени⁵⁴, на зарубинецких памятниках Полесья⁵⁵. Но в конструктивном отношении они отличались от поенешти-лукашевских. Вероятно, все они имели срубные стены, так как при их расчистке не обнаружено следов глиняной обмазки. Наиболее близки поенешти-лукашевским домам наземного типа наземные жилища со стенами плетнево-каркасной конструкции зарубинецкой культуры Среднего Приднепровья, корни домостроительства которых уходят в традиции позднескифской лесостепной культуры⁵⁶.

---

⁶⁰ Златковская Т. Д., Полевой Л. Л. Городища Прутско-Днестровского междуречья IV—III вв. до н. э. и вопросы политической истории гетов.— МИА, 1969, № 150, с. 59—60.

⁵¹ Мелюкова А. И. Исследование гетских памятников в Степном Поднестровье.— КСИА, 1963, вып. 94; Vulpe R. Santierul arheologic Popesti.— SCIV, 1955, N 1/2, с. 246, р. 7; Pârvan V. *Getica*.— Bucureşti, 1926, S. 177.

⁵² Никитина В. Б. Поморская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965, с. 7.

⁵³ Jentsch H. Prähistorische Wohnstätten bei Buderase Kreis Guben.— Zeitschrift für Ethnologie, Verhandlungen der Berliner Gesellschaft. 1964, Berlin, t. 16, S. 311—316. В этой группе памятников на некоторых поселениях (Седлиско, пов. Нова Суль) обнаружены и наземные жилища, но по устройству они отличны от наземных поенешти-лукашевских. (Petersen E. Eine spätlatenezeitliche Siedlung aus Niederschlesien. «Mannus» 1928, t. 6, S. 59—66).

⁵⁴ Dąbrowski K. Osadnictwo z okresów późnolateńskiego i rzymskiego na stanowisku I w Piwonicach, pow. kalisz.— Materiały Starożytne. Warszawa, 1958, t. 4, s. 7—90.

⁵⁵ Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья.— САИ, 1961, вып. Д1-29, с. 18.

⁵⁶ Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры.— Киев, 1972, с. 118—119.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что домостроительство поенешти-лукашевской культуры своими корнями уходит в гетскую среду предшествующего времени, так как преобладание в конструкциях жилищ выявилась более существенной, чем сходство между жилищами соседних синхронных культур. Во всяком случае в поенешти-лукашевском домостроительстве присутствуют только те элементы домостроительства соседних и синхронных (зарубинецкой, пшеворской, ясторфской) и предшествующих (позднепоморской) культур, которые были присущи гетской культуре IV—III вв. до н. э.

Погребальный обряд поенешти-лукашевской культуры отличается, как отмечалось выше, однообразием. Это остатки трупосожжения, очищенные от погребального костра, в урне закрытой крышкой и в меньшем количестве без крышек. Отклонения составляют незначительное количество известного числа погребений. Такой тип погребения был основным и у дако-гетских племен IV—III вв. до н. э. Однако в I в. до н. э. — I в. н. э. у дако-гетов, соседствующих с поенешти-лукашевскими племенами с запада и юго-запада, погребальный обряд изменяется: урновые трупосожжения уступают место ямным, которые стали составлять 93% общего числа погребений⁵⁷. Как видим, погребальный обряд на территории Дакии изменился по сравнению с предшествующим временем, а у поенешти-лукашевских племен он сохранился. Нс в погребениях последних меняется форма погребальной посуды — вместо сосудов гетских форм появляется чернолощенная посуда, нередко имевшая фацетированный венчик (миски, горшки, кувшины).

Аналогичный обряд погребения был господствующим у племен губинской группы позднелатенского времени: урны с остатками трупосожжения, закрытые перевернутой вверх дном миской⁵⁸. Так же как и в Поенештском и в Лукашевском могильниках, в погребениях губинской группы отсутствуют сосуды — приставки, но в некоторых погребениях встречаются обломки других дополнительных сосудов, иногда отмечается золистая земля возле урны с прахом. В некоторых случаях урна закрывалась плоским камнем; иногда плоский камень дополнял крышку-миску. Обряд трупосожжения в урне с крышкой был широко распространен в более отдаленных областях ясторфской культуры в междуречье Эльбы и Одера⁵⁹.

В погребальном обряде пшеворской культуры позднелатенско-

---

⁵⁷ *Protase D.* Considérations sur des rites funéraires des Daces.— *Dacia*, 1962, N. S. N 6, p. 173—197.

⁵⁸ *Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit. teil 1. Manus — Bibliothek, N 18, Leihzig heipzig und Würzburg, 1919, S. 233—235.

⁵⁹ *Marschalleck K. H.* Das Latenegräberfeld bei Cammer (Kreis Zauch-Belzig).— *Prähistorische Zeitschrift*, 1927, Bd. 18, S. 212—249.

го времени преобладали ямные погребения⁶⁰ (например, в могильнике в Загужине, повет Калиш)⁶¹.

Урновые трупосожжения преобладали в позднепоморской культуре, но вариант погребения, когда урна с прахом накрывалась крышкой, составлял незначительную часть (не более 16%, по данным В. Б. Никитиной). Значительно шире были распространены ящичные и подклешовые погребения, не характерные для поенешти-лукашевской культуры.

Урновые трупосожжения типичны для среднеднепровских зарубинецких племен, где они составляли почти $\frac{1}{3}$ всех погребений (в то время как в полесских памятниках они встречаются в единичных случаях, а в верхнеднепровских полностью отсутствуют⁶²). Так же как и в поенешти-лукашевской культуре, трупосожжение совершалось на стороне, и очищенные от погребального костра кальцинированные кости складывались в урну. Но в отличие от поенешти-лукашевских, урны в зарубинецких, как правило, ничем не закрывались (исключением являются погребения в Корчеватовском и два в Суботовском могильниках). Кроме того, нередко урнами служили простые кухонные горшки (в Корчеватовском могильнике их 26 из 33).

Итак, поенешти-лукашевскому погребальному обряду присущи определенные локальные особенности, корни которых прослеживаются в дако-гетской культуре очерченной территории предшествующего времени. Вместе с тем наблюдается значительное сходство с погребальным обрядом губинской группы и более удаленными областями ястрофской культуры. Некоторые элементы сходства прослеживаются в погребальном обряде пшеворской и зарубинецкой культур.

Анализ глиняной лепной посуды из памятников поенешти-лукашевской культуры показывает, что она имеет аналоги в керамике предшествующих и синхронных культур Средней и Восточной Европы. Так, слабопрофилированные горшки первого типа (с невыделенной или очень слабо выделенной шейкой баночной и боченковидной формы) близки гетским горшкам из памятников IV—III вв. н. э. Карпато-Днестровского района. Это неоднократно отмечалось как советскими, так и румынскими исследователями. Сказанное относится и к орнаментации кухонных горшков, корни которой также уходят в гетский мир предшествующего времени: выпуклые узоры в виде различных налепов⁶³. Влияние нового времени сказалось и на некотором изменении формы налепов. Так, они стали менее рельефными, уменьшились их размеры, исчезли отдельные виды налепов, характерные для предшествующе-

⁶⁰ Ямные погребения встречаются и в могильнике Боросешти, но его материалы до сих пор не опубликованы.

⁶¹ *Dabrowski K.* Smentarzysko z okresu późnolateńskiego w Zagórzynie, pow. Kalisz.— *Sprawozdania Archeologiczne*, Kraków, 1970, t. 22, S. 331—397.

⁶² *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры, с. 120.

⁶³ *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднестровья.— *МИА*, 1958, № 64, с. 93, рис. 13, 18.

го времени, например горизонтальные упоры-ушки, загнутые кверху. Количество баночных и боченковидных горшков на поселениях стало меньше, но на их основе развиваются новые формы сосудов со слегка выделяющейся отогнутой наружу шейкой и слегка выпуклобким корпусом⁶⁴.

Традиции предшествующего времени, но скифского культурного круга, прослеживаются в формах небольшого в количественном отношении четвертого типа горшков, имеющих отогнутую наружу изогнутую шейку, иногда украшенную пальцевыми вдавлениями или насечками⁶⁵. Близкие формы горшков преобладают в кухонной керамике зарубинецких памятников Среднего Поднепровья⁶⁶.

Горшки с выпуклым корпусом, прямой цилиндрической или почти цилиндрической шейкой, высоко расположенными короткими плечиками, встречающиеся в незначительном количестве на каждом исследованном поенешти-лукашевском поселении, являлись типичными для позднепоморских материалов Южной Польши и Западного Полесья, предшествующих по времени культуре Поенешти-Лукашевка. Известны они и на памятниках синхронных культур, испытавших позднепоморское влияние (пшеворской, губинской группы, зарубинецкой, особенно полесской группы)⁶⁷. Эти же истоки имеет и прием специального ошершавливания стенок — «хрповатость» — кухонной посуды, не применявшийся в предшествующее время в гетской культуре, но широко распространенный в последние века I тыс. до н. э. в поенешти-лукашевских памятниках даже при оформлении типично гетских форм горшков.

Огромное влияние на европейский варварский мир оказала яркая цивилизация кельтов, сложившаяся в Средней Европе в IV—II вв. до н. э.⁶⁸ Она наложила свой отпечаток на многие европейские культуры, придав им в какой-то степени единообразный облик, независимо от их этнического содержания. Наглядно это проявилось в чернолощеной керамике.

Как полагают исследователи, к непосредственным заимствованиям из арсенала латенских традиций относится манера гравения внутреннего края горловины и утолщенность венчика у лепных сосудов, как подражание кельтской бронзовой посуде⁶⁹. Подобные заимствования широко распространились в довольно короткий срок не только у варварских племен, с севера контактировавших с кельтским миром (ясторфская, пшеворская, оксывская культуры), но и у населения, проживавшего к востоку от кельтской территории (поенешти-лукашевская, зарубинецкая культуры, особен-

⁶⁴ Романовская М. А. Об этнической принадлежности..., с. 89.

⁶⁵ Петренко В. Г. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. — МИА, 1961, № 96.

⁶⁶ Максимов Е. В. Среднее Поднепровье..., с. 127.

⁶⁷ Кухаренко Ю. В. Археология Польши. — М., с. 108; Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура. — США, 1964, вып. Д1-19, с. 24—29.

⁶⁸ Filip J. Keltové ve střední..., s. 472—474.

⁶⁹ Максимов Е. В. Среднее Поднепровье..., с. 128.

но среднеднепровская группа). Хотя лощеная керамика каждой из этих культур, в общем, явление оригинальное, отличающееся своими специфическими особенностями, аналогии отдельным сосудам можно найти на широкой территории распространения названных культур от Эльбы до Днепра.

Представляет ли чернолощенная керамика явление имманентное на территории поенешти-лукашевской культуры, сложившееся здесь в результате внутреннего развития местных форм керамики под влиянием кельтов, памятники которых в III в. до н. э. находились на территории соседней Трансильвании? Или она заимствована от соседних культур? Исследователи (Г. Б. Федоров), отстаивающие местный гетский характер поенешти-лукашевской культуры, считают ее привнесенной извне, чуждой местной среде. Сторонники пришлого происхождения поенешти-лукашевской культуры, решающие этот вопрос фактически на материалах могильников, только ее в конечном счете и считают присущей данной культуре (Р. Вульпе, Р. Хахман, К. Такенберг) и при рассмотрении материалов поселения выделяют формы керамики, близкие к типично гетским, в слой, предшествующий этой культуре (Д. А. Мачинский, М. Бабеш)⁷⁰.

Мы считаем, что чернолощенная керамика несомненно изготовлялась на месте теми же мастерами, которые делали и остальную кухонную посуду. Об этом свидетельствует прежде всего состав глиняного теста, одинаковый для всей керамики поенешти-лукашевской культуры, основными примесями в которой являются шамот и растительные добавки, тогда как в керамике губинской группы и пшеворской культуры основной примесью является песок и толченый камень (дресва).

Однако истоки этой керамики следует искать у северных соседей кельтов на территории Южной Польши, в материалах которых прослеживаются еще со времен лужицкой культуры прототипы отдельных форм, в частности мисок. Таким образом, латенское влияние, сказавшееся в чернолощенной керамике поенешти-лукашевской культуры (как впрочем и зарубинецкой), было опосредованным.

Территория распространения поенешти-лукашевской культуры не входила в зону непосредственного контакта с кельтским миром, так как кельтские памятники, зафиксированные в соседней Трансильвании, относятся к более раннему времени. О сильном влиянии кельтов свидетельствуют погребения с кельтским инвентарем на территории поенешти-лукашевской культуры (Глэвнешти и Ионэшти), обломки графитовой и расписной керамики на некоторых поселениях Румынской Молдовы (Батوشана, Лунка-Чурей, Тырпешти и т. д.).

Латенское влияние сказывается в различных проявлениях материальной культуры поенешти-лукашевских племен: широкое

⁷⁰ М. Бабеш относит толстостенную чернолощеную керамику плохого качества к местной гетского происхождения.

распространение украшений и прежде всего фибул латенских схем, браслетов, бус, поясных крючков, амулетов (бронзовая статуэтка из Лукашевки II), конской упряжи (кельтские удила из Трушешти и Морешти), оружия (мечи кельтского типа из погребения № 29 могильника Боросешти) и т. д.

Подводя итоги, отметим, что анализ составных частей поенешти-лукашевской культуры показывает, что сама культура представляет собой новое культурно-историческое явление Карпато-Днестровского района последних веков I тыс. до н. э., сложившееся на местной дако-гетской основе в результате синтетизирования гетских культурных традиций с новыми, привнесенными из ареала распространения ясторфской и складывающейся в это время пшеворской культур, находившихся под сильным влиянием кельтской цивилизации.

Этническая принадлежность. Вопрос об этнической принадлежности поенешти-лукашевской культуры в археологической науке был поставлен со времени открытия Поенештского могильника. К настоящему времени существует три мнения: поенешти-лукашевские памятники оставлены упоминаемыми в античных источниках бастарнами (Р. Вульпе⁷¹, Д. А. Мачинский⁷², Ю. В. Кухаренко⁷³, М. Бабеш⁷⁴); германским населением, которое было не известно античным авторам (К. Такенберг⁷⁵, Р. Хахман⁷⁶); местными гетскими племенами, в среду которых вторглась новая этническая группа, а именно союз племен во главе с бастарнами (Г. Б. Федоров⁷⁷).

Античные письменные источники, в частности Страбон⁷⁸, говоря о гетах, перечисляют народы, живущие к северу от Дуная. Соседями гетов на севере являлись тирагеты, бастарны, галаты и германцы. Из «Географии» Страбона узнаем также о движении сарматов, которые доходят до Понта, занимая прибрежные местности, и бастарнов, живущих смешанно с фракийцами и сарматами. На карте Птолемея бастарны — соседи тирагетов на левом берегу Днестра, а по соседству с ними проживают германцы⁷⁹. На правом берегу Днестра до Дуная живут племена даков. О гетах, занимающих прибрежные области, писал и Плиний Старший⁸⁰.

⁷¹ *Vulpe R. Săpăturile dela Poinesti...*, p. 490—506.

⁷² *Мачинский Д. А. К вопросу о датировке...* с. 93—96.

⁷³ *Кухаренко Ю. В. О так называемых зарубинецких памятниках в Подолии.* — В кн.: *Проблемы советской археологии.* М., 1978, с. 146.

⁷⁴ *Babes M. Moldova centrală...*, p. 1—21.

⁷⁵ *Tackenberg K. Zu der Funden...*, S. 401—425.

⁷⁶ *Hachmann R. Jastorf-Funde...*, S. 77—92.

⁷⁷ *Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья...*, с. 54—55.

⁷⁸ *Страбон. География / Пер. статья и коммент. Г. А. Стратановского.* — М., 1964, кн. VII, гл. 3, с. 271, 279—280.

⁷⁹ *Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе: Клавдий Птолемей. Географическое руководство, кн. III, гл. 5, § 7, 8, 11.* — ВДИ, 1948, № 2, с. 232—239.

⁸⁰ *Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего.* — Киев, 1977, с. 40.

Таким образом, по сведениям античных авторов, в интересующем нас районе, кроме оседлых гетов, могли проходить, а может быть и жить какое-то время бастарны и сарматы.

Археологические материалы свидетельствуют, что поенешти-лукашевская культура не являлась простой модификацией гетской культуры предшествующего времени.

Район распространения поенешти-лукашевской культуры был восточной окраиной дако-гетского этнического массива, находившейся в предшествующее время под гораздо большим влиянием со стороны скифского лесостепного мира, чем остальная его часть. В конце I тыс. до н. э. в связи с падением военно-политического могущества скифов это влияние ослабевает. Происходит консолидация дако-гетского этнического массива, выразившаяся в возникновении целой цепи укрепленных городищ. Культурно-политические центры из придунайских областей, находившихся под сильным воздействием античной культуры, перемещаются в глубинные районы Трансильвании. С запада и северо-запада их теснили кельты, с юго-запада надвигалась угроза порабощения Римом. Центральным и западным областям дако-гетского этнического массива удалось консолидироваться настолько, что появились условия для создания первого государственного объединения.

Территория Молдовы оказалась в иной исторической ситуации. На рубеже III—II вв. до н. э. она попала в сферу влияния северо-западных варварских племен, движение которых было вызвано, с одной стороны, их социально-экономическим развитием, с другой — кельтской экспансией. Племена, продвигавшиеся из северных областей Центральной Европы в районы Северного Причерноморья, были различными в культурном и этническом отношении, но близкими по своему социально-экономическому и общественному укладу, географической среде обитания, что наложило определенный отпечаток сходства на их материальную культуру. В археологическом проявлении это были племена ясторфской культуры, прежде всего губинской группы, и потомки позднелужицкого — позднепоморского населения территории Южной Польши, в среде которых в последние века нашей эры под сильным влиянием кельтов происходил процесс формирования пшеворской культуры.

Под воздействием названных племен в этот процесс были втянуты и гетские племена Карпато-Днестровского района, где сложилась поенешти-лукашевская культура. Изменилась ли этническая структура населения этой области в связи с приходом новой этнической среды? Основная часть населения осталась проживать на своих местах, о чем свидетельствует расположение поселений и могильников на тех же местах, что и в предшествующее время. Но изменения в характере материальной культуры уже произошли, о чем писалось выше. Пришедшее население было близко местному гетскому по социально-экономическому уровню, и возможно, по идеологическим представлениям и верованиям (о чем свидетельствует топография поселений, характер домостроительства, погребальный обряд и т. п.). Однако местное население вос-

принимало только те черты культуры, которые были близки им. Это хорошо видно на погребальном обряде.

В количественном отношении пришельцы, как отмечал еще Г. Б. Федоров, вероятно, составляли меньшинство по сравнению с местным населением, что привело к их ассимиляции на рубеже нашей эры. Это отразилось в материальной культуре и исчезновении новых черт в начале нашей эры. В политическом отношении они, конечно, представляли значительную силу, что проявилось в изменении старой культуры IV—III вв. до н. э. и сложении новой — поенешти-лукашевской.

Кого же представляло это пришлое население? Мы, как и Федоров, считаем, что это были разноэтничные элементы — восточногерманские и, вполне возможно, венецианские (славянские), так как элементы материальной культуры, зафиксированные в поенешти-лукашевских памятниках, происходят из различных культур и охватывают широкую территорию от Эльбы до Днестра.

Античные источники свидетельствуют о переселении в Нижнее Подунавье бастарнов и об исторических событиях в Северном Причерноморье и Подунавье, связанных с их именем. Следуя им, вырисовывается картина их появления в конце III в. до н. э. на Среднем Дунае, а затем во II в. до н. э. передвижения в его низовья. Связать какие-либо определенные памятники с пребыванием бастарнов в названных местах исследователям пока не удается. Но многие ученые, изучающие культуру латенского периода, связывают с названием «бастарны» именно памятники поенешти-лукашевской культуры.

Однако, во-первых, материальная культура поенешти-лукашевских племен, как видно из изложенного выше, восходит к дакогетскому культурному миру предшествующего времени, во-вторых, территория, которую они занимают, плохо связывается с ареной военных действий бастарнов; в-третьих, пути проникновения новых культурных элементов, собственно создавших облик поенешти-лукашевской культуры, как показывают археологические материалы, свидетельствуют не о южном, дунайском, а о северо-западном, днестровском направлении⁸¹. В наиболее чистом виде эти элементы зафиксированы, как нам кажется, на поселении у с. Горошева Тернопольской области и могильнике у с. Долиняны Черновицкой области. Возможно, именно подобные памятники и можно связать с бастарнами, если рассматривать последних как разноэтничные племена, переселявшиеся с конца III в. до н. э. по Поднестровью в Северное Причерноморье.

Таким образом, судя по письменным и археологическим источникам, территория лесостепной части между Карпатами и Днестром в последние столетия I тыс. до н. э. входила в круг периферийных культур латенского облика. По этническому составу

⁸¹ В частности, последнее обстоятельство заставило М. Бабеша считать ошибочными сведения античных авторов о дунайском пути продвижения бастарнов и их заселении низовий Дуная. *Babeş M. Moldova centrală..*, p. 18—20.

и культурной принадлежности в своей основе она была гетской. Но вместе с тем в ней проявляются и чуждые гетскому миру разнородные элементы (позднепоморские, пшеворские, зарубинецкие, ясторфские, особенно губинской группы), отразившие приток разнородного в этническом отношении населения (восточногерманского и, возможно, славянского), которое, по всей вероятности, можно отождествлять с бастарнами античных источников.

Д. Н. Козак

ПАМЯТНИКИ РУБЕЖА И ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ В ПОДНЕСТРОВЬЕ И ЗАПАДНОМ ПОБУЖЬЕ

Рубеж и первые века нашей эры являются периодом, когда на территории Днестро-Днепровского междуречья происходят процессы, связанные с активным перемещением и интеграцией различных племен, возникновением новых культурных образований и формированием качественно новых этнических групп. С изучения этого периода можно подойти к решению таких вопросов славянского этногенеза, как исторические судьбы зарубинецких племен, становление черняховской культуры, истоки формирования раннесредневековых славянских памятников и т. д. Между тем мы имеем еще слабое представление о характере памятников этого времени. На Верхнем Поднестровье, в частности, исследователями были известны лишь древности липицкой культуры I—II вв. н. э., расположенные на левом берегу верхнего течения Днестра. В более северных районах и южнее отмечались отдельные погребения с оружием, связанные с пшеворской культурой¹.

В последние годы на этой территории обнаружены не известные ранее древности позднелатенского и римского времени. К ним относятся поселение в Подберезцах, существовавшее в I в. до н. э.—III в. н. э., поселение в Сокольниках I, могильники в Гриневе, Звенигороде и др.² Материалы, полученные в результате исследования названных памятников, дали возможность выделить в верхнем Поднестровье и Западном Побужье культурную группу, примыкающую к пшеворской культуре Висло-Одерского междуречья. Наряду с общими чертами, связывающими памятники обоих ареалов, у верхнеднестровских имеются отличия, проявляющиеся в жилищном строительстве, погребальном обряде, керамическом комплексе, что позволило выделить их в отдельный локальный вариант пшеворской культуры³.

¹ *Smieszko M. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej.*—Lwów, 1932, s. 183, mapa.

² *Козак Д. Н. Підберізіч — поселення пшеворської культури на Львівщині.*—Археологія, 1978, т. 23, с. 71—78; *Козак Д. Н. Поселення пшеворської культури в с. Сокольніки в Наддністров'ї.*—Археологія, 1982, т. 43; *Козак Д. Н. Могильник початку нашої ери у с. Звенигород Львівської області.*—Археологія, 1978, вип. 25, с. 96—108.

³ *Козак Д. Н. Пшеворская культура в междуречье Днестра и Западного Буга.*—В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 72—91.

В настоящей статье мы рассмотрим новые материалы, полученные при исследовании памятников позднелатенского и раннеримского времени в Верхнем и Среднем Поднестровье и Западной Волинии.

Анализ исследованных древностей позволяет разделить их на две группы, каждая из которых отвечает двум периодам развития ншеворской культуры на рассматриваемой территории.

К первому периоду относятся памятники позднелатенского времени: поселения в Чишках, Комарно, Черепине, Поповичах, комплексы жилищ № 1, 16 из поселения в Подберезцах, жилища № 1, 2, 9 из поселения в Пасеках-Зубрецких.

Поселения расположены в труднодоступных местах: на песчаных мысах среди широких луговых долин (Чишки) или на первых террасах этих долин (Комарно, Поповичи, Пасеки-Зубрецкие, Черепин). Они небольших размеров со слабо насыщенным культурным слоем. На поселениях исследованы жилые и хозяйственные постройки, собрано большое количество керамического материала. Вещи из металла встречаются довольно редко (ножи, пинцет, шилья).

Жилища представлены прямоугольными с округленными углами сооружениями с несколько углубленным в материк полом. В отдельных жилищах вдоль одной из стенок располагается материковый останец-прилавок, в полу, по углам и посередине коротких стенок открыты ямки от столбов. Размеры жилищ 3—3,5 × 3,15—4 м, высота земляных стенок 0,15—0,3 м. Очаги в виде скопления золы и пепла или каменной выкладки округлой формы размещались в центре жилища, иногда в одном из углов. Жилище № 1 из поселения в Пасеках-Зубрецких (рис. 1) отличается от других формой и внутренним устройством. Это близкая к овальной в плане полуземлянка размерами 3,4 × 2,5 м, высота земляных стенок 0,8 м. Вдоль северной стенки расположен материковый выступ шириной 0,8 м. В южной стенке — глинобитная печь прямоугольной формы. Перед ней, на полу, оставлен материковый выступ-приступка. Своеобразна и жилая постройка, открытая Л. И. Крушельницкой на поселении позднелатенского времени у с. Черепин. Она имеет неправильную, близкую к овальной в плане форму размерами 2,1 × 1,5 м. Глубина жилища 0,7 м от современной поверхности. В северо-западной стенке на материковом останце находится очаг, выложенный камнями; возле восточной стенки — подвальная яма.

Открытые на позднелатенских поселениях хозяйственные ямы округлой или овальной формы, преимущественно с прямыми стенками и ровным дном. Диаметр ям 0,8—1,3, глубина 0,8—1,2 м от современной поверхности.

Керамический материал представлен в основном фрагментами горшков, мисок, кружек со сглаженной, лощеной и специально ошершавленной поверхностью коричневого или черного цвета. В тесте примеси песка, дресвы. Орнамент отсутствует. Характерной чертой керамического комплекса позднелатенского времени

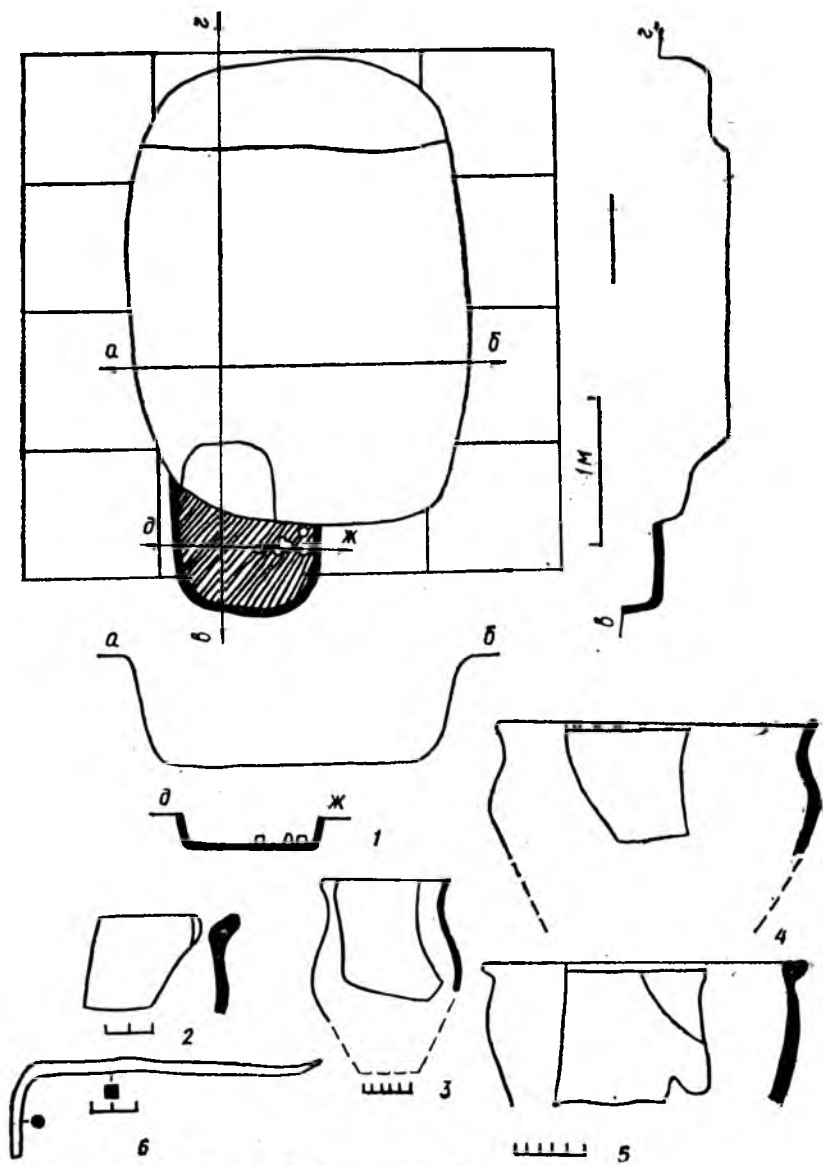

Рис. 1. Поселение у с. Пасеки-Зубрецькие:

1 — план и разрезы жилища № 1; 2-5 — керамика из жилища № 1; 6 — шило из жилища № 1.

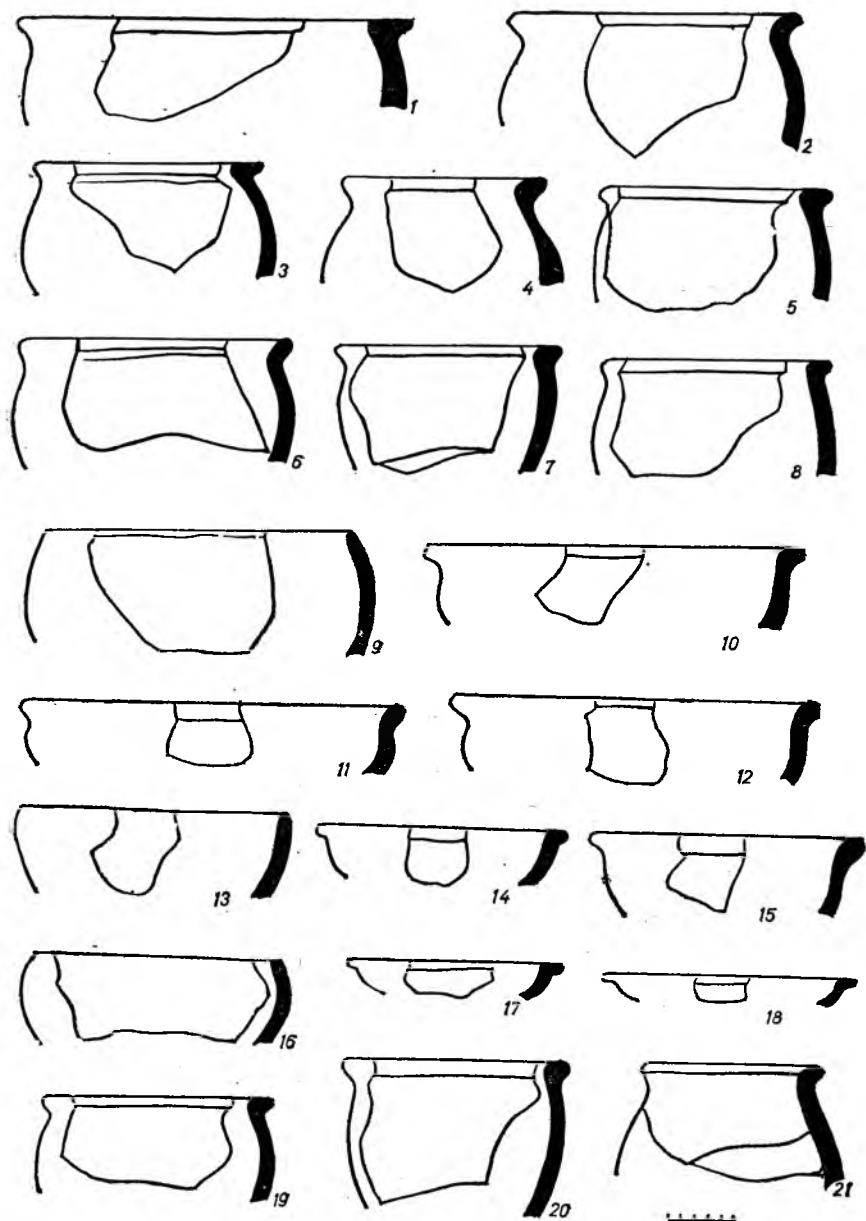

Рис. 2. Керамика из поселения у с. Чишки.

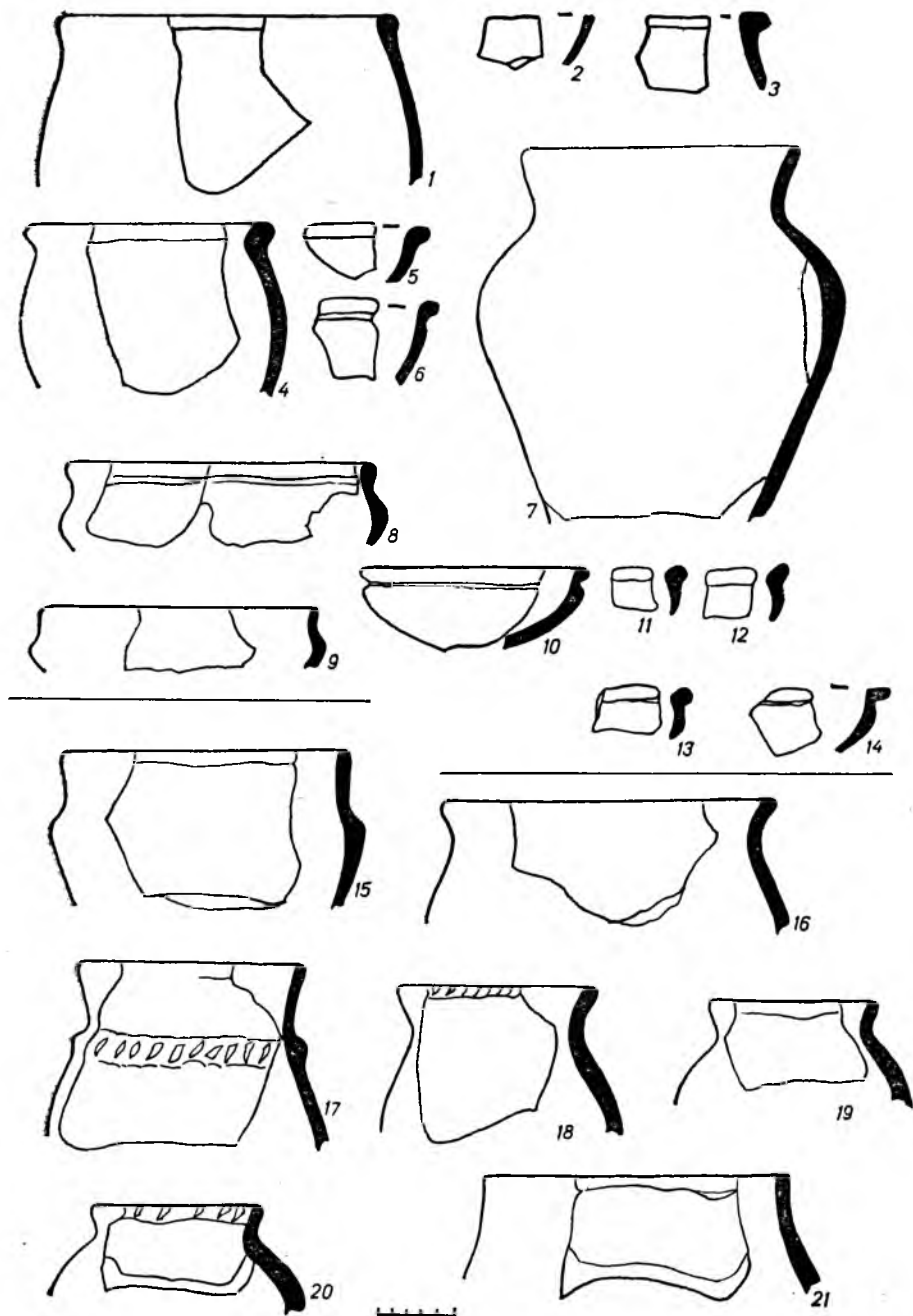

Рис. 3. Керамика из поселения в г. Комарно (1—3), с. Черепин (4—7 — яма № 40; 8—14 — жилище № 8) и с. Звенигород (15—21).

является наличие у всех сосудов утолщенных профилированных двумя-тремя гранями венчиков, выпуклых профилей корпусов. Доньшки, судя по фрагментам, плоские, не выделенные в профиле.

Наиболее многочисленными являются горшки со слабо выделенной шейкой и высокими, округлыми плечиками (рис. 2, 1—4, 6, 19).

Широко распространены также горшки с более низкими, чем в предыдущих сосудах, плечиками, плавно округленными бочками и узким дном (рис. 2, 5, 7—8, 20; 3, 1, 3). Несколькими экземплярами представлены горшки с загнутыми вовнутрь краями венчиков (рис. 2, 9, 16).

Среди мисок преобладают глубокие с широкой, открытой горловиной и плавно округленным коническим корпусом (рис. 2, 10—12), а также широкогорлые низкие миски с горизонтальными, широкими венчиками и сильно суженным книзу корпусом (рис. 2, 14, 17—18).

Такие сосуды имеют широкие аналогии на пшеворских памятниках позднелатенского времени⁴.

Небольшое количество керамики составляют кружки полусферической формы (рис. 2, 13). Они происходят от поморско-клевшевой культуры и бытуют на пшеворских памятниках позднелатенского и римского времени⁵.

В керамическом комплексе позднелатенского времени выделяются несколько чернолощенных мисок и горшков из жилища № 1 в Черепине (рис. 3, 7—9). Последний имеет хорошо выраженные, отогнутые венчики, короткую шейку и выпуклые бока. Подобные горшки, как и миски, на пшеворских памятниках не известны. Они типичны для керамики зарубинецкой культуры⁶. Еще два горшка, не характерные для пшеворской культуры, обнаружены в позднелатенском керамическом комплексе жилища № 1 из поселения в Пасаках-Зубрецких (рис. 1, 3, 4). Первый из них имеет биконическую форму со слабо выраженными низкими плечиками и закругленными бочками. Аналогии ему известны среди зарубинецкой керамики⁷. К иному типу относится горшок со слабо отогнутыми венчиками, высокими округлыми плечиками и конической придонной частью (рис. 1, 4). Края венчиков украшены пальцевыми вдавлениями. Такие горшки также широко распространены в зарубинецкой культуре⁸.

На поселениях в Чишках, Пасаках-Зубрецких, Комарно, Чере-

⁴ *Dąbrowski K.* Osadnictwo z okresów późnolateńskiego i rzymskiego na st. I w Piwonicach pw. Kalisz.—MS, 1958, t. 4, tabl. II—IV.

⁵ *Op. cit.*, tabl. XIII, 10.

⁶ *Ibid.*, tabl. V, 12; XXIX, 10; XXXIX, 1.

⁷ *Каспарова К. В.* Могильник..., рис. 9, 3; *Каспарова К. В.* Новые материалы могильника в Отвержичах и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья.—В кн.: Археологический сборник. Л., 1976, рис. 5, 12.

⁸ *Самойловский И. М.* Корчеватовский могильник.—МИА, 1959, № 70, табл. II, 45, 54.

пин и других не встречены датирующие находки, поэтому при определении их хронологии мы вынуждены опираться на сравнительно-типологический анализ керамического комплекса, который на всех поселениях довольно однообразен. Формы, способ формирования венчиков, обработка внешней поверхности характерны для пшеворской культуры позднелатенского времени и наиболее соответствуют средней и поздней фазам этого времени. Такая датировка подтверждается находками аналогичной керамики в комплексе с позднелатенскими фибулами разнообразной конструкции на широко известных могильниках в Карчевце, Вилянове, Добжанкове и других памятниках. Исходя из сказанного, названные поселения следует отнести ко второй половине I в. до н. э. — первой половине I в. н. э.*

Перечисленные памятники мало отличаются от синхронных пшеворских древностей на территории Польши. Топография поселений, формы жилищ, керамика имеют полные аналогии в пшеворской культуре Висло-Одерского междуречья. Несколько отличен в Верхнем Поднестриевье лишь интерьер жилищ. В жилых постройках западнее Вислы не известны материковые останцы-прилавки вдоль стенки, иное и расположение столбовых ям. Несмотря на это, можно говорить о том, что в позднелатенское время территории Верхнего Поднестриевья и Западного Побужья были заняты пшеворскими памятниками и являлись наиболее восточным ареалом пшеворской культуры. Появление здесь этих памятников следует отнести ко второй фазе позднелатенского времени, то есть около середины I в. до н. э.

Начиная с середины I в. н. э. в материальной культуре пшеворских племен рассматриваемого региона происходят значительные изменения, что прослеживается по материалам таких памятников, как Пидбирцы, Зубра, Звенигород, Пасеки-Зубрецкие (жилище № 10), Подберезцы (жилища № 5, 6, 10, 11, 18), Майдан-Гологирский и Верхнем Поднестриевье, Хоров, Пидрижье, Боратын, Белз — на Западной Волини. Топография поселений в это время мало изменилась. Как и в предыдущее время, они размещались в долинах рек на мысовидных возвышениях (Пидбирцы) или на первых террасах этих долин. Однако появляется тенденция к перемещению на более высокие места: южные склоны оврагов, возвышенности (Зубра, Хоров, Пасеки-Зубрецкие).

Заметные изменения коснулись жилищного строительства. Жилища более углублены в материк, во многих случаях это полуземлянки. Наряду с прямоугольными нередко встречаются квадратные полуземлянки с каменным очагом в углу. Примером жилищной постройки такого типа может служить жилище № 1 из поселения в Пидбирцах (рис. 4, 1). Это квадратная в плане полуземлянка размерами 3,8×4 м, с высотой земляных стенок 0,7 м. В северо-западном углу находится очаг. Он выложен камнями и имеет круглую форму диаметром 0,87 м. В полу по углам и по

* Более подробно см. *Козак Д. Н. Пшеворская культура...*, с. 81.

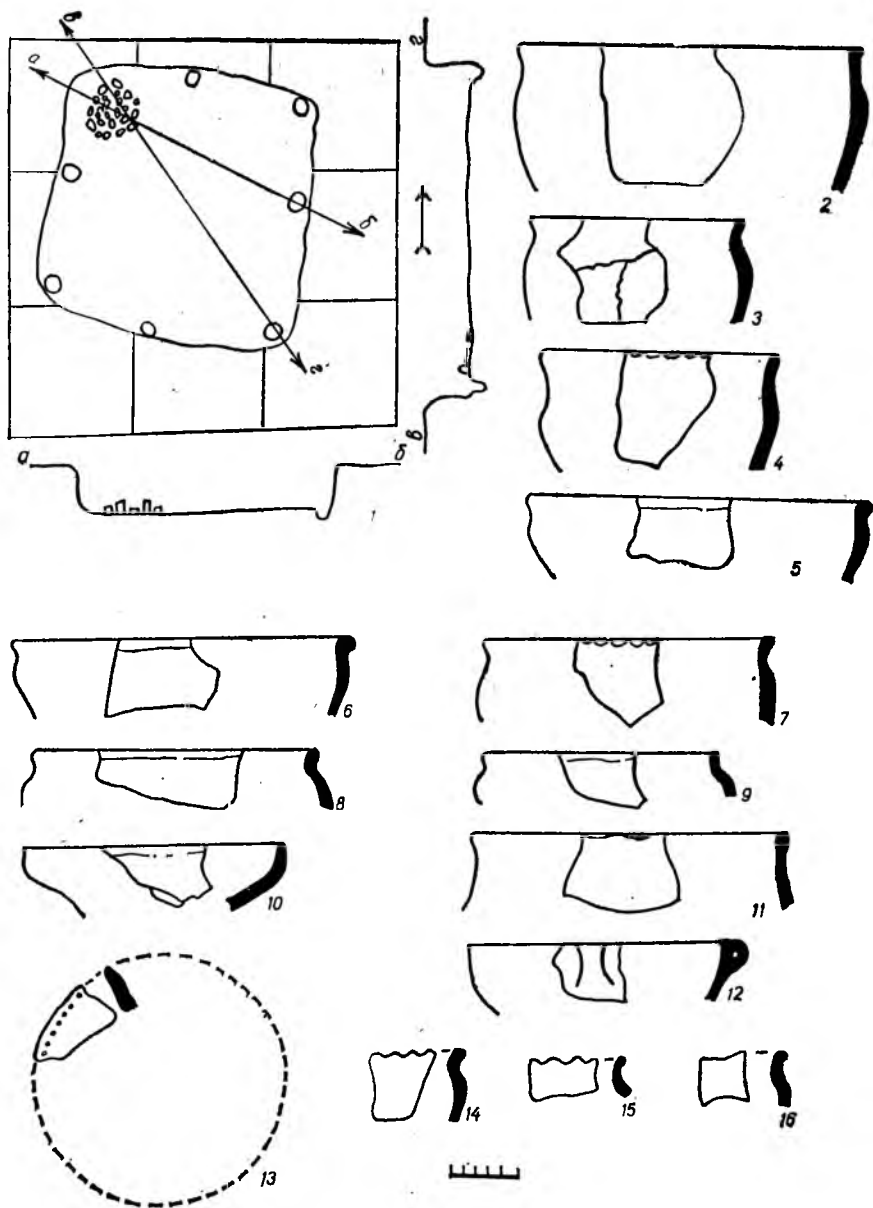

Рис. 4. Поселение у с. Пидбирцы:

1 — план и разрез жилища № 3; 2—16 — керамика из жилища № 3.

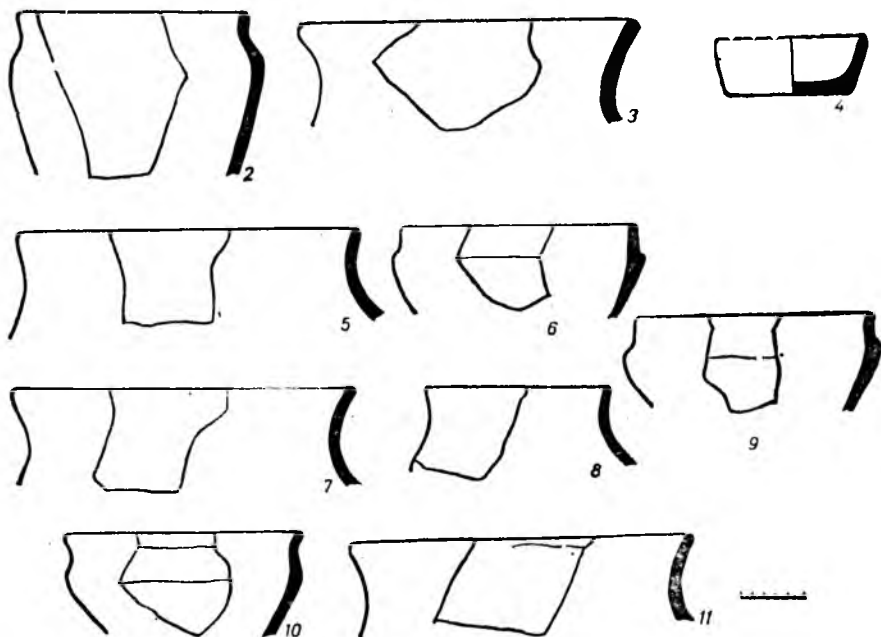
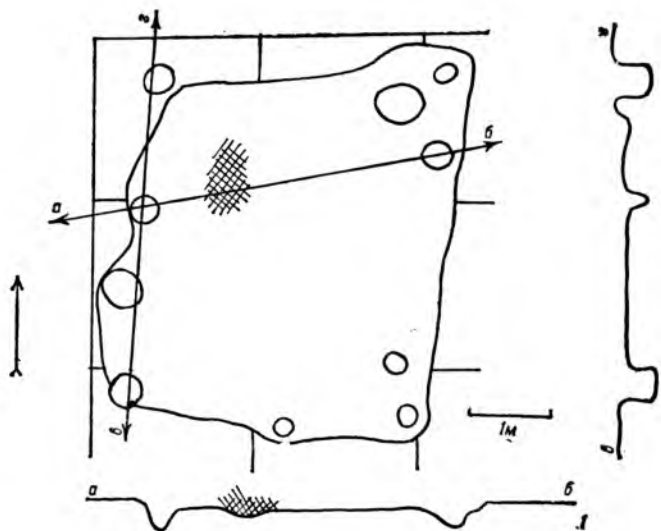

Рис. 5. Поселение у с. Зубра:

1 — план и разрезы жилища № 1; 2—11 — керамика из жилища № 1.

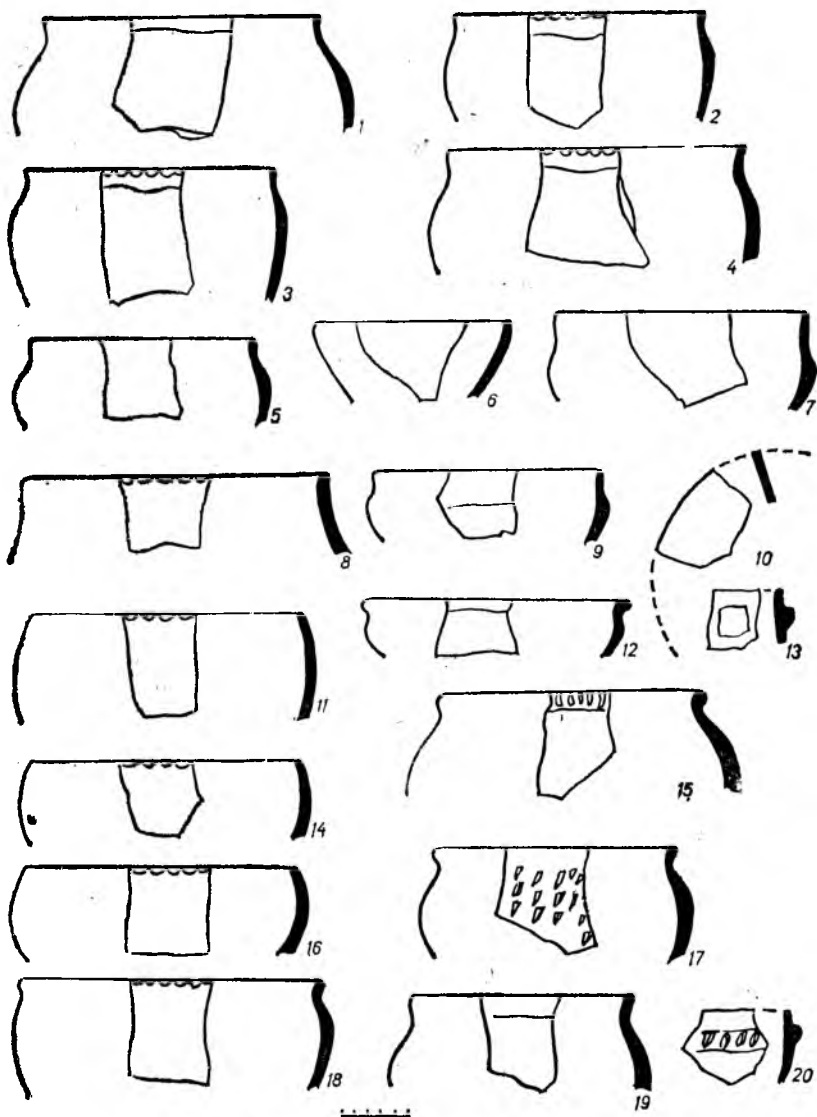

Рис. 6. Керамика из поселения у с. Пидбирцы.

середине противоположных стенок находились ямки от столбов. Интерес представляет также жилище № 1 из поселения в Зубре (рис. 5, 1). Это прямоугольное в плане сооружение со слегка углубленным в материк полом размерами 3,68×4,64 м. В восточной части пола в небольшом углублении обнаружены незначительные следы очага в виде скопления угольков и пепла. В полу открыто девять ямок от столбов, расположенных вдоль стенок.

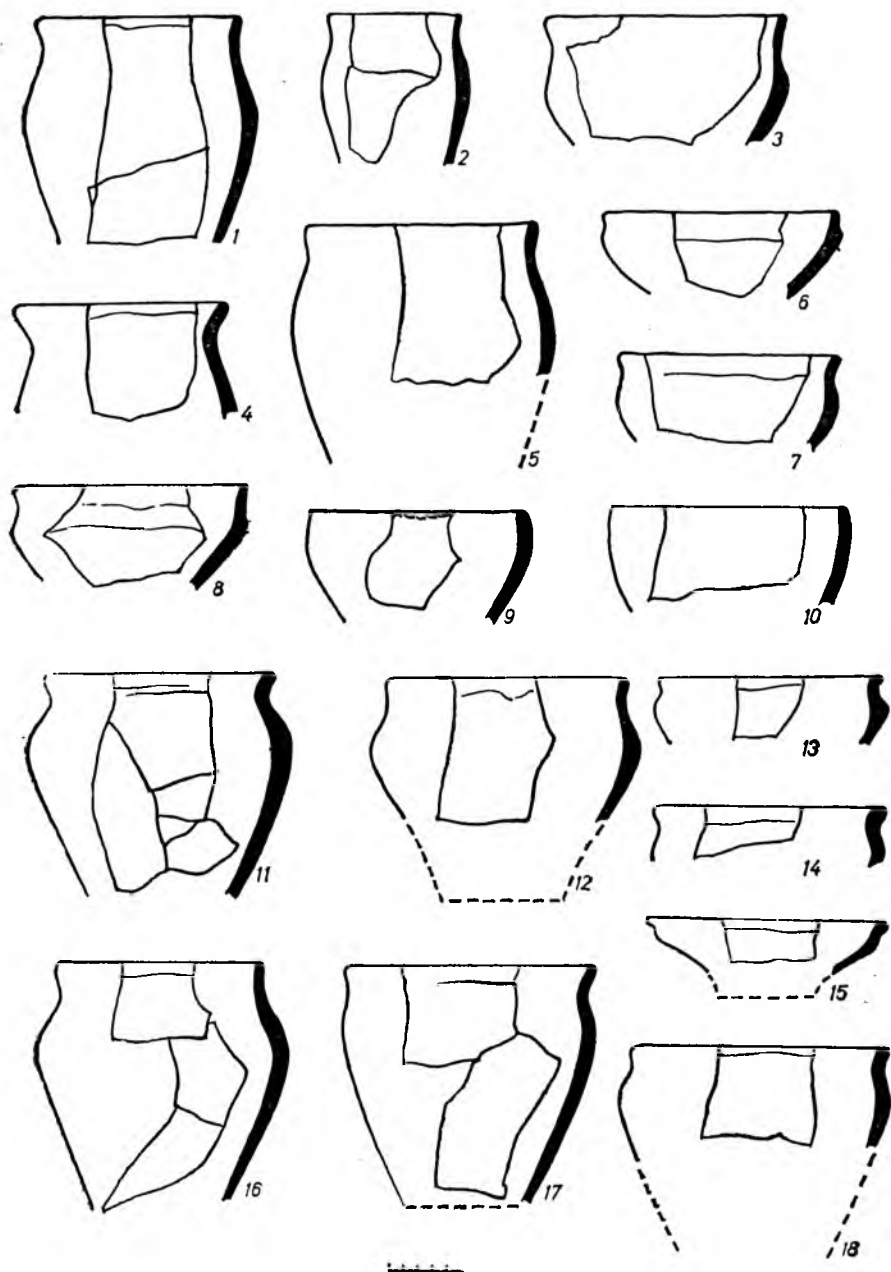

Рис. 7. Керамика из поселения у с. Хоров.

Жилище по форме, степени углубленности пола в материк, расположению столбовых ям, предполагающих каркасно-плетневую конструкцию стенок, близко к жилищам зарубинецкой культуры.

Кроме жилищ на поселениях раннеримского времени встречены хозяйственные постройки и ямы, открытые очаги. Хозяйственные постройки немного углублены в материк, преимущественно прямоугольной формы с закругленными углами. Их размеры 2,5—3,2×2,6—3,3 м, высота земляных стенок 0,15—0,3 м.

Хозяйственные ямы, как и в предыдущее время, округлой или овальной формы с прямыми стенками и ровным дном. Диаметр ям 0,8—1,5 м, глубина 0,6—1,3 м от современной поверхности.

Очаги встречены на поселениях в Пидбирцах и Подберезцах. Они расположены вне объектов и имеют круглую форму диаметром 0,8—1,2 м.

Значительные изменения по сравнению с позднелатенским временем претерпевает керамический комплекс. Наряду с позднелатенскими типами керамики, существовавшими до начала II в. н. э., возникают новые формы горшков, изменяется форма мисок, кру-

жек, бытуют плоские диски-крышки. В качестве примесей в состав теста употребляется шамот, дресва, иногда песок. Сосуды, особенно горшки, нередко орнаментированы пальцевыми вдавлениями, косыми насечками по краям венчиков. На поселении в Пидбирцах, например, таким орнаментом украшено 28% горшков. Встречается также орнамент в виде налепного расчлененного пальцевыми вдавлениями валика, нерегулярных врезных линий, ногтей защиты по стенкам.

Основное количество керамики составляют горшки (68—75%). Они представлены сосудами с хорошо выраженными отогнутыми венчиками, высокими округлыми плечиками и коническим корпусом (рис. 4, 3—4, 7, 14, 16; 5, 3, 5, 7; 6, 1—3; 15, 17—19; 7, 12, 17). Такие горшки широко известны на памятниках зарубинецкой культуры⁹.

Распространены также горшки со слабо отогнутыми венчика-

Рис. 8. Поселение у с. Зубра. Горшок из жилища № 1.

⁹ Каспарова К. В. Новые материалы..., рис. 7, 1, 4, 9; Самойловский И. М. Корчеватовский могильник, рис. 1, 20; Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура.— САИ, 1964, Д1-19, табл. 4, 1—4, 6, 17.

ми, покатыми плечиками и круглыми бочками (рис. 7, 1, 15). Горшки этой формы характерны для пшеворской культуры¹⁰.

Типично пшеворскими являются небольшие горшки с прямыми или слегка отогнутыми венчиками, хорошо выраженными круглыми или ребристыми плечиками и широким дном (рис. 5, 2; 8).

Как и в позднелатенское время, встречаются в небольшом количестве горшки с загнутыми вовнутрь невыделенными венчиками (рис. 6, 11, 14, 16). Они нередко украшены пальцевыми вдавлениями по краю венчиков.

Интерес представляют немногочисленные слабопрофилированные биконические горшки (рис. 4, 11; 6, 8). Стенки некоторых экземпляров шероховатые, они украшены по краям венчиков пальцевыми вдавлениями. Из-за фрагментарности судить о форме самих сосудов трудно. Подобные горшки известны в липицкой культуре¹¹. Однако специальная ошершавленность внешней поверхности и орнамент по краям венчиков не встречаются в липицкой керамике. Первое характерно для пшеворской керамики, второе — для зарубинецкой.

Отметим, что на поселениях найдены горшки переходных форм, которые трудно отнести к определенной культуре. Одни из них ближе к зарубинецким горшкам, другие — к пшеворским (рис. 4, 2, 4; 6, 4).

Основное количество мисок составляют сосуды с прямыми или отогнутыми венчиками, четко выделенным, утолщенным с внешней стороны заломом плечиков в бочка и конической придонной частью (рис. 5, 6, 9, 10; 7, 3, 6—8). Такие миски характерны для пшеворской культуры раннеримского времени¹². Встречаются они и в зарубинецкой культуре¹³.

Довольно часто встречаются широкогорлые миски с утолщенными профилированными венчиками, характерными для пшеворских древностей позднелатенского времени (рис. 4, 5, 6; 6, 12; 7, 13—15).

Кружки имеют полусферическую или близкую к конической форму (рис. 4, 12; 6, 6; 7, 9, 10). Они широко распространены на памятниках пшеворской культуры.

Небольшое количество керамики, собранной на поселениях в Пидбирцах, Хорове, Пасаках-Зубрецких, Подберезцах, составляют диски, служившие крышками и, возможно, сковородками (рис. 4, 13; 6, 10). Одна сторона их всегда имеет лощеную поверхность, вторая — ошершавлена. По краям они украшены наколами. Такие изделия редко встречаются как в пшеворской, так и в зарубинецкой культурах. Множество дисков собрано на пшеворско-за-

¹⁰ *Dąbrowski K. Osadnictwo...*, tabl. XIV, 21; XIX, 18, 20.

¹¹ *Цигилик В. М.* Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери.— К., 1975, рис. 33.

¹² *Kostuzewski B.* Smentarzysko z okresu późnolateńskiego i rzymskiego w Domańdzicach pow. Rawicz — FAP, 1953, t. IV, rys. 44, 6; 72, 2, 12.

¹³ *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура..., табл. VI, 17, 24; *Каспарова К. В.* Могильник и поселение..., рис. 19, 8, 10; *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры.— Киев, 1972, табл. XVI, 10; XX, 10.

рубинецком поселении в Пидрижье на Волини¹⁴. Создается впечатление, что они распространены на памятниках, где сочетаются элементы зарубинецкой и пшеворской культур.

Основные формы керамики на рассматриваемых поселениях, как следует из приведенных аналогий, характерны для пшеворской культуры раннеримского времени и зарубинецких древностей. Лишь часть мисок с гранеными утолщенными венчиками имеют позднелатенские черты. В пшеворских комплексах керамика позднелатенского облика исчезает во второй половине I в. н. э. Очевидно, этим временем и следует датировать поселения в Пидбирцах, Хорове. Более поздними являются поселения в Зубре и Звенигороде. Анализ керамического материала показывает, что здесь отсутствуют позднелатенские формы. Преобладают горшки с шершавой поверхностью, а также острореберные миски, характерные для керамических комплексов раннеримского времени. Кроме того, на поселениях отсутствует гончарная керамика провинциально-римского типа, которая появляется в Верхнем Поднестровье во второй половине II в. н. э. Последнее обстоятельство позволяет отнести поселения к первой половине II в. н. э. Такая датировка подтверждается в определенной мере наконечником копья из жилища № 1 в Зубре, форма которого характерна для раннеримского времени, а также обнаруженной на поселениях гончарной и лепной керамикой липицкой культуры.

Таким образом, новый период в развитии местной культуры характеризуется, прежде всего, сильным влиянием на нее зарубинецкой и липицкой культур. Судя по имеющемуся материалу, наиболее ощутимым было зарубинецкое влияние.

Зарубинецкие племена появились в Верхнем Поднестровье уже в конце позднелатенского времени. Об этом свидетельствуют материалы пшеворского позднелатенского поселения в Черепине, где вместе с типично пшеворской позднелатенской керамикой найдены зарубинецкие миски и горшки (рис. 3, 7—9).

Такого же характера материал встречен в жилище № 1 на поселении в Пасаках-Зубрецких (рис. 1, 2—5).

Раскопками 1979 г. на этом поселении открыты еще два позднелатенских жилища, где керамика зарубинецкого облика отсутствует. Это свидетельствует о том, что поселение уже существовало, когда здесь появились носители зарубинецкой культуры. Керамический материал последних жилищ позволяет датировать их второй фазой позднелатенского времени.

Очевидно, зарубинецкое население появилось на этом поселении, как и в Верхнем Поднестровье, в третьей фазе позднелатенского времени, то есть около середины I в. н. э. В это время зарубинецкие элементы прослеживаются и на некоторых липицких поселениях¹⁵.

¹⁴ Фонды Института археологии АН УССР. Раскопки В. К. Воляника.

¹⁵ Циглик В. М. Населения Верхнього Подністрів'я перших століть нашої ери, с. 120.

Название поселений	Горшки (тип)					Миски (тип)					Хронология
	I	II	III	IV	V	I	II	III	IV	V	
Чишки	○	○	○			○	○				Вторая половина I в. до н.э. — первая половина I в. н.э.
Комарно	○	○									
Черепин	○	●				○	●				Первая половина I в. н.э. — вторая половина I в. н.э.
Пасеки-Зубрецьке	○	●	●								
Пидбирцы	●	●	●	○	○	○	●	○			II в. н.э.
Зубра	●	○				○	○				
Звенигород	○	●	●	●	○	●					
Хоров	○	○	●			○	○	○			Вторая половина I-II в. н.э.
Пидрижье	●	●	○	○		○	○	○			
Вербковицы	●	○	○	●		○	○				Вторая половина I в. до н.э. — первая половина I в. н.э.
Бернашовка	○	●	○	●	○	○	○				

○ 1 ● 2 ○ 3

Рис. 9. Схема соотношения основных форм лепной керамики зарубинецкой, пшеворской и липицкой культур на памятниках первых веков нашей эры в Поднестровье и Западном Побужье: 1 — пшеворская культура; 2 — зарубинецкая культура; 3 — липицкая культура.

Из сказанного следует, что зарубинецкие племена не создавали своих поселений, а размещались на уже существовавших пшеворских и реже липицких селищах.

Зарубинецкое влияние сказалось на жилищном строительстве и керамическом комплексе пшеворских племен.

Квадратные углубленные жилища, обнаруженные на ранних римских поселениях в Верхнем Поднестровье, не имеют местных корней. Не известны они также в пшеворской культуре позднелатенского времени на территории Польши. Подобные жилища широко распространены в зарубинецкой культуре. Зарубинецкое влияние, однако, мало коснулось интерьера жилищ. Как и в позднелатенское время, в них содержатся пристенные материковые останцы-прилавки, таково же размещение столбовых ям, очагов. Иллюстрацией зарубинецкого влияния на жилищное строительство пшеворских племен Верхнего Поднестровья может служить жилище № 1 в Зубре, форма и конструкция стен которого близка к зарубинецким жилищам. Пшеворские черты в этой постройке проявляются в расположении и устройстве очага.

Зарубинецкое влияние особенно заметно на керамическом комплексе исследованных памятников.

Исходя из анализа керамического материала (рис. 9), на каждом поселении Верхнего Поднестровья и Западной Волины наряду с пшеворскими встречаются сосуды, имеющие аналогии в зарубинецкой культуре. В количественном отношении преобладает, как правило, пшеворская керамика. Пшеворский характер имеет также обработка внешней поверхности, состав теста, цвет сосудов. Картины соотношения пшеворской и зарубинецкой керамики наглядно демонстрируют материалы поселения в Пидбирцах. Из пяти типов горшков, выделенных на этом поселении, два имеют аналогии в зарубинецкой культуре, два в пшеворской и один в липицкой.

Из трех типов мисок — два пшеворских, один зарубинецкий. В классификационной схеме не учтен ряд сосудов, занимающих промежуточное положение между зарубинецкой и пшеворской формами.

В целом, на этом поселении к зарубинецкой культуре принадлежат 25% всех керамических форм. Результатом зарубинецких влияний являются также орнаментальные мотивы в виде насечек и пальцевых вдавлений по краям венчиков. Такой орнамент присутствует, как отмечалось выше, на 28% горшков, причем нередко на типично пшеворских формах со специально ошершавленной поверхностью. Для керамического комплекса этого поселения характерным является сочетание зарубинецкой формы горшка и пшеворской традиции в обработке его поверхности, пшеворской формы и зарубинецкого орнамента.

Подобная картина сочетания пшеворской и зарубинецкой керамики прослежена на поселениях в Зубре, Хорове. На поселении в Пидрижье, среди шести типов горшков В. К. Воляником выделены два, имеющие прямые аналогии в зарубинецкой культуре, два в пшеворской и два соединяющие в себе пшеворские и зарубинецкие черты¹⁶. Синкретизм отмечен и в формах мисок. На этом поселении, как и в Пидбирцах, встречено большое количество дисков.

Аналогичная картина наблюдается на поселении в Вербковицах на Западном Буге. Из четырех типов горшков, выделенных на этом поселении, два принадлежат к зарубинецкой, два к пшеворской культуре.

Как видим, имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что, начиная с середины I в. н. э., в Верхнем Поднестровье и Западной Волыни происходит процесс активного взаимодействия пшеворской и зарубинецкой культур. Для памятников этого времени характерным является наличие пшеворских и зарубинецких элементов. На более ранних из них (Вербковицы на Волыни, Пасеки-Зубрецкие, Черепин в Поднестровье) эти элементы представлены еще в довольно «чистом» виде. На более поздних памятниках уже выделяются некоторые формы горшков и мисок, а также жилых построек, сочетающие в себе элементы пшеворской и зарубинецкой культур, то есть имеющие синкретический характер (Пидрижье, Хоров на Волыни, Зубра, Пидбирцы в Верхнем Поднестровье).

В Верхнем Поднестровье, кроме того, в отмеченном пшеворско-зарубинецком интеграционном процессе приняли участие фракийские племена липицкой культуры. Липицкие памятники появились на этой территории во второй половине I в. н. э.¹⁷ и существовали в непосредственной территориальной близости с пшеворскими поселениями. Отношения между обеими группами населения носили,

¹⁶ Воляник В. К. Население Волыни первой половины I тыс. н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук — Киев, 1978, с. 11.

¹⁷ Smiszek M. Kultury., tabl. XIII.

очевидно, мирный характер, что отразилось в наличии тесных контактов между ними. Это хорошо иллюстрируют материалы могильника в Звенигороде (усадебя Великача), где отмечен симбиоз липицкого и пшеворского погребальных обрядов¹⁸.

В Звенигороде нами обнаружены также поселения липицкой и пшеворской культур, расположенные рядом в 500 м южнее могильника. Разведочные работы показали, что более западное поселение имеет ярче выраженные липицкие черты, а на другом преобладают пшеворские элементы. На обоих поселениях встречена гончарная керамика, липицкие и пшеворские лепные сосуды. Отличие между поселениями состоит лишь в процентном соотношении керамики. Если в западной части уроч. Загорода преобладает липицкая лепная и гончарная керамика, то в восточной — пшеворская лепная. Встречены также фрагменты керамики зарубинецкого облика (рис. 3, 15, 18—20). Однако такая картина наблюдается только в зоне непосредственного территориального стыка пшеворских и липицких памятников и не характерна для рассматриваемых культур в целом.

На других пшеворских памятниках влияние липицких племен на материальную культуру пшеворского населения менее заметно. Так, в Пидбирцах лепная керамика липицкой культуры представлена одним типом и составляет 1,7% всех керамических форм. Несколько горшков с характерными для липицкой керамики формами найдены в комплексах I—II вв. н. э. на поселении в Подбрезцах. Они полностью отсутствуют в синхронных им комплексах поселений в Пасаках-Зубрецких, Зубре. О заимствовании пшеворскими племенами у липицкого населения гончарной керамики свидетельствуют ее находки в небольшом количестве практически во всех пшеворских объектах второго периода. В равной степени наблюдается и процесс обратного воздействия. Пшеворские сосуды, изделия из металла выявлены на липицких памятниках в Верхней Липице, Ремезовцах, Лагодове и др.

Рассматривая памятники раннеримского времени в Верхнем Поднестровье, отметим поселение в Ремезовцах¹⁹, надежно подтверждающее присутствие зарубинецких племен в этом регионе и их активное участие в исторических процессах, проходивших здесь в упомянутый период. На поселении открыты также пшеворские материалы, то есть здесь представлены все три компонента интеграционного процесса, хотя процентное соотношение их иное, чем на рассматриваемых выше памятниках. Основными являются липицко-зарубинецкие элементы, с преобладанием первых. Этим Ремезовцы отличаются от других, собственно липицких, памятников, а также могут свидетельствовать об участии отдельных групп липицкого населения в основном процессе этнокультурного развития Верхнего Поднестровья.

¹⁸ Козак Д. Н. Могильник початку нашої ери у с. Звенигород на Львівщині, с. 96—107.

¹⁹ Цигилик В. М. Населення., с. 33—57, рис. 22; 25; 29; 30; 37.

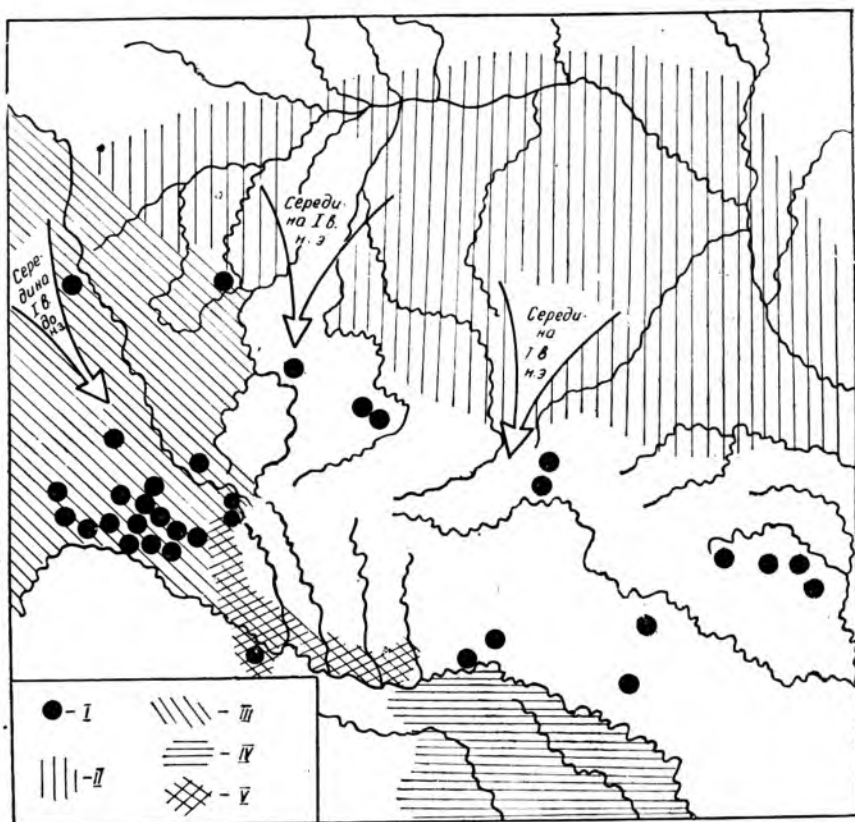

Рис. 10. Схема распространения культур рубежа и первых веков нашей эры Западной Подольи и Волыни:

I — памятники со смешанными, пшеворско-зарубинецкими элементами; II — зарубинецкая культура; III — пшеворская культура; IV — культура Поенешти-Лукашовка; V — липицкая культура.

Относительно второго памятника, зачисленного В. Н. Цигиликом в тип Ремезовцев-Майдана-Гологирского, то на нем преобладает пшеворско-зарубинецкий компонент с наличием липицких элементов²⁰. Последнее достаточно убедительно иллюстрирует материалы жилища № 1 из этого поселения²¹.

Интересна также группа памятников изучаемого периода, расположенная в Южном Побужье и отнесенная П. И. Хавлюком к зарубинецкой культуре (Марьяновка, Носовцы, Райки, Рахны)²².

Эти памятники появляются в I в. н. э., то есть одновременно

²⁰ Фонды ИОН АН УССР. Раскопки В. Н. Цигилика.

²¹ Цигилик В. М. Населення..., с. 99, рис. 39.

²² Хавлюк П. І. Пам'ятки зарубинецької культури..., с. 84—97; Хавлюк П. І. Зарубинецька культура..., с. 7—19.

с появлением зарубинецкого населения в Верхнем Поднестровье. Наряду с зарубинецкими материалами здесь обнаружены сосуды (миски, горшки), форма и орнаментальные мотивы которых характерны для пшеворской культуры. К последним относятся и некоторые изделия из металла (сильнопрофилированные и очковые фибулы, шпоры). Следовательно, для памятников раннеримского времени Южного Побужья характерны те же особенности, что и для верхнеднестровских — смешение зарубинецких и пшеворских элементов, однако, с явным преобладанием первых. Своеобразие этой группы памятников придает сравнительно большое количество северопричерноморского импорта.

Таким образом, имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют выделить культурно-хронологический пласт памятников, относящийся ко второй половине I—II в. н. э. и занимающий довольно обширную территорию Западной Волыни, Верхнего Поднестровья и Южного Побужья (рис. 10). Определяющей чертой этих памятников является сосуществование на них элементов зарубинецкой и пшеворской культур. Они отражают глубокий процесс интеграции зарубинецкого и пшеворского населения, в который в Верхнем Поднестровье частично включились и племена липицкой культуры.

Результатом такого процесса было появление в конце II — первой половине III в. нового культурно-исторического типа памятников, вобравшего в себя элементы упомянутых культур. Их характер в Верхнем Поднестровье раскрывают памятники в Сокольниках 1, Сокольниках 2, Жировке, Давыдове, комплексы жилищ № 7, 10, 22 в Подберезцах, жилище № 3 и хозяйственные сооружения № 1, 3 в Пасаках-Зубрецких и др. Для них характерно изменение культурной топографии, по сравнению с предыдущим временем. Все они располагаются в средней части южных склонов, балок, возвышенностей. Более стойкий и однообразный характер присущ жилищам. Это прямоугольные или квадратные полуземлянки со столбовыми ямками по углам и посредине противоположных стенок, очагом посредине или в одном из углов и пристенным материковым останцем-прилавком. Нередко следы отопительных сооружений отсутствуют. Появляются наземные постройки каркасно-плетневой конструкции с глиняной обмазкой. Среди керамического материала уже трудно выделить зарубинецкие и пшеворские формы. Преобладают сосуды, имеющие синкретический характер. Следует отметить отсутствие среди керамического комплекса этого времени липицких черт.

Основными сосудами являются горшки вытянутой формы со слегка отогнутыми венчиками и высокими плечиками (рис. 11, I; 12, III). Миски представлены единичными экземплярами или же полностью отсутствуют. Появляется небольшое количество серой гончарной керамики провинциально-римского типа, амфорный материал, краснолаковые сосуды.

На протяжении III в. н. э. эти памятники постепенно сменяются памятниками черняховского типа. Сравнение основных элементов

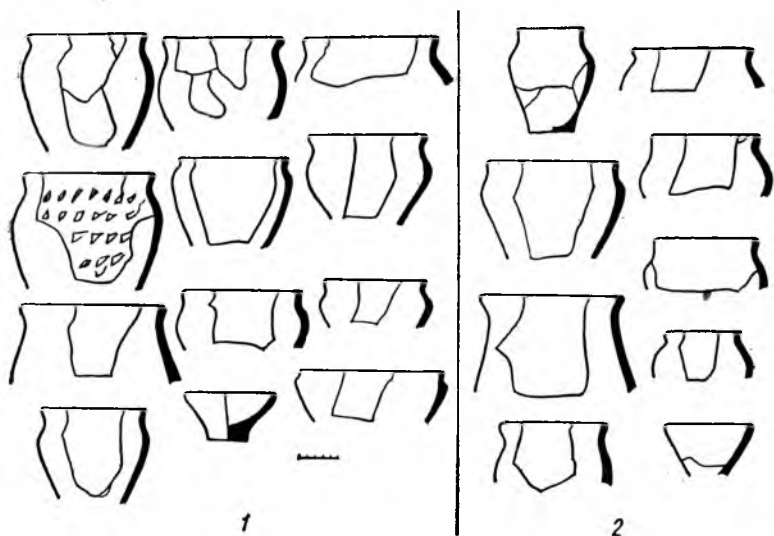

Рис. 11. Сравнительная схема лепной керамики из памятников пшеворского и черняховского типа в Верхнем Поднестровье и Западном Побужье:

1 — лепная керамика из поселения пшеворского типа в Сокольниках 1; 2 — лепная керамика из гончарной печи черняховской культуры в Сокольниках 1.

материальной культуры черняховского и предчерняховского населения Верхнего Поднестровья и Западного Побужья свидетельствует об их значительной близости. Одинаковы топографические условия размещения поселений, нередко находящихся в одних и тех же местах (Сокольники 1, Пасеки-Зубрецькие). Форма жилищ также очень близка. Как на одних, так и на других памятниках открыты в основном полуземлянки прямоугольной или квадратной формы площадью от 12 до 25 м². Одинакова конструкция очагов, расположение столбовых ям. Для жилищ обеих культур характерны пристенные материковые останцы-прилавки, одинаково их расположение, конструкция. На ранних черняховских памятниках сохранились наземные жилища, характерные для древностей конца II — начала III в. н. э.

Керамический материал этих памятников представлен, в подавляющем большинстве, лепными сосудами, включающими несколько форм горшков, изредка мисок и кружек. На памятниках черняховского типа этого региона также открыто большое количество лепной керамики, заметно преобладающей над гончарной²³. Основным типом являются горшки, меньше мисок и конических кружек. Последние, очевидно, были вытеснены более совершенными формами гончарной керамики. Отметим, что в предчерняховских древностях гончарная керамика представлена главным

²³ Баран В. Д. Черняховская культура в междуречье Днестра и Западно-го Буга в свете новейших исследований.— КСИА, 1976, вып. 21, с. 8—9.

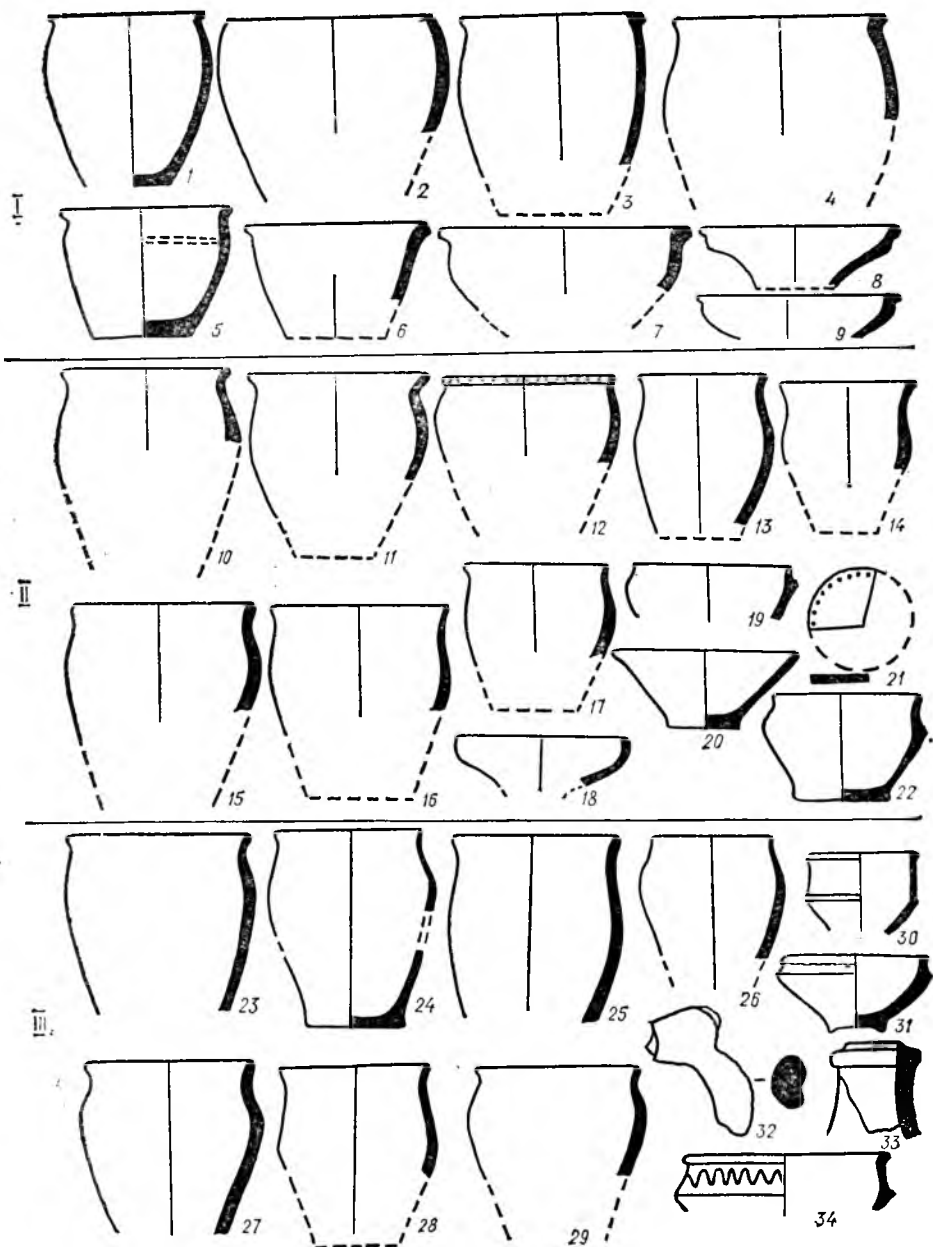

Рис. 12. Основные формы керамики из памятников пшеворского типа в Верхнем Поднестровье и Западном Побужье:

I — керамика I в. до н. э.—середина I в. н. э.; II — керамика второй половины I первой половины II в. н. э.; III — керамика второй половины II —первой половины III в. н. э.

образом мисками²⁴. Характер обработки внешней поверхности, состав теста лепных сосудов такие же, как и в лепной керамике черняховской культуры. Сказанное относится и к формам сосудов (рис. 11, 1—2). Совпадают не только основные типы горшков. Среди черняховской лепной керамики отсутствуют сосуды, которые не имели бы себе параллелей в более ранних памятниках.

Идентичны в двух культурах также хозяйственные предметы (ножи, шилья, прясла, проколки), украшения (фибулы, пряжки, гребни). Определенные отличия, наблюдающиеся в двух культурах, объясняются различным уровнем социально-экономического развития одного и того же населения. Так, в черняховское время широко используется гончарная керамика, в силу чего становится менее совершенной лепная посуда и сокращается ее ассортимент, богаче и совершенней набор хозяйственно-бытовых предметов, украшений.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что в III в. н. э. со сменой культуры на Верхнем Поднестровье и Западном Побужье не произошло заметного изменения в составе населения. Основными носителями новой культуры черняховского типа являлись местные племена.

Переход одной культуры в другую был постепенным, что подтверждается наличием здесь памятников переходного периода, то есть таких, где в равной степени сочетаются элементы одной и другой культур. К ним относятся поселения в Черепине и Незвиско, где найдено большое количество пшеворского материала²⁵. Керамика ряда объектов черепинского поселения (жилища VI, VII, XI) по своему характеру не отличается от керамических комплексов II — первой половины III в. н. э. на поселениях в Подберезцах, Пасаках-Зубрецких, поселении в Сокольниках I. Датированный материал, найденный в упомянутых жилищах черепинского поселения, позволяет отнести их ко второй половине III в. н. э. В более поздних жилищах этого же поселения среди керамического материала больше гончарной посуды, в том числе и горшков с примесью песка в тесте, отсутствующих в более ранних жилищах.

Сопоставляя памятники черняховского типа рассматриваемого региона с раннеславянскими памятниками, В. Д. Баран показал их генетическую связь, которая прослеживается в ряде элементов материальной культуры²⁶. Эта связь является важным свидетельством этнического родства двух культур, принадлежащих одной славянской этнической общности²⁷.

---

²⁴ Козак Д. Н. Пшеворська і черняхівська культури у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі.— Археологія, 1982, 37.

²⁵ Баран В. Д. Поселення перших століть нашої ери біля с. Черепин.— К., 1961, с. 32, 33, 41; Смирнова Г. И. Поселение у с. Незвиско в первые века нашей эры.— МИА, 1964, № 116, с. 206—212.

²⁶ Баран В. Д. Черняховская культура... с. 8—9.

²⁷ Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю.— К., 1972, с. 125—126.

Выводы В. Д. Барана проливают свет на вопрос об этнической принадлежности носителей памятников первой четверти I тыс. н. э. в Верхнем Поднестровье и Западной Волыни, возникших в результате интеграции пшеворской, зарубинецкой и частично липицкой культур.

Несколько иная ситуация сложилась на Среднем Поднестровье. Еще в 50-х годах исследователи констатировали полное отсутствие здесь памятников первых веков нашей эры²⁸. Только в последние десятилетия раскопками И. И. Винокура, Б. А. Тимощука открыты памятники этого периода. Исследователи склонялись к мысли об их принадлежности зарубинецкой культуре²⁹. Однако этот вывод базировался на материалах, полученных при разведочных работах и не мог быть в достаточной мере обоснован. В последнее время памятники рубежа и первых веков нашей эры на этой территории исследуются С. П. Пачковой и В. Н. Цигиликом. Детальный анализ материала, полученного при раскопках одного из таких поселений в Круглике, позволил С. П. Пачковой сделать вывод о его принадлежности к культуре Поянешти-Лукашовка³⁰. Автор отмечает также наличие черт пшеворской культуры на этом поселении.

Выразительный материал, раскрывающий характер памятников первых веков нашей эры на Среднем Днестре, получен нами при раскопках многослойного поселения у с. Бернашовка Могилев-Подольского района Винницкой области³¹.

Поселение расположено в 1 км к западу от села на первой надпойменной террасе левого берега Днестра. Культурный слой интересующего нас времени прослеживался слабо. Основное количество материала концентрировалось около жилой постройки и в ее заполнении. Форма постройки близка к овальной, размеры 4,12 × 4,3 м, высота земляных стенок 0,1—0,12 м (рис. 13, 1). В полу обнаружены шесть ямок от столбов, расположенных вдоль стенок. Приблизительно в центре жилища — углубление овальной формы, заполненное углем и пеплом. Очевидно, это остатки очага. На полу жилища найдена бронзовая одночленная фибула латенской конструкции (рис. 13, 3). Керамический материал, собранный в жилище и на поселении, состоит из многочисленных фрагментов горшков, мисок, кружек и дисков (рис. 13, 2, 4—14). Поверхность сосудов темно-коричневого цвета, шершавая. Два фрагмента были орнаментированы ногтевыми защипами.

Горшки представлены широкогорлыми приземистыми сосудами с загнутыми вовнутрь венчиками (рис. 13, 2, 14), выпуклобокими

²⁸ Тиханова М. А. Археологические памятники Поднестровья в первой половине I тыс. н. э.— КСИА, 1953, вып. 2, с. 19.

²⁹ Винокур И. И. История та культура черняхівських племен.— К., 1972, с. 21—29; Тимошук Б. О. Буковина — земля слов'янська.— Ужгород, 1969, с. 42.

³⁰ Пачкова С. П. Поселения поблизу с. Круглик на Буковині.— Археологія, 1977, т. 23, с. 24—36.

³¹ Работы проводились Днестровской раннеславянской экспедицией под руководством В. Д. Барана.

сосудами с отогнутыми наружу венчиками, покатыми или округлыми плечиками и конической придонной частью (рис. 13, 5, 6). Аналогии этим горшкам имеются среди керамики пшеворской культуры раннеримского времени³². Иной тип составляют горшки с вытянутой, вертикально поставленной шейкой и округлыми бочками (рис. 13, 4) и горшки с высокими отогнутыми венчиками и дуговидными плечиками (рис. 13, 9). Венчики утолщены с внутренней и внешней сторон. По форме аналогии этим сосудам известны среди дакийской керамики³³. Однако последние отличаются способом формирования венчиков. Утолщение и профилирование венчиков характерны для пшеворской керамики позднелатенского времени, хотя встречаются и в других позднелатенских культурах, в том числе и в культуре Поянешти-Лукашовка.

Миски имеют сглаженную, иногда лощеную поверхность. Основной тип составляют сосуды с прямой или несколько загнутой вовнутрь горловиной и конической придонной частью (рис. 13, 10). Миски этой формы встречаются в небольшом количестве среди пшеворской керамики раннеримского времени. Известны они также в дакийских керамических комплексах³⁴. Еще один тип составляют миски полусферической формы с утолщенными профилированными венчиками (рис. 13, 12), характерные для пшеворской культуры позднелатенского времени.

Сравнительно небольшое количество среди керамического материала составляют кружки полусферической формы (рис. 13, 7), часто встречающиеся на памятниках пшеворской культуры позднелатенского времени, и кружки конической формы, распространенные, в основном, среди дакийских керамических комплексов (рис. 13, 8, 13).

Диски-покрышки изготовлены из того же теста, что и горшки, и имеют грубую, шершавую поверхность (рис. 13, 11). Одна сторона заглажена. Они аналогичны изделиям верхнеднестровских и волынских памятников.

Найденная в жилище фибула одночленной конструкции принадлежит типу «В» группы фибул среднелатенской конструкции по классификации И. Костшевского³⁵.

Время существования поселения определяется фибулой из жилища № 1 и характером керамического комплекса. Й. Костшевский, рассматривая фибулы типа «В», определил время их существования на территории Польши среднелатенским периодом³⁶. Однако эти фибулы, как свидетельствуют новые материалы, встречаются в пшеворской культуре и в раннеримское время. Таким

³² *Kostrzewski B. Cmentarzysko...*, rys. 135, 15; 179, 16; *Dąbowski K. Osadnictwo...*, t. XIV, 9; XVI, 18.

³³ *Bichir Ch. Cultura Cărpica*.— București, 1973, s. 259, tabl. XLII; XLIV, 3; *Цигулик В. М. Населения...*, рис. 21, 6.

³⁴ *Цигулик В. М. Населения...*, рис. 34.

³⁵ *Kostrzewski J. Die ostergermanische Kultur der Spätlatenezeit*.— Leipzig, Würzburg, 1919, t. 1, S. 17.

³⁶ *Ibid.*, S. 18.

образом, время бытования подобных фибул довольно широкое. Уточнить время существования поселения в данном случае помогает анализ керамического комплекса. Как показывают аналогии, он характеризуется сосуществованием позднелатенских и раннеримских форм при преобладании последних. Подобное сочетание керамики свойственно, как отмечалось выше, памятникам второй половины I в. н. э. Именно этим временем, по нашему мнению, и следует датировать поселение в Бернашовке.

Анализ материалов, открытых на поселении, позволяет определить также его культурную принадлежность. Керамика довольно разнообразна и в культурном отношении неоднородна. Судя по аналогиям, три типа горшков являются пшеворскими, два — близки дакийской керамике. В целом, последние имеют несколько синкретический характер, что проявляется в соединении дакийской формы и пшеворской традиции формирования венчиков.

Из мисок один тип характерен для пшеворской культуры, второй — для раннеримского времени на более широкой территории и присутствует в пшеворской, зарубинецкой и дакийской культурах. Сказанное относится к кружкам, одна форма которых является пшеворской, вторая — дакийской. Меньше данных для культурного определения памятника дает жилище. Однако отметим, что в дакийских культурах жилища, подобные бернашовскому, не обнаружены.

Форма фибулы характерна для пшеворской культуры, но встречается также среди германских, кельтских и других культурных комплексов Европы. Следовательно, поселение в Бернашовке можно определить в целом, как имеющее синкретический дако-пшеворский характер с преобладанием элементов пшеворской культуры. Последнее определяет отношение анализируемого памятника к синхронным верхнеднестровским памятникам и пшеворской культуре на территории Польши. На верхнеднестровских поселениях тоже отмечены влияния дакийской (липицкой) культуры, однако проявляются они в гораздо меньшей степени, чем в Бернашовке. Здесь не выявлены горшки с высокой, вертикальной горловиной и с дуговидными плечиками, меньше конических кружек, полусферических мисок. В Верхнем Поднестровье единичны горшки с загнутыми вовнутрь венчиками, составляющие в Бернашовке значительный процент. Открытое здесь жилище не имеет аналогий ни в одном из трех десятков жилых сооружений, известных на Верхнем Поднестровье и Западном Побужье.

Как видим, бернашовское поселение по сравнению с верхнеднестровскими имеет специфический характер, проявляющийся в значительном количестве дакийской керамики. Пшеворские же элементы этого поселения ближе к памятникам пшеворской культуры, расположенным на запад от Вислы, чем к верхнеднестровским.

Бернашовское поселение не является единственным памятником такого рода в Среднем Поднестровье. Так, Б. А. Тимощуком и Г. Ф. Никитиной в Неполковцах II открыто погребение, имеющее

синкретический пшеворско-липицкий характер и аналогичное памятникам типа Болотня-Звенигород³⁷.

Смешанный дако-пшеворский характер имеют материалы, собранные во время разведочных работ на поселении в Перебыковцах возле г. Хотина³⁸.

О присутствии в Среднем Поднестровье пшеворского населения свидетельствует поселение в Горошевой Тернопольской области, которое относится, по мнению автора исследований, к пшеворской культуре позднелатенского времени³⁹. Однако отметим, что здесь, судя по опубликованному материалу, присутствуют выразительные дакийские элементы. Отметим также некоторые типы мисок, не характерных для пшеворской керамики, которые вместе с отдельными формами горшков определяют региональные особенности поселения в сравнении с пшеворскими памятниками Висло-Одерского междуречья.

На основании имеющихся материалов можно констатировать наличие в Среднем Поднестровье в первых веках нашей эры интеграционного процесса между пшеворским и дакийским населением. В отличие от Верхнего Поднестровья, Западной Волыни и Южного Побужья, где активное участие в нем принимали зарубинецкие племена, здесь зарубинецкие элементы пока не обнаружены, а пшеворские отличаются от верхнеднестровских.

Исходя из вышеизложенного, неправомерным следует считать выдвинутый недавно Ю. В. Кухаренко тезис о принадлежности памятников рубежа и первых веков нашей эры на Верхнем Днестре и Подолии к единой культуре Поянешти-Лукашовка⁴⁰. Более детальный разбор материалов названных памятников свидетельствует о различии между ними. Только в Среднеднестровском регионе и только в позднелатенское время существуют различные по этнокультурному облику древности. Одни из них принадлежат к культуре Поянешти-Лукашовка (Круглик), другие — к пшеворской культуре (Горошевая). Комплекс материалов поселения в Горошевой отличается от позднелатенских памятников Верхнего Поднестровья и Западного Побужья, а древностей типа Круглика здесь пока не обнаружено.

Раннеримские памятники очерченных регионов, как было показано выше, характеризуются интеграцией различных культур. Сочетание и процентное соотношение элементов этих культур не везде было одинаковым. В Среднем Поднестровье основными компонентами этого процесса были пшеворские и дакийские племена,

³⁷ Тимощук Б. О., Никитина Г. Ф. Памятники первых веков нашей эры у с. Неполковцы.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии. М., 1978, с. 93, рис. 1, 15.

³⁸ Материалы фондов Института археологии АН УССР. Раскопки С. П. Пачковой.

³⁹ Пачкова С. П. К вопросу о памятниках позднелатенского времени на Среднем Днестре.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 57—72.

⁴⁰ Кухаренко Ю. В. О так называемых зарубинецких памятниках Подолии.— В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1979, с. 142—146.

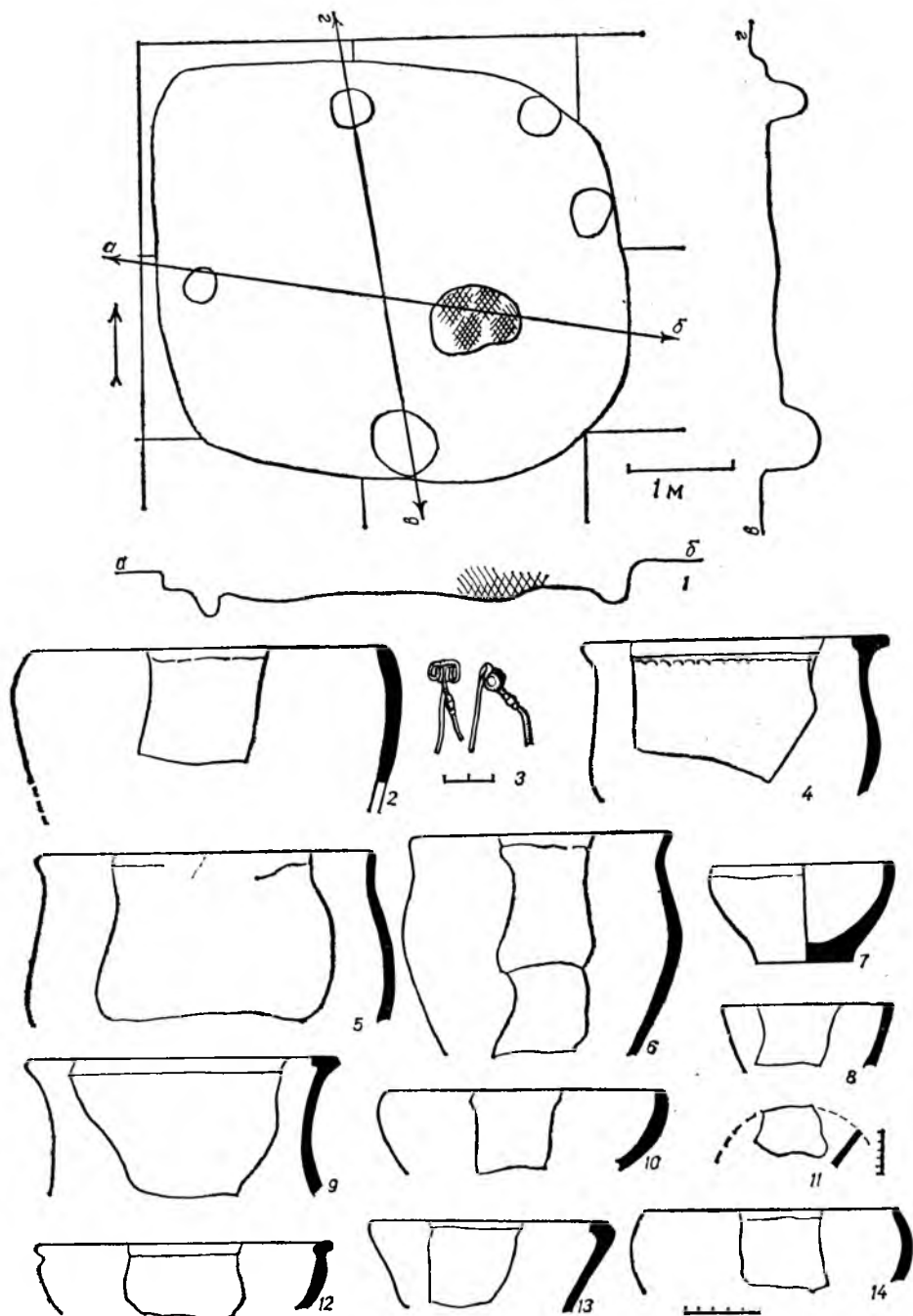

Рис. 13. Поселение у с. Бернашовка:

1 — план и разрез жилища № 5; 2, 4—14 — основные типы сосудов поселения; 3 — фибула из жилища № 5.

в Южном Побужье — зарубинецкие и пшеворские, при преобладании первых. В Верхнем Поднестровье его основой являлись пшеворско-зарубинецкие племена при участии населения липицкой культуры. На Западной Вольни пшеворско-зарубинецкое взаимодействие было лишено, в отличие от Верхнего Поднестровья, влияния липицкой культуры. Главным в нем было пшеворско-зарубинецкое взаимодействие, приведшее к формированию в III в. н. э. в Верхнем Поднестровье и Западном Побужье памятников черняховского типа, носителями которых были славяне. На значительной части Вольни и Южном Побужье этот процесс был замедлен и усложнен вторжением инородного населения, в первую очередь, сармат и готов, оказавшего определенное влияние на черняховскую культуру очерченных регионов.

К культуре, упоминаемой Ю. В. Кухаренко, относятся только позднелатенские памятники типа Круглика на Среднем Днестре. Они сосуществуют с локальной группой древностей западного происхождения, близкой к пшеворской культуре Висло-Одерского междуречья. К началу раннеримского времени на этой территории формируются древности типа Бернашовки, соединяющие в себе элементы пшеворской и дакийской культур. Их взаимопроникновение началось еще в позднелатенское время⁴¹.

Процесс проникновения пшеворских племен в среду гето-дакийского населения продолжался и в последующее время, охватывая район Днестро-Дунайского междуречья. Он заметно усиливается во II в. н. э., когда пшеворская культура в Польше достигает наибольшего расцвета. Пшеворские памятники этого периода известны не только в Поднестровье, но и в Закарпатье и Восточной Словакии.

Еще в конце XIX в. Т. Легоцким были описаны предметы вооружения, найденные в селах Арданово, Свалява, Смолеговицы, Новислица в Закарпатье⁴². Они входили в состав отдельных погребений с трупосожжением или небольших могильников, принадлежащих к пшеворской культуре⁴³. Последние аналогичны отдельным погребениям с оружием в Поднестровье типа Переводова, Капустянец, Петрилова и других и датируются второй половиной II—III в. н. э.

О проникновении пшеворских племен в Потисье и их взаимодействии с местным гето-фракийским населением свидетельствует недавно исследованный памятник у с. Братово⁴⁴, где под одним курганом открыто пять урновых и ямных трупосожжений с типичным для пшеворской культуры обрядом погребения. Два из них

⁴¹ Пачкова С. П. К вопросу..., с. 57—72; Пачкова С. П. Поселения поблизу с. Круглик..., с. 24—36.

⁴² *Lehoczky T.* Beregmedyei vaskori leletről.— Arch. Ertesito, 1886; Adatok hazánk archeologiajához különös tekintettel Beregmegyere es környécére.— Munkacs, 2 köt., 1912, 95. old. 45—47.

⁴³ *Смишко М. Ю.* Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери.— К., 1961, с. 6.

⁴⁴ *Котигорошко В. Г.* Курган первой половины III в. н. э. у с. Братово.— СА, 1979, № 2, с. 153—163.

сопровождались большим количеством характерных для этой культуры предметов вооружения. Местным элементом является наличие курганной насыпи над погребениями, что типично для культуры Карпатских курганов.

Существование подобных памятников в Потисье свидетельствует о сближении пришлых пшеворских племен с местным населением, о взаимопроникновении их культур.

Памятники, аналогичные Братову, известны также в Восточной Словакии, в частности, в Земплине⁴⁵. Пшеворские элементы прослеживаются и на поселениях Шебастовицы, Михаловицы, Гуменное и др.⁴⁶ Дальнейшее развитие эти памятники получают в культуре типа Прешова, датирующейся III—V вв. Они известны по материалам поселений в Сене, Прешове, Кошнянах и др. С этими памятниками словацкие археологи связывают начало славянизации Карпатского бассейна⁴⁷.

В III—IV вв. пшеворские племена Висло-Одерского междуречья продвигаются дальше на юг, на территорию современной Румынии, где известны по памятникам типа Тыршгор-Олтенъ⁴⁸. Некоторые румынские исследователи трактуют эти памятники как свидетельство пребывания германских племен (тайфалов или вандалов) на территории Румынии⁴⁹.

В Будинский-Кричка, рассматривая пшеворские древности на территории Восточной Словакии, выделял в них не только военную прослойку, являвшуюся в основном германской, но и земледельческо-скотоводческую — славянскую⁵⁰. Высказанная им гипотеза согласуется с мнением некоторых польских и советских исследователей, рассматривающих пшеворскую культуру как сложное полиэтническое объединение, включающее и славянское население⁵¹, что подтверждается материалами Верхнего Поднепровья и Западного Побужья, о чем шла речь выше.

И. С. Винокур

ЧЕРНЯХОВСКИЕ ПЛЕМЕНА НА ДНЕСТРЕ И ДУНАЕ

В трудах отечественных и зарубежных ученых вопросы исторической географии и этнографии европейских племен рубежа и первой половины I тыс. н. э. уже нашли свое определенное освеще-

⁴⁵ *Budinsky-Krička V.* Výskum na mohylniku v Zempline roku 1858.— In: Referáty o pracovných výsledkoch československých archeologov za rok 1958, Liblice, 1958, N 2, s. 61—69.

⁴⁶ *Bydinsky-Krička V.* Sidlisko z doby rimskej a zo začiatkov stáhovania narodov v Prešove.— Sl. arch., 1963, t. II, s. 33.

⁴⁷ *Budinsky-Krička V.* Slovanske osídlenie na Východnom slovensku.— Stud. zvest. AU SAV, 1961, S. 6, 129, 130.

⁴⁸ *Diaconu Ch.* Despre Taifali în lumina cercetărilor arheologice.— Stud. și cerc. istor. veche, 1964, anul. 15, s. 467—481.

⁴⁹ *Ibid.*

⁵⁰ *Budinsky-Krička V.* Sidlisko., s. 33.

⁵¹ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв.— М., 1976, с. 205—213; *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян.— М., 1979, с. 71—73.

ние¹. Вместе с тем следует отметить, что накопление новых археологических материалов, происходящих с территории Поднестровья и Подунавья рубежа и первых веков нашей эры, дает возможность уточнить некоторые важные детали истории и культуры племен Юго-Восточной и Центральной Европы.

Изучение историко-археологических комплексов первых веков нашей эры показывает, что оседлые земледельческие племена Поднестровья и Подунавья, базируясь на местных древних традициях и находясь под прогрессивным влиянием античной цивилизации Северного Причерноморья и римских провинций, продолжали интенсивно развиваться.

Плиний Старший, Тацит и Птолемей, описывая население Европы рубежа и первых веков нашей эры, представляли себе европейские просторы как два больших этнографических массива — Германию и Сарматию². И та и другая, по свидетельствам древних авторов, включали «большие» и «малые». Так, Плиний Старший сообщает: «Некоторые писатели передают, что эти местности вплоть до реки Вистулы (Вислы.— *И. В.*) населены сарматами, венедами, скифами, гиррами»³. Тацит, говоря о европейских племенах, отмечает: «Здесь конец страны свевов. Относительно племен певкинов, венетов и феннов я не знаю, причислить ли мне их к германцам, или к сарматам... Более похожи венеты на сарматов по своим нравам и обычаям»⁴. И далее, уточняя географические границы «Германии», Тацит рассказывает, что «Германия в целом отделяется от (страны.— *И. В.*) галлов, ретов и паннонцев реками Рейном и Дунаем, а от сарматов и даков — взаимным страхом, а также горами (Карпаты — *Н. В.*)»⁵. Птоломей повествует, что «Сарматию занимают очень большие племена: венедамы вдоль всего Венедского залива; над Дакией господствуют певкины и бастарны; по всей этой территории, прилегающей к Маеотийскому озеру, — языги и роксоланы; в глубь страны от них находятся амаксобии и алано-скифы»⁶.

Среди небольших племенных образований Птолемей называет сабоков и трансмонтанов, локализуя их на север и северо-восток от Карпатских гор. Из других источников в указанном районе известны две племенные группы — карпы и костобоки. В области

---

¹ *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена.— М., 1953; *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— М.: Л., 1966; *Filip J.* Počatky slovenskeho osídlení v Ceskoslousku.— Praha, 1946; *Kostrzewski J.* Kultura prapolska.— Poznań, 1949; *Vulpe R.* Izvoare.— București, 1957; *Istoria României.*— București, 1960.

² *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена, с. 103.

³ *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.— ВДИ, 1941, № 1; *Плиний Старший.* Естественная история, IV, 97, с. 230.

⁴ *Мишулин А. В.* Древние славяне., *Тацит.* Германия, XI, 6, с. 230.

⁵ Древние германцы: Сб. док./Сост. Б. Н. Граков, С. П. Моравский, А. И. Неусыхин.— М., 1937, *Тацит.* Германия, I, с. 55.

⁶ *Птолемей.* География, III, 5, 19, с. 231; *Скржинська М. В.* Перші писемні свідчення про слов'ян.— УІЖ, 1974, № 6, с. 91—99.

Поднепровья Птолемей размещает, кроме них, суоенов и ставанов, в наименованиях которых историки и археологи видят древнейшие упоминания названия «славяне» для Поднепровья⁷.

Как видно из приведенных сообщений Плиния Старшего, Тацита и Птолемея, европейские земли (и особенно район Центральной и Юго-Восточной Европы) представляли собой на рубеже и в первые века новой эры пеструю племенную мозаику. Причем в составе племен европейской «Сарматии» и «Германии», судя по письменным источникам, подразумевались в этническом отношении разнородные элементы⁸.

В связи с изучением древностей первой половины I тыс. н. э. на территории Поднепровья и Подунавья первостепенное значение приобретают сведения древних авторов о сарматах и венедах или венетах. «Европейская Сарматия ограничивается на Севере Сарматским океаном (Балтийским морем.— *И. В.*) по Венедскому заливу (часть Балтийского моря.— *И. В.*) и частью неизвестной земли...»⁹. С запада Сарматия ограничивается рекой Вистулой (Вислой.— *И. В.*), частью Германии, лежащей между ее истоками и Сарматскими горами (Среднеевропейские отроги Карпатских гор.— *И. В.*)»¹⁰. Южный и восточный пределы «Сарматии» связаны с Северным Причерноморьем, а также заднепровскими и задонскими степями¹¹.

Под «большими» и «малыми» племенами «Сарматии», очевидно, подразумевались не только собственно сарматские, но и другие несарматские племена, например славянские и фракийские. Материальная и духовная культура собственно сарматских степных племен изучена советскими археологами достаточно основательно¹². Значительно хуже исследованы конкретные пути исторических связей собственно сарматских племен с их соседями — фракийцами и славянами. В связи с накоплением новых археологических данных рубежа и первых веков нашей эры эту проблему можно уже ставить и решать на более широкой, чем это было раньше, историкоэтнографической основе.

Очевидно, древние авторы были правы, говоря, в частности, о территориальном и этнокультурном контактах между сарматами и славянами. Линия активного взаимопроникновения очерченных этнокультурных массивов, как отмечено в источниках, проходила на север от Черного моря, Карпатских гор и Дуная, то есть, очевидно, в районах Поднепровья и прилегающих к ним землях¹³.

⁷ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, № 3, с. 235—315; Клавдий Птолемей, География, 8, с. 463.

⁸ Третьяков П. П. Восточнославянские племена, с. 103—105.

⁹ Латышев В. В. Известия древних писателей...; Клавдий Птолемей, География, 1, с. 459.

¹⁰ Латышев В. В. Известия древних писателей...; Клавдий Птолемей, География, 1, с. 460.

¹¹ Смирнов К. Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов.— М., 1964, с. 193.

¹² Там же.

¹³ Мишулин А. В. Древние славяне..., с. 230—231.

Письменные источники дают также возможность уточнить территориальные и этнокультурные связи славянских и фракийских племен¹⁴. Основным порубежным районом между ними выступает территория Подунавья, Прикарпатья и Среднего Поднестровья. Именно в этих местностях, очевидно, в первые столетия новой эры и происходили контакты между славянским и фракийским населением. В Певтингеровых дорожных таблицах на территории между Днестром и Дунаем рядом с даками и готами размещены венеды. Наименование «венеды» встречается в названных таблицах дважды, что должно, видимо, свидетельствовать о большой протяженности заселенной ими территории.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что «большие племена: венеды» Птолемея¹⁵ на рубеже и в первой половине I тыс. н. э. занимали огромные просторы в Центральной и Юго-Восточной Европе (от Дуная до Балтийского моря). Славяне-венеды занимали большую территорию на Нижнем Дунае, Днестре, Днепре и Висле. В территорию расселения славян входило, очевидно, все лесостепное Днестро-Днепровское междуречье¹⁶.

На рубеже и в первые века нашей эры отдельные группы сарматов продвинулись из Причерноморья на земли Подунавья и Днестро-Прутского междуречья, а затем, расширяя зону контактов в северном направлении, они оказались в окружении фракийских и славянских племен Среднего Поднестровья и Прикарпатья. Это было одно из известных сарматских племен — языги, которые первыми продвинулись из причерноморских степей на запад¹⁷. По свидетельству Аппиана, они кочевали в конце II в. н. э. между Днепром и Дунаем¹⁸, а затем двинулись на запад от Днестра и, наконец, в середине I в. н. э. осели в бассейне р. Тиссы¹⁹. В конце II — начале III в. н. э. языгов в южнорусских степях не было²⁰.

Как видим, письменные источники фиксируют для территории Юго-Восточной Европы рубежа и первых веков нашей эры довольно сложную этно-географическую картину. Сложность обуславливалась тесными территориальными контактами, глубокими взаимовлияниями и культурными переплетениями, которые нередко существовали между племенами различного этнического происхождения. Следует подчеркнуть, что по характеру развития оседлой земледельческой культуры славянские (венедские) и фракийские племена рубежа и первых веков нашей эры были довольно

¹⁴ Там же.

¹⁵ Мишулин А. В. Древние славяне., с. 230—231.

¹⁶ Бидзиля В. И. Этническая карта Восточной Европы первой половины I тысячелетия н. э.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 20.

¹⁷ Смишко М. Ю. Сарматські поховання біля с. Острівець.— МДАПВ, 1962, вип. 4, с. 67—69.

¹⁸ Латышев В. Известия древних писателей греческих и римских о Скифии и Кавказе.— Спб., 1893, т. 1, с. 528.

¹⁹ Там же, 1904, т. 2, с. 171.

²⁰ Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений.— Спб., 1899, т. 1, с. 94.

близки. Несколько иными, видимо, были процессы, связанные с сарматскими племенами, которые, оседая на фракийских и славянских землях, постепенно переходили к земледелию и значительно позже частично сливались с местным оседлым земледельческим населением²¹.

Исторические свидетельства о населении Юго-Восточной Европы последующих веков содержатся в трудах Иордана, Прокопия Кесарийского, Менандра, Псевдо-Маврикия, Агафия, Феофилакта Симокатты и др. Нас, прежде всего, интересуют те места в сочинениях древних авторов, где освещается история населения Поднестровья и Подунавья в III—IV вв.

Данные более древних писателей о венедах рубежа и первых веков нашей эры можно уверенно связывать с описанными в «Гетике» антами и склавиными²². «...Начиная от места рождения Вистулы (Вислы — *И. В.*), — сообщает Иордан, — на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами»²³. Описывая основные территории расселения антов и склавинов, Иордан далее уточняет: «Склавены живут от города Новьетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Вислы; вместо городов у них болота и леса. Анты же — сильнейшие из обоих (племен. — *И. В.*) — распространяются от Данастра до Данапра...»²⁴. Как бы уточняя генеалогические связи венетов с антами и склавиными, Иордан отмечает: «Эти (венеты. — *И. В.*), как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, — именно при перечислении племен, — происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавинов. Хотя теперь (то есть в VI в. н. э. — *И. В.*) по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда (в IV в. н. э. — *И. В.*) все они подчинились власти Германариха»²⁵. Иордан, видимо, уже знал как единые по смыслу этнонимы венеды и славяне²⁶.

О том, что раннюю историю антов следует относить к III—IV вв., свидетельствует также то место из сочинения Иордана, где описывается борьба готов с антами в 70-х годах IV в., после смерти Германариха²⁷.

Итак, судя по данным «Гетики», анты и склавины уже в первой половине I тыс. н. э. населяли огромные пространства: основным ареалом склавинов были земли на запад от Днестра, а территория антов непосредственно связана с Днестро-Днепровским между-

²¹ Шукин М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. — Археол. сб. Гос. Эрмитажа, 1972, вып. 14, с. 43—53.

²² Иордан. О происхождении и деяниях гетов. — М., 1960, с. 71—72, 90, 115.

²³ Там же, с. 71—72.

²⁴ Там же, с. 72.

²⁵ Там же, с. 90.

²⁶ Нидерле Л. Славянские древности. — М., 1956, с. 39—43.

²⁷ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 115.

речью. Е. Ч. Скржинская, анализируя сочинение Иордана, пришла к выводу, что анты могли расселяться и несколько к западу от Днестра. Они «...не только смыкались по четкой линии Днестра со склавенами, но и проникали в области расселения последних, перемежаясь с ними по крайней мере в восточной части северного Подунавья»²⁸.

Прокопий Кесарийский, говоря о славянах и антах, локализует последних в основном между Днестром и Днепром²⁹. Имея в виду этническое родство славян (склавинов — И. В.) и антов, он пишет: «...у тех и других один и тот же язык, довольно варварский, и по внешнему виду они не отличаются друг от друга... И некогда даже имя славян и антов было одно и то же»³⁰. Этот же автор отмечает, что славяне и анты находились в гуще военных событий периода борьбы с готами³¹.

Маврикий Стратег также сообщает любопытные сведения о славянах и антах. «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; ...Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище»³². Упоминания об антах встречаются и у Агафия³³. Феофилакт Симокатта, повествуя о событиях VI—VII вв., упоминает славян и антов, которые вместе с другими племенами, «...как волны, заливали всю страну на той стороне Истра»³⁴.

О событиях VI в. в связи с борьбой антов против аваров рассказывает Менандр. Он обращает внимание на отдельные эпизоды борьбы, а также красочно описывает дипломатические коллизии, связанные с ходом войны³⁵.

Иоанн Эфесский в своей «Церковной истории» повествует о Балканских войнах VI в. и о роли славянских племен в них³⁶. События Балканских войн и заканчиваются, по сути, непосредственные упоминания в письменных источниках об антах.

Приведенные, по нашему мнению, наиболее характерные места из письменных свидетельств древних авторов о венедах, славянах и антах дают возможность сделать определенные обобщения и выводы, касающиеся территории расселения указанных племен в первой половине I тыс. н. э., их жизни и связей с другими народами.

Сведения письменных источников о венедах дают возможность локализовать их первоначально в Повисленье и на восток от Вис-

²⁸ Скржинская Е. Ч. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новпетуне.— Византийский временник, 1957, 12, с. 19.

²⁹ Прокопий из Кесарии. Война с готами.— М., 1950, с. 156, 295, 297, 319, 320 и др.; Прокопий Кесарийский. Тайная история.— ВДИ, 1938, № 4, с. 307, 325 и др.

³⁰ Мишулин А. В. Древние славяне., с. 237.

³¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами, с. 156, 295, 297, 319, 320 и др.; Прокопий Кесарийский. Тайная история, с. 307, 325 и др.

³² Мишулин А. В. Древние славяне., с. 253.

³³ Агафий. О царствовании Юстиниана.— М.: Л., 1953, с. 75, 93.

³⁴ Феофилакт Симокатта. История.— М., 1967, с. 180—181.

³⁵ Мишулин А. В. Древние славяне., Менандр. История, 34, с. 247.

³⁶ Там же. Из «Церковной истории» Иоанна Эфесского, с. 252.

лы. Они соприкасались в Среднем Поднестровье, Прутско-Днестровском междуречье и в Подунавье с фракийскими и сарматскими племенами. На западе венеда соседствовали с древними германцами. Последние занимали основную территорию междуречья Одера и Рейна. На своем южном пределе территория германского населения включала и отдельные кельтские, иллирийские и другие племена.

Устанавливается устойчивая преемственность между венедами—славянами—антами. Их родство, на основе письменных свидетельств, является неоспоримым³⁷. Венеда—славяне—анты были связаны общностью этнического происхождения и языка. Упоминания письменных источников о венедах—славянах—антах следует рассматривать как эволюцию этнонимов, связанную с конкретными историческими условиями в Европе от рубежа и вплоть до середины I тыс. н. э.

Некоторые исследователи склонны относить сообщения Иордана, Прокопия и других древних авторов об антах только к VI в. н. э. и не ранее³⁸. Такая тенденция лишена исторической основы. Ведь Иордан, например, упоминает антов не только в VI в., но и в связи с событиями IV в. н. э. Это означает, что население Днестро-Днепровского междуречья и прилегающих районов Северного Подунавья III—V вв. н. э. должно связываться с ранним этапом антской истории³⁹. Письменные источники дают возможность видеть в антах отдельную этническую единицу, которая выделилась из вenedской (славянской) общности. Обычай и быт антов, как свидетельствуют источники, очень близки другой вenedской группе — склавином. Склавины и анты пользовались одним (общеславянским) языком. Некоторые же различия в языке, вероятно, не выходили за пределы дифференциации диалектного порядка⁴⁰.

Взаимопроникновения и взаимовлияния на протяжении первой половины I тыс. н. э. между антами и склавином можно считать установленным фактом. На юго-западе соседями славянских племен являются фракийцы, с которыми славяне, начиная с рубежа нашей эры и вплоть до Балканских войн, находились главным образом в мирных отношениях. Славяне-анты фиксируются письменными свидетельствами древних авторов на широких просторах Юго-Восточной Европы. Причем в середине I тыс. н. э. они известны в Подунавье и в Причерноморье⁴¹.

---

³⁷ Шафарик П. И. Славянские древности, т. 2, кн. 3; Нидерле Л. Славянские древности, с. 36—43; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, с. 111—131, 153—185.

³⁸ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152, с. 10—13.

³⁹ Седов В. В. Анти.— У кн.: Матеріали третьої Поділ. історико-краєзн. конф. Львів, 1970, с. 127.

⁴⁰ Там же, с. 128.

⁴¹ Сымонович Э. А. Племена Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— М., 1971, с. 2—4.

Для рубежа и первых веков нашей эры на землях Поднестровья и Подунавья известно несколько синхронных археологических культур. Непосредственно для лесостепного Днестро-Днепровского междуречья — зарубинецкая, на Днестре — пшеворская, гето-дакийская и сарматская культуры. Среди имеющихся материалов «чистые» комплексы названных культур соседствуют с памятниками, которые в своей материальной культуре имеют смешанный характер, что вполне соответствует реальной исторической обстановке рубежа и первых веков нашей эры.

Ареал древностей зарубинецкой культуры связывается преимущественно с бассейном Днепра⁴². Однако в последние годы зарубинецкие памятники открыты на Южном Буге⁴³, а элементы ее культуры представлены в Среднем⁴⁴ и Верхнем Поднестровье⁴⁵. Имея много общего в материальной культуре с поднепровскими зарубинецкими древностями, они переняли и основные черты ее соседних гето-фракийских и пшеворских племен. В этом смысле памятники рубежа и первых веков нашей эры в Среднем и Верхнем Поднестровье можно, видимо, рассматривать как смешанные или переходные⁴⁶.

Гето-дакийские племена представлены на территории Юго-Восточной Европы археологическими культурами типа Поянешти-Лукашевка, а также липицкими памятниками главным образом на землях Днестро-Прутского междуречья, в пределах современной Молдавии, а также соседней Румынии. Кроме того, отдельные гето-фракийские древности зафиксированы на землях Прикарпатья и Среднего Поднестровья, где, очевидно, находилась контактная зона гето-фракийских, пшеворских и зарубинецких племен.

В первых веках нашей эры определенную нивелирующую роль по отношению к племенам Поднестровья и Подунавья сыграли экономические и культурные связи с городами Северного Причерноморья и римскими провинциями. Это наложило соответствующий отпечаток на материальную культуру черняховских племен Поднестровья и Подунавья. Провинциально-римские влияния проявились в различных аспектах, но наиболее ярко они сказались в самом массовом археологическом материале — керамике. Провинциально-римские влияния в керамическом производстве хорошо фиксируются в среде гето-фракийских и славянских племен Поднестровья и Подунавья.

---

⁴² Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, с. 200—230; Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры.— Киев, 1972.

⁴³ Хаалюк П. І. Пам'ятники зарубинецької культури на Побужжі.— Археологія, 1971, т. 4, с. 84—97.

⁴⁴ Тимощук Б. А., Винокур И. С. Памятники эпохи полей погребений на Буковине.— КСИА АН СССР, 1962, вып. 90, с. 74—75.

⁴⁵ Цигилик В. М. Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери.— К., 1975, с. 101—105.

⁴⁶ Винокур И. С. Вольно-Подольское пограничье — один из районов формирования черняховской культуры.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 121, с. 30.

Как показали исследования, сложение черняховской культуры относится к концу II в. н. э., а дальнейшее ее функционирование — к III — началу V в.⁴⁷ Ареал племен черняховской культуры был очень широким. Он охватывал часть левобережья Днестра, основные районы Правобережной Украины и Молдавии с выходом на земли Румынии. Черняховские древности сложились на широкой основе восточнопшеворской, зарубинецкой и гето-фракийской культур. Какое-то значение (инфильтрат) в описываемом процессе имели и носители поморско-мазовецкой на северо-западе и сарматской культуры на юге.

По данным на 1967 г., на территории Украины и Молдавии зафиксировано около 2000 памятников черняховской культуры⁴⁸. В настоящее время их количество возросло, чему способствовали интенсивные поисковые работы в различных районах черняховского ареала. Обратимся к материалам интересующего нас региона Поднестровья и Подунавья.

На территории Среднего Поднестровья и северной части Днестро-Прутского междуречья на 1972 г. было известно 150 черняховских памятников⁴⁹. В последние годы их количество возросло. На территории Молдавии учтено 600 поселений и 50 могильников черняховской культуры⁵⁰, в приморской степной зоне междуречья Днестра и Дуная — около 120 черняховских памятников, имеющих и некоторые элементы родственных им культур⁵¹. Таким образом, всего в междуречье Нижнего Дуная, Прута и Днестра известно 920 памятников⁵². В соседней Румынской Молдове зафиксировано 500 поселений и 10 могильников черняховской культуры (древности Сынтана-де-Муреш)⁵³. Материалы исследований показывают, что в первых веках нашей эры черняховское население на Днестре и Дунае было достаточно плотным. Последнее связано, прежде всего, с поступательным историческим развитием на очерченной территории населения рубежа и первых веков нашей эры, а также с определенным притоком части степного населения⁵⁴.

На территории Поднестровья и Подунавья представлены гнезда поселений черняховской культуры, а также некоторые одиночные селища. Но группы селищ на Днестре и Дунае явно доминируют, свидетельствуя о значительной густоте населения. Для особо густо заселенных районов Среднего Поднепровья установлена при-

⁴⁷ *Винокур И. С.* История и культура черняховских племен лесостепного Днестро-Днепровского междуречья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Киев, 1978, с. 23—29.

⁴⁸ *Бибиков С. Н.* К 50-летию археологической науки на Украине. — СА, 1967, № 3, с. 65.

⁴⁹ *Винокур И. С.* История та культура черняхівських племен. — К., 1972, рис. 4.

⁵⁰ *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. — М., 1975, с. 71.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. — М., 1973, с. 264.

⁵⁴ *Рикман Э. А.* Этническая история..., с. 74.

мерная плотность 10 человек на 1 км² ⁵⁵. Для других районов Лесостепи плотность несколько меньше ⁵⁶. Низовья же Днестра и Дуная можно по плотности населения в первой половине I тыс. н. э. учитывать как равный (если не больший) со Средним Поднепровьем район.

«Гнезда» черняховских поселений хорошо зафиксированы в Среднем Поднепровье, например, в Каменец-Подольском районе Хмельницкой области (Бакота, Теремцы, Сокол-Каветчина, Каменец-Подольский — хут. Козак и др.); в пределах Молдавии — в Делакеу, Кобуска Веке, Калфе, Яблоне и др. ⁵⁷ Были, очевидно, аналогичные «гнезда» и на территории Молдовы и Мунтении.

Важным историко-этнографическим признаком является типология жилищного и хозяйственного строительства. Как показывают материалы исследований черняховских селищ, население строило и использовало наземные и полужемляночные постройки. В лесостепной полосе на черняховских поселениях представлены и те и другие сооружения. Но все же для каждого конкретного региона черняховских древностей можно установить доминирующую форму домостроительства. Днестро-Прутское междуречье, например, входило в зону, где преобладали наземные постройки. Здесь открыты, по данным на 1975 г., 55 наземных жилищ и только 12 землянок ⁵⁸. В Верхнем Поднепровье известно 38 наземных построек и 80 землянок. Землянка или полужемлянка была доминирующим типом жилища у черняховского населения в междуречье верховьев Днестра и Западного Буга ⁵⁹. На территории лесостепного Днестро-Днепровского междуречья соотношение на черняховских селищах наземных построек и полужемлянок примерно одинаково ⁶⁰. На черняховских селищах Среднего Поднепровья главным образом встречаются полужемлянки. В Бакоте, например, исследовано 33 полужемлянки. Они подквадратной и подпрямоугольной формы площадью 16—20 м². В полужемлянках, наряду с открытыми очагами, представлены и печи-каменки. Материалы показывают, что в Бакоте бытовали полужемлянки со столбовой и срубной конструкцией стен.

Интересно, что в бакотских черняховских полужемлянках нередко прослеживаются остатки глиняной обмазки от стен построек. Это очень важная деталь, связывающая воедино традицию черняховского наземного и полужемляночного домостроительства. Аналогичные наблюдения, касающиеся каркасной конструкции стен полужемлянок, сделаны в последние годы и на других среднеднепровских селищах (Бернашовка, Сокол, Теремцы и др.).

⁵⁵ Брайчевський М. Ю. Біля джерел слов'янської державності.— К., 1964, с. 26—27.

⁵⁶ Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен, с. 36—41.

⁵⁷ Рикман Э. А. Этническая история..., с. 74.

⁵⁸ Там же, с. 79.

⁵⁹ Баран В. Д. Раннеславянские памятники на Западном Буге.— *Slovenska archeol.*, 1965, t. 13, 2, s. 367.

⁶⁰ Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен, с. 55—58.

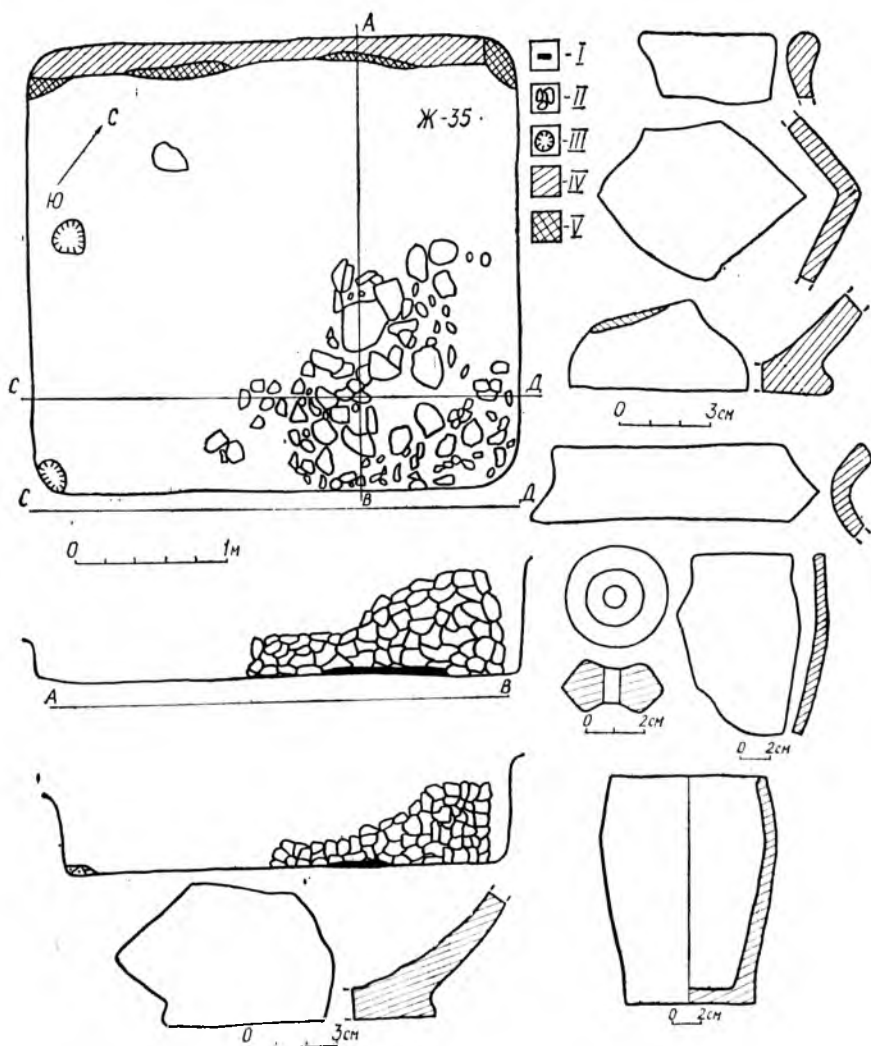

Рис. 1. План и разрез полуземлянки № 35 черняховского поселения Бакота. Гончарная, лепная керамика и пряслице, найденные в развале печи-каменки и на полу постройки:

I — под; II — камни; III — ямки; IV — обгорелое дерево; V — глиняная обмазка.

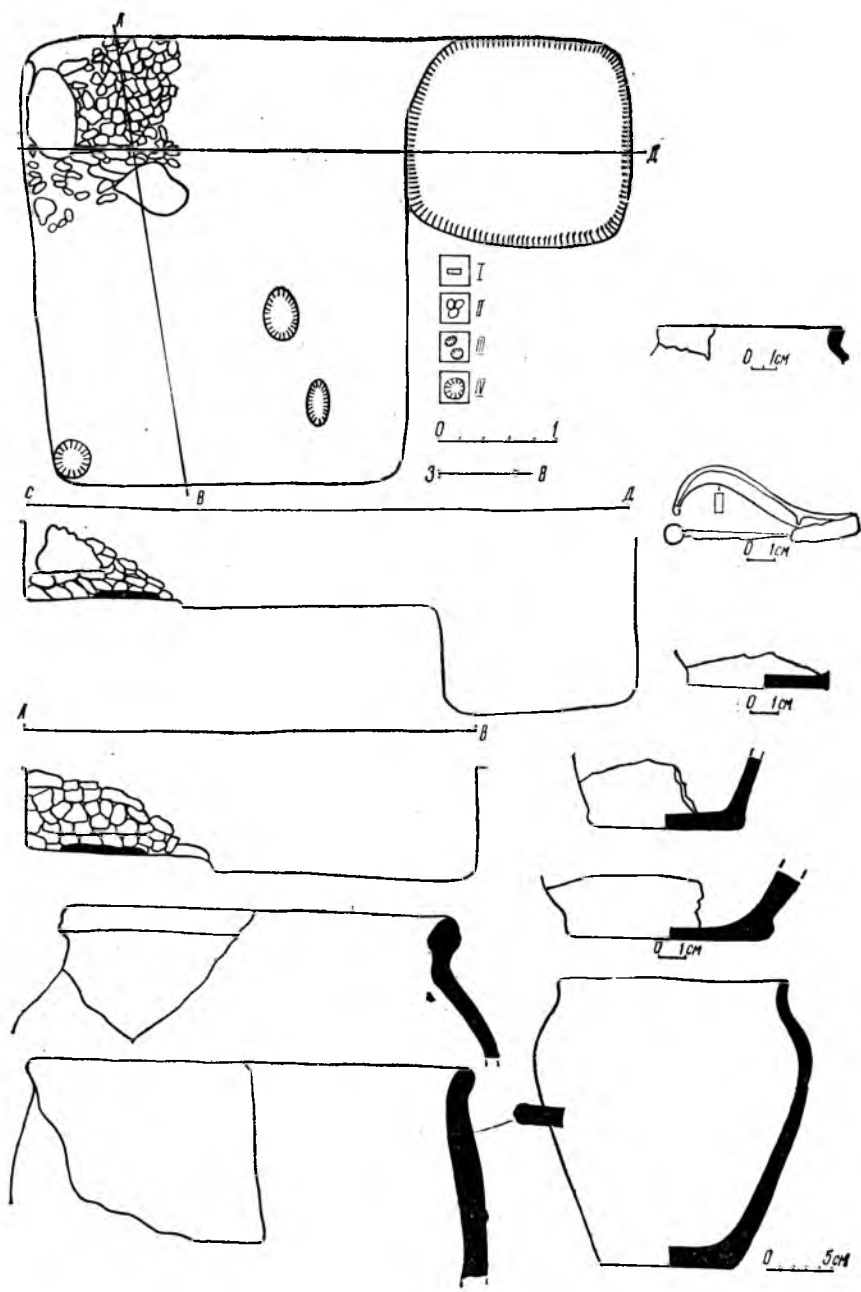

Рис. 2. План и разрез полуземлянки № 65 черняховского поселения Бакота. Гончарная, лепная керамика и железная фибула, найденные в развале печи-каменки и на полу постройки:

I — под; II — камни, III — ямки от столбов; IV — хозяйственная яма.

Таким образом, в домостроительстве Бакотского черняховского селища параллельно представлены наземные и полужемлячные постройки. Важно, что в бакотских полужемлянках, как и на других черняховских поселениях Среднего Поднестровья, обнаружены печи-каменки. Очевидно, подквадратные и подпрямоугольные полужемлянки с печами-каменками зародились как тип домостроительства именно у местного черняховского населения Среднего Поднестровья. Продолжение этих традиций хорошо зафиксировано в славянских жилищных комплексах V—VII вв. в том же среднестровском регионе (Бакота, Лука-Каветчинская, Устье, Рашков и др.).

На полу углубленных жилищ, в очагах и в развалинах печей-каменок наряду с гончарной черняховской посудой представлены лепные горшки, близкие по типологии славянской посуде V—VII вв. На Бакотском поселении открыты и стратиграфически перекрывающиеся полужемлянки с материалами, свидетельствующими о существовании гончарной черняховской и лепной посуды типа V—VI вв. Особенно наглядно отмеченная закономерность прослежена при исследовании жилищ № 33—37, 40—45, 57, 58, 61, 63, 65 и др. (рис. 1, 2). Интересно, что на полу постройки № 65 вместе с черняховской гончарной керамикой найден целый лепной горшок корчакского типа и железная двухчастная фибула с сильно изогнутой высокой дужкой прямоугольного сечения. Такие фибулы бытовали в конце IV — первой половине V в. Аналогичное сосуществование целых лепных корчакских форм керамики с гончарной черняховской отмечено и в полужемлянке № 35 Бакотского поселения, как, впрочем, и в других постройках этого селища.

Как отмечалось, на черняховских поселениях Поднестровья имеются и наземные каркасные постройки. По площади они представлены большими (40—100 м²), средними (30—40 м²) и малыми (10—25 м²) жилищами. На Бакотском поселении такие постройки функционировали одновременно. Такая же закономерность прослежена и на других поселениях (Лука-Врублевецкая).

На территории Днестро-Прутского междуречья (в Молдавии) известны черняховские поселения с большими жилищами: Делакеу, Загайканы, Будешты, Комрат⁶¹. В этом же районе (в основном на одних и тех же селениях) параллельно с большими наземными постройками представлены средние и малые по площади наземные жилища. Так, например, в Делакеу, Комрате, Будештах, Русянах, Собаре, Загайканах, Кобуска Веке, Петриканах, Балабанештах и Балцатах исследованиями открыты наземные черняховские постройки средних и малых размеров⁶² от 12—30 м² до 40—60 м².

В Карпато-Дунайских землях, на территории Румынии также представлены аналогичные по конструкции наземные дома средних

⁶¹ Рикман Э. А. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. — СЭ, 1962, № 3, с. 121—139.

⁶² Рикман Э. А. Этническая история..., с. 108—109.

и малых размеров. Обнаружены там, видимо, и остатки так называемых больших домов (Яссы, Ботошань) ⁶³. Основную массу открытых наземных построек составляют жилища малой и средней площади (Васлуй в Молдове и Индепенденца в Мунтении на Дунае) ⁶⁴.

Как видно из приведенных данных, большие, средние и малые по площади каркасные с глиняной обмазкой жилища представлены в различных районах Поднестровья и Подунавья. Причем в пределах каждого конкретного черняховского поселения различные по площади наземные жилища нередко функционировали одновременно. Подобное обстоятельство можно, по нашему мнению, объяснить только эволюцией большой патриархальной семьи — период, когда складывалась новая хозяйственная и социально-экономическая единица — соседская, территориальная община. Черняховские племена Поднестровья и Подунавья, как свидетельствует их историко-этнографический облик, должны были переживать процесс складывания соседской территориальной общины, что и отразилось в материалах их домостроительства, как наземного, так и полуземляночного.

Особо следует сказать о двухкамерных и многокамерных «больших домах» черняховцев. Они открыты на Днестре (Бакота, Лука-Врублевецкая), на территории Прутско-Днестровского междуречья (Будешты, Загайканы, Делакеу, Комрат и др.). В литературе высказана мысль о связи типологии этих жилищ преимущественно с германским миром ⁶⁵. Для выяснения историко-этнографических особенностей жилищных комплексов вообще и «больших домов» в частности обратимся к некоторым историческим аналогам. Имеются в виду традиции домостроительства, сложившиеся на Днестре и Дунае среди носителей археологических культур, предшествовавших черняховским древностям, а также в археологических культурах послечерняховского этапа. Такой подход при выяснении историко-этнографических особенностей черняховского домостроительства мы считаем вполне целесообразным, так как он дает возможность ретроспективно изучать, с одной стороны, традиции жилищного строительства черняховцев, а с другой — самую раннюю перспективу домостроительства среди лесостепного земледельческого населения второй половины I — начала II тыс. н. э.

Этнографы отмечают, что принципы домостроительства у того или иного народа всегда связаны с его историей ⁶⁶. Сложение прин-

⁶³ *Ionifă I. Contribuții cu privire la cultura Șintana de Mureș — Cerneahov pe teritoriul RSR.* — AM, 1966, N 4, s. 197—198.

⁶⁴ *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии, с. 264—265.

⁶⁵ *Тиханова М. А.* Раскопки поселения у с. Лепесовка. — В кн.: VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков: Докл. и сообщ. археологов СССР. М., 1966, с. 211—212; *Рикман Э. А.* К вопросу о «больших домах»..., с. 121—139.

⁶⁶ *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. — М., 1953, с. 82—85; *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая сер., 1956, с. 31, с. 3—461.

ципов жилищного и хозяйственного строительства у европейских и других народов непосредственно связано с конкретной естественно-географической средой, направлениями основной хозяйственной деятельности и общественным устройством человеческих коллективов⁶⁷. Учитывая комплекс основных признаков, способствовавших формированию главных типов жилищных и хозяйственных построек у древних народов, рассмотрим эпоху, когда на территории Юго-Восточной Европы уже сложились конкретно-исторические предпосылки формирования исторически фиксированных европейских народов: германцев, славян, фракийцев, иллирийцев и пр. Речь должна, таким образом, пойти о времени индоевропейской общности, активное бытование которой единодушно определяется историками, археологами и лингвистами примерно III—II тыс. до н. э.⁶⁸ Именно в этих пластах находятся, очевидно, корни основных типов жилищ и хозяйственных сооружений, получивших дальнейшее развитие в последующие исторические периоды.

Интересны в этом плане наблюдения С. Н. Бибикова. Он отмечает, что в очерченное время уже сложились весьма близкие формы домостроительства на территории средней полосы Европы, от Западной Германии до Польши, и в Юго-Восточной Европе. «Таким образом,— пишет С. Н. Бибиков,— формы домостроительства (эпохи энеолита.— *И. В.*) определенно указывают на культурно-историческое родство между отдельными этническими ареалами средней, центральной и Юго-Восточной Европы: включая сюда Поднепровье и Побужье»⁶⁹.

В домостроительстве лесостепных племен эпохи бронзы также прослеживается дальнейшее бытование наземных и полужемляночных построек⁷⁰. Полужемляночные прямоугольные жилища со столбовой конструкцией стен, как и наземные, характерны для эпохи поздней бронзы, представленной в Лесостепи белогрудовской культурой. В древностях чернолесской культуры также преобладали постройки с деревянной каркасной конструкцией (как наземные, так и полужемляночные)⁷¹. На поселениях скифского времени на Украине, в Молдавии и Румынии прослежено сосуществование в домостроительстве наземных и полужемляночных жилищ с деревянной столбовой конструкцией стен, обмазанных глиной⁷². Нако-

⁶⁷ Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры, с. 84.

⁶⁸ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне., с. 63—73; Романска Ц. Славянските народи.— София, 1961, с. 22; Филин Ф. П. Образование языка восточных славян.— М., 1962, с. 99—100; Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках.— М., 1960, с. 106—107.

⁶⁹ Бибиков С. Н. Раннеэнеолитское поселение Лука-Врублевцевская.— МИА, 1953, № 38, с. 72.

⁷⁰ Свешников И. К. Культури шнурової кераміки західної частини УРСР.— В кн.: Археологія Української РСР. К., 1971, т. I, с. 294; Березанська С. С. Середньодніпровська культура.— Там же, с. 310, 345—346, 356, 395.

⁷¹ Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье.— Киев, 1961, с. 34—39.

⁷² Іллінська В. А., Тереножкін О. І. Скіфський період.— В кн.: Археологія Української РСР. К., 1972, т. 2, с. 77, 94, 98, 102 и др.

нец, на памятниках рубежа и первых веков нашей эры (заруби-нецкая культура на Украине и культура типа Поянешти-Лукашовка в Молдавии и Румынии) также получили распространение жилища наземной и полужемляночной конструкции с широким применением деревянных элементов стен⁷³.

Таким образом, материалы домостроительства, представленные на территории Поднестровья и Подунавья, начиная от эпохи энеолита и вплоть до рубежа и первых веков нашей эры, фиксируют бытование двух основных типов жилищ: наземные постройки и полужемлянки. И те и другие возводились на Днестре и Дунае по деревянному каркасу; деревянные конструкции стен в преобладающем большинстве обмазывались с обеих сторон глиной. Таковы, судя по археологическим данным, историко-этнографические особенности домостроительства оседлых земледельческих племен Поднестровья и Подунавья. Поэтому черняховские наземные и полужемляночные жилища названного региона мы рассматриваем как продолжение местных историко-этнографических традиций в домостроительстве.

В этом смысле замечания М. А. Тихановой и Э. А. Рикмана⁷⁴ о том, что черняховское домостроительство («большие дома» в частности) якобы не имеют своей местной исторической подосновы, по нашему мнению, лишены достаточных оснований. Приведенные нами материалы по основным этапам развития жилищного строительства на территории Юго-Восточной Европы, начиная от эпохи энеолита и вплоть до рубежа нашей эры, делают нецелесообразной попытку искать корни, в частности для наземных черняховских жилищ, на северо-западе Европы. Истоки указанных этнографических традиций находятся, по нашему мнению, в глубинных пластах историко-этнографического развития земледельческих племен лесостепного Поднестровья и Подунавья. Что же касается примеров аналогичных наземных жилищ в Центральной и Северо-Западной Европе, то они, как мы считаем, свидетельствуют только о весьма близких формах домостроительства, сложившихся на землях, сопредельных с Юго-Восточной Европой. Ведь культурно-историческое родство в домостроительстве могло и, очевидно, должно было существовать у различных этнических групп населения, особенно в смежных районах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Археологические материалы фиксируют и дальнейшее развитие тех основных форм домостроительства (наземные постройки и полужемлянки), которые сложились на основе многовекового опыта на Днестре и Дунае в первой половине I тыс. н. э. Имеются в виду наземные и полужемляночные жилища середины и второй полови-

---

⁷³ Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры, с. 66—67; Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1960, № 89, с. 15—33; Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии, с. 208—209.

⁷⁴ Тиханова М. А. Раскопки поселения у с. Лепесовки., с. 211—212; Рикман Э. А. К вопросу о «больших домах»., с. 121—139.

ны I тыс. н. э., а также аналогичные им постройки феодальной эпохи⁷⁵.

Интересны и этнографические материалы юго-западных районов Украины и Молдавии, дающие возможность проследить некоторые общие традиции в домостроительстве. Здесь каркасные хаты-мазанки широко бытовали в XIX — начале XX в. Двухчастные и многочастные жилые постройки Молдавии и соседней Румынии, судя по этнографическим наблюдениям, во многом похожи на жилища украинского населения Поднестровья⁷⁶. На порубежье Молдавии и Буковины, например, известны села со смешанным украинским и молдавским населением, существующие традиционно. Жилища молдаван и украинцев (например, в Новоселицком районе Черновицкой области) имеют единую схему в планировке, внешнем и внутреннем убранстве. Археологические материалы рубежа и первых веков нашей эры на Украине и Молдавии (памятники зарубинецкой культуры, древности типа Поянешти-Лукашевка, восточнопшеворской и, наконец, черняховской культуры на Днестре и Дунае) дают ту подоснову, на базе которой и сложилась вся последующая традиция жилищного народного строительства в отмеченном регионе. Гето-фракийская основа жилища во многом близка зарубинецким и пшеворским, ибо контакты между этими культурами здесь прослеживаются четко. Особенно тесными были контакты между дако-фракийским и раннеславянским населением Днестра и Дуная в эпоху черняховской культуры конца II — начала V в.

Хозяйственные сооружения на черняховских поселениях Поднестровья и Подунавья представлены летними печами и очагами, размещавшимися за пределами наземных и полуземляночных жилищ, хозяйственными ямами и остатками легких построек, перекрывавшими иногда ямы-хранилища. Такие сооружения открыты на ряде черняховских поселений Верхнего и Среднего Поднестровья (Черепин, Бакота, Сокол, Лука-Каветчинская и др.). Известны они и на черняховских селищах Днестро-Прутского междуречья (Киселев, Будешты, Делакеу, Загайканы, Комрат, Кобуска Веке, Русяны, Собарь) и Подунавья (Васлуй, Индепенденца и др.).

Подобные летние печи и очаги за пределами жилых построек хорошо представлены в украинском, молдавском и румынском селах XIX—XX вв.⁷⁷ Мы имеем в виду печи на глинобитной основе, врезанные в материк, а также печи, сложенные и обмазанные на специальных деревянных стояках-опорах⁷⁸. Поздние варианты хо-

⁷⁵ *Teodorescu V. Despre cultura Jpotești — Cindești în lumina cercetărilor arheologice din nord-estul Munteniei (regiunea Ploesti).* — SCIV, 1964, N 4, p. 488, 493, 496; *Bichir G. Cuptoarele de ars ceramică din candrul culturii Virteșcoiu-Poienestii. Un atelier de olărie descoperit la Butnărești.* — SCIV, 1966, t. 17, N 3, p. 3.

⁷⁶ *Салманович М. Я. Жилище коренного населения Молдавской ССР.* — СЭ, 1947, № 4, с. 218.

⁷⁷ *Салманович М. Я. Жилище коренного населения Молдавской ССР,* с. 223—225.

⁷⁸ Там же, с. 224—225.

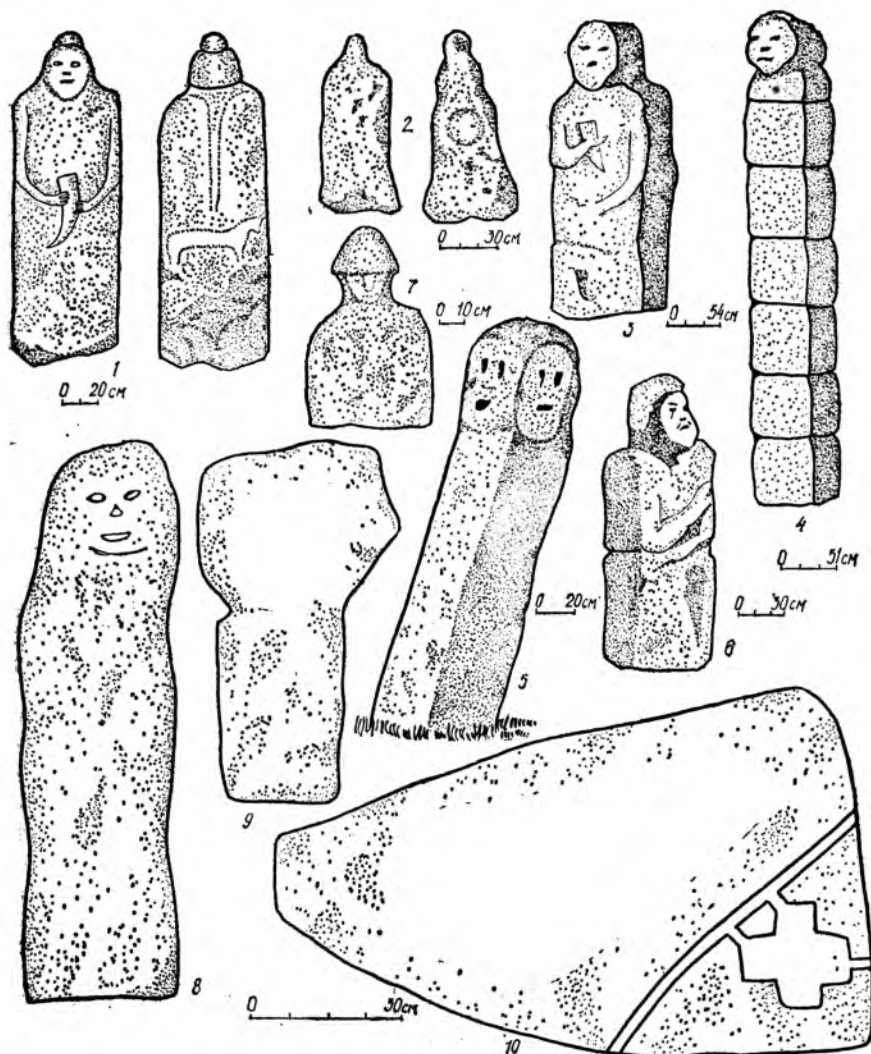

Рис. 3. Антропоморфные каменные изваяния и жертвенная плита из Среднего Поднестровья:

1, 2 — Ставчаны; 3 — Калюс; 4, 5, 6 — Иванковцы; 7 — Юрковцы; 8 — Кремная; 9 — Колодрибка; 10 — Межигорье.

зьястных ям и сооружений легкого типа за пределами жилищ также бытуют в украинских, молдавских и румынских селах лесостепной зоны.

Таким образом, этнографические материалы дают возможность проследить историко-этнографическую преемственность не только в системе планировки и застройки поселений, в технике возведения наземных и полужемлячных жилищ (о чем уже гово-

рилось), но и в планировке и технике сооружения летних печей, очагов и хозяйственных построек легкого типа. Речь должна, очевидно, идти о том, что богатый хозяйственный, бытовой и культурный опыт лесостепных черняховских племен II—V вв. н. э. и их потомков второй половины I тыс. н. э. лег в основу дальнейшего экономического и культурного развития коренного населения очерченных территорий.

Важной чертой историко-этнографического облика черняховского населения Среднего Поднестровья являются капища-жертвенники и связанные с ними антропоморфные каменные идолы. Они открыты более чем в 30 пунктах и обычно относятся к черняховским поселениям. Значительную работу по выявлению и фиксации антропоморфных каменных изваяний в Среднем Поднестровье провел в конце XIX — в начале XX в. Е. Сецинский⁷⁹. Не все из открытых каменных изваяний стали достоянием науки. Так, например, в 1875 г. в с. Гусятине на Збруче, в том же районе, где в 1848 г. обнаружен известный Збручский Святовит, найден еще один идол. Он, судя по описаниям, также был четырехликим. Местные крестьяне, однако, разбили статую на три части и использовали камень для строительства⁸⁰. Широкое изучение и систематизация антропоморфных каменных изваяний Среднего Поднестровья начались сравнительно недавно⁸¹.

Наилучшим образом эти памятники сохранились и были изучены в Иванковцах, Ставчанах, Бакоте, Кременной, Калюсе, Юрковцах и других пунктах (рис. 3, 1—10). Антропоморфные черняховские изваяния Среднего Поднестровья материалом, техникой, манерой и семантикой изображений несомненно составляют единое целое, демонстрируя вполне сложившиеся традиции языческих верований и обрядов у населения первой половины I тыс. н. э. Типологическое продолжение эти памятники находят в Збручском Святовите IX—X вв. Причем удалось проследить типологическую связь между черняховскими изваяниями и Збручским Святовитом по семантике и манере изображения Юрковецкого каменного идола, открытого на месте раннесредневекового славянского селища VI—VII вв. н. э. Таким образом, серия черняховских антропоморфных скульптур, найденных на местах древних языческих капищ, может свидетельствовать, вместе с деталями домостроительства на селищах, о славянской принадлежности населения первой половины I тыс. н. э. в Поднестровье.

В междуречье Днестра и Прута, как и на территории Подунавья, для рубежа и первых веков нашей эры характерны языческие капища округлой в плане формы с использованием верти-

⁷⁹ Сецинский Е. Археологическая карта Подольской губернии.— Тр. XI АС, 1901, с. 208, 218, 286, 300, 302, 304, 305.

⁸⁰ Там же, с. 305.

⁸¹ Винокур И. С. Языческие изваяния Среднего Поднестровья.— МИА, 1967, № 139, с. 136—144.

кально поставленных деревянных столбов и каменной ограды⁸². Такие святилища известны на некоторых дакийских поселениях I в. до н. э.—начала II в. н. э.⁸³ Они свидетельствуют о дако-фракийской принадлежности значительной части древностей рубежа и первых веков нашей эры в междуречье Днестра и Прута и на Дунае. Очевидно, дако-фракийское население существовало в этом районе и в черняховское время. Проживало оно здесь параллельно с раннеславянским населением, а Днестро-Прутское междуречье было своеобразной контактной зоной. Определенную роль в этносе низовьев Днестра и Дуная играли, кроме дако-фракийцев и славян, также позднескифские и позднесарматские группировки.

Вместе с языческими памятниками, сохраняющими в археологических материалах особенности этнографического развития населения, важное место в выяснении этнографической картины принадлежит и могильникам. Для черняховских могильников характерным является наличие биритуализма. Такая обрядность связана с древней традицией. На территории Поднестровья и Подунавья черняховскому погребальному обряду предшествовали захоронения-трупосожжения на зарубинецких могильниках; захоронения-трупосожжения на пшеворских могильниках (Верхнее Поднестровье); захоронения-трупосожжения на могильниках гето-фракийской культуры (Днестро-Прутское междуречье и Подунавье); отдельные трупоположения зарубинецкой и пшеворской культур, а также сарматские и позднескифские трупоположения. На такой довольно сложной основе и сформировалась погребальная обрядность, биритуализм у черняховских племен.

Обряд трупосожжения, несомненно, унаследован черняховским населением от их исторических предшественников — носителей зарубинецкой, пшеворской и гето-фракийской культур. Разные типы трупосожжений (в урнах и без них, ямные с вещами и без них) характерны как для древностей рубежа нашей эры, так и для памятников черняховской культуры II—V вв.⁸⁴ Отметим, что черняховские могильники дают возможность проследить и пережитки трупосожжений даже там, где мы имеем дело с обычными трупоположениями. Это обычай посыпать яму и умершего угольками и золой из ритуального костра. Такие детали прослежены при исследовании трупоположений на могильниках Поднестровья и Подунавья (Ружичанка, Устье, Балцаты, Будешты, Малаешты, Сынтана-де-Муреш, Тыргшор, Индепенденца и др.)⁸⁵.

⁸² *Smirnova G. I.* Sanctuarul de lînga satul Dolinean din regiunea Nistrului Mijlociu.— SCIV, 1976, N 3, p. 309—318.

⁸³ *Ibid.*, p. 316—317.

⁸⁴ *Винокур И. С.* Похоронный обряд черняхівської культури (За матеріалами Дністро-Дніпровського межиріччя).— В кн.: Середні віки на Україні. К., 1971, вип. 1, с. 96—97.

⁸⁵ *Рижман Э. А.* Этническая история..., с. 283—284; *Винокур И. С.* Ружичанский могильник.— В кн.: Могильники черняховской культуры. М., 1979, с. 126; *Joniță I.* Contribuții..., с. 225.

Определенное влияние на формирование погребального обряда у черняховских племен оказали носители сарматской и поздне-скифской культур. Говоря об определенной роли сарматов в формировании черняховских труположений, необходимо помнить о том, что на некоторых зарубинецких и пшеворских могильниках встречены отдельные труположения⁸⁶. Последние могут служить каким-то симптомом появления обряда труположения и на местной основе. Но они пока единичны.

Археологические материалы подтверждают, что уже во II—III вв. н. э. на черняховских могильниках существовал биритуализм, продолжавший доминировать на протяжении всего времени функционирования черняховской культуры на Днестре и Дунае. В этой связи интересны наблюдения Н. М. Кравченко, доказавшей, что трупосожжение нельзя считать отмирающим обрядом на черняховских могильниках⁸⁷.

Труположения на черняховских могильниках имеют различную ориентацию. Даже если учитывать погрешности древних в определении сторон света (поправка на время года и суток в момент осуществления захоронения), то все же совершенно очевидна сложная система в ориентации черняховских труположений (Ружичанка, Устье, Будешты, Малаешты, Сынтана-де-Муреш, Тыргшор, Индепенденца, Извоаре и др.)⁸⁸. Вместе с тем наблюдения, проведенные при исследовании черняховских трупосожжений, привели Э. А. Сымоновича и В. П. Петрова к определению более или менее стойких традиций в ориентации погребений. Обращено внимание на стойкость северной и западной ориентации (с некоторыми отклонениями от нормы). Как доказал Э. А. Сымонович, погребения с северной ориентацией, как правило, в хронологическом отношении более ранние, чем захоронения с западной⁸⁹.

Изучение и систематизация материалов черняховской погребальной обрядности позволили в последние годы выделить ранние могильники конца II — начала III в. н. э. Это древности лесостепного Днестро-Днепровского междуречья Ружичанка, Гнатки и др.⁹⁰ Ранние комплексы представлены и на причерноморском могильнике Каборга IV, где датирующий материал позволяет относить некоторые захоронения к концу II — началу III в. н. э.⁹¹ На тер-

⁸⁶ Самойловский И. М. Корчеватовский могильник.— МИА, 1959, № 70, с. 68—69; Кубышев А. И., Максимов Е. В. Пироговский могильник.— МИА, 1969, № 160, с. 26.

⁸⁷ Кравченко Н. М. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 121, с. 51.

⁸⁸ Diaconi Ch. Tirgşor necropole din secolele III—IV e. n.— Bibl. archeol. Bucureşti, 1965, vol. 8, p. 52—62; Ioniţă I. Das gräberfeld von Independenţa.— Bonn, 1971; Mitrea B., Preda C. Necropole din secolul al IV-lea e. n. în Muntenia.— Bucureşti, 1966, p. 202, 205, 209, 220.

⁸⁹ Сымонович Э. А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху.— СА, 1963, № 1, с. 59.

⁹⁰ Винокур И. С. Ружичанский могильник, с. 131—133.

⁹¹ Магомедов Б. В. Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.).— В кн.: Могильники черняховской культуры, с. 131—133.

ритории Днестро-Прутского междуречья также выделяются ранние комплексы (Балцаты, Будешты, Ханска-Лутэрия)⁹². На территории Румынии (в Подунавье) основная масса черняховских могильников использовалась в III—IV и в начале V в. Комплексы конца II — начала III в. н. э. здесь пока не известны⁹³. Наблюдения показали, что на данном этапе исследований еще трудно определить какой-то один локальный район, где формировалась погребальная обрядность черняховских племен. Материалы черняховских могильников Поднестровья и Подунавья, как и всего ареала культуры, свидетельствуют о том, что процесс формирования погребальной обрядности черняховцев связан с довольно обширной территорией.

Инвентарь трупосожжений и труположений из черняховских могильников Поднестровья и Подунавья дает возможность проследить языческую направленность погребальной обрядности. Преобладающее большинство черняховских погребений, как правило, сопровождается керамической посудой с жертвенной пищей и питьем⁹⁴. М. И. Шахнович отмечает, что первобытные люди при наличии у них религиозных суеверий были стихийными материалистами, так как у них отсутствовала вера в то, что дух предшествует бытию, мир для них был материален, даже души умерших представлялись им телесными существами, которых надо кормить и поить⁹⁵. Очевидно, идея о продолжении жизни в потустороннем мире была широко распространенной. Кроме обычных бытовых вещей, во многих захоронениях встречаются и ритуальные предметы. К ним относятся, в первую очередь, трехручные вазы-чаши и связанные с ними кубки. Интересно, что в черняховских могильниках Поднестровья и Подунавья, как и на всей территории черняховских племен, кубки нередко помещены в трехручные вазы и бывают перекрыты третьим сосудом — миской⁹⁶. Положение кубка в связи с сакральными трехручными сосудами очень знаменательно, ибо характеризует определенную направленность погребального языческого обряда, связанного с традицией — снабдить умершего всем необходимым и совершить с ним последнее ритуальное пиршество. Особенно характерна эта деталь для богатых захоронений.

К кругу специфических ритуальных предметов должны быть отнесены и разнообразные амулеты из кости и раковин⁹⁷. У некоторых из них на поверхности нанесены солярные знаки. Видимо, идея обожествления солнца занимала одно из ведущих мест. Следует отметить наличие на некоторых черняховских могильниках погребений, вещей инвентаря которых подчеркивает род занятий умершего или умершей. На могильнике в Косанове, например,

⁹² Рикман Э. А. Этническая история..., с. 238.

⁹³ Diaconi Ch. Tîrgşor.; Ioniță I. Das gräberfeld von Independenta.

⁹⁴ Известны и совсем безынвентарные захоронения, что можно объяснить имущественной и социальной дифференциацией в черняховском обществе.

⁹⁵ Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия.— Л., 1971, с. 69.

⁹⁶ Mitrea B., Preda C. Necropole din secolul al IV-lea e. n. in Muntenia, s. 211, 257, 264, 268.

⁹⁷ Сымонович Э. А. Магия и обряд погребения..., с. 58.

обнаружено захоронение, сопровождавшееся набором каменных лоцил — инструментов древнего гончара⁹⁸. В Малаештском могильнике также обнаружено погребение гончара, сопровождавшееся гончарными шлаками⁹⁹. На Ружичанском могильнике открыто женское погребение с шестью глиняными биконическими пряслицами. На могильнике в Коблево¹⁰⁰ — погребение «хирурга», содержащее наряду с обломками керамики и фрагментами ножа бронзовый ланцетовидный нож. Наконец, женские погребения с игельниками, иглами и пряслицами, встреченные на многих могильниках Поднеэтровья и Подунавья, как и всей черняховской культуры в целом¹⁰¹.

Особо следует упомянуть и о так называемых перекопанных захоронениях, известных на черняховских могильниках. Исследования показали, что их можно связывать с какими-то магическими действиями, отражавшими соответствующие языческие религиозные верования¹⁰². Среди потревоженных в древности черняховских захоронений встречены и такие, которые могут быть связаны с погребениями жрецов, колдунов и т. п. Не исключено, что во втором случае тела умерших при совершении погребального обряда с ритуальной целью расчленились. Этнографические параллели показывают, что верования, касавшиеся отношений умерших к живым, удерживались в языческом мировоззрении поразительно прочно. Умершие делились, например, у славян на две категории: «чистые» — умершие естественной смертью и «нечистые», то есть погибшие неестественной насильственной или преждевременной смертью — убитые, самоубийцы, утопленники и колдуны¹⁰³. Последних особенно боялись и старались обезвредить. Эта суеверная боязнь порождена страхом перед такими людьми еще при их жизни¹⁰⁴.

Как видно из приведенных материалов, в черняховском погребальном обряде отразились довольно сложные и своеобразные ритуальные моменты. Все это объясняется не только этнографическими особенностями родственных племен, входивших в состав черняховского массива, но и разноплеменным составом населения Юго-Восточной Европы первой половины I тыс. н. э.

Для выяснения историко-этнографического облика населения Поднеэтровья и Подунавья II—V вв. н. э. определенную научную информацию дает и керамический комплекс. Керамическое производство лесостепных племен, сложившееся при дальнейшем развитии местных производительных сил, но под довольно сильным влиянием городов Северного Причерноморья и римских провинций, дает в распоряжение современного исследователя массовый мате-

⁹⁸ Кравченко Н. М. Косановский могильник.— МИА, 1967, № 139, с. 92.

⁹⁹ Федоров Г. Б. Малаештский могильник.— МИА, 1960, № 82, с. 287.

¹⁰⁰ Сымонович Э. А. Черняховские памятники Северо-Западного Причерноморья.— АО 1965 г. М., 1966, с. 135.

¹⁰¹ Mitrea B., Preda C. Necropole din secolul al IV-ea e. n. in Muntenia, s. 221, 232, 244, 263, 280, 288.

¹⁰² Сымонович Э. А. Магия и обряд погребения., с. 59.

¹⁰³ Токарев С. А. Религия в истории народов мира.— М., 1964, с. 180.

¹⁰⁴ Там же, с. 182.

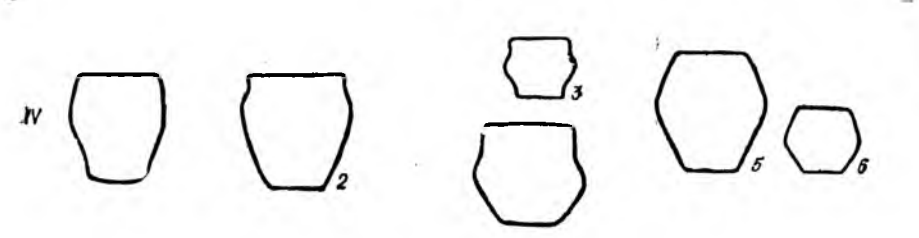
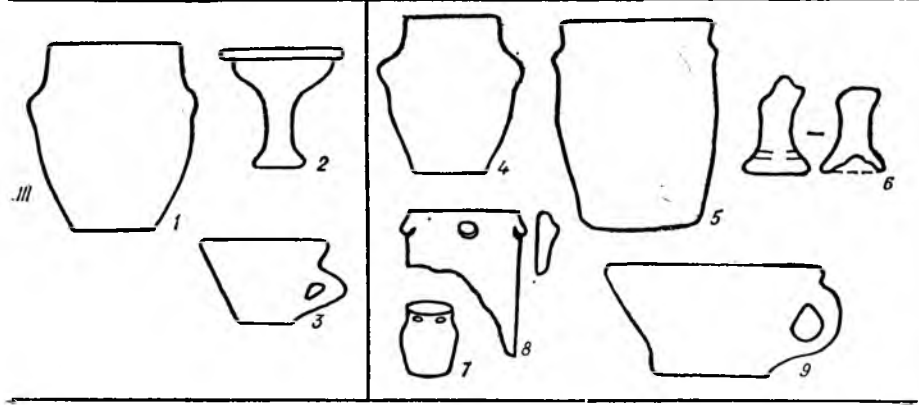
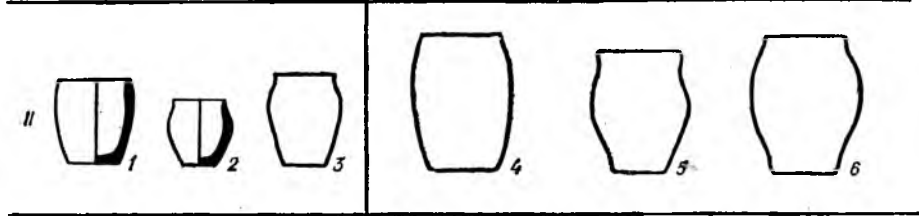
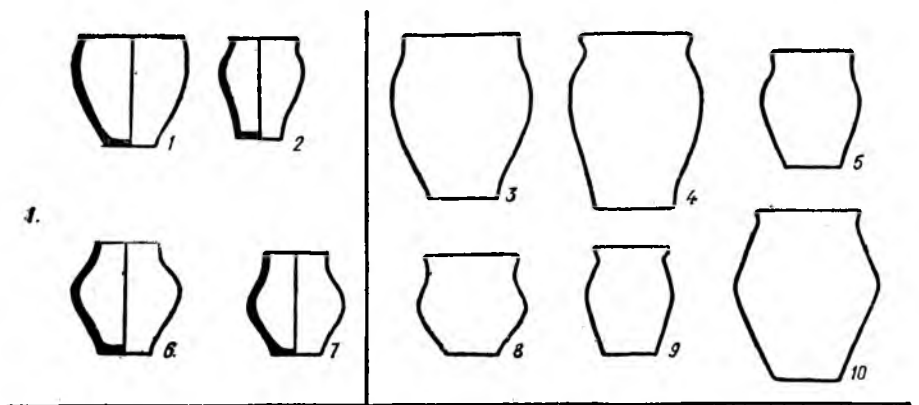

Рис. 4. Основные типы лепной керамики рубежа и первой половины I тыс. н. э. Поднестровья и Подунавья, а также некоторые производные от них формы раннесредневековой славянской керамики V—VII вв. н. э.

I — Зарубинецкие горшки и их аналоги в черняховской культуре: 1, 2 — Воронино; 3, 8 — Ружичанка; 4 — Индепенденца; 5, 9 — Будешты; 10 — Малаешты; 6 — Воронино; 7 — Корчеватос. II — Пшеворские горшки и их аналоги в черняховской культуре: 1, 2 — Деревянное; 3 — Пшеворск; 4, 5 — Будешты; 6 — Бакота. III — Гето-фракийские сосуды и их аналоги в черняховской культуре: 1—3 — Лукашевка; 4 — Индепенденца; 5, 9 — Шпантов; 6—8 — Будешты. IV — Лепные сосуды черняховской культуры и их аналоги в раннесредневековой славянской керамике V—VII вв. н. э. типа Корчак и Пеньковка: 1, 2 — Бакота; 3, 4 — Ружичанка; 5, 6 — Пеньковка.

риал. При этом следует учитывать, что если ремесленное гончарное производство, подверженное традициям тогдашней моды, дает немного для выяснения этнографических особенностей населения, то лепные формы, сохраняющие особенности и традиции местного быта, являются хорошим материалом для историко-этнографических реконструкций.

Исследования показали, что лепные керамические формы населения Поднестровья сложились на зарубинецкой и частично пшеворской основе. Некоторую роль в лепной керамике Среднего и Нижнего Поднестровья сыграли и элементы гето-фракийской древности¹⁰⁵. Что же касается лепных форм восточно-мазовецкой керамики, то ее формы в поднестровских черняховских памятниках составляют 1—2% всей лепной посуды.

Основной формой лепной посуды на черняховских памятниках Поднестровья являются биконические горшки с прямым или слегка отогнутым венчиком, а также горшки с плавными очертаниями корпуса, с прямым или слегка вогнутым вовнутрь венчиком. Некоторые из них покрыты в нижней части корпуса рустом, то есть имеют «хроповатую» поверхность. Лепные горшки биконической формы могут быть рассмотрены как прототипы горшков пеньковской раннеславянской культуры V—VII вв. н. э., а сосуды с прямым или слегка вогнутым вовнутрь венчиком, несомненно, являются прототипами горшков культуры Корчак (рис. 4).

Представленные на Днестре основные лепные формы горшков (Бакота, Лука-Врублевецкая, Бернашовка, Иванковцы, Ружичанка) мы рассматриваем как исходные формы посуды, нашедшие дальнейшее продолжение в корчакском и пеньковском типах сосудов V—VII вв. н. э. На Верхнем Днестре и в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга также известны исходные формы лепных горшков на черняховских памятниках, которые находят свое дальнейшее развитие в керамике славянских древностей середины и третьей четверти I тыс. н. э.¹⁰⁶

На территории Днестро-Прутского междуречья, а также в междуречье Днестра и Дуная в керамическом комплексе черняховских памятников наряду с разнообразными формами гончарной посуды

¹⁰⁵ Винокур И. С. История и культура черняховских племен., с. 21.

¹⁰⁶ Баран В. Д. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу.— МДАПВ, 1961, вип. 3, с. 77—89.

представлены и образцы лепной местной керамики. Эта керамика является типологическим продолжением тех лепных форм, которые известны на памятниках очерченного региона рубежа и первых веков нашей эры. Этнографически названные формы лепной посуды тяготеют к гетской лепной керамике, распространенной у дако-гетов. Это, прежде всего, лепные горшки со специфическим северофракийским орнаментом на корпусе: полушарные выступы и рельефные пояски с ямками; конические гетские чашки-светильники и чашки; лепные горшки с упорами в верхней части корпуса и т. п. (рис. 4). Такие формы лепной посуды представлены на черняховских памятниках Молдавии (Будешты, Комрат, Собарь, Боканы)¹⁰⁷, а также среди материалов черняховских древностей Румынии (Спанцев, Данку, Ойнаке, Тыргшор, Трушешть, Ионэшень, Бухарест-Тей и др.)¹⁰⁸.

Отметим, что лепные формы рубежа и первых веков нашей эры трансформировались и воплотились в некоторых образцах гончарной посуды Поднестровья и Подунавья. На черняховских памятниках Поднестровья, например, дальнейшее развитие получили формы лепных в зарубинецкой и пшеворской культурах мисок и трехручных ваз. В черняховское время такая посуда изготовлялась на гончарном круге (Бакота, Бернашовка, Ружичанка и др.). В Подунавье соответствующим образом были воплощены в гончарной технике сосуды на поддонах, так называемые вазы для фруктов. Черняховская гончарная техника воспроизвела формы, существовавшие на памятниках рубежа и первых веков нашей эры¹⁰⁹.

Таким образом, среди керамических материалов черняховской культуры Поднестровья и Подунавья представлены такие формы в лепной и гончарной посуде, которые можно сопоставлять с зарубинецкими и восточно-пшеворскими (раннеславянскими) прототипами на Днестре и дако-гетскими — на Дунае.

Вопросы этногенеза относятся исследователями к числу наиболее сложных. В основу этногенетических исследований положены материалы лингвистики, истории, археологии, этнографии и других наук. Нас в данном случае интересуют археологические материалы Поднестровья и Подунавья первой половины I тысячелетия н. э., связанные с историей древнего славянского и северофракийского населения.

Можно считать установленным, что черняховская культура оформилась на довольно сложной основе древностей рубежа и первых веков нашей эры. В междуречье Днестра—Днепра и на самом Днестре такой основой были памятники зарубинецкой и частично пшеворской культур. На землях между Днестром и Дунаем и на

¹⁰⁷ Рикман Э. А. Этническая история населения..., с. 310—311; Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., с. 328, табл. 21, 10—11.

¹⁰⁸ Там же, с. 311; Ioniță I. Contributii..., s. 202, 204, 209, 234, 235; Mitrea B., Preda C. Necropole..., s. 162, 163, 219, 262, 279.

¹⁰⁹ Рикман Э. А. Этническая история населения..., с. 308—309.

самом Дунае черняховская культура сложилась на гето-фракийской основе при сарматском влиянии¹¹⁰. На юге и юго-востоке Поднепровья в сложении черняховской культуры определенную роль, видимо, сыграли поздние скифы и сарматы¹¹¹. Некоторое значение в истории черняховского населения имели и древности восточной поморско-мазовецкой группы, вернее их элементы. О готских племенах, которые проникли на земли черняховского населения, писал Иордан¹¹². Следы продвижения готов зафиксированы теперь археологически в Южной Белоруссии, в Западной Украине и в Причерноморье.

Мы разделяем мнение исследователей, считающих, что черняховская культура II—V вв. н. э. сложилась и распространилась среди различных по этническому происхождению племен. Как верно отметил В. В. Седов, «весьма различные виды погребального ритуала (трупосожжения, трупоположения с различной ориентировкой, катакомбные захоронения на Днестровском Левобережье) неоспоримо свидетельствуют, что в составе населения II—IV вв. н. э., оставившего черняховские памятники, было несколько племенных групп — поздние сарматы, фракийцы, германские и славянские (антские) племена»¹¹³.

Ареал черняховской культуры (от Задунавья на юго-западе до Сумщины и Курщины на северо-востоке, от Южного Полесья на севере до Северного Причерноморья на юге) вряд ли мог принадлежать какой-то одной группе родственных племен эпохи «великого переселения народов». Черняховская земледельческая оседлость и культура сложились при участии славянских, дако-фракийских и сарматских племен. В дальнейшем, по-видимому, можно будет выяснить роль каждого из названных компонентов в процессе формирования народности у черняховских племен при учете, естественно, политической ситуации, возникшей в Юго-Восточной Европе в связи с готской экспансией («государством Германариха»)¹¹⁴.

Анализ письменных исторических источников вместе с данными археологии и этнографии позволяют считать, что в лесостепной полосе Днестро-Днепровского междуречья и непосредственно на Днестре в II—V вв. н. э. доминирующее положение занимали славянские племена¹¹⁵. Это прослеживается археологически по серии керамических материалов, имеющих формы, очень близкие посуде

¹¹⁰ Рикман Э. А. Памятник эпохи переселения народов.— Кишинев, 1967, с. 41—42; Рикман Э. А. Этническая история населения..., с. 323—332.

¹¹¹ Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.).— К., 1975, с. 27, 34; Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник.— Киев, 1972, с. 162.

¹¹² Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 72, 90, 115 и др.

¹¹³ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— М., 1970, с. 7.

¹¹⁴ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 115.

¹¹⁵ Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен, с. 143—162; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян.— М., 1979, с. 96.

славян V—VII вв.¹¹⁶ Аналогичные совпадения наблюдаются и в устройстве полужемлячных жилищ черняховской культуры и славянских древностей V—VII вв. н. э.¹¹⁷ Совпадают и атрибуты языческой славянской религии (антропоморфные каменные изваяния черняховской культуры, раннесредневековых славян и Киевской Руси).

В междуречье Днестра и Дуная и непосредственно на Дунае древние авторы помещают северофракийские племена дако-гетов, а также славян и вкрапления сарматского населения, а позже — и инфильтрацию гото-гепидских племен подобно тому, как это имело место на Днестре и в зоне Днестро-Днепровского междуречья. Естественно, что в такой сложной, этнически пестрой обстановке происходило становление и дальнейшее развитие славянских и дако-фракийских группировок позднеримского времени и в самый канун раннего средневековья. Поэтому нельзя не учитывать и определенную роль названных иноэтничных элементов. В частности, исследованиями последних лет установлено проникновение отдельных элементов гото-гепидской культуры на земли черняховской культуры и в более южные районы. Так, например, в Танаисе в последний период его существования (IV—V вв. н. э.) значительно возрастает удельный вес лепной керамики типа Дитиничи-Брест-Тришин¹¹⁸.

В среде юго-восточных европейских племен в связи с дальнейшим развитием производительных сил, увеличением численности и плотности населения произошли существенные изменения в этнической структуре и социальных отношениях. Ф. Энгельс писал о возникновении стойких союзов племен, представлявших «первый шаг к образованию наций»¹¹⁹. Под нацией Ф. Энгельс здесь понимал народность.

Разноплеменная среда у черняховской оседлости¹²⁰, в которой складывалась народность, могла повлиять и на формирование элементов межплеменных языков. Археологические материалы фиксируют проникновение в черняховскую среду греческой и латинской письменности¹²¹. Элементы греческого и латинского языков могли служить основой для межплеменных контактов. Но на каждой конкретной территории, несомненно, доминировал язык основного коренного населения (в лесостепном Днестро-Днепровском междуречье и непосредственно на Днестре — славянский).

Начало формирования народности у черняховских племен на Днестре и Дунае происходило, как видно, в очень сложной обстановке взаимовлияний и контактов различного по этническому происхождению населения Юго-Восточной Европы. Выясняя слож-

¹¹⁶ *Винокур И. С.* История и культура черняховских племен..., с. 22—23.

¹¹⁷ Там же, с. 44—45.

¹¹⁸ *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры.— М., 1972, с. 329.

¹¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 95.

¹²⁰ *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности.— Л., 1970, с. 5.

¹²¹ *Винокур И. С.* История та культура черняхівських племен, с. 99—100.

ность и многогранность образования культурно-исторических общностей вообще и особенно для раннего средневековья Юго-Восточной Европы, С. Н. Бибиков отмечает непрерывность названного процесса: явление, действующее постоянно. Историко-культурный этногенетический процесс практически не имеет ни начала, ни конца¹²². В формировании народности у черняховских племен сказалась вся сложность исторической обстановки II—V вв. н. э. в Европе. Этот процесс был прерван бурными событиями середины I тыс. н. э. Гуннское, а позже и аварское нашествия нарушили и затормозили ход поступательного прогрессивного развития населения Поднестровья и Подунавья. Поэтому народность в очерченных регионах окончательно формируется в новых исторических условиях значительно позже, уже на основе истории славянского и дако-фракийского населения эпохи раннего средневековья.

Правда, в отдельных районах (Верхнее и Среднее Поднестровье) и после нашествий кочевников славянское население оставалось на месте. Это хорошо фиксируется материалами черняховской культуры и древностей середины и третьей четверти I тыс. н. э. на Среднем и Верхнем Днестре, а также в междуречье Днестра и Западного Буга¹²³.

Но в целом последствия гуннского нашествия в Европе были довольно ощутимыми¹²⁴. Недаром археологические памятники VI—VII вв. н. э., если иметь в виду внешние формальные признаки (например, в керамике), стоят по своему уровню значительно ниже, чем памятники черняховских племен. Резко сокращается импорт, становится меньше гончарной посуды, которую сменяют лепные керамические изделия. Такой разительный контраст имел под собой, несомненно, вполне реальную историческую основу. Но это не означает, что на протяжении V и частично VI в. просторы лесостепного Поднестровья и Подунавья были обезлюднены. Хотя гунны и согнали часть коренного населения с насыженных мест, но остановить исторический процесс они, естественно, не могли. Жизнь на основной территории Лесостепи, Днестре и Дунае не прекращалась. Она продолжалась в новых исторических условиях.

События эпохи гуннских завоеваний не могли не сказаться на материальной культуре местного населения. Процесс архаизации в середине I тыс. н. э. был характерным для Юго-Восточной и Центральной Европы. Но все же, несмотря на это, обстановка постепенно нормализуется. В отдельных районах лесостепного Днестро-Днепровского междуречья, непосредственно на Днестре и Дунае, удаленных от магистральных путей продвижения гуннов, удастся проследить поступательный процесс развития культуры

¹²² Бибиков С. Н. К 50-летию археологической науки на Украине.— СА, 1967, № 3, с. 71.

¹²³ Винокур И. С. Історія та культура черняхівських племен, с. 143—161; Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю, с. 97—130.

¹²⁴ Довженок В. И. Черняховская культура в истории населения Среднего Поднепровья.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 121, с. 41.

местного населения в середине I тыс. н. э. Об этом свидетельствуют комплексы середины I тыс. н. э., где всегда с материалами VI в. присутствуют и элементы черняховской культуры. Это материалы середины I тыс. н. э. из Бакоты, Устья, Луки-Каветчинской, Бернашовки, Теремцов и других, открытые в последние годы на Среднем Днестре. На селище Рашков II (правый берег Днестра) также обнаружены аналогичные материалы — это комплексы полуземлянок, где сосуществовала корчакская и черняховская керамика¹²⁵. При исследованиях у с. Глубокое на Буковине в славянских полуземлянках середины I тыс. н. э. обнаружены образцы типичной лепной посуды и гончарная керамика культуры карпатских курганов. А в постройке № 21, перерезавшей стратиграфически полуземлянку № 13, в юго-восточном углу открыто устье гончарного горна, выходявшего за пределы постройки. В нем — обломки типичной гончарной посуды. Такие же фрагменты найдены на полу жилища вместе с обломками лепной славянской керамики середины I тыс. н. э.¹²⁶ Во время раскопок на селище Кодын на Буковине в жилище № 10 на полу землянки, среди камней печи найдена лепная корчакская керамика, несколько обломков гончарной посуды культуры карпатских курганов и железная фибула IV—V вв.¹²⁷

Аналогичные переходные памятники открыты румынскими археологами. При исследованиях в районе Плоешти на раннесредневековых славянских памятниках (в полуземлянках) вместе с керамикой типа корчак обнаружены образцы гончарной посуды провинциально-римского типа¹²⁸.

Таким образом, на Днестре и Дунае в памятниках середины I тыс. н. э. зафиксировано сосуществование черняховских и послечерняховских традиций. Особенно показательны жилищные комплексы (полуземлянки) и керамические материалы, обнаруженные в них, которые к тому же хорошо датированы фибулами. На Днестре, в Днестро-Прутском междуречье и на Дунае для середины и третьей четверти I тыс. н. э. характерно бытование различных форм лепной посуды. Сопоставление лепных керамических материалов черняховской культуры с раннесредневековыми показывает, что и на Днестре, и на Дунае между ними прослеживается историческая и, видимо, генетическая преемственность. Хронологический разрыв между черняховскими и раннесредневековыми древностями VI—VII вв. будет, по-видимому, постепенно заполняться и в других районах черняховского ареала в связи с новыми

¹²⁵ Баран В. Д., Козак Д. Н., Магомедов Б. В. и др. Раскопки славянских поселений в с. Рашков.— АО 1974 г. М., 1975, с. 258.

¹²⁶ Вакуленко Л. В. Раннеславянское поселение у с. Глубокое в Прикарпатье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 243—248.

¹²⁷ Тимошук Б. А., Русанова И. П. Раскопки славянского поселения Кодын.— АО 1974 г., с. 362—363.

¹²⁸ Teodorescu V. Despre cultura Jpotești — Cindești la lumina cercetărilor arheologice din nord-estul Muntenici (regiunea Ploesti).— SCIV, 1964, N 4, s. 488, 493, 496.

археологическими исследованиями. Видимо, противоположные точки зрения исследователей по этому вопросу в недалеком будущем должны сблизиться. Это показала и работа III Международного конгресса славянской археологии в Братиславе¹²⁹.

Археологические памятники Поднестровья и Подунавья середины I тыс. н. э. фиксируют, как уже писалось, общую архаизацию материальной культуры, что характерно и для других европейских районов¹³⁰. Но гончарный круг исчез не везде. Традиция черняховского гончарного производства сохранилась в середине I тыс. н. э. на Среднем и Верхнем Днестре, на Буковине и на Дунае. Относительно дальнейшей эволюции техники пашенного земледелия, железоделательного производства и т. п., то они фиксируются на Днестре и Дунае в памятниках середины и третьей четверти I тыс. н. э. достаточно четко.

Таким образом, черняховские традиции в памятниках середины и третьей четверти I тыс. н. э. на территории Поднестровья и Подунавья прослеживаются довольно определенно. Общий отпечаток материальной культуры середины I тыс. н. э. лежит на этих древностях в такой же мере, как и на памятниках описываемого времени в Центральной Европе. Древности середины I тыс. нашей эры на Днестре и Дунае фиксируют новую фазу истории славянских, фракийских и других племен.

Б. В. Магомедов

О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ ЧЕРНЯХОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ЛЕСОСТЕПИ

Позднеримские материалы приморских районов Одесской и Николаевской областей начали привлекать внимание исследователей черняховской культуры сравнительно недавно. Первые публикации раскопок поселений с черняховским вещевым комплексом и остатками домов из камня появились в 50-х — начале 60-х годов¹. Авторы отмечали сходство гончарной посуды этих памятников

¹²⁹ Баран В. Д. Славяне между Днепром и Вислой. Тез. докл. сов. дел. на III Междуна. конгрессе слав. археол. в Братиславе 1975 г. М., 1975, с. 3—6; Вакуленко Л. В. Поселения римского времени в Прикарпатье. Там же; Винокур И. С. Черняховские традиции в памятниках середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. Днестро-Днепровского междуречья. Там же, с. 11—13; Кропоткин В. В. Раннеславянские памятники VI—VII вв. и их связи с предшествующими археологическими культурами. Там же, с. 15—17; Седов В. В. Славяне в римскую и ранневизантийскую эпоху. Там же, с. 21—25.

¹³⁰ Шевеленко А. Я. Производственно-трудовой опыт народных масс Европы VI—X вв.—ВИ, 1975, № 8, с. 89—90.

¹ Добровольский А. В. Землеробские поселения перших столеть нашей эры на р. Ингулец.—Археология, 1950, т. 3, с. 167—175; Раевский К. А. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра-Днестра в I тысячелетии н. э.—СА, 1955, № 22, с. 250—276; Славин Л. М. Поселения первых веков нашей эры на среднем и нижнем Ингульце.—КСИА АН УССР, 1954, вып. 3, с. 50—57; Симонович Э. А. О некоторых типах поселений первых веков нашей

с керамикой «полей погребений черняховского типа», обращая внимание на особенности их домостроительства. За ними закрепилось название «памятники с каменным домостроительством»².

Возможность отнесения их к черняховской культуре впервые была четко обоснована Э. А. Сымоновичем после исследования им первых в Северном Причерноморье могильников, сходных в основных чертах с синхронными древностями Украинской Степи и Лесостепи³. Однако из-за различий в оценке значения местных особенностей причерноморских памятников среди археологов отсутствует единое мнение об их культурной атрибуции⁴. Даже исследователи, признающие черняховскую принадлежность рассматриваемых древностей, отводят их носителям различную роль в формировании ареала культуры. Так, Э. А. Сымонович появление черняховских памятников в Северном Причерноморье связывает с переселением сюда части «антских племен» из Лесостепи. В противоположность этому В. Д. Баран находит указания на продвижение носителей черняховской культуры с юга в северные районы, в частности, на Вольнь⁵. Главное, в чем проявляется единство взглядов всех исследователей, — это выделение причерноморских памятников с черняховскими чертами в отдельную, с присущими только ей особенностями, культурную группу.

От «классических» лесостепных проявлений черняховской культуры (если рассматривать район в целом, не останавливаясь на отдельных памятниках) причерноморский регион отличается большим разнообразием деталей, составляющих облик культуры. Прежде всего это заметно в сосуществовании нескольких типов домостроительства (каменные, наземные глинобитные и углубленные постройки), а также погребального обряда (сожжения ямные и урновые, труположения в могилах с заплечиками, с подбоем, в простых грунтовых ямах и в земляных склепах).

Сходство причерноморских памятников с другими районами распространения черняховской культуры проявляется в следующем.

эры в Северном Причерноморье.— КСИИМК, 1956, вып. 65, с. 131—135; *Брайчевская А. Т.* Раскопки в с. Дудчанах в 1954 г.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 5, с. 49—50; *Белановська Т. Д.* Розкопки поселення перших століть нашої ери в с. Дудчанах.— АП, 1960, т. 9, с. 210—214; *Вязьмитіна М. І.* Поселення II—IV століть нашої ери в с. Дудчанах.— АП, 1960, т. 9, с. 215—223; *Махно Є. В., Мішин В. А.* Бериславське поселення та могильник перших століть нашої ери.— АП, 1961, т. 10, с. 114—130; *Махно Є. В.* Розкопки могильника і поселень поблизу с. Каїри.— АП, 1961, т. 10, с. 147—153.

² *Махно Є. В.* Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты).— МИА, 1960, № 82, с. 14.

³ *Сымонович Э. А.* Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье.— МИА, 1967, № 139, с. 205—237.

⁴ *Гудкова А. В.* К истории культурной атрибуции памятников черняховского типа степной зоны СССР.— МАСП, 1976, вып. 8, с. 119—131.

⁵ *Сымонович Э. О.* Північне Причорномор'я і слов'яни-анти.— Археологія, 1971, впп. 2, с. 31—32; *Баран В. Д.* До питання про підгрунтя черняхівської культури.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976, с. 57—58.

1. Одинаково прогрессивный для своего времени уровень развития экономики на базе развитого земледелия. По всей территории черняховской культуры бытуют общие типы сельскохозяйственных орудий. Одинаково развиты ведущие ремесла (металлообрабатывающие, гончарное, косторезное и др.). Поддерживаются устойчивые торговые связи с античным миром.

2. Продукция ремесленного производства на всей территории культуры несет отпечаток одного стиля. Практически неотличимы происходящие из различных районов черняховского ареала гончарные сосуды, металлические и костяные изделия.

3. Наблюдается определенная общность идеологических воззрений, прослеживаемая в погребальном обряде: бескурганность могильников, биритуализм (сочетание ингумации с кремацией) на многих из них, господство северной или западной ориентации трупоположений, обычай разрушения погребений и т. д.⁶

На основании перечисленных признаков в круг черняховских древностей входит большинство позднееримских памятников Северо-Западного Причерноморья, оставленных оседлым населением. Под вопросом остается включение в этот круг некоторых материалов из позднескифских могильников Нижнего Днепра — Николаевка и Красный Маяк (Бизюков монастырь)⁷. В них открыты главным образом материалы I в. до н. э. — II в. н. э., однако единичные погребения Николаевского могильника и некоторые находки с территории Красномаяцкого относятся к позднееримскому времени⁸. В основном это фибулы, гребни и вещи античного производства. Гончарная керамика черняховского типа представлена очень слабо.

Ареал причерноморской группы черняховских памятников выявляется при картографировании ее наиболее ярких отличительных признаков — каменного домостроительства и могильников с большим процентом погребений в ямах с заплечиками (рис. 1). Выделенный регион почти на всем протяжении своей сухопутной границы от Днепра до Дуная соприкасается с соседними областями распространения черняховской культуры.

В результате исследований последних лет в Северо-Западном Причерноморье накоплены новые материалы. Совместно с результатами прежних исследований они позволяют по-новому подойти к проблеме соотношения черняховских памятников этой территории и основного черняховского массива, занимающего главным образом пространства Украинской Лесостепи.

⁶ Сымонович Э. А. Итоги исследований..., с. 234.

⁷ Ebert M. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr. PZ., 1913, Bd 5, N. 1/3, S. 80—113; Гошкевич В. Древние городища по берегам Низового Днепра.— ИАК, 1913, вып. 47, с. 134—138; Сымонович Э. А. Исследования позднескифских и черняховских памятников на Нижнем Днестре.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.: Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород, 1978, с. 92—93.

⁸ Из 206 могил (300 погребенных) вещи позднееримского времени найдены не более чем в семи погребениях.

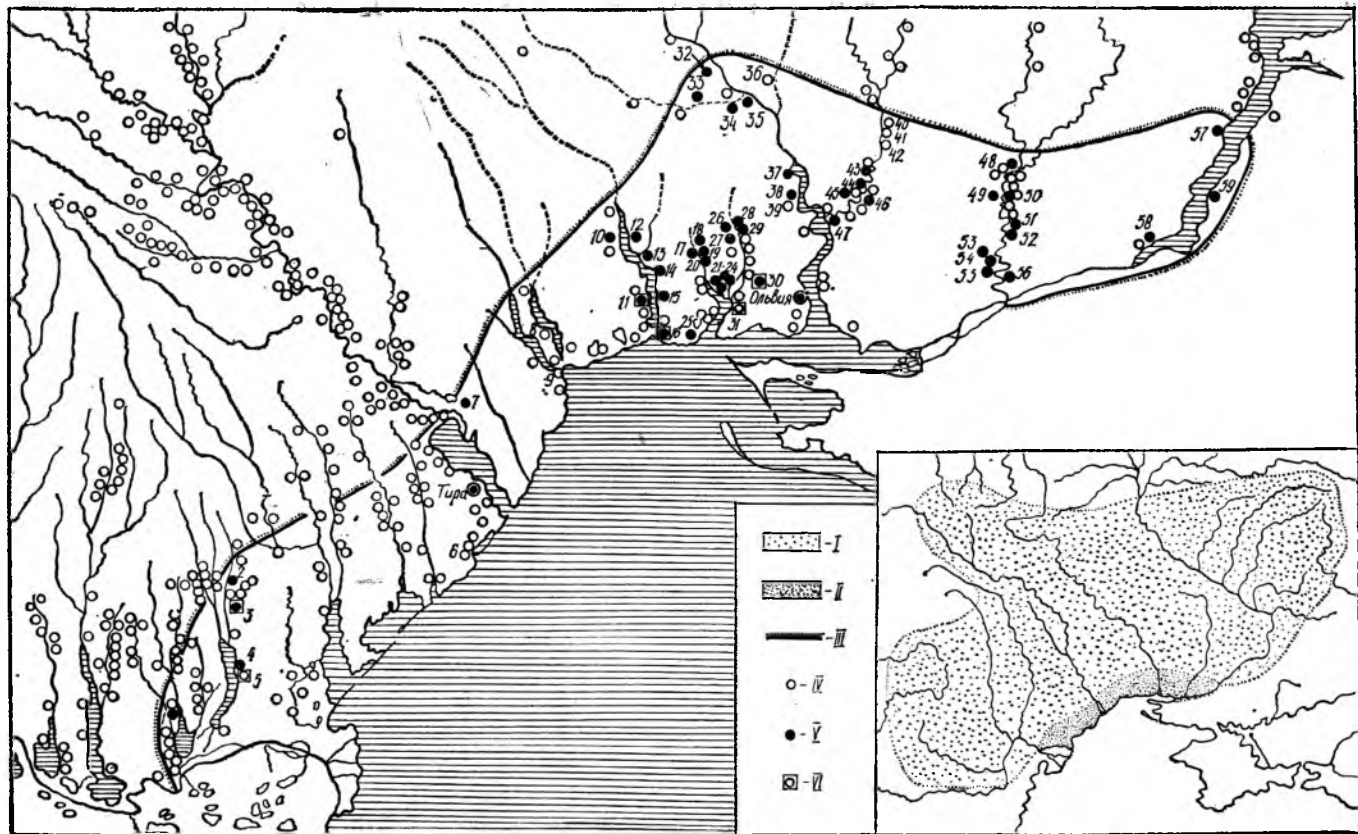

Рис. 1. Карта распространения черняховских памятников в Северо-Западном Причерноморье:

I — ареал черняховской культуры; II — ареал черняховских памятников причерноморского типа; III — граница ареала памятников причерноморского типа; IV — памятники черняховской культуры; V — черняховские поселения с каменным домостроительством; VI — могильники с погребениями в ямах с заплечиками. 1 — Утконосовка; 2 — Главаны; 3 — Холское; 4 — Фурмановка (поселение); 5 — Фурмановка (могильник); 6 — Приморское; 7 — Мирное; 8 — Ильинка; 9 — Киселово; 10 — Петровка; 11 — Ранжево; 12 — Атаманка; 13 — Ташино; 14 — Анатольевка I, II; 15 — Капустино; 16 — Коблево; 17 — Малыши; 18 — Андреевка; 19 — Утюр Свободный; 20 — Тилигуло-Березанка; 21—24 — Шмидтовка III, V—VII; 25 — Викторова II; 26 — Подымово I; 27 — Кимовка; 28 — Нечаянное III; 29 — Нечаянное IV; 30 — Каменка-Анчекрак; 31 — Каборга IV; 32 — Дмитриевка; 33 — Безуварово; 34 — Покровка; 35 — Городок; 36 — Ново-Павловка; 37 — Трихаты; 38 — Петрово-Солоница; 39 — Чубовка; 40 — Садовое III; 41 — Новоградовка II; 42 — Новоградовка I; 43 — Пересадовка; 44 — Ясная Поляна I; 45 — Балка Еланчук; 46 — Калиновка; 47 — Погореловка I, II; 48 — Смигиревка; 49 — Афанасьевка; 50 — Ново-Кондаково; 51 — Елизаветовка I; 52 — Галагановка I; 53 — Александровка; 54 — Еленовка; 55 — Дарьевка; 56 — Дарьевский Поворот I; 57 — Берислав; 58 — Дудчаны; 59 — Каиры.

Проводя анализ типологического состава погребальных сооружений семи наиболее исследованных могильников причерноморской группы⁹, нам удалось выделить три группы погребений, соответствующих, по нашему мнению, трем культурно-этническим компонентам черняховского населения этого района¹⁰. Приведем краткое описание этих групп.

К первой группе (I) относятся ямы с заплечиками (перекрывались каменными плитами или деревом); в небольшом количестве могли присутствовать и другие распространенные в Северном Причерноморье типы погребальных сооружений, применявшиеся при ингумации. Эти погребения оставлены местным эллинизированным населением, основу которого составляли поздние скифы и сарматы. Вторая группа (II) — ямы с подбоем в сочетании с простыми ямами. Погребения принадлежат населению сарматского происхождения, по-видимому, перешедшему к оседлости несколько позже сармат, вошедших в первую группу. Третья (III) — сожжения различных типов, в сочетании с простыми ямами. Это сочетание (биритуализм) является одной из определяющих черт черняховских могильников лесостепной зоны. Погребения

⁹ Наиболее исследованными могильниками, материал которых был нам доступен, являются Викторова II, Коблево, Ранжево, Фурмановка, Каборга IV, Городок, Каменка-Анчекрак. Симонович Е. О. Первый черняховский могильник в Північному Причорномор'ї.— Археологія, 1966, т. 20, с. 196—201; Симонович Э. А. Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы.— В кн.: Могильники черняховской культуры. М., 1979, с. 63—111; Симонович Э. А. Черняховские могильники на востоке и западе Одесской области.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбил. конф. Киев, 1975, с. 157—158; Симонович Э. А. Черняховская экспедиция.— АО 1975 г., М., 1976, с. 397; Магомедов Б. В. Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.).— В кн.: Могильники черняховской культуры, с. 24—62; Магомедов Б. В. Могильник у городища Городок на Южном Буге.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979, с. 105—114; Магомедов Б. В. Могильник Каменка-Анчекрак в Николаевской области.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—77 гг.: Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР, с. 89—90.

¹⁰ Методы и ход исследования изложены автором в специальной статье: Культурно-этнические компоненты черняховского населения Северо-Западного Причерноморья по данным погребального обряда.— В кн.: Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 67—72.

оставлены переселившимся в Причерноморье населением северных районов черняховской культуры.

На большинстве черняховских могильников Северо-Западного Причерноморья все группы погребений смешаны и представлены в различном соотношении:

Каменка-Анчекрак, Ранжевое	I (преобладает) + II
Викторовка II, Коблево	I (преобладает) + II + III
Фурмановка	I + II (преобладает) + III
Каборга	I + II + III (преобладает)
Городок	III (остальные группы не представлены)

Такое членение можно рассматривать как основу для выделения вариантов внутри причерноморской группы черняховских памятников.

При изучении состава инвентаря названных могильников заметили определенные закономерности, отраженные в табл. 1. Такие обычные для северных проявлений черняховской культуры типы вещей, как фибулы, костяные гребни, трехручные вазы, биконические кувшины и керамические полусферические кубки, гораздо чаще встречаются на могильниках, где большой процент погребений представлен трупосожжениями¹¹. В то же время этих предметов мало или они полностью отсутствуют на памятниках, не имеющих погребений с кремацией.

Т а б л и ц а 1. Распределение некоторых типов погребального инвентаря по вариантам памятников

Варианты памятников и количество погребений	% сожжений	Инвентарь погребений				
		Фибулы	Гребни	Вазы	Биконические кувшины	Керамические кубки
Каменка-Анчекрак, Ранжевое (53)	—	13 (7)*	4 (2)	—	—	—
Викторовка II, Коблево (72)	15	19 (13)	8 (6)	1 (1)	—	1 (1)
Фурмановка (25)	12,5	24 (8)	20 (5)	4 (1)	4 (1)	4 (1)
Каборга IV (27)	33	26 (7)	33 (9)	19 (5)	19 (5)	19 (5)
Городок (9)	67	33 (3)	22 (2)	11 (1)	—	—

* Первое число обозначает процент количества вещей данной категории инвентаря относительно количества исследованных погребений; число в скобках соответствует количеству этих вещей.

Важные наблюдения удалось сделать и при изучении распределения типов лепных горшков (целые экземпляры происходят в основном из упомянутых могильников). Оказалось, что в Северо-Западном Причерноморье среди посуды этого вида выделяются четыре ведущих типа. Лепные горшки I типа по пропорциям приближаются к черняховским гончарным горшкам: высота корпуса

¹¹ Отсутствие некоторых типов вещей среди инвентаря могильника Городок объясняется недостатком статистического материала.

превышает его максимальный диаметр, расположенный не ниже середины высоты сосуда; корпус выделен (диаметр горла и дна составляет менее 2/3 диаметра бочка), венчик короткий (рис. 2, 1—3). Большинство этих горшков является подражанием гончарным формам¹². Но нельзя не учитывать их сходство с некоторыми типами лепной посуды пшеворской и зарубинецкой культур. Они встречаются по всей территории черняховской культуры, но наиболее характерны для лесостепной зоны¹³.

Горшки второго типа имеют те же пропорции корпуса, что и в типе I, но отличаются высоким венчиком в форме раструба, не свойственным черняховской гончарной керамике (рис. 2, 4—6). За пределами степной зоны этот тип встречается редко. Такие сосуды свойственны для культур Северного Причерноморья, начиная со скифского времени. Подобная форма горла в сочетании с несколько удлиненным корпусом характерна для значительной части горшков позднескифских городищ¹⁴, похожие горшки встречаются на сарматских¹⁵, гетских¹⁶, эллинистических и поздневосточных (Ольвия, Тира, Козырка, Петуховка и т. д.)¹⁷ памятниках.

К III типу мы отнесли горшки с низким сферическим корпусом, высоким горлом (обычно в виде раструба) и широким дном (рис. 2, 7—9). Эта форма имеет явно сарматскую основу. Подобные горшки в средне- и позднесарматское время (I в. до н. э. — IV в. н. э.) широко представлены в курганных могильниках от Волги до правобережья Днепра¹⁸, а во II—III вв. н. э. и позднесарматских могильниках низовьев Днестра и Дуная¹⁹.

Горшки IV типа приближаются к банковидной форме: плечики у них выражены слабо и расположены обычно низко, диаметр

¹² Никитина Г. Ф. Классификация лепной керамики черняховской культуры.— СА, 1966, № 4, с. 75; Федоров Г. Б. Население прутско-днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1960, № 89, с. 121.

¹³ Сымонович Э. А. Лепная посуда памятников черняховской культуры Нижнего Днепра.— КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 15.

¹⁴ Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре.— МИА, 1958, № 64, рис. 12, 1; 27, 3, 4, 7, 8; Вязьмитина М. И. Золота Балка.— К., 1962, рис. 63, 5—7, 11, 12, 14; 65, 1, 2, 7.

¹⁵ Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 224, табл. II, 5—8; Махно Є. В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'яні.— АП, 1960, т. 9, рис. 17, 7, 10.

¹⁶ Федоров Г. Б. Население прутско-днестровского междуречья..., с. 119—120, табл. 20, 3—6.

¹⁷ Сымонович Э. А. Лепная посуда..., с. 15—17; Бураков А. В. Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры.— Киев, 1976, с. 84—88, табл. V, 21—25, 28, 29; Синицин М. С. Петухівське городище.— Праці Одес. ун-ту. Сер. іст. наук, 1959, вип. 7, табл. II, 8, 9; V, 19, 24—28.

¹⁸ Синицин И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, 1960, № 78, с. 159—163, рис. 7, 10; 16, 1; 21, 13; 36, 4; 44, 4; 47, 7; Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка, с. 223—226, табл. II, 2, 9; Махно Є. В. Розкопки пам'яток..., рис. 22, 4.

¹⁹ Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры.— М., 1975, с. 183—184; Федоров Г. Б. Население прутско-днестровского междуречья..., с. 120.

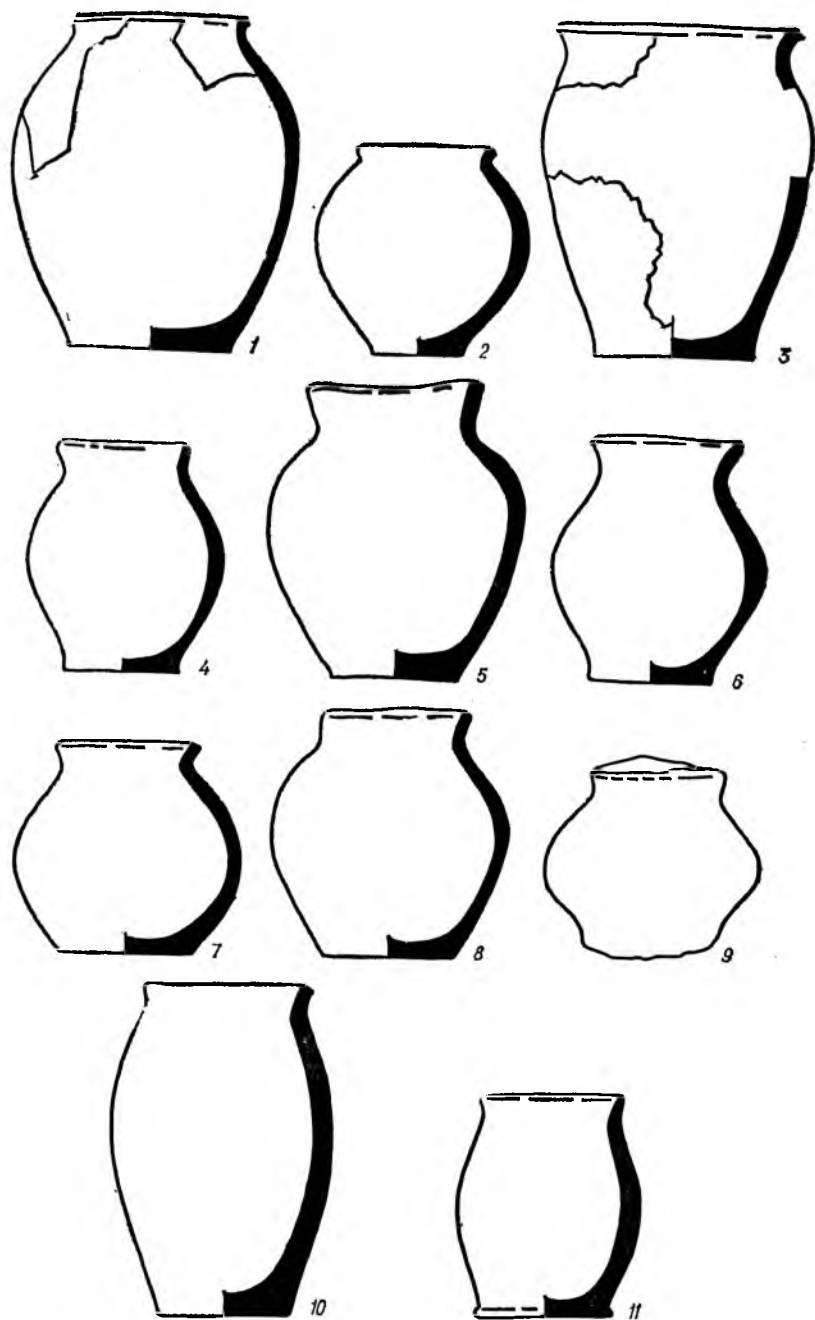

Рис. 2. Основные типы черняховских лепных горшков из Северо-Западного Причерноморья:
 1-3 — тип I; 4-5 — тип II; 7-9 — тип III; 10-11 — тип IV (1, 2, 4, 6, 7 — Каменка-Анчекрак; 3 — Ранжевое; 5, 8 — Большая Коренья; 9, 10 — Коблево; 11 — Приморское).

дна и горла почти одинаков (рис. 2, 10, 11). Наиболее массовые аналогии им находим среди гето-дакийских древностей²⁰.

Сравнивая распределение выделенных типов лепных горшков по группам памятников, даже при явном недостатке статистического материала прослеживаются некоторые закономерности (табл. 2).

Таблица 2. Распределение основных типов лепных горшков по памятникам

Варианты памятников	Типы лепных горшков			
	I	II	III	VI
Каменка-Анчекрак	5	6	2	—
Ранжевое	1	2	—	—
Викторовка II	3	2	1	—
Коблево	5	4	2	1
Фурмановка	—	1	2	2
Каборга IV	3	—	—	—

Горшки «общечерняховского» типа I встречаются практически во всех вариантах памятников причерноморской группы черняховских древностей, но преобладают на могильниках с наиболее выраженными лесостепными чертами: Каборга IV, Викторовка II, Коблево. Скифо-сарматский тип горшка (тип II) также распространен почти на всех памятниках, но наиболее характерен для Каменки-Анчекрак и Ранжевого, входящих в один вариант. Тип III, который можно назвать «сарматским», представлен в Фурмановке (здесь же отмечен наибольший процент захоронений с сарматскими чертами). Наименее распространен тип IV — «гето-дакийский». Два горшка этого типа (из трех учтенных) найдены в Фурмановке, расположенной в зоне непосредственного контакта с гето-дакийским миром (устье Дуная).

Изложенные данные основаны преимущественно на изучении могильников. При некоторых из них исследовались и поселения, что позволило в ряде случаев установить свойственный для них тип домостроительства. На поселениях Ранжевое²¹ и Каменка-Анчекрак²² существовали только каменные постройки. Следы таких же домов открыты и на поселении Коблево²³. В Викторовке II найдены полуземлянки²⁴ и следы каменного домостроительства²⁵. Следы разрушенного наземного глинобитного жилища зафиксированы на поселении у могильника Каборга IV²⁶. Кроме того,

²⁰ Федоров Г. Б. Население прутско-днестровского междуречья., с. 119.

²¹ Сымонович Э. А. Итоги исследования черняховских памятников в Северном Причерноморье.— МИА, 1967, № 139, с. 222—224.

²² Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Магомедов Б. В. и др. Работы Ингульской экспедиции.— АО 1976 г. М., 1977, с. 389—390.

²³ Сымонович Э. А. Итоги..., с. 217.

²⁴ Сымонович Э. А., Яровой А. З. Поселение Викторовка II в Северном Причерноморье (по материалам М. Ф. Болтенко).— СА, 1968, № 2, с. 169—183.

²⁵ Гудкова А. В. К истории культурной атрибуции., с. 127.

²⁶ Магомедов Б. В. Каборга IV., с. 24.

остатки углубленной в землю постройки выявлены на поселении, связанном с могильником у с. Приморского²⁷. На могильнике открыты два труположения и два погребения с кремацией²⁸, что позволяет предположить его сходство с Каборгой или Фурмановкой.

Суммируя имеющиеся данные, получаем возможность составить более полное представление о культурно-этнических группах населения, оставившего черняховские памятники в Северо-Западном Причерноморье.

К первой группе относится население со смешанными позднескифо-сарматскими²⁹ чертами с заметным налетом эллинизации. Его культура близка культуре позднескифских городищ Нижнего Днепра, но не идентична ей. Остатки населения городищ в поздеримское время в большой степени сохранили прежние традиции³⁰, что, возможно, связано с некоторым отставанием уровня их социально-экономического развития по сравнению с уровнем черняховских племен. Показателем такого отставания является незначительное количество гончарной керамики среди поздеримских материалов Николаевского и Красномаяцкого могильников. Поэтому неубедительно их включение в один тип с памятниками, отнесенными нами к черняховским³¹. Окончательно установить социально-экономический и культурный облик позднейшего населения нижнеднепровских городищ позволят новые, более обильные археологические материалы.

Характерной чертой черняховского населения, отнесенного нами к первой группе, является широкое применение камня в хозяйстве и быту. В местах, где этот материал встречался в изобилии, из него строили дома, умело применяя античные приемы кладки, изготовляли отдельные строительные детали, из камня вытесывали корыта, жернова, плиты для перекрытия могил. В погребальных обычаях коренных обитателей поселений с каменным домостроительством безраздельно господствовал обряд ингумации. Хоронили, как правило, в могильных ямах с заплечиками, хотя встречаются и иные типы погребальных сооружений, сопутствующие труположению. В погребальном инвентаре могильников, оставленных этим населением, как и на поселениях, довольно ред-

²⁷ Сымонович Э. А. Памятник позднеантичного времени в районе древней Тирь.— КСИА, 1979, вып. 159, с. 110.

²⁸ Там же, с. 106—109.

²⁹ В данном случае под утвердившимся в литературе термином «поздние скифы» следует понимать население, обитавшее в конце I тыс. до н. э. и в первые века нашей эры на Нижнем Днестре. Этническое родство поздних скифов с частью черняховцев подтверждают данные антропологии. Кондукторова Т. С. Физический тип людей Нижнего Поднепровья на рубеже нашей эры.— М., 1979, с. 66—67.

³⁰ Ebert M. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjestr. S. 80—113; Гошкевич В. Древние городища по берегам низового Днепра, с. 134—138; Сымонович Э. А. Исследования позднескифских и черняховских памятников на Нижнем Днестре, с. 92—93.

³¹ Смѣленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.).— К., 1975, с. 22; Шукін М. Б. К предистории черняховской культуры: Тринадцать секвенций.— АСГЭ, 1979, вып. 20, с. 71.

ко встречаются фибулы и гребни; в керамическом комплексе редки или вовсе неизвестны такие типично «черняховские» формы, как трехручные вазы, биконические кувшины, полусферические кубки. Из лепной керамики характерны горшки с высоким венчиком в форме раструба, высота которых, как правило, превышает их наибольший диаметр.

К этой группе относятся Каменка-Анчекрак и Ранжевое³², где комплексно исследовались поселение и могильник. По-видимому, к ней можно отнести большинство черняховских поселений рассматриваемого района, на которых обнаружено исключительно каменное домостроительство. Это Фурмановка, Мирное³³, Киселево³⁴, Ильинка³⁵, Капустино³⁶, Шмидтовка³⁷, Ново-Павловка³⁸, Балка Еланчук, Ясная Поляна I, Пересадовка III, Калиновка³⁹, Афанасьевка, Дарьевка, Ново-Кондаково, Снигиревка⁴⁰, Александровка⁴¹ и т. д. (см. рис. 1).

Известны материалы для установления нижней даты этой группы памятников. На поселении Каменка-Анчекрак среди массовых находок III—IV вв. встречаются обломки светлоглиняных амфор I в. до н. э.—I в. н. э. с «двуствольными» ручками⁴² (рис. 3, 1) и обломки красноглиняных амфор со сложнопрофилированными ручками II в. н. э.⁴³ (рис. 3, 2, 3). На могильнике у с. Ранжевое в захоронении женщины с ребенком в яме с заплечиками (погребение № 21) кроме лепных сосудов найдены две фибулы — лучковая и одночленная с овальной спинкой⁴⁴ (рис. 3,

³² Недалеко от Бериславского поселения с каменным домостроительством открыты остатки могильника с трупосожжениями, однако их взаимосвязь не может быть бесспорно установлена, так как в этом микрорегионе известно несколько поселений, в том числе на том же поле, что и упомянутый могильник. *Махно С. В., Мизин В. А.* Бериславские поселения та могильник перших століть нашої ери, с. 114—130, примеч. 15.

³³ *Кравченко Н. М.* Работы черняховского отряда Днестро-Дунайской экспедиции.— АИНУ в 1968 г., 1971, с. 36—40.

³⁴ *Раевский К. А.* Наземные сооружения земледельцев междуречья Днестра-Днестра в I тысячелетии н. э., с. 250—276.

³⁵ *Синицин М.* Дослідження скіфо-сарматських пам'яток під Одесою в 1946 р.— АП, 1949, т. 2, с. 152—153.

³⁶ *Сымонович Э. А.* О некоторых типах поселений., с. 131—135.

³⁷ *Бураков А. В., Отрешко В. М., Буйских С. Б. и др.* Работы периферийного отряда Ольвийской экспедиции.— АО 1974 г. М., 1975, с. 262—263. На поселении Шмидтовка в 1974 г. нами проведена шурфовка, обнаружившая фундаменты каменных зданий.

³⁸ *Информация В. И. Никитина и А. М. Балущкина.* Поселение обследовано нами в 1975 г.

³⁹ *Елагина Н. Г., Погребова Н. Н.* Археологическая разведка по берегам Ингула.— КСИИМК, 1959, вып. 77, с. 21—34.

⁴⁰ *Славин Л. М.* Поселения первых веков нашей эры на среднем и нижнем Ингульце.— КСИА АН УССР, 1954, вып. 3, с. 49—59.

⁴¹ Раскопки автора в 1979 г.

⁴² *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83, с. 109, табл. XXVI, 61.

⁴³ Там же, с. 113, табл. XXXI, 75. По сообщению А. В. Буракова более близкие аналоги встречаются в слоях II в. н. э. в Ольвии и на ее периферии.

⁴⁴ *Сымонович Э. А.* Коблевский и Ранжевский могильники., с. 110, рис. 21, 5, 6.

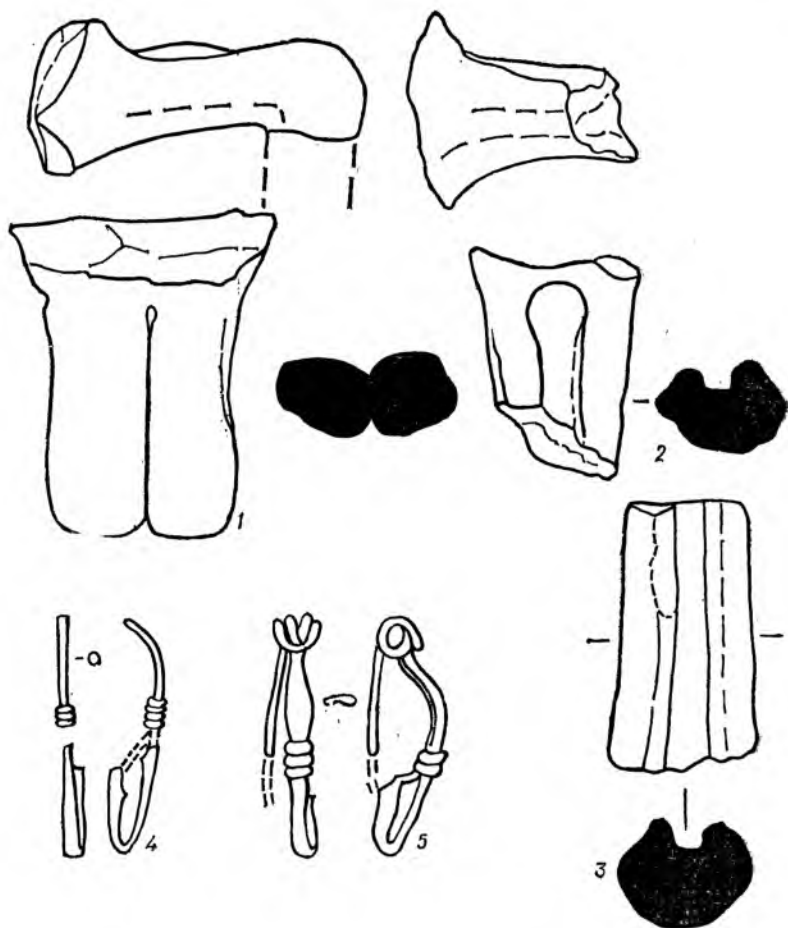

Рис. 3. Датирующие материалы с причерноморских памятников первой группы:

1—3 — амфорные ручки (Каменка-Анчекрак); 4, 5 — фибулы из погребения № 21 Ранжевского могильника.

4, 5), датирующие комплекс I—II вв. н. э.⁴⁵ В последние годы ранние (II в. н. э.) памятники с черняховскими чертами исследовались сотрудниками Измаильской экспедиции на юго-западе Одесской области в степном Заднестровье⁴⁶. На поселениях Молога II, Холмское II, Волчья Балка открыты остатки каменных домов. На синхронном этим поселениям могильнике у с. Молога

⁴⁵ Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1-30, с. 52, 53, табл. 9, 18; с. 56, табл. 10, 4.

⁴⁶ Гудкова А. В. Поселение и могильник римского времени Молога II.— АО 1975 г. М., 1976, с. 319—320; Гудкова А. В. Раскопки поселения и могильника римского времени Молога II.— АО 1976 г. М., 1977, с. 285.

обнаружены земляные склепы и простые грунтовые ямы. В некрополе сарматского облика у Холмского II встречены могилы с заплечиками, простые ямы и ямы с подбоями⁴⁷, т. е. такие же типы могильных сооружений, как и в группе северопричерноморских памятников, представленных Ранжевым и Каменкой-Анчекрак. Позднесарматский грунтовой могильник с аналогичными могильными ямами известен и у с. Криничного⁴⁸. Подобные конструкции могил встречаются и среди материалов курганных могильников сармат Украины и Молдавии. В то же время могилы с заплечиками, столь характерные для описываемой группы черняховского населения, обычны и для античных памятников очерченной территории. Например, в таких ямах совершены почти все захоронения эллинистического и раннеримского некрополя Дидова Хата на Бугском лимане⁴⁹.

Следовательно, если данная группа черняховского населения наследует смешанные античные и скифо-сарматские традиции, то время ее появления нельзя назвать точно. По-видимому, элементы, вошедшие позднее в качестве составной части в черняховскую культуру причерноморской зоны (включая и некоторые основные типы сероглиняной керамики⁵⁰), складывались на протяжении I—II вв. н. э.

Вторая из выделенных нами групп черняховского населения Северо-Западного Причерноморья, представленная сарматами, оставила незначительное количество памятников и прослеживается в основном по материалам могильников. Объясняется это тем, что кочевники, расставаясь с привычным укладом жизни, быстро перенимали обычаи окружающих оседлых народов, в то же время сохраняя свои идеологические представления. Главный признак группы — подбойные захоронения в сочетании с простыми грунтовыми ямами. Они известны, кроме Северо-Западного Причерноморья, на некоторых могильниках иных районов распространения черняховской культуры и имеют большое количество аналогий среди сарматских памятников. Наиболее характерный для этой группы тип лепных горшков — сферический сосуд с высокой шейкой.

По-видимому, сарматское население переходило к оседлому образу жизни постепенно, отдельными коллективами и в целом позднее, чем сарматы, вошедшие в первую группу черняховского населения. Можно предположить, что этот процесс продолжался в течение первых трех столетий новой эры. О поздней дате оседания данной группы сармат может свидетельствовать то, что

⁴⁷ Могильник исследован в 1978 г. А. В. Гудковой и М. М. Фокеевым, которых автор благодарит за предоставленную информацию.

⁴⁸ Федоров Г. Б. Позднесарматский могильник у с. Криничное.— МИА, 1966, № 169, с. 248—253.

⁴⁹ Лапин В. В. Отчет о раскопках античного могильника у маяка Дидова Хата Николаевского района Николаевской области в 1969 году.— Науч. арх. Ин-та археологии АН УССР, 1969/16 б.

⁵⁰ Магомедов Б. В. О происхождении форм черняховской гончарной керамики.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977, с. 111—123.

погребения в могилах с подбоями более устойчиво сохраняют некоторые степные черты (например, помещение в могилу жертвенного мяса с пожом).

Третья группа обитавшего в Причерноморье черняховского населения родственна племенам более северных, в основном лесостепных, районов распространения описываемой культуры. Следы присутствия этой группы на могильниках и поселениях обнаруживаются по наличию погребений с кремацией, сочетающихся с наземными глинобитными или углубленными жилищами и вещами, свойственными северным вариантам черняховской культуры. К последним относятся некоторые типы керамической посуды (трехручные вазы, биконические кувшины, кубки с округлым дном, отдельные типы посуды пшеворско-вельбарского происхождения) и металлических украшений. Именно с северочерняховским населением связано широкое распространение в Причерноморье черняховских типов фибул (двучленные прогнутые подвязные, «воинские», двухпластинчатые), сменивших здесь местные типы⁵¹. Появлению новых типов сопутствует значительное увеличение количества фибул на могильниках, что можно объяснить этнографическими особенностями костюма северной группы черняховского населения. Материалы, связанные с третьей группой, выявлены в Викторовке, Коблево, Каборге, Фурмановке (могильник), Городке, Приморском, Чубовке⁵².

Время появления на юге северочерняховского населения наиболее четко отражено в материалах могильника Каборга IV. Наиболее ранний из исследованных на нем комплексов (погребение № 9) возник не позднее начала III в. н. э. (рис. 4, 1—5). Кроме обломков гончарной миски черняховского типа в комплекс входили лучковая фибула III в. н. э.⁵³, серьга с овальным щитком II—III вв. н. э.⁵⁴, обломок стеклянного витого перстня и набор бус, где встречаются типы, вышедшие из употребления во II в. н. э.⁵⁵ По-видимому, этому комплексу в какой-то мере синхронны погребения № 2 и 16 из того же могильника. Эти ранние труположения содержат материалы только причерноморского круга.

Найденные в могильнике изделия северного происхождения и датированные комплексы трупосожжений относятся к более позднему этапу существования могильника — в основном к IV в. (возможно, и ко второй половине III в.). На других памятниках Северо-Западного, а также Северо-Восточного Причерноморья и в Дакии подобные материалы появляются в это же время⁵⁶.

⁵¹ Амброз А. К. Фибулы юга., с. 95.

⁵² Материалы из могильника Чубовка (устье р. Южный Буг) готовятся к печати.

⁵³ Амброз А. К. Фибулы юга., с. 53—54, табл. 9, 20.

⁵⁴ Гущина И. И. Памятник позднесарматской культуры в Поднепровье (по фондам ГИМ). — Тр. ГИМ, 1966, вып. 40, с. 76, рис. 1, б.

⁵⁵ Магомедов Б. В. Каборга IV., с. 61.

⁵⁶ Кропоткин В. В. Черняховская культура и Северное Причерноморье. — В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 147—163.

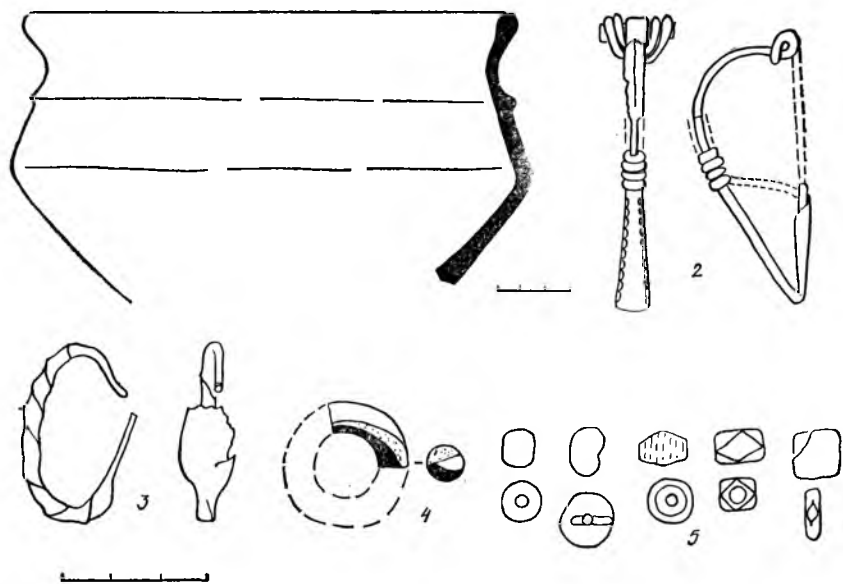

Рис. 4. Вещевой комплекс погребения № 9 Каборгского могильника:

1 — гончарная миска; 2 — бронзовая фибула; 3 — бронзовая серьга; 4 — стеклянный перстень; 5 — бусы.

Некоторые типы вещей, появляющихся в Северном Причерноморье одновременно с трупосожжениями, явно тяготеют к кругу северо-западных культур бассейна Вислы (главным образом к вельбарской и пшеворской). К ним относятся найденные на Каборгском могильнике вазы с Х-видными ушками, ведрообразный сосуд добродзеньского типа, фибулы с зерненными кольцами и типа *Bügelknopffibel*, корзинovidные и треугольная подвески⁵⁷ (рис. 5, 2, 4, 6—11). На могильнике Городок найдены лепная ваза пшеворского типа и миска того же круга⁵⁸ (рис. 5, 1, 5). Лепной горшок с загнутым внутрь краем и ошершавленной поверхностью из Чубовки (рис. 5, 3) типичен для пшеворско-вельбарских древностей. Имеются данные о сходных материалах, найденных у с. Виноградовка Одесской области⁵⁹. Важные особенности обряда трупосожжения в Каборге и других могильников Северо-Западного Причерноморья за пределами черняховского ареала имеют аналогии в пшеворской и вельбарской культурах (наличие вторично обожженной керамики и пр.)⁶⁰. Приведенные данные могут служить

⁵⁷ Магомедов Б. В. Каборга IV., с. 57—59, 62.

⁵⁸ Магомедов Б. В. Могильник у городища Городок..., с. 113.

⁵⁹ Сымонович Э. А. Разведки в Херсонской и Одесской областях.— АО 1973 г. М., 1974, с. 345—346.

⁶⁰ Кравченко Н. М. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках.— КСИА, 1971, вып. 121, с. 49; Никитина Г. Ф. Погребальный обряд культур полей погребений средней Европы в I тысячелетии до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э.— В кн.:

подтверждением свидетельств письменных источников о продвижении в Северное Причерноморье некоторых германских племен (прежде всего готов) и других народов, входивших в готский союз.

Северо-Западное Причерноморье на западе граничит с областями, заселенными в древности фракийскими народами. Контакты с ними, уходящие корнями в глубокое прошлое, прослеживаются и в позднеримское время. Пути проникновения фракийских культурных влияний в южночерняховскую среду были различны. Некоторые фракийские традиции, бытовавшие в эллинистическое и раннеримское время у оседлого населения Нижнего Днепра⁶¹, сохранились и в черняховское время. Показателем присутствия не только культурного, но в некоторых случаях и этнического фракийского элемента можно признать находки на некоторых причерноморских черняховских памятниках лепных горшков описанного IV типа (банковидные), имеющих аналогии среди гето-дакийской керамики. Они отмечены в Коблево, Фурмановке и в Приморском⁶².

Среди лепной керамики из черняховского комплекса в послеготском слое Тиры к гето-дакийской посуде можно отнести конические лепные миски⁶³. Гето-дакийские аналогии для некоторых сосудов поселения Нерушай в дельте Дуная находит Н. М. Кравченко⁶⁴. Вместе с тем в керамическом комплексе черняховских памятников Северо-Западного Причерноморья отсутствуют такие характерные гето-дакийские формы, как дакийская чаша с ручкой или горшок с ручками-упорами⁶⁵. Так же слабо представлен в очерченном районе и гето-дакийский обряд погребения — сожжение в урне, накрытой крышкой. Несколько погребений такого типа открыты лишь на могильнике Городок⁶⁶.

Как видим, население гето-дакийского происхождения не составило заметной доли среды черняховских племен Северо-Западного Причерноморья. Находки характерной для них керамики свидетельствуют о размещении этого населения в юго-западной части

Погребальный обряд племен северной и средней Европы в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетие н. э. М., 1974, с. 81—82; Могильников А. В. Погребальный обряд культур III в. до н. э.— III в. н. э. в западной части Балтийского региона.— Там же, с. 161—162.

⁶¹ Вязьмитина М. И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра.— МИА, 1969, № 150, с. 119—134.

⁶² Симонович Э. А. Памятник позднеантичного времени в районе древней Тиры, рис. 1, 3.

⁶³ Кравченко Н. М., Корпусова В. М. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри.— Археологія, 1975, т. 18, с. 37, рис. 12, 1, 2.

⁶⁴ Кравченко Н. М. К изучению памятников черняховского типа в степях Северо-Западного Причерноморья, с. 56.

⁶⁵ В составе черняховских комплексов эти типы сосудов встречаются почти исключительно на территории Румынии и Молдавии, где черняховская культура имела достаточно заметный фракийский субстрат. Рикман Э. А. О фракийских элементах в черняховской культуре Днестро-Дунайского междуречья.— МИА, 1969, № 150, с. 178—188; Diaconu Gh. Getisch-dakische Elemente in der Sîntana de Mureş-Kultur.— In: Traco-dacica: Recueil études occasion IIe congr. Intern. tracologie. Bucureşti, 1976, s. 309—314.

⁶⁶ Магомедов Б. В. Могильник у городища Городок., с. 105—114.

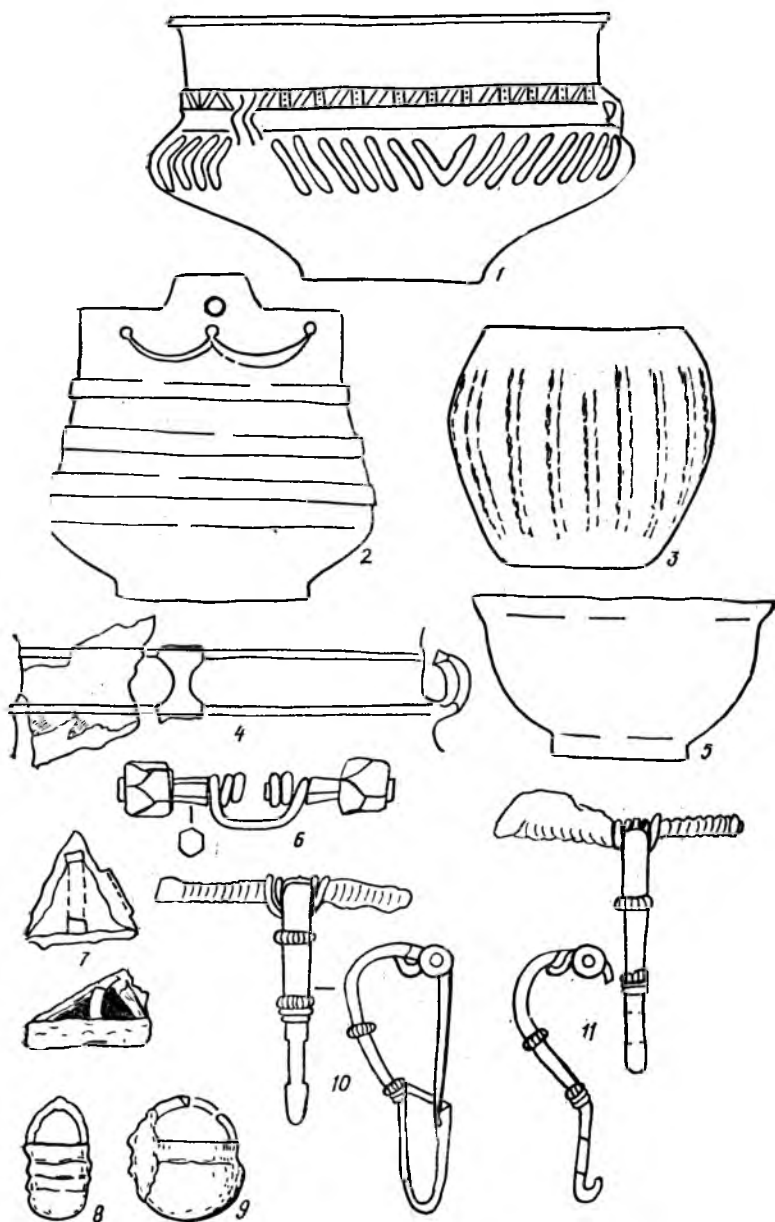

Рис. 5. Вещи северо-западного происхождения с причерноморских памятников третьей группы:

1, 5 — Городок; 2, 4, 6—11 — Каборга IV; 3 — Чубовка.

региона, примыкающей к основному фракийскому этническому массиву, но, по-видимому, и здесь ко времени сложения черняховской культуры оно во многом утратило свои этнографические черты, постоянно подвергаясь эллинизирующему влиянию близлежащих античных городов.

Попытаемся восстановить общую картину возникновения и развития черняховских памятников Северо-Западного Причерноморья.

В первые века нашей эры на периферии античных городов очерченного района обитало неоднородное по составу население. В городищах и неукрепленных поселениях проживали эллины, выходцы из римских провинций и другие люди, тесно связанные с греко-римским миром происхождением или экономическими интересами⁶⁷. Культура сельского населения была близка культуре городов. В I—II вв. н. э. начинают возникать поселения нового населения, имевшего северо-причерноморское скифо-сарматское происхождение. Территория их распространения охватила лиманы от Дуная до Днепра и нижние течения рек Южный Буг, Ингул и Ингулец. Видимо, их появление связано с расселением обитателей позднескифских нижнеднепровских городищ⁶⁸ и натиском тавроскифов на Северо-Западное Причерноморье во II в. н. э.⁶⁹ Важную роль сыграл также естественный процесс оседания кочевых сарматских племен, привлекаемых экономическими интересами к античным городам. Скорее всего действовала сумма факторов. Культура этого скифо-сарматского населения, в целом эклектичная, во многом приняла античный облик. Другой стороной процесса эллинизации варварского населения являлась сарматизация античных центров Причерноморья, что, по существу, представляло собой «сложение новых этнокультурных общностей на основе тесного взаимодействия греческих и варварских культурных элементов на почве античных государств»⁷⁰.

---

⁶⁷ Наиболее исследованными городищами этого времени, кроме Ольвии и Тиря, являются Козырка, Петуховка, Никоний (*Бураков А. В.* Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры.— Киев, 1976; *Синицин М. С.* Городище у хутора Петуховки Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг.— ВДИ, 1952, № 2, с. 243—249; *Кузьменко В. И.* Исследование римских слоев Никония.— МАСП, 1976, вып. 8, с. 218—224). Из неукрепленных античных поселений римского времени наиболее крупные работы проводились в Мологе И. *Гудкова А. В.* Поселение и могильник римского времени Молога II, с. 319—320.

⁶⁸ *Шукин М. Б.* К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры.— АСГЭ, 1970, вып. 12, с. 61.

⁶⁹ Античные городища, окружающие Ольвию, хранят следы разрушений, произошедших в середине II в. н. э., что хронологически увязывается с нашествием тавро-скифов. Более поздние слои этих памятников содержат сравнительно большое количество керамики позднескифского облика. *Бураков А. В.* Козырское городище., с. 5; *Буйских С. Б.* Новые материалы по фортификационной технике Ольвийской хоры первых веков н. э.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979, с. 95—96.

⁷⁰ *Шелов Д. Б.* Античный мир и варвары Северного Причерноморья в первые века нашей эры.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978, с. 84—85.

Жители поселений объединились в соседские общины. Основной хозяйственной единицей была усадьба, состоявшая из двух — четырех камерного дома с примыкающим к нему двором, обнесенным стеной. В четкой прямоугольной планировке зданий, в строительной технике прослеживаются античные традиции. В некоторых местах, особенно в Поднепровье и Подунавье, применялись глиняно-каменные или глинобитные постройки. В погребальном обряде заметно смешение античных и сарматских черт. Умерших хоронили по обряду труположения, главным образом в перекрытых могилах с заплечиками; использовались также земляные склепы, простые грунтовые ямы и ямы с подбоем. Смешение различных традиций проявилось и в керамическом комплексе сельской округи Ольвии и Тиры. Частично потребность в кухонной посуде покрывалась за счет лепных изделий, в которых заметен отпечаток сарматского, позднескифского, реже фракийского происхождения. Большое распространение имела импортная продукция (в основном амфоры и в меньшей степени столовая посуда). Основная же масса кухонной и столовой гончарной посуды изготовлялась местными мастерами. С рубежа нашей эры значительно увеличивается производство сероглиняной керамики провинциально-римского стиля, продолжившего традиции центрально-европейского латена.

Эти события являлись составной частью единого процесса, охватившего в первые века нашей эры практически всю периферию античного мира, в том числе земли, находящиеся севернее описываемого региона. Начавшееся передвижение варварских отрядов и целых племен у границ Империи, усилившиеся контакты с населением Северо-Западного Причерноморья, набеги на римские владения, приносившие богатую добычу, способствовали подъему экономики степных и лесостепных народов Восточной Европы, знакомили их с достижениями античной цивилизации. Со II в. н. э. начинает формироваться единая культура, получившая название черняховской. Ее важнейшей чертой является глубокое проникновение провинциально-римских элементов в варварскую среду. Контакты восточноевропейских народов с античными центрами Причерноморья, раньше ограниченные торговлей, в конце раннеримского периода поднимаются на качественно новую ступень. Кроме товаров (ввоз которых резко увеличивается) начинает импортироваться прогрессивная технология, соответствующая более высокой ступени развития общества. В черняховской культуре совместились производственно-технические достижения провинциально-римской культуры (железный наральник, ротационные жернова, прогрессивные приемы в металлообработке, гончарное ремесло и т. д.) и традиции создавших ее народов, проявившиеся в бытовой и идеологической сферах (домостроительство, погребальный обряд, костюм, украшения и т. д.). Этот синтез хорошо иллюстрируется на примере черняховского гончарного комплекса: основой его явилась заимствованная в Северном Причерноморье технология производства гончарной керамики и некоторые

ее массовые типы, которые, попав в среду формирующейся многоэтнической культуры, были дополнены типами посуды, развившимися из сарматских, германских, фракийских лепных форм⁷¹.

Окончательно сложилась черняховская культура в период готских войн (238—269 гг.), способствовавших созданию крупных политических союзов племен. В это время приходят в упадок и гибнут греко-римские города и поселки Северо-Западного Причерноморья, тесно связанные с экономической и политической системой Империи. Среди местного варварского и полуварварского населения этого района (выделенные нами памятники I и II групп), несомненно вошедшего в Готский союз, расселяются народы, принимавшие активное участие в войнах с Римом — германцы, сарматы и т. д.⁷² (III группа). Эти же народы проникают и на территорию Дакии, где принесенная ими черняховская культура находит благоприятную почву в среде частично романизированного местного населения. Гето-дакийский этнический субстрат придает ей особую окраску⁷³.

После окончания Готских войн наступает столетний период относительно мирного развития черняховских племен. Быстро увеличивается численность населения: подавляющее большинство памятников датируется IV веком. Постепенно нивелируются этнографические отличия между различными группами населения. Гибель черняховских поселений в Причерноморье, как и всюду, связана с вторжением гуннов. Наиболее поздние из обнаруженных здесь материалов относятся к рубежу IV—V вв.⁷⁴

Как видим, хронологические этапы развития черняховского населения Северо-Западного Причерноморья соответствуют хронологии всей черняховской культуры⁷⁵: период формирования (II—середина III в.), период расцвета (середина III—IV в.), период угасания (конец IV — начало V в.).

Черняховские памятники Северо-Западного Причерноморья и Лесостепи составляют единую систему культурных и экономических связей, имеют общие истории и этнические компоненты. В то же время некоторые локальные особенности, сочетающиеся с «общечерняховскими» признаками, требуют выделения большинства памятников данного региона в отдельный причерноморский

---

⁷¹ Магомедов Б. В. О происхождении форм черняховской гончарной керамики, с. 111—123.

⁷² Возможно, размещение в Певтингеровых таблицах (III—IV вв.) племен венедов в низовьях Дуная и Днестра является отражением участия в этом передвижении и древних славян. Miller K. Weltkarte des Castorius genannt die Peutingerische Tafel.— Ravensburg, 1888.

⁷³ Diaconu Gh. Einheimische und Wandervölker im 4. Jahrhundert auf dem Gebiete Rumäniens (Tirgșor — Gherășeni — Variante).— Dacia. N. S., 1964, vol. 8, p. 196—210; Idem. Despre taifali în lumina cercetărilor arheologice (aspectul Tirgșor — Olteni) — SCIV, 1964, t. 15, N 4, p. 467—483.

⁷⁴ Сымонович Э. А. Итоги..., с. 232—234.

⁷⁵ Шукин М. Б. Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян.— In: Rapports IIIe congr. Intern. archéol. slave. Bratislava, 1980, t. 2, p. 404.

тип в пределах черняховской культуры. Определяющими особенностями памятников причерноморского типа являются: каменное домостроительство с особой планировкой построек (прямоугольный двух-, трехкамерный дом); преобладание на могильниках труположений в ямах сложных конструкций; в керамическом комплексе — местные формы лепной посуды.

Л. В. Вакуленко

ПОСЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ У с. СОКОЛ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

Работы, ведущиеся в последнее время на Среднем Днестре, позволили исследовать ряд археологических памятников различных эпох. Ценность новых материалов, полученных в результате изучения среднестростровских древностей, заключается в том, что они дают возможность по-новому осмыслить уже известные материалы, открытые ранее при археологических исследованиях близлежащих территорий. Таким памятником, позволяющим по-новому представить роль древностей позднеримского периода Поднестровья в формировании раннесредневековой славянской культуры, является поселение у с. Сокол, расположенное на левом берегу среднего течения р. Днестр.

Сокольское поселение находится в 3—4 км к югу от с. Сокол на первой надпойменной высокой террасе Днестра, в уроч. Острова. Поселение с востока и запада ограничивается глубокими оврагами, носящими названия: Павлив Яр и Глубокий Яр. Еще один овраг — Рукавичка — врезается в центральную часть памятника. Общая площадь поселения, судя по распространению находок на современной поверхности, составляет около 5 га. Культурный слой мощностью в 0,25—0,4 м был частично нарушен вспашкой.

Поселение вблизи с. Сокол многослойное (рис. 1). Здесь на протяжении пяти полевых сезонов вскрыта площадь около 5000 м² и обнаружены многочисленные объекты различных археологических периодов: древнерусского, славянского (этапа Луки-Райковецкой), позднеримского, позднелатенского и раннескифского. Постройки различных периодов четко отличаются устройством, керамическим материалом и др. В Соколе исследовано 6 очагов и печей вне жилищ, 12 жилищ, 22 хозяйственных сооружения и литейная мастерская, 24 ямы, относящиеся к черняховской культуре. Все без исключения постройки являются углубленными. Обнаруженные на поселении жилища различной степени сохранности; это сооружения глубиной до 1 м от современной поверхности. Только в двух случаях глубина составляла 1—1,4 м (жилище № 9) и 1,8 м (жилище № 20). Для жилищ характерна прямоугольная в плане форма и небольшая площадь в пределах 16,5 м². Самым маленьким является жилище № 1, общая площадь которого составляет около 8 м² (рис. 2). Жилые постройки,

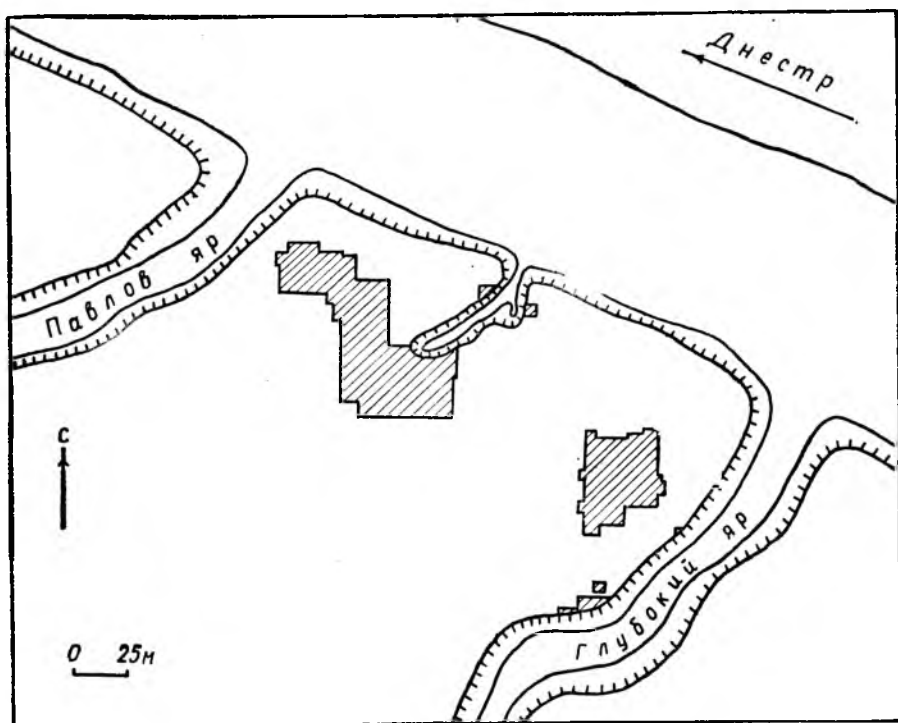

Рис. 1. Сокол. Общий план поселения.

как правило, ориентированы углами по сторонам света, иногда с небольшими отклонениями. Стенки сохранившейся углубленной части построек отвесные, пол, представляющий собой утоптаный материк, тщательно нивелирован. В жилище № 2 пол был подмазан глиной (рис. 3).

В десяти из 12 исследованных жилищ удалось обнаружить отопительные сооружения. В двух они не прослежены из-за плохой сохранности объектов. Восемь жилищ отапливались печами-каменками, одно — глинобитной печью. Еще в одном жилище обнаружены следы очага.

Печи-каменки, за исключением одного случая, сооруженные на уровне пола, имели прямоугольную форму, хорошо обожженный глинобитный под толщиной 5—10 см. Стенки сложены из мелких или более крупных камней. Печи располагались в одном из углов построек или вблизи центральной части короткой стены.

Очаг из жилища № 20 представлял собой скопление камней со следами огня и мелкими частицами угля и глиняной обмазки. Под не обнаружен. Поэтому считать очагом его можно весьма условно. Он резко отличается от фундаментальных отопительных сооружений, присущих другим жилищам поселения. Отметим, что жилище № 20 не было исследовано полностью, и поэтому не ис-

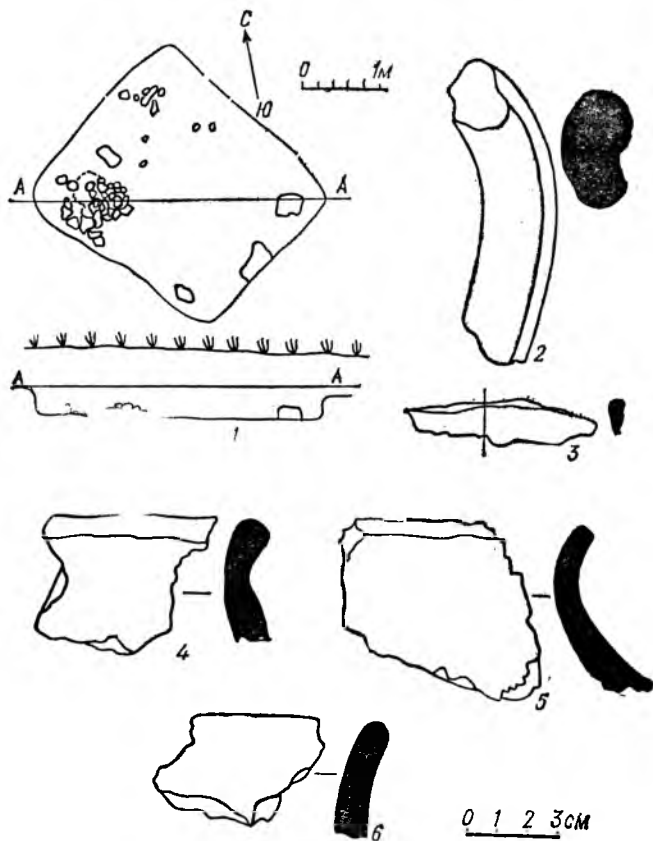

Рис. 2. Сокол. План и находки из жилища № 1:

1 — план и разрез жилища № 1; 2 — ручка амфоры; 3 — железный нож; 4—6 — фрагменты лепной керамики.

ключена возможность, что в неисследованной части размещалась печь. От глинобитной печи, обнаруженной в жилище № 16, хорошо сохранились основания стен и под. Печь имела прямоугольную в плане форму и размеры $0,7 \times 0,8$ м. Как видим, во всех полностью исследованных жилых объектах зафиксированы печи, за исключением одного случая, сложенные из камня.

Из других деталей внутреннего устройства жилищ следует упомянуть припечные и хозяйственные ямы. В жилище № 9 удалось проследить вход.

Некоторые данные получены и о конструкции жилищ. В трех из них прослежены ямы от столбов, что свидетельствует о столбовой конструкции этих построек. В остальных жилищах ямы от опорных столбов не обнаружены, что, возможно, свидетельствует о срубной конструкции.

В трех жилищах открыты следы глиняной обмазки и сгоревших деревянных конструкций. Наибольший материал для рекон-

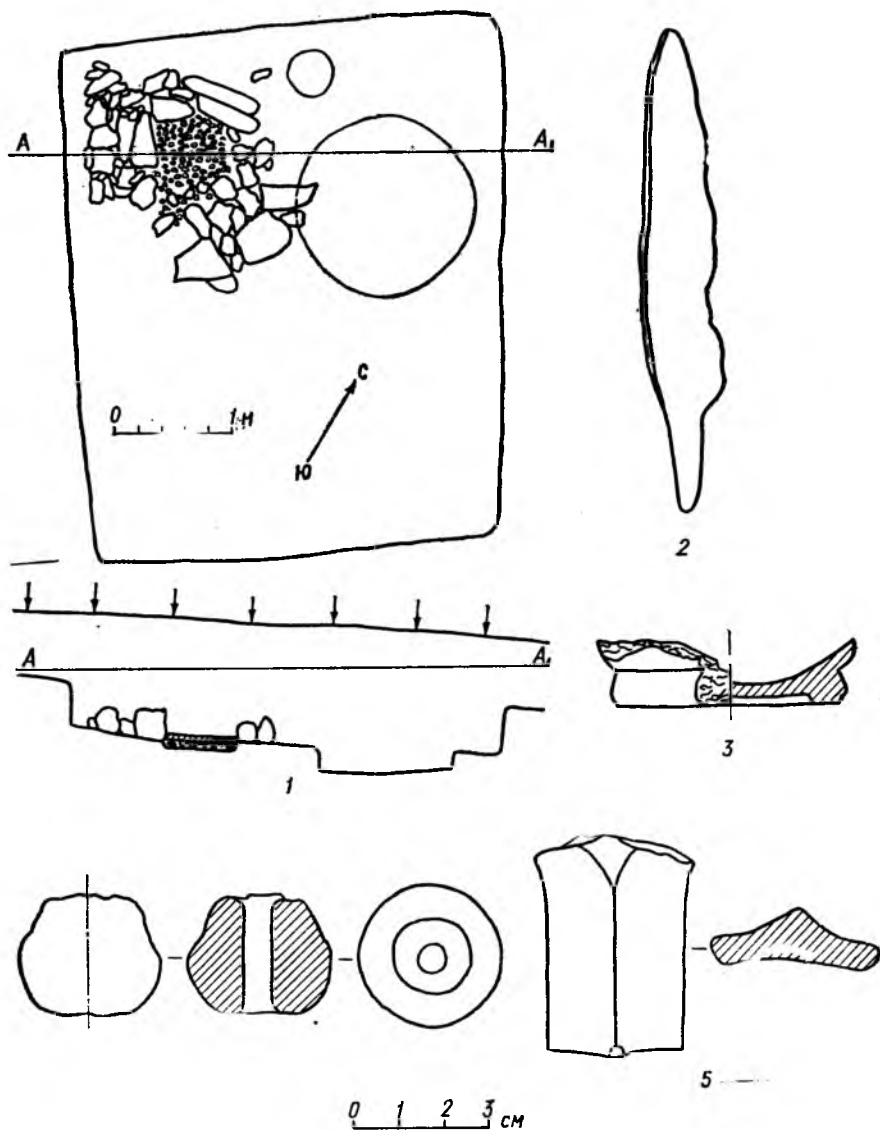

Рис. 3. Сокол. План и находки из жилища № 2:

1 — план и разрез жилища № 2; 2 — железный нож; 3, 5 — доньшко и ручка от серых кружальных сосудов; 4 — прислице.

струкции получен при исследовании погибшего при пожаре жилища № 9 (рис. 4).

Оно представляло собой углубленное сооружение прямоугольной формы, размерами 4,6 × 3,6 м, вытянутое с юго-востока на северо-запад. Жилище расположено на склоне, что создает перепад

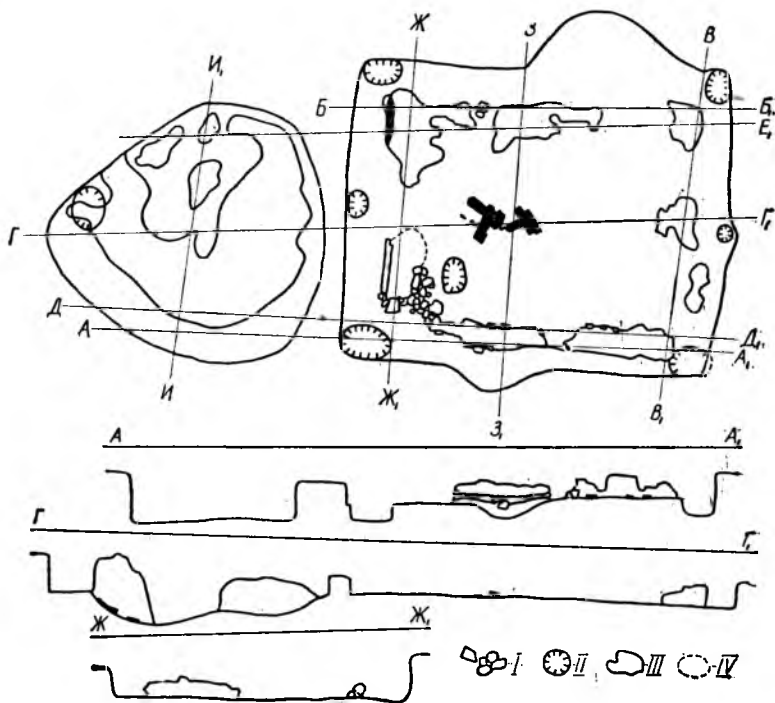

Рис. 4. Сокол. План и разрезы жилища № 9.

в его глубине по отношению к современной поверхности 1—1,4 м. Пол его, представляющий собой хорошо утопанный материк, тщательно нивелирован. По углам и центру коротких сторон постройки прослежены ямы от столбов, что позволяет сделать вывод о столбовой конструкции жилища. Столбы могли служить как опорой двускатного перекрытия, так и каркасом, на котором крепились деревянные плахи стен, положенные горизонтально и обмазанные глиной. Свидетельством этому служат обнаруженные при расчистке остатки каркасно-глинобитных стен, размещавшиеся вдоль стен земляного котлована, параллельно им, на расстоянии 0,2—0,4 м. Их высота составляла 0,25—0,4 м. В основании прослежены обугленные деревянные плахи толщиной 4—8 см, на которых лежал толстый слой обожженной глины. Обгорелые деревянные плахи, найденные на полу в центре жилища, возможно, являются остатками верхнего перекрытия постройки (рис. 5).

В западном углу жилища находилась печь-каменка, сложенная из некрупных камней (рис. 6). В основании одной из стенок лежала узкая и длинная каменная плита. Плоский под хорошей сохранности, сооружен на уровне пола, прямоугольной формы. Его размеры 0,55 × 0,25 м, толщина глиняной подмазки 3,5 см. Вблизи

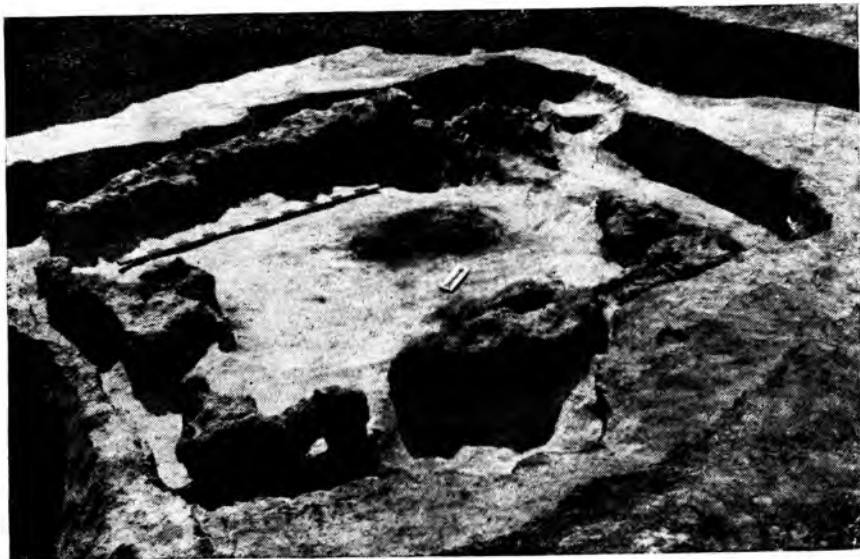

Рис. 5. Сокол. Жилище № 9.

Рис. 6. Сокол. Печь-каменка из жилища № 9.

боковой внутренней стенки печи прослежена припечная яма овальной в плане формы, размерами 0,4×0,25 м, глубиной 0,1 м.

Изогнутость северо-восточной стены, напротив устья печи-каменки, можно определить как место входа.

К жилищу относились две ямы (№ 10 и 10а), расположенные на расстоянии 0,2—0,25 м по обе его стороны по оси запад — восток. В заполнении ям также прослежена глиняная обмазка. Особенно мощный ее слой, толщиной до 0,8 м, и сгоревшие деревянные плахи обнаружены в яме № 10а. Очевидно, это остатки сгоревшего перекрытия. Обе ямы, безусловно, относились к жилищу № 9 и составляли единый хозяйственный комплекс, погибший во время пожара. Подобное расположение хозяйственных ям вблизи жилища характерно для планировки черняховских поселений.

В Соколе обнаружено 22 хозяйственных сооружения, относящихся к черняховской культуре. Это — углубленные постройки, которые по форме делятся на три типа. К первому типу относятся правильные, прямоугольные в плане постройки, углубленные на 0,5—0,9 м от современной поверхности. Для них характерен плоский ровный пол, прямые стены земляного котлована, ориентация углами или стенами по сторонам света. Их размеры колеблются в пределах от 9 до 14 м². В сущности, они отличаются от жилых только отсутствием отопительных сооружений. Правда, немаловажной деталью в их конструкции является наличие внутри них ям-погребов (хозяйственные сооружения № 2, 26, 27 и др.).

Второй тип представлен овальными в плане постройками, глубина которых достигает около 1,5 м от современной поверхности. Их больший диаметр колеблется в пределах от 2,1 до 2,75 м. Нередко в их земляных стенах устраивались ступеньки-уступы.

Наконец, третий тип хозяйственных сооружений был устроен в виде двух соединенных между собой ям. Иногда это соединение сквозное, по всей глубине, в других случаях ямы сообщались только в верхней части. Часто одна из соединенных ям была более мелкой, а другая более глубокой.

Очевидно, различные типы хозяйственных построек объяснялись их различным функциональным назначением.

Особое место занимает обнаруженная в Соколе литейная мастерская, представляющая собой комплекс из прямоугольного помещения и двух связанных с ним ям, где обнаружены следы литейного производства.

Наиболее массовой категорией в объектах черняховского поселения в Соколе являются обломки лепной и кружальной глиняной посуды.

Лепная посуда, составляющая большинство керамического комплекса на всех объектах, изготавливалась из грубой глины с примесями шамота, а иногда и крупной дресвы. Поверхность сосудов бугристая, изредка со следами сглаживания, цвет — коричневый или темно-серый. Керамика отличается слабым и неравномерным обжигом, что приводило к неодинаковым цветам различных частей одного и того же сосуда и трехцветности слома черепка.

Лепная посуда по функциональному назначению делится на горшки, миски и плошки. Горшки составляют подавляющий процент лепной посуды. Исходя из формы и профилировки сосудов, их можно разделить на пять типов.

К первому — наиболее распространенному — относятся округлобокие изделия с максимальным расширением корпуса в верхней части, суженым, иногда с закраинкой дном, более или менее выраженными плечиками и шейкой. Венчики обычно короткие, реже удлиненные, отогнуты наружу в большей или меньшей степени. Реконструированный горшок этого типа из литейной мастерской имел высоту около 26 см, диаметр венчика 16, дна 12 см, максимальное расширение корпуса 22 см (рис. 7, Ia).

Ко второму типу лепной керамики отнесены округлобокие горшки с максимальным расширением на середине высоты, с суженной придонной частью, пологими плечиками, выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Реставрированный горшок этого типа из ямы № 34 имеет высоту 27 см, диаметр венчика 20, диаметр дна 16 и максимальное расширение по корпусу 23 см (рис. 7, Ib).

К сожалению, из-за фрагментарности керамики не всегда возможно выделить горшки первого и второго типов. Поэтому они суммарно разделены нами на восемь вариантов в зависимости от оформления венчика (рис. 7, 1—8). Для первого характерен горизонтально срезанный край венчика; для второго — косой срез по его внешнему овалу; для третьего — округленный край венчика; для четвертого — округленный и утонченный край; для пятого — округленное утолщение по внешнему овалу; для шестого — косо срезанный венчик, заканчивающийся по внешнему овалу оттянутым заостренным утолщением; для седьмого — несколько утолщенный венчик с косым внутренним срезом; для восьмого — горизонтально срезанный край венчика, утолщенный по внешнему овалу.

Следует отметить, что на корпусах горшков второго типа иногда встречаются короткие горизонтальные наlepные валики с пальцевыми зашипами.

Третий тип горшков представлен изделиями с высоко поднятыми плечиками с четким перегибом, отогнутым наружу венчиком и хорошо выделенной шейкой (рис. 7, II).

К четвертому типу лепных горшков отнесены сосуды вытянутых пропорций с почти одинаковым диаметром верхней и придонной частей и небольшим плавным расширением на середине высоты корпуса (рис. 7, III). Короткий венчик почти вертикален или слегка отогнут наружу. Шейка и плечико выделены слабо. Реконструирован горшок этого типа: высота около 38 см, диаметр венчика 20, диаметр дна 18, максимальное расширение корпуса 27 см.

В зависимости от оформления верхней части этот тип горшков можно разделить на четыре варианта (рис. 7, III). Первый — с горизонтально срезанным, утолщенным по внешнему овалу вен-

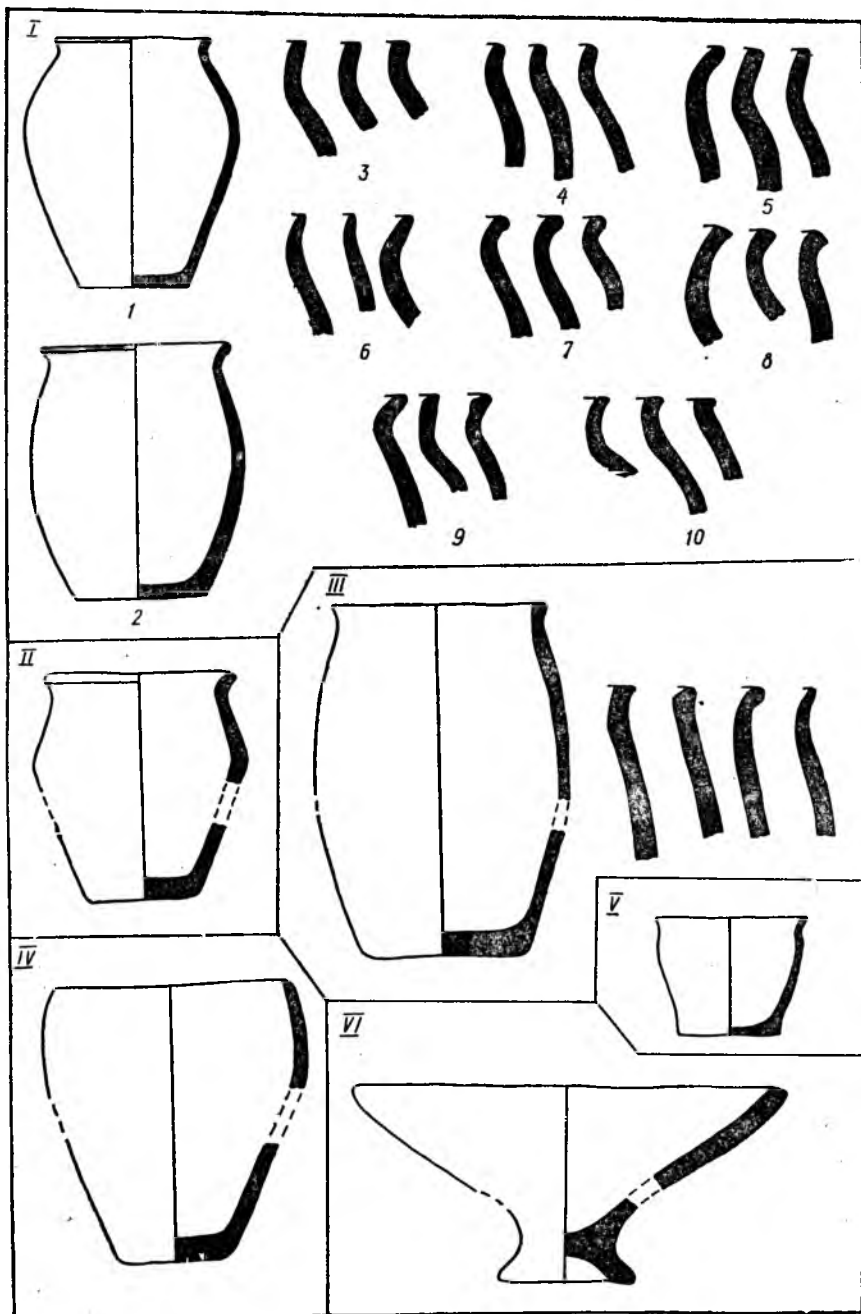

Рис. 7. Сокол. Сводная таблица форм лепных сосудов.

чиком; второй — с утолщенным косым, срезанным во внутрь краем; третий — с округлым, утолщенным по краю венчиком; четвертый — с утолщенным краем венчика. К пятому типу отнесены небольшие горшки с наклоненными вовнутрь округлыми стенками и невыделенным венчиком. Максимальное расширение приходится на верхнюю часть сосуда, придонная часть сужена (рис. 7, IV).

Единичными находками являются два сосуда, происходящие из литейной мастерской. Первый из них представляет собой мисковидный сосуд черного цвета с заглаженной поверхностью (рис. 7, V). Изделие приземистой формы с расширяющимися кверху стенками и сужающейся придонной частью, окруженным коротким отогнутым наружу венчиком, слегка подчеркнутой шейкой и дном с закраинкой. Высота горшка 13 см, диаметр венчика 16, диаметр дна 12, максимальное расширение корпуса 15 см. Второй — миниатюрный сосуд с суженной верхней частью и слегка отогнутым утоньченным венчиком, расширенной нижней частью и сильно утолщенным дном. Очевидно, это сосуд-тигель. Его размеры: высота 5 см, диаметр венчика 4,5, диаметр дна 3, максимальное расширение корпуса 5 см.

В Соколе найдены также небольшие миски с плоским дном, расширенными кверху стенками и закругленным краем венчика, а также конические плоски на полой ножке (рис. 7, VI).

Кружальная керамика по составу теста делится на две подгруппы. К первой относятся тонкостенные изделия с гладкой лощеной поверхностью, изготовленные из отмученной глины. Ко второй — сосуды с шершавой поверхностью и со значительными примесями дресвы в тесте.

Подавляющее большинство кружальной керамики относится к первой группе, представленной фрагментами мисок, кувшинов, кубков и крышек. Цвет ее в основном светло-серый, редко черный и коричневый.

Миски являются наиболее массовым изделием первой группы. От них сохранились довольно многочисленные обломки ребристых и округлых стенок, донышек на кольцевом и плиточном поддонах и венчики. На поселении найдены фрагменты открытых ребристых мисок с прямой вертикальной шейкой и невыделенным венчиком, закрытых биконических посудин с округлым слегка утолщенным венчиком и мисок с широким горизонтальным венчиком.

Помимо обломков шеек и ручек от кувшинов на поселении обнаружен фрагментированный одноручный биконический кувшин с цилиндрической шейкой, диаметром 9 см, отделенной от корпуса резким изломом. Шейка украшена пролощенными вертикальными, а корпус горизонтальными полосами. Целый кувшин, найденный в производственном сооружении № 1, представлял собой биконический одноручный сосуд коричневого цвета с конической шейкой, плавню переходящей в плечики и создающей единую линию с корпусом. Его высота 12,3 см, диаметр шейки 10,2, наибольший диаметр корпуса 13,3 см (рис. 8; 9).

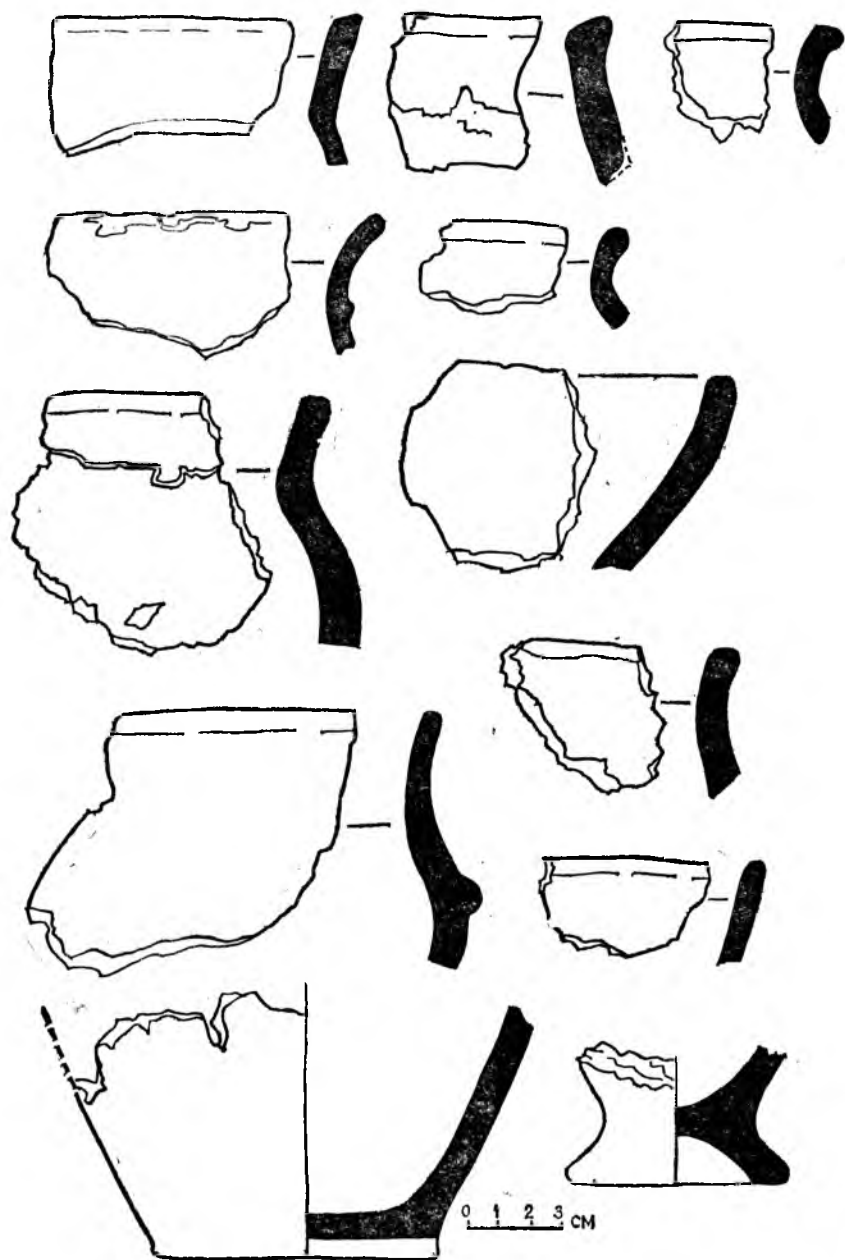

Рис. 8. Сокол. Керамика из жилища № 9.

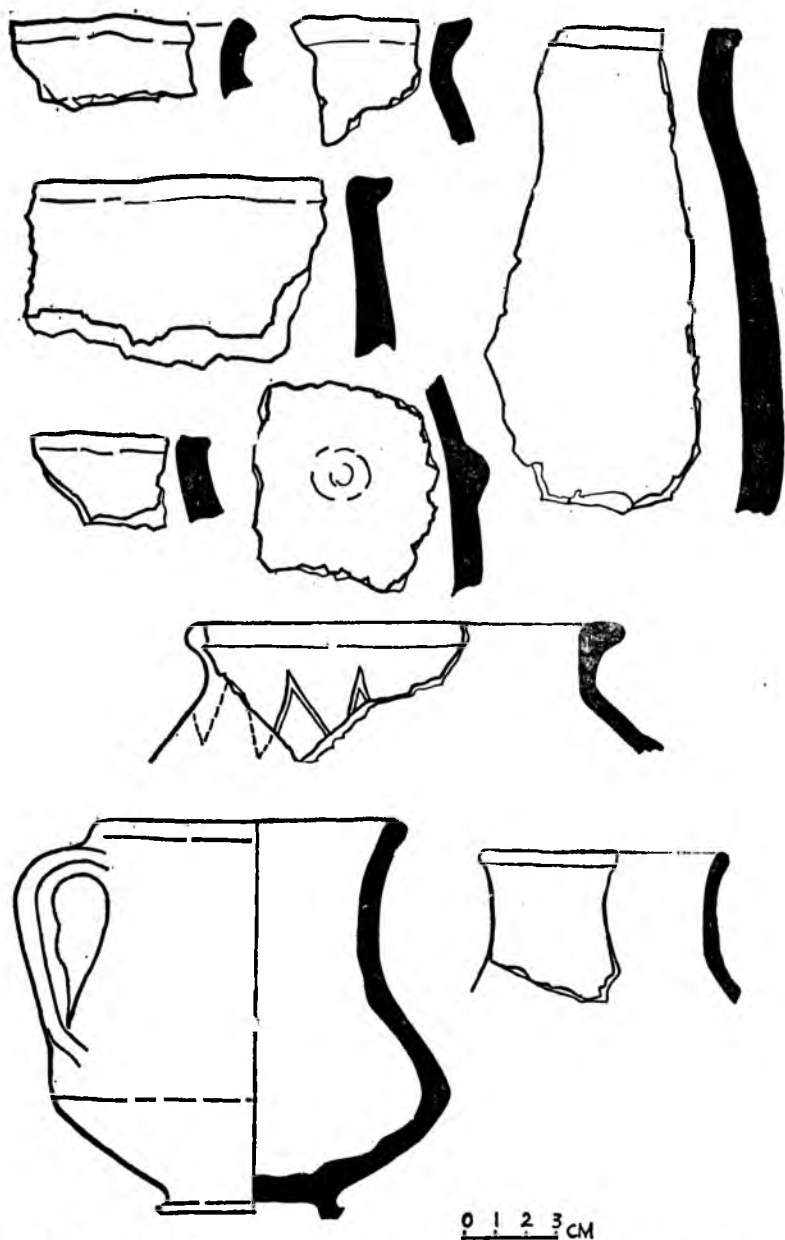

Рис. 9. Сокол. Керамический комплекс из производственного сооружения.

На поселении обнаружено несколько фрагментов конических крышек с ручкой, обломки венчиков и донышек кубков, а также толстые стенки, вероятно, от более массивных сосудов — скорее всего горшков.

Кухонная кружальная керамика представлена малочисленными обломками горшков. Их фрагментарность не позволяет точнее определить форму этих сосудов.

Гончарная посуда украшалась гладкими оттянутыми валиками и бороздками, опоясывающими сосуды в различных сочетаниях, а также пролощенными вертикальными и горизонтальными линиями, прямыми, волнистыми и линиями, образующими косую сетку (рис. 8; 9).

Технология изготовления, форма, способы орнаментации гончарной посуды из Сокольского поселения полностью аналогичны изделиям памятников черняховской культуры как Среднего Поднепровья, так и других территорий.

Необходимо назвать также довольно многочисленные фрагменты привозной импортной посуды, найденной на Сокольском поселении. В подавляющем большинстве это обломки светлоглиняных амфор и несколько фрагментов краснолаковой керамики. Подробнее о них речь пойдет при разборе хронологии поселения.

Глиняные пряслица представлены поделками округлобиконической и грибовидной формы (см. рис. 3, 4). Последние характерны для западносарматских древностей¹. В нескольких хозяйственных сооружениях и ямах найдены целые и фрагментированные грузила конической формы. Интересны керамические тигли, найденные в ямах № 2, 3, 13 и в литейной мастерской (рис. 8).

Среди металлических изделий привлекают внимание инструменты производственного назначения: массивное четырехгранное в сечении долото с заостренным концом и расплющенной верхней площадкой и зубильце-чекан, связанное, очевидно, с ювелирными работами.

В хозяйственном сооружении № 13 обнаружены фрагмент кося, в жилище № 20 — железный ключ, в жилище № 14 — железная подвязная фибула с дуговидной спинкой. В жилищах № 1 и 2 найдены железные ножи, в мастерской — железное шильце-проколка (см. рис. 2, 3; 3, 2).

Плохая сохранность и фрагментарность большинства металлических изделий не позволяют определить их функциональное назначение.

Костяные поделки представлены двумя фрагментированными гребнями, тупиками и коньками.

На поселении найдены также целый и фрагментированные жерновые камни и точильные бруски.

---

¹ Федоров Г. Б. Позднесарматский могильник у с. Криничное.— МИА, 1969, № 169, с. 250—251, рис. 2, 6, 11.

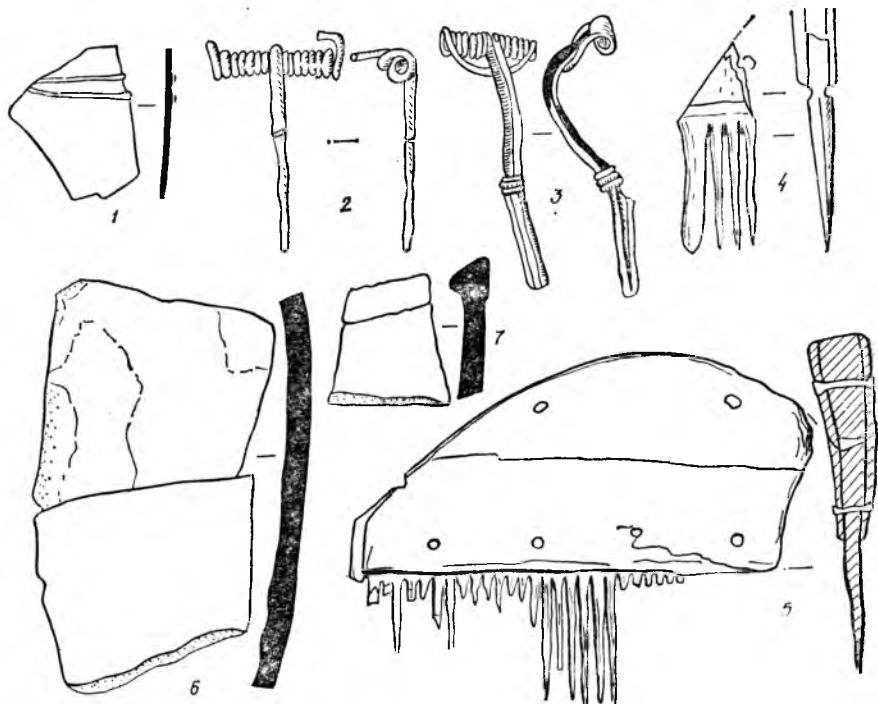

Рис. 10. Сокол. Фрагменты находок из жилых и хозяйственных построек поселения:

1 — фрагмент стеклянного сосуда (яма № 13); 2, 3 — железные фибулы (жилища № 9 и 14); 4, 5 — костяные гребни (яма № 10^а и хозяйственное сооружение № 26); 6, 7 — фрагменты краснолаковых сосудов (яма № 13).

В жилых и хозяйственных постройках, что вообще характерно для селищных материалов, встречены немногочисленные предметы, на основании которых можно датировать поселение.

Это фрагменты фибул, фрагментированные костяные гребни, две римские монеты, часть стеклянного сосуда, три небольших фрагмента краснолаковой керамики и обломки амфорной тары.

На полу жилища № 9 и в яме хозяйственного сооружения № 26 найдены римские монеты II в. н. э.: бронзовый динарий Адриана (117—138 гг.) и серебряная монета Антонина Пия (138—161 гг.). Поскольку время чеканки этих монет приходится скорее на первую половину II в. н. э., то, очевидно, они не могут служить основанием для датировки. Известно, что римские монеты I в. и первой половины II в. н. э. поступали в Восточную Европу значительно позже времени своей чеканки² и, кроме того, находились в постоянном обращении в III—V вв.³ Таким образом,

² Кропоткин В. В. Хронология черняховской культуры и римско-византийские импортные вещи в Восточной Европе.— КСИА, 1970, вып. 121, с. 52.

³ Тиханова М. А. К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов римскими монетами.— КСИА, 1979, вып. 159, с. 38.

монеты, обнаруженные в Соколе, не могут учитываться при определении нижней даты функционирования поселения.

На сокольском поселении найдены фрагменты трех железных и одной бронзовой фибул. Игла с пружиной от железной фибулы обнаружена на полу жилища № 9; игла железной фибулы в жилище № 23; спинка бронзовой фибулы в яме № 2 и железная фибула в жилище № 14 (рис. 10, 2, 3). К сожалению, степень сохранности их такова, что только одна из них (жилище № 14) может служить основанием для датирования. Это железная, двучленная прогнутая, подвязная фибула с дуговидной граненой спинкой (рис. 10, 3). А. К. Амброз относит такие фибулы ко второй серии подвязных фибул, датируемых III—IV вв.⁴ Фибулы этой серии тяготеют к северо-западным территориям.

На поселении найдены два фрагмента костяных гребней (рис. 10, 4, 5). Оба принадлежат к трехчастым гребням, распространенным на территории Европы в позднеримское время. Обломок пластины такого гребня со следами скреплявших его бронзовых заклепок обнаружен в хозяйственной яме 10^а, относящейся к жилищу № 9. Гребень, насколько можно судить по сохранившейся части, имел спинку треугольной формы, украшенную желобком у основания (рис. 10, 4). Второй гребень лучшей сохранности найден в яме хозяйственного сооружения № 26 вместе с римской монетой Антонина Пия. Это гребень с низкой полуовальной спинкой и неорнаментированными боковыми пластинами, скрепленными бронзовыми гвоздиками. Его высота 7,2 см, длина 11,5 см (рис. 10, 5).

Гребни, подобные сокольским, достаточно широко распространены среди памятников культур римского времени на территории Европы⁵. Нередко они встречаются среди материалов черняховской культуры⁶. Их время бытования вторая половина III—IV вв.⁷ Гребни с треугольной спинкой встречаются в более поздних черняховских комплексах IV в. н. э.

В яме № 13, составляющей единый комплекс с литейной мастерской, обнаружен фрагмент стеклянного прозрачного сосуда зеленовато-травянистого цвета. Очевидно, это верхняя часть стакана, украшенная тремя рядами накладных стеклянных нитей синего цвета и двумя гравированными линиями (рис. 10, 1). Толщина его стенок 1,5 мм. Сосуды, орнаментированные накладными нитями, обнаружены в погребениях Цебельдинских могильников, датируемых М. М. Трапшем второй половиной IV—V в.⁸ Наибо-

⁴ Амброз А. К. Фибулы Юга Европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1-30, с. 67.

⁵ Thomas S. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit.— Arbeits und forschungsbereichte zum Sächseschen Bodenk—malpflege, 1960, t. 8, S. 77—94.

⁶ Никитина Г. Ф. Гребни черняховской культуры.— СА, 1969, № 1, с. 147—159.

⁷ Там же, с. 156.

⁸ Трапш М. М. Культура Цебельдинских некрополей.— Тр., 1971, т. 3, с. 172—173, 175, 177, табл. IX, 1; XIX, 2; XXXI, 1; L, 9.

лее близкой по форме сосуд из погребения № 3 могильника Ауа-хуамаху датируется в комплексе с сопровождающим материалом серединой V в. н. э.⁹

Н. П. Сорокина, уточняя хронологию стеклянной посуды из некрополей Цебельды на общем фоне античного стекла, относит к третьей группе сосуда, орнаментированные напаянными нитями, и датирует ее концом IV—V в., подчеркивая, что она не выходит за рамки V в.¹⁰ Исследовательница замечает, что способ украшения густо перевитой у венчика синей нитью скорее характерен для восточных образцов¹¹. Среди последних можно назвать и другие аналогии нашей находке¹².

В жилищах, хозяйственных сооружениях и ямах найдено достаточно большое количество обломков светлоглиняных амфор. В большинстве это обломки стенок, а также венчики, ручки, ножки, позволяющие путем соотношения с целыми формами в той или иной степени установить тип амфоры. Наибольшее количество амфорных фрагментов обнаружено в жилищах № 6, 16, 20, в хозяйственных сооружениях № 2 и 3 и в ямах № 2, 3, 13 (рис. 11, 1—8).

Наиболее выразительный фрагмент верхней части амфоры, найденный в заполнении ямы № 13, принадлежит сосуду, относящемуся, по классификации И. Б. Зеест, к светлоглиняным амфорам с высоким узким горлом¹³. Венчик сосуда диаметром 4 см оформлен в виде полувалика с небольшой закраинкой. Ручка профилирована двумя бороздками и укреплена на 4,5 см ниже венчика. Тесто с примесью песка (рис. 11, 1). Подобные амфоры, называемые «инкерменскими», широко распространены среди памятников черняховской культуры¹⁴. И. Б. Зеест относит их к IV в. н. э., что неоднократно подтверждалось условиями их находок в слоях античных городов и поселений¹⁵. Также их датирует Д. Б. Шелов¹⁶.

В жилище № 20 и хозяйственной яме № 7 найдены ножки, сформированные в виде узкого (3,5 см) поддона. Между стенкой поддона и дном сделан желоб (рис. 11, 3). Возможно, что они принадлежат светлоглиняным узкогорлым амфорам типа найден-

⁹ Там же, табл. LIV.

¹⁰ Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды IV—V вв. и хронология Цебельдинских могильников.— КСИА, 1979, вып. 158, с. 61—63.

¹¹ Там же, с. 61, рис. 1, 62, 63.

¹² Harden D. B. Ancient glass, 3. Post Roman.— *Archeol. J.*, 1972, vol. 128, p. 88, fig. 5; Pirling R. Die Römischen und Byzantinischen Glasfunde von Aramea in Syrien.— In: *Annales & Congr. assoc. Intern. historie verre*. Berlin; Leipzig, 1978, S. 137—147; Honey W. B. *Glass: A handbook and guide to the museum collection*.— London, 1916, t. 12, D.

¹³ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83, с. 122, табл. X, 1, 105, а, в.

¹⁴ Сміленко А. Т. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань.— *Археологія*, 1952, т. 4, с. 53—54, табл. I, 1.

¹⁵ Зеест И. Б. Керамическая тара., с. 122.

¹⁶ Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология.— КСИА АН СССР, 1979, вып. 156, с. 19.

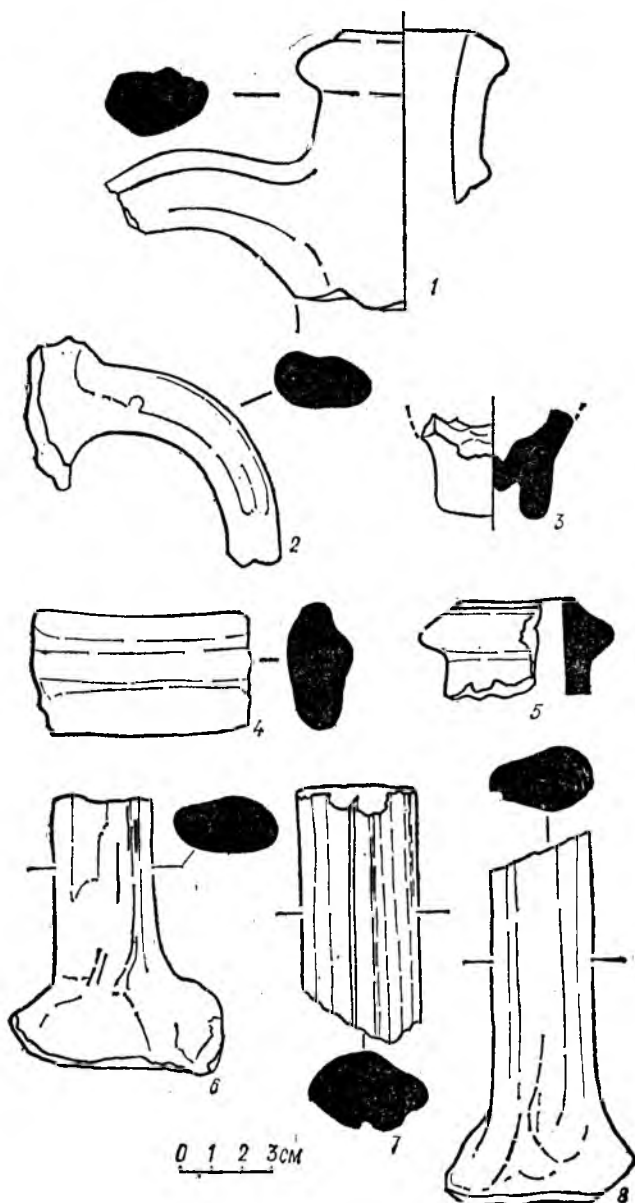

Рис. 11. Сокол. Амфорные находки из жилых и хозяйственных объектов поселения:

1 — яма № 13; 2 — яма № 3; 3—5 — жилище № 16; 6—8 — жилище № 20.

ной в скифском Неаполе. И. Б. Зеест датирует их III в. н. э. по находкам в датированных комплексах Илурата, Киммерика и Мирмекия¹⁷. Д. Б. Шелов считает, что они скорее принадлежат II, чем III в. н. э.¹⁸ Очевидно, «неапольские» амфоры бытуют все же до начала III в. н. э.¹⁹

В жилище № 16 и яме № 3 среди амфорных обломков обнаружены венчики в форме полувалика (рис. 11, 5), принадлежащие, вероятно, светлоглиняным амфорам с расширяющимся книзу горлом, называемыми «танаисскими» и датировемыми И. Б. Зеест III в. н. э.²⁰ Д. Б. Шелов ограничивает период их бытования первой половиной III в. н. э.²¹

Кроме того, в Сокольских постройках обнаружены сложнопрофилированные ручки с асимметричным валиком по краям и овальные непрофилированные ручки (рис. 11, 2, 4, 6—8). Среди первых обращает внимание массивная ручка с асимметричным рассеченным валиком. Подобная профилировка ручек характерна для поздних светлоглиняных амфор IV—начала V в., известных из хорошо датированного слоя Танаиса²². Фрагменты краснолаковой керамики маловыразительны. По определению С. А. Беляева, большинство их принадлежит изделиям III в. н. э. Исключением является фрагмент, найденный в литейной мастерской, который, судя по качеству лака, можно отнести к IV в. Археоманитное изучение образцов пода печи жилища № 9 позволило определить время функционирования печи серединой V в.²³

Таким образом, наибольшее количество датировемых находок (фибула, гребни, амфорные фрагменты) относятся к III—IV вв. Только фрагмент стеклянного сосуда и ручку позднейшей узкогорлой светлоглиняной амфоры, а также данные археоманитного метода дают возможность говорить о существовании поселения и в V в., вероятно, в его первой половине.

Очевидно, общие хронологические рамки памятника следует определить III—первой половиной V в.

Изучение материалов, полученных при исследовании поздне-римского поселения у с. Сокол, позволяет отнести его к черняховской культуре. Некоторое своеобразие памятнику придают обнаруженные здесь жилища — полуземлянки с печами-каменками.

В поисках аналогий прежде всего обратимся к хорошо известным исследованиям В. Д. Барана на Верхнем Днестре и Западном Буге. Так, на поселении Рипнев II обнаружено 28 землянок

¹⁷ Зеест И. Б. Керамическая тара..., с. 118, табл. XXXVIII, 92а.

¹⁸ Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры..., с. 18.

¹⁹ Шукин М. Б. О начальной дате черняховской культуры.— Рг. А., з. 22, 1976, с. 306.

²⁰ Зеест И. Б. Керамическая тара..., с. 118.

²¹ Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры..., с. 18—19.

²² Деоник Д. В., Круг О. Ю. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками.— СА, 1972, № 3, с. 100—101, 111, рис. 8; Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры..., с. 19.

²³ Анализы выполнены кандидатом физ.-мат. наук Г. Ф. Загвием в лаборатории Института геофизики АН УССР.

и полуземлянок. Они были в основном овальной в плане формы и отапливались в пяти случаях очагами, в одном — глинобитной печью, в остальных отопительных сооружений не обнаружено²⁴. При раскопках Черепинского селища открыты два наземных и девять углубленных жилищ. Последние представляли собой полуземлянки, в основном четырехугольной в плане формы, отапливаемые в большинстве открытыми очагами, а в двух случаях — печами, сложенными из камней²⁵. В заполнении некоторых углубленных жилищ как в Рипневе, так и в Черепине прослежены остатки глиняной обмазки. Хотя приемы домостроительства, применяемые жителями сокольского селища, и находят некоторое соответствие на черняховских поселениях Верхнего Днестра и Западного Буга, все же прямыми аналогиями сокольским могут служить только жилища VIII и XII из Черепина. В них обнаружены сооруженные в углу печи-каменки. Форма жилищ (размерами они больше сокольских), устройство входа, расположенные рядом с ними хозяйственные ямы, обнаруженная в заполнении жилищ и ям глиняная обмазка²⁶, напоминают жилые постройки из Сокола.

Еще более близкие аналогии жилым сооружениям черняховского поселения в Соколе находим на среднеднестровских поселениях черняховской культуры. Это Бакота, хотя здесь углубленные жилища с печами-каменками и очагами сосуществуют с наземными²⁷, и, наконец, поселение в Теремцах, которое следует выделить особо.

Исследования поселения Теремцы проведены В. Д. Бараном в 1979 г.²⁸ Оно расположено на левом берегу среднего течения Днестра в 0,5 км от с. Бакота Каменец-Подольского района Хмельницкой области и в 2 км от известного Бакотского поселения, работы на котором ведутся уже 10 лет²⁹.

Стратиграфические наблюдения позволили автору раскопок выделить среди черняховских объектов в Теремцах два хронологически последовательных строительных горизонта. К нижнему относятся две полуземлянки без отопительных устройств, 11 хозяйственных ям и каменный очаг. К верхнему горизонту — 15 углубленных жилищ с печами-каменками, углубленная постройка без отопительного устройства и пять хозяйственных ям. Отличительной особенностью объектов нижнего горизонта является наличие в них исключительно гончарной черняховской керамики. В запол-

²⁴ Баран В. Д. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга.— МИА, 1964, № 116, с. 240.

²⁵ Баран В. Д. Поселения перших століть нашої ери біля с. Черепин.— К., 1961, с. 45—47.

²⁶ Там же, с. 33—38, 41—44, рис. 11, 13.

²⁷ Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е.— К., 1972, с. 54, рис. 21; с. 56—61.

²⁸ Баран В. Д. Проблеми сложення славянських раннесредневекових деревостей в світє новейших исследований на Днестре.— В кн.: Тез. докл. XVIII конф. Ін-та археології АН УРСР. Днепропетровск, 1980, с. 144—145.

²⁹ В Бакоте исследуется черняховское поселение и селище раннесредневековой славянской культуры. См. статью И. С. Винокура в данном сборнике.

нении объектов верхнего горизонта вместе с гончарной черняховской керамикой обнаружена и лепная³⁰.

В жилище верхнего горизонта № 14 обнаружена бронзовая литая двухпластинчатая трехпальчатая фибула. Точных аналогий ей пока не найдено. Две похожие парные фибулы «южнорусского — дунайского типа», на которые ссылается В. Д. Баран, найдены в погребении № 1 могильника в г. Веймаре. Они отличаются от находки из Теремцов материалом (серебро с позолотой), богатой орнаментацией и менее выраженными пальцевыми выступами. Фибулы датируются около 400 г., вероятно, до середины V в. н. э.³¹

Как видим, В. Д. Бараном получены некоторые данные об относительной хронологии объектов на поселении и датирующий материал для верхнего горизонта. К сожалению, как часто случается при полевых исследованиях, керамический комплекс жилища с фибулой оказался наиболее бедным из всех изученных 16 жилищ. Однако здесь обнаружены шесть фрагментов лепной и семь фрагментов гончарной посуды, что позволяет отнести его к верхнему горизонту. Данных для абсолютного датирования недостаточно, и поэтому трудно сказать, где проходит хронологическая граница между двумя горизонтами: в середине III в. н. э. или в середине IV, или же на рубеже III и IV вв., а возможно IV и V вв. Если принять во внимание, что в Соколе жилища с печами-каменками датируются довольно рано (фибула III—IV вв. из жилища № 14), то можно думать, что и в Теремцах верхний горизонт следует датировать ранее V в. н. э., начиная с IV в., а возможно, и III в. н. э. Скорее всего нижний горизонт занимал незначительный хронологический отрезок. Поселение в Теремцах, очевидно, существовало несколько дольше, чем в Соколе, и в отличие от него захватывает вторую половину V в. Например, те жилища из Теремцов (№ 7, 9, 10, 11), где были обнаружены сковороды, вероятнее всего являются более поздними, чем, скажем, датируемое фибулой жилище № 14.

При сравнении керамического комплекса поселений в Теремцах и Соколе обращает внимание большое сходство типов лепной посуды. Следует отметить и различия, так общий процент кружалной керамики в жилищах верхнего горизонта Теремцов (нижний при сравнении мы опускаем) намного выше (от 22% до 80%), чем в Соколе, где он составляет не более 10—15%, а в одном из жилищ отсутствует вовсе.

Среди гончарной керамики из Сокола почти полностью отсутствуют обломки кухонной посуды, тогда как в Теремцах она составляет подавляющее большинство.

Известно, что для поселений черняховской культуры, как и большинства других культур римского времени, характерно достаточно разнотипное домостроительство и прежде всего бытова-

³⁰ Баран В. Д. Проблемы сложения..., с. 144—145.

³¹ Behm-Blanke G. Gesellschaft und Kunst der Germanen.—Dresden, 1973, N 59, S. 342, f. 55.

ние наземных и углубленных жилищ, нередко сочетающихся в пределах одних и тех же поселений³². Подобное явление присуще и культуре карпатских курганов³³. В какой-то степени подобную разнохарактерность домостроительства можно назвать знаменем времени. Является ли эта разнотипность отражением сложного и, возможно, не до конца завершенного процесса формирования культур римского времени, или следствием еще и каких-то других причин, трудно сказать. Следует, однако, отметить, что связь разнотипной структуры культуры и разнотипность домостроительства не всегда однозначна. Так, по-видимому, этнически однородная дакийская культура Карпов-Поенешти-Вертишкой также представлена на поселениях как наземными, так и углубленными жилыми постройками³⁴.

Однако и сами углубленные жилища, изученные на поселениях черняховской культуры, отличаются различными деталями формы и устройства. Вероятно, прав В. В. Седов, считая подобную разнотипность следствием того, что углубленное жилище как тип постройки только вырабатывался у черняховского населения³⁵.

Процесс формирования углубленного жилища был далеко не одинаков по темпам и распространению для различных регионов черняховской культуры. Исследования последних лет показали, что распространение и наибольшую завершенность этот процесс получил у черняховского населения, занимавшего территорию Верхнего и Среднего Поднестровья. Примером служат изученные черняховские селища с углубленными постройками в Соколе, Теремцах, Бакоте, Рипневе, Демьянове, Бовшеве, Черепине, Ракобутах и др. Особо следует подчеркнуть, что на черняховских памятниках только этой территории известны углубленные жилища с печами-каменками.

На территории Прикарпатья, близкой Верхнему и Среднему Днестру и составляющей с Поднестровьем один регион, в поздне-римское время получила распространение синхронная черняховской культура карпатских курганов. На прикарпатских селищах этого же времени также отмечено сосуществование наземных и углубленных жилых построек³⁶. В последних наблюдаются различия в устройстве отопительных сооружений: каменный очаг (Грабовцы)³⁷, глинобитные печи (Глубокое)³⁸, печи-каменки (Ко-

³² Махно Е. В. Памятники черняховской культуры на территории УССР.— МИА, 1960, № 82, с. 16—74.

³³ Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тис. н. е.— К., 1977, с. 8—22.

³⁴ Bichir Gh. La civilisation des Carpes (II—III siècle de. de n. é) à la lumière des fouilles archéologiques de Poiana-Dulcești, de Butnărești et de Padureni.— Dacia. N. S., 1967, vol. 11, p. 179.

³⁵ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян.— М., 1979, с. 97.

³⁶ Вакуленко Л. В. Пам'ятка підгір'я Українських Карпат першої половини I тис. н. е., с. 7—16.

³⁷ Там же, с. 90—92.

³⁸ Там же, с. 102—107.

дын II и Гореча I). В заполнении углубленных построек обнаружена глиняная обмазка. Например, на поселении в Кодыне исследованы три углубленных жилища культуры карпатских курганов. В одном из них каменная печь была, видимо, разрушена в древности, а в двух открыты прекрасно сохранившиеся печи-каменки, сложенные из каменных плит и крупных камней и расположенные на северном углу каждой из построек. Жилища имели прямоугольную форму и ориентированы по сторонам света³⁹.

Таким образом, на территории Верхнего и Среднего Днестра и на примыкающей к ней территории Прикарпатья, в среде культур римского времени (черняховской и карпатских курганов) археологически фиксируется процесс формирования определенного типа жилищ — прямоугольной углубленной постройки с печью-каменкой в углу. Отметим, что если углубленные жилища различного типа, как упоминалось, встречаются на поселениях ряда различных культур римского времени, то такая существенная деталь внутреннего устройства жилища, как печь-каменка, в первой половине I тыс. н. э. известна только в очерченном регионе. Именно здесь исследованы памятники культур римского времени, верхняя хронологическая граница которых достигает V в., что позволяет предполагать их преемственную связь с памятниками последующей славянской культуры.

Выше говорилось о датировке Сокольского поселения и селища в Теремцах. Следует вновь упомянуть и такие черняховские поселения, как Рипнев⁴⁰ и Черепин⁴¹. Датировочные находки, обнаруженные на Рипневском поселении, позволили В. Д. Барану определить его хронологические рамки III — второй половиной V в. При этом верхняя граница определена найденными здесь тремя фибулами провинциально-римского типа, с луковидной дужкой, шипом на головке и ранневизантийской фибулой, и бронзовой подвеской, встречающейся на памятниках гуннского времени в Чехословакии⁴². Некоторые материалы, обнаруженные при исследовании Черепинского поселения («воинская» фибула, гребень с низкой дуговидной спинкой) и другие наблюдения также, по мнению автора, свидетельствуют о продолжении жизни на селище в конце IV—V в. н. э.⁴³

Очевидно, хронологические рамки некоторых памятников культуры карпатских курганов также достигают второй половины V в. н. э. Основанием для подобного предположения, помимо других данных (Мышинская фибула, археомагнитная датировка

---

³⁹ Русанова И. П. Отчет о работе Волынской экспедиции ИА АН УССР за 1976 г. — НА ИА АН УССР, ф. е. 7955.

⁴⁰ Баран В. Д. Памятники черняховской культуры., с. 213—253.

⁴¹ Баран В. Д. Поселення перших століть нашої ери біля с. Черепин, с. 45—47.

⁴² Баран В. Д. Памятники черняховской культуры., с. 248—250; Баран В. Д. Славяне в середине I тысячелетия н. э. — В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 33—34.

⁴³ Баран В. Д. Черняхівська культура.— К., 1980.

и проч.), служат и фиксируемые на территории Прикарпатья контакты между населением римского и раннесредневекового времени. Достаточно убедительно это прослеживается на материалах Глубокских поселений⁴⁴ и селищ в Кодыне⁴⁵.

В этой связи следует упомянуть гончарную мастерскую из Глубокой, обнаруженную на поселении, где открыты объекты как первой (культура карпатских курганов), так и второй половины I тыс. н. э. (раннесредневековая славянская культура). Мастерская состояла из прямоугольного углубленного жилища с печью-каменкой в углу и небольшой гончарной печи. Устье топки печи выходило в помещение. На находящемся на одном уровне с подом печи полу жилища, подмазанном глиной, возле устья топки, замечены четкие следы обожженности от огня из топки. Таким образом, гончарная печь топилась изнутри жилища, составляя вместе с ним единый производственный комплекс.

В заполнении жилища основную массу керамических находок составляла лепная керамика, среди которой выявлены и фрагменты сковородок. Имелись также обломки кружальной посуды. Внутри горна обнаружены фрагменты кружальных серых мисок со следами вторичного обжига.

Итак, в Глубокской мастерской оказались соединенными объекты с признаками различных, следующих один за другим археологических периодов. Тип жилища и отопительного устройства — полуземлянка с печью-каменкой в углу — характерен для славянской культуры VI—VII вв. Горн устроен по тем же конструктивным принципам, что и гончарные печи, широко известные в Европе на памятниках римского времени⁴⁶.

То есть речь идет о переходном памятнике, фиксирующем на Прикарпатье контакты между носителями культуры карпатских курганов и раннесредневековой славянской культуры⁴⁷.

При исследованиях И. П. Русановой и Б. А. Тимошука раннесредневекового славянского поселения Кодын, расположенного на правом берегу верхнего течения Прута, в керамических комплексах нескольких славянских жилищ наряду с керамикой пражского типа обнаружена лепная и кружальная керамика культуры Карпатских курганов. В двух случаях такие смешанные комплексы сопровождалась фибулами IV—V вв., что позволило исследователям выделить ранние славянские комплексы, относящиеся к V в. и прийти к выводу о взаимном влиянии двух культур в результате совместного сосуществования населения культуры Карпатских курганов и славянского⁴⁸.

⁴⁴ Вакуленко Л. В. Пам'ятка підгір'я..., с. 85—87.

⁴⁵ Русанова И. П. Поселение Кодын II в бассейне Прута.— АО за 1976 г. М., 1977, с. 364—365.

⁴⁶ Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э.— МИА, 1960, № 89, с. 124—126; Lamiowa-Schmiedlova M. Römerzeitliche Siedlungskeramik in der Südostslowakie.— SA, 1969, sv. 17, N 2, S. 437.

⁴⁷ Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тис. н. е., с. 87—88.

⁴⁸ Русанова И. П. Поселение Кодын II в бассейне Прута, с. 365.

В настоящее время на Прикарпатье известны памятники, где объединены черты культуры карпатских курганов и славянской (Гореча II, Рогизна)⁴⁹.

На левом берегу Среднего Днестра в 7 км от Сокольского поселения О. М. Приходнюком исследовано поселение раннесредневековой славянской культуры Лука-Каветчинская, где в славянских жилищах также обнаружены смешанные комплексы, содержащие помимо керамики пражского типа лепную и кружальную керамику черняховской культуры. В объектах Каветчинского селения обнаружены различные предметы (например, железная двучленная подвязная фибула), позволяющие датировать поселение V в. н. э.

К ранним поселениям раннесредневековой славянской культуры, возникающим, вероятно, в V в., следует отнести и поселения Среднего Днестра: Зеленый Гай, Устье, Рашков II и III.

Как упоминалось, изучая раннесредневековые древности на территории Прикарпатья, И. П. Русанова и Б. А. Тимошук обратили внимание на элементы взаимного влияния культуры карпатских курганов и раннесредневековой славянской культуры, свидетельствующие, по мнению автора, об их сосуществовании в течение какого-то времени. В славянских керамических комплексах на Прикарпатье вплоть до IX—X вв. встречаются формы и отдельные детали профилировки, восходящие к традициям гончарства культуры карпатских курганов⁵⁰.

Еще большее взаимовлияние обнаруживается в домостроительстве обеих культур. Так, в трех славянских жилищах прослежена глиняная обмазка, применение которой характерно для предшествующей культуры Карпатских курганов. Еще в трех славянских жилищах на поселениях Кодын II и Гореча открыты очаги, причем в двух из них над очагами позднее были сооружены обычные для славян печи-каменки. Кроме того, открыты три жилища культуры Карпатских курганов, где отопительными сооружениями были не очаги, а печи-каменки⁵¹.

Таким образом, создается впечатление, что печь-каменка как вид отопительного сооружения складывалась здесь именно в период совместного сосуществования носителей обеих культур.

Как известно, устройство жилища является одной из характернейших черт материальной культуры, а печь-каменка представляет собой, пожалуй, наиболее существенную часть интерьера славянского жилища.

Славянское домостроительство VI—VII вв. идентично почти по всей огромной территории, занятой славянскими племенами. Как и другие черты культуры, оно предстает с самого начала в готовом сложившемся виде.

---

⁴⁹ Тимошук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст.—К., 1976, с. 31—39.

⁵⁰ Тимошук Б. О. Слов'яни Північної Буковини., с. 32—36.

⁵¹ Там же, с. 33—34.

Поэтому особый интерес вызывают поселения в Соколе и Теремцах, где на памятниках позднеримского времени удалось проследить начало традиций славянского домостроительства, и открытия на прикарпатских селищах Кодын и Гореча, где прослеживаются некоторые моменты формирования типа славянского жилища.

При ретроспективном сопоставлении славянской культуры с культурами римского времени, что является основным и, пожалуй, единственным методом для решения вопросов преемственности культур, а, следовательно, и их этнической интерпретации, существенным препятствием служит хронологический разрыв между ними.

В последнее время получены новые данные, позволяющие утверждать, что хронологического разрыва между памятниками первой и второй половины I тыс. н. э. не существовало.

Хронологическая лакуна, еще так недавно устрашающе зиявшая между культурами римского времени и раннесредневековой славянской культурой, оказалась, по крайней мере для некоторых территорий, заполненной так плотно, что речь может идти не только о контакте, но и о сосуществовании их носителей в течение какого-то времени. Однако преодоление хронологической лакуны влечет за собой новые вопросы, ответы на которые — дело будущего.

О чем же свидетельствуют материалы, полученные при исследовании Сокола, Теремцов, Кодына, Каветчины и других поселений на территории Среднего Днестра и Прикарпатья? О сосуществовании двух разных и разноэтнических культур, созданных пришлым славянским и местным неславянским населением? О возникновении в новых исторических условиях новой культуры, созданной местным же славянским населением, утратившим налет провинциально-римской культуры? Или, наконец, о формировании на месте новой культуры при участии этнически близких местного и пришлого населения? Для конкретных ответов пока еще отсутствуют достаточные данные.

Наименее вероятным нам представляется первое решение вопроса о сосуществовании двух разноэтнических культур. Доказательством этому служат элементы материальной культуры населения позднеримского времени (керамика, домостроительство), получившие преемственное развитие в последующей раннесредневековой славянской культуре.

Возражения противников такого возможного варианта хода событий, как создание новой славянской культуры славянским же населением, утратившим провинциально-римский налет, сводятся к тому, что общая модель и структура раннесредневековой славянской культуры, отражающая определенный тип социально-экономических отношений, резко отлична от структуры культур римского времени, черняховской и культуры Карпатских курганов.

По их мнению трудно представить, что одно и то же население создало столь различные культурные модели без достаточно сильного толчка извне. Однако мы считаем, что таким толчком мог служить не только приход другого населения, но и исчезновение

провинциально-римских влияний, связанное с достаточно бурными событиями эпохи переселения народов.

Попытаемся рассмотреть третий вариант, то есть возможность формирования раннесредневековой культуры при участии местного и пришлого одноэтничного населения. Территория, где обнаружены материалы, свидетельствующие о сосуществовании культур римского времени и раннесредневековой славянской культуры, расположена в пределах ареалов черняховской и культуры Карпатских курганов.

Большинство исследователей считают, что в среде носителей многоэтничной черняховской культуры находилось и славянское население⁵². Почти общепризнано, что в черняховское время славянское население занимало верхнеднестровский регион. В свете последних исследований Среднее Поднестровье также следует включить в территорию, где в позднеимское время в черняховской среде проживало славянское население.

При изучении культуры Карпатских курганов в ее синкретичной материальной культуре прослеживаются два компонента: гето-дакийский и славянский. В процессе развития этой культуры черты гето-дакийского этноса заметно уменьшаются и деградируют и, напротив, более четко выступают черты, соответствующие материальной культуре славянских древностей третьей четверти I тыс. н. э.⁵³

Таким образом, наиболее ранние, надежно датированные памятники раннесредневековой славянской культуры обнаружены именно на территориях Верхнего и Среднего Днестра и Прикарпатья, занятых в предшествующее время культурами, носителями которых было славянское или славянизированное население. Славянское население, проживавшее на территории Поднестровья и Прикарпатья в позднеимское время, приняло участие в формировании средневековой славянской культуры, если не как единственный, то во всяком случае как достаточно сильный и весомый компонент, сделавший возможным сам факт формирования культуры на очерченной территории.

О. М. Приходнюк

К ВОПРОСУ О ПРИСУТСТВИИ АНТОВ В КАРПАТО-ДУНАЙСКИХ ЗЕМЛЯХ

Карпато-Дунайский бассейн в I тыс. н. э. являлся ареной ожесточенной борьбы варварских племен вначале с Римской империей, а позже — с Византией. В первых веках нашей эры здесь размещался римский Дакийский форпост, препятствующий проникнове-

⁵² Баран В. Д. Черняхівська культура; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян, с. 97—98; Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен, с. 143—145.

⁵³ Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я., с. 76—90.

нию «варваров» в среду нижнедунайской цивилизации. После его эвакуации в 271 г. в Нижнем Подунавье появляются племена, продвинувшиеся с востока: гунны, готы, авары, тюрко-болгары, славяне и прочие, активно влиявшие на ход европейских событий в Балканском регионе. Среди этих племен в борьбе с Византией, как свидетельствуют письменные источники, важнейшую роль играли славяне. Прокопий Кесарийский, Иордан, Иоанн Эфесский, Агафий, Феофилакт Симокатта, Псевдо-Маврикий, Менандр и другие неоднократно упоминают в своих сочинениях племена славян, успешно совершавших набеги на Придунайские провинции. С начала VI в. Дунай как граница Византии практически перестала существовать, славяне свободно переходили его¹, неоднократно брали множество придунайских крепостей, городов и гарнизонов².

Несмотря на это, только в 547—548 гг. славяне проникли в глубь Византийской империи, «произведя ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна»³. Но всегда славяне, согласно Прокопию, переходили Истр и возвращались домой⁴. Впервые они решились на зимовку на правобережье Дуная в 550—551 гг., после чего разграбили Астику и вплотную подошли к «длинным стенам», находившимся на расстоянии одного дневного перехода от столицы⁵. Как северная граница Византии Дунай в последний раз упоминается под 600 г.⁶ После падения лимеса в Мезии, согласно письменным источникам, до прихода тюрко-болгар проживало семь славянских племен⁷. О том, что славяне прочно обосновались в это время в Карпато-Дунайском бассейне, свидетельствует тот факт, что византийские историки иногда называли славян гетами, считая их потомками дикийских племен. Феофилакт Симокатта пишет: «Войска гетов, а иначе говоря, — толпы славян сильно опустошили область Фракии»⁸. В своем сочинении он называет славян гетами еще несколько раз.

Среди славян, штурмовавших северные форпосты империи, особое место в письменных источниках отводится «сильнейшим из них»⁹ — антам, первое датированное упоминание о которых содер-

¹ Прокопий Кесарийский. Готская война — ВДИ, 1941, № 1, II, 2, 26, с. 235; III, 29, с. 239; III, 40, с. 241; Менандр. История. — ВДИ, 1941, № 1, 35, с. 247; 38, с. 249—250; Исидор Севильский. Хроника. — ВДИ, 1941, № 1, VII, 105, с. 259; Феофилакт Симокатта. История. — М., 1957, I, 7, 1, с. 35; VI, 2, 10, с. 139; VI, 3, 9, с. 141; VI, 4, 1, с. 141; VI, 6, 1, с. 143; VI, 7, 1, с. 144; VI, 8, 3, с. 146; VI, 8, 9, с. 147; VII, 2, 1, с. 154 и др.; Иоанн Эфесский. Церковная история. — ВДИ, № 1, 1941, VI, 25, с. 252; Феофан. Летопись под 551, 575, 649 и 775 г. — ВДИ, 1941, № 1, с. 269—270.

² Прокопий Кесарийский. Готская война, III, 38, с. 238—240; III, 29, с. 239; III, 38, с. 240—241; Прокопий Кесарийский. О постройках. — ВДИ, 1941, № 1, IV, 11, 14, с. 245; Иоанн Эфесский. Церковная история, VI, 25, с. 252.

³ Прокопий Кесарийский. Готская война, III, 29, с. 239.

⁴ Там же, III, 38, с. 240.

⁵ Там же, III, 40, с. 241—242.

⁶ Феофилакт Симокатта. История VII, XV, с. 168.

⁷ Феофан. Летопись под 671 г., с. 278.

⁸ Феофилакт Симокатта. История, III, 4, с. 75.

⁹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. — М., 1960, 35, с. 72.

жится в «Тайной истории» Прокопия, где говорится, что «гунны, и склавины, и анты, почти всякий год совершая набеги с тех пор, как Юстиниан принял власть над римлянами, творили над римлянами этих областей нетерпимые вещи»¹⁰. Описываемое могло происходить не ранее 527 г., когда Юстиниан взошел на престол.

Анты проводили самостоятельную политику на Балканах, выступая то против Византии, то в союзе с Византией против «варварских» племен. Если склавины преимущественно выступали в союзе с аварами, то анты всегда враждовали с ними. По сообщению Феофилакта Симокатты, в 602 г. для уничтожения антов было снаряжено аварской войско¹¹, после чего анты в письменных источниках не упоминаются. Согласно Л. Нидерле, антский союз распался под ударами авар и хазар¹².

Для археологической атрибуции антов, хорошо известных в Карпато-Дунайских землях раннесредневековым авторам, среди славянских культур третьей четверти I тыс. н. э. необходимо выделить антские древности путем сопоставления культур Восточной Европы со свидетельствами раннесредневековых авторов, которые в своих сочинениях, описывая «варварские» племена, более или менее достоверно указывают территорию их обитания. Иордан отмечает: «Анты же, сильнейшие из них, распространяются от Дана-стра до Данапра, там где Понтийское море образует излучину»³¹. «Готская война» Прокопия дополняет Иордана. В ней пишется, что антские поселения доходили до низовьев Дуная на западе¹⁴, а на востоке размещались к северу от утригуров, занимавших территорию от Азовского моря (Меотийское озеро) до Дона (Танаис)¹⁵.

Очерченная Иорданом и Прокопием территория, как показали археологические исследования послевоенных лет, совпадает с территорией распространения раннесредневековых древностей пеньковского типа (рис. 1). Исходя из приведенных данных, большинство исследователей связывают носителей пеньковской культуры с антами письменных источников¹⁶.

Для пеньковских (антских) древностей характерны поселения открытого типа и могильники и ямными или урновыми трупосожжениями, без внешних признаков на поверхности. Основным типом жилища на поселениях являются подквадратные полуземлянки с очагом или печью-каменкой в одном из углов. Стены срубные или в виде каркаса.

¹⁰ Прокопий Кесарийский. Тайная история, XVIII, 7, с. 243.

¹¹ Феофилакт Симокатта. История, VIII, 5, с. 180.

¹² Нидерле Л. Славянские древности.— М., 1956, с. 140—141.

¹³ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, 35, с. 72.

¹⁴ Прокопий Кесарийский. Готская война, II, 1, 27, с. 234.

¹⁵ Там же, IV, 4, с. 242.

¹⁶ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— М.; Л., 1966, с. 247; Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга.— МИА, 1963, № 108, с. 349. Рафалович И. А. Славяне VI—IX вв. в Молдавии — Кишинев, 1972, с. 143—146; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян.— М., 1979, с. 124.

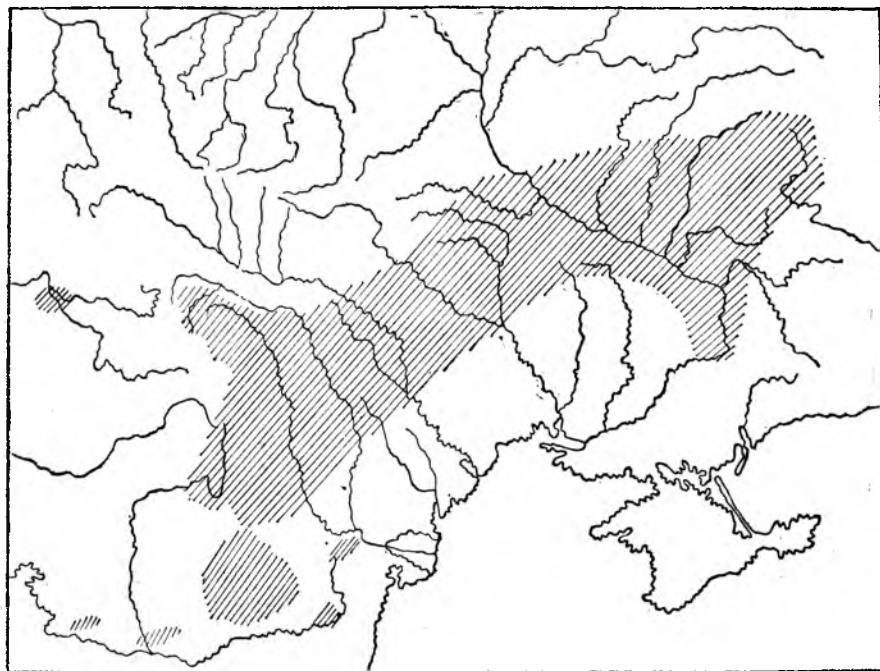

Рис. 1. Основная территория распространения пеньковских древностей (заштрихована).

Среди пеньковского керамического набора наиболее характерными являются лепные биконические сосуды с четко выделенным ребром на середине высоты корпуса, плоским дном и отогнутым или невыделенным венчиком. Довольно часты округлобокие горшки с максимальным расширением на середине или в верхней трети высоты изделий. Они плечистые, венчик почти вертикальный или отогнут наружу. Зерновики орнаментированы треугольным в сечении налепным валиком. Встречаются миски, диски и сковороды. Лепная посуда с примесью шамота, дресвы, песка и слюды в глиняном тесте. Ее поверхность часто со следами сглаживания.

Пеньковские древности по облику материальной культуры не были цельным, однородным явлением. По нашему мнению, пеньковская культура, сформировавшаяся на базе памятников первой половины I тыс. н. э. киевского типа в области Киевского Поднепровья и Подесенья, очень быстро распространилась на обширные территории Лесостепи от Северского Донца до Подунавья. Здесь она подверглась влияниям со стороны других культур. Среди пеньковских археологических материалов прослеживаются черняховские, пражско-корчакские и колочинские элементы, элементы степных культур.

На современном уровне изученности пеньковской культуры в ее среде можно выделить наиболее ранние памятники. К ним следует

отнести поселения Кочубеевка и Куня в Южном Побужье, Гута-Михайловская в Нижнем Поросье, ранние слои поселения Хитцы в Среднем Посулье, могильник № 3 из Большой Андрусовки в Потясминье и др.¹⁷ Для этой группы древностей характерны подквадратные полуземлянки с очагом и чаще всего с ямой от столба в центральной части жилища. Среди лепной керамики ранних пеньковских комплексов нередко встречаются фрагменты серой кружалной посуды черняховского облика.

На основании черняховской керамики, большой железной двухчасной фибулы из Куни¹⁸, большой бронзовой пряжки из Большой Андрусовки¹⁹, одностороннего трехчастого гребня из Хитцов²⁰ и других материалов нижнюю дату пеньковских древностей можно отнести ко второй половине V в. Верхняя дата, по-видимому, не выходит за рамки VII в. Раннепеньковские памятники, нижняя хронологическая дата которых заходит в V в. н. э., известны и на территории Молдавской ССР. Судя по отчетам и фондовым материалам, к наиболее ранним можно отнести полуземлянки № 1, 6, 7 на городище Селиште и жилище, исследованное на поселении Данченцы²⁰. Все они были подквадратной формы площадью от 12 до 16 м² с очагом, реже с печью-каменкой. В центре построек находились ямы от центрального столба (рис. 2, 1). В заполнении этих объектов обнаружены единичные фрагменты черняховского облика и лепная посуда (рис. 2, 2—9).

Показательно, что биконические горшки (24—40%) чаще встречаются на поселениях северной и центральной части Молдавии (Хуча, Реча, Бранешты I, Одая и др.). На юге этой территории, на границе Степи и Лесостепи, их насчитывается только 12—15% (Ханска I и II, Костешты, Кайнары, Суручени и др.)²¹. Здесь в большем количестве, чем на севере Молдавии, присутствует пражско-корчакская керамика и посуда типа Ипотешт-Кындешт-Чурелу²². По-видимому, в южных районах Днестро-Прутского междуречья славянская культура была более смешанной: наряду с пеньковскими элементами в значительном количестве прослеживается пражско-корчакский элемент и элемент культуры Ипотешт-Кындешт-Чурелу.

¹⁷ Приходнюк О. М., Беляева С. А., Блажевич Н. В. Отчет о работе Среднеднепровской славяно-русской экспедиции в 1979 г.—НА ИА АН УССР, ф. 8041; Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга.—В кн.: РВД., 1974, с. 181; Приходнюк О. М. Археологічні розвідки в Поросці.—Археологія, 1979, с. 84—86; Горюнов Е. А. К истории Днепровского Левобережья в середине и третьей четверти I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.—М., 1977, с. 14, 19; Березовець Д. Т. Могильники уличів у долині р. Тясмину.—СРС. К., 1969, с. 67—68.

¹⁸ Хавлюк П. И. Указ. соч., с. 183, рис. 2, 2.

¹⁹ Березовець Д. Т. Указ. соч., с. 66, рис. 2, 2.

²⁰ Рафалович И. А. Отчет о полевых работах Реутской археологической экспедиции в 1969 г.—Кишинев, 1970, ф. 712; Рафалович И. А. Отчет о полевых работах Данченской археологической экспедиции в 1974 г.—Архив сект. археол. отд. этн. и искусствоведения АН МССР, ф. 758.

²¹ Рафалович И. А. Славяне VI—IX веков в Молдавии, с. 141.

²² Там же, с. 146.

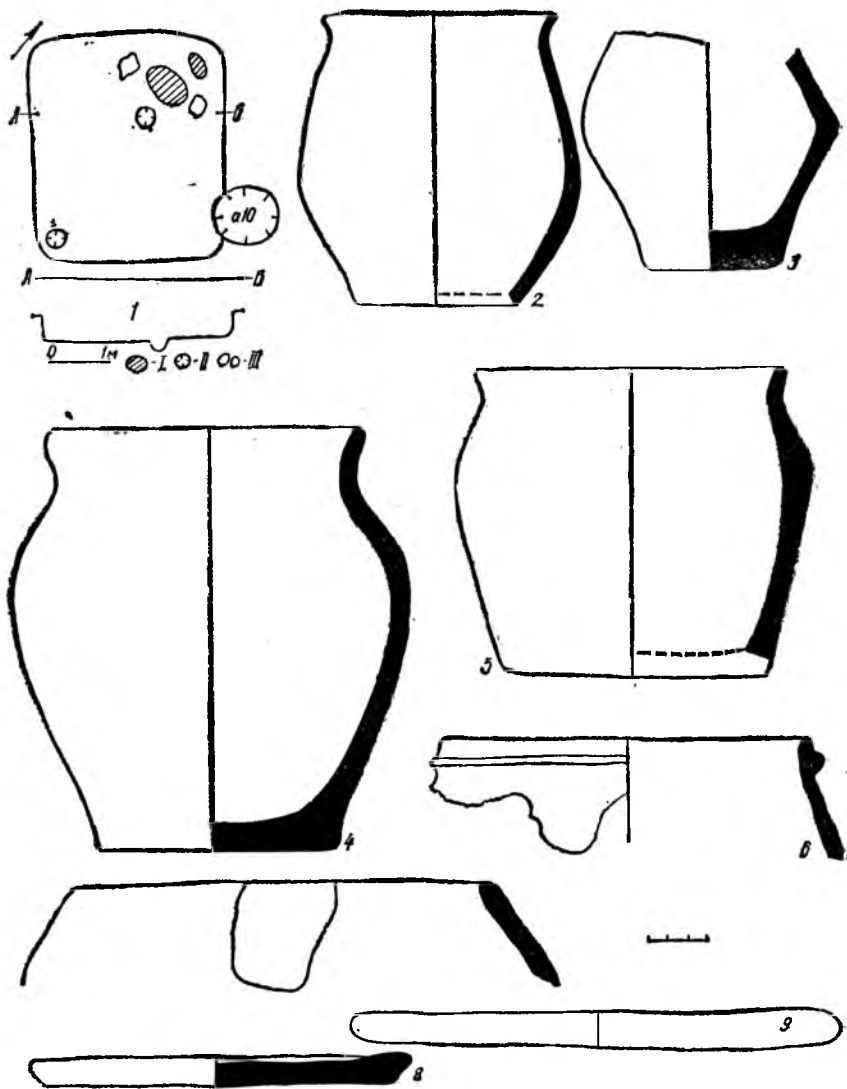

Рис. 2. Раннепеньковские археологические комплексы из с. Селиште:

I — план и разрез полуземлянки № 7; II — 2, 6, 9 — лепная керамика из жилища № 7;
 III — 3 — лепная керамика из жилища № 6.

На востоке Румынии, в Молдове, северо-восточной Мунтении и Добрудже в рассматриваемое время проживали племена, оставившие группу памятников, которые по элементам материальной культуры очень близки славянским древностям Восточной Европы, хотя и характеризуются чертами, присущими местным гето-дакийским племенам и провинциально-византийской культуре. Наиболее

исследованными из них являются поселения Сучава-Шипот, Удешти, Ботошана, Бакеу-Кутря Домняскэ, Кукорени-Ботошани, могильник Сарата-Монтеору и др.

Поселения размещались на склонах рек или в пойме, лишь отдельные из них — на высоких плато. Жилищами служили землянки и полуземлянки прямоугольной формы с округленными углами, в одном из которых находились очаги или печи-каменки. Очень редко встречаются нишевидные печи. В большинстве случаев по углам и центру стен прослежены ямки от вертикальных опор каркасных стен.

В заполнении жилищ преобладает лепная посуда с примесью шамота, а иногда дресвы в глиняном тесте. Среди лепной керамики встречаются формы славянского облика и сковороды. Попадают также сосуды, близкие по форме к гето-дакийским изделиям предшествующего времени. Довольно распространена кружалная керамика провинциально-византийских образцов. На поселении Костише-Мэноая открыт гончарный горн, в котором обжигалась такая посуда. Встречаются также византийские амфоры желтого или красного цвета с рифлениями по корпусу. Помимо керамики о тесных контактах местного населения с Византией свидетельствуют многочисленные находки монет. Клады византийских монет обнаружены в Кудалби, Мовилени, Хорешти.

Из погребальных памятников третьей четверти I тыс. н. э. наиболее значительным является могильник Сарата-Монтеору возле г. Бузеу на северо-восточной Мунтении, где раскопано более 1500 трупосожжений. Исследованы ямные и урновые захоронения и могилы, в которых кальцинированные кости помещались частично в яме, а частично в урне. Встречались и горшки-приставки, но чаще всего керамика в погребениях отсутствовала. Урны лепные или сформированные на круге, провинциально-византийских образцов. Среди лепной посуды значительный процент составляют горшки славянского облика.

До последнего времени ни у кого из специалистов, как румынских, так и советских, не вызывало сомнений преобладание славянских элементов среди археологических материалов описанных памятников. В 1978 г. вышла книга Д. Теодора, где он пытался обосновать местный характер данного круга памятников, оставленных якобы местным дако-романским населением, подвергшимся влиянию со стороны римско-византийской цивилизации²³. Исходя из этого, исследователь расчленил группу древностей третьей четверти I тыс. н. э. на два хронологических этапа — середины V—VI в. и середины VI—VII в. Согласно Д. Теодору, первый из них представлен поселениями Костиша-Маноая (III—IV слои), Ботошани-Сучава (I—IV слои), Додешти — Васлуй и др. Второй — поселениями Сучава — Шипот, Ботошаны II, Кукорени-Ботошаны, Удешти-Сучава, Яссы-Кручялуй Ференц и др.

²³ *Teodor Dan Gh. Teritoriul est-carpatic în veacurile V—XI e. n. (Contribuții arheologice și istorice la problema formării poporului român).*— Jasi, 1978, p. 29—33.

Местные корни памятников типа Костиша-Ботошаны (первый этап), по мнению исследователя, прослеживаются по измененным дакийским формам лепной керамики и некоторым измененным формам провинциально-римской кружальной посуды, на типах орудий труда и украшений, по типу жилищ и печей²⁴.

Что касается видоизмененных дакийских форм сосудов, то Д. Теодор прав, усматривая в них проявление местных корней данного круга памятников. Другие же элементы материальной культуры памятников типа Костиша-Ботошаны не имеют ярко выраженных местных традиций. Так, провинциально-римская керамика широко известна не только на памятниках Румынии, но и на восточнославянских поселениях Среднего Поднестровья²⁵, Южного Побужья²⁶, Среднего Поднепровья²⁷, на левобережье Днепра²⁸. Более того, на территории Украинского Прикарпатья, на ранне-средневековом славянском поселении у с. Глубокого исследована гончарная мастерская, где обжигалась кружальная посуда провинциально-римского типа²⁹.

Типы орудий труда и украшения также являются общеевропейскими и особо не выделяются среди синхронных земледельческих культур, в том числе и славянских.

Более обстоятельно остановимся на типе жилищ этапа Костиша-Ботошаны, которые, по утверждению Д. Теодора, имеют местные традиции. Автор, классифицируя их, выделяет землянки, полужемлянки и наземные постройки³⁰. Последние встречаются исключительно редко. В качестве примера приводятся два жилища из Ботошаны и Додешти, сохранившиеся в виде развала обмазки и очагов. Первое из них прямоугольное, второе — овальное³¹. Подчеркивается сезонный (летний) характер этих построек. Автор считает, что основным типом жилищ выделяемого этапа Костиша — Ботошаны были прямоугольные углубленные постройки с печью-каменкой или очагом, реже с глинобитной печью. По углам и центру стен нередко прослеживались ямки от вертикальных опор стен. Такой тип жилищ никак нельзя назвать местным, традиционным для территории Румынии.

Впервые полужемлянки славянского облика в Карпато-Дунайских землях в незначительном количестве появляются в III—IV вв. н. э. одновременно с продвинувшейся сюда черняховской культурой, носителями которой был и славянский этнический эле-

²⁴ Там же, с. 30.

²⁵ Приходнюк О. М. Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.).— К., 1975, с. 35, рис. 16, 1—12.

²⁶ Приходнюк О. М., Беляева С. А., Блажевич Н. В. Указ. соч., с. 11.

²⁷ Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е.— К., 1980, с. 62—70.

²⁸ Горюнов Е. А. Некоторые вопросы истории Днепровского Лесостепного Левобережья в V—начале VIII в.— СА, 1973, № 4, с. 107, рис. 3, 21.

²⁹ Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н. е.— К., 1977, с. 86—88.

³⁰ Teodor Dan Gh. Op. cit., p. 15—16.

³¹ Там же, с. 16.

мент³². Массовое распространение углубленных жилищ в Карпато-Дунайских землях наблюдается со второй половины I тыс. н. э. Их распространение необходимо связывать с продвижением на эти земли славянского населения. То есть о типе Костиша-Ботошаны как о проявлении культуры исключительно местного гето-дакийского населения говорить не приходится. В общей системе археологических признаков этого круга памятников доминирует славянский элемент.

Судя по имеющимся на сегодня данным, можно прийти к выводу, что в Молдове славянская культура третьей четверти I тыс. н. э. не представляла собой единое целое. При этом славяне, заселившие Карпато-Дунайские земли, вместе с романизированным гето-дакийским населением сыграли ведущую роль в ее формировании. Славяне с северо-востока непрерывно переселялись в Карпато-Дунайские земли, усиливая роль славянства в данном регионе. Впоследствии культура VI—VII вв. в Румынии переросла в более позднюю славянскую культуру типа Хлинча I, близко стоящую к восточнославянским древностям типа Луки-Райковецкой³³.

В Придунайской низменности, по левым притокам Дуная, в Мунтении, Олтении и Южной Молдове в третьей четверти I тыс. н. э. сложилась культура типа Ипотешти-Кондешти-Чурелу³⁴. В это же время в Трансильвании и на западе страны утвердилась гепидская и аварская культуры. Наиболее важными признаками культуры Ипотешти-Кондешти-Чурелу, судя по материалам поселений Чурелу, Кэцелу Ноу, Кымпул Божа-Милитарь, Букурештий Ной и другие, являются прямоугольные полуземлянки с каменными и глинобитными печами. Иногда нишевидные печи вырыты в стенках котлованов углублений.

Среди керамического набора преобладают лепные сосуды с примесью шамота, дресвы и песка в глиняном тесте. Характеризуют культуру лепные горшки, близкие к гето-дакийским. Нередко встречаются славянские лепные горшки и глиняные сковороды. На этих памятниках довольно много кружальной керамики провинциально-византийских форм. На поселении Дэмэроэя обнаружен гончарный горн, где обжигалась такая керамика.

По мнению румынских археологов, культура Ипотешти-Киндешти-Чурелу была оставлена этнически неоднородным населением, основу которого составляли романизированные потомки гето-даков. По их мнению, это население какое-то время сосущество-

---

³² *Constantiniu M.* Săpăturile la Străulești.— Cerc. arheol., București, 1965, N 2, p. 140—189; *Ioniță I.* Contribuții cu privire la cultura Sintana de Mureș. Cerneahoy pe teritoriul PSR.— MA, 1966, N 5, p. 193—198.

³³ *Кишвасу-Колмиа М.* Новые сведения о расселении славян на территории РНР.— *Romanoslavica*, 1963, N 9, p. 518; *Chisvasi-Comsa M.* Slavii de răsărit pe teritoriul RPR și pătrunderea clementului romanie în Moldova pe baza datebor arheologice.— SCIV, 1958, t. 4, p. 78.

³⁴ *Teodorescu V.* Despre cultura Ipoteshi-Cindesti în lumina cercetărilor arheologice din nord-estul Munteniei.— SCIV, 1964, t. 15; tabl. 4, p. 485—504.

вало со славянами, которые постепенно перенимали местные элементы культуры³⁵.

Мы считаем, что, несмотря на неоднородный состав носителей культуры Ипотешти-Кындешти-Чурелу, основным этническим компонентом носителей этой культуры были славяне. Об этом свидетельствует весь облик поселений, их топография, полуземлянки с каменными или глинобитными печами в одном из углов, славянская лепная посуда, сковороды и диски, пальчатые фибулы. Основным населением левобережья Нижнего Дуная, согласно письменным источникам, в третьей четверти I тыс. н. э. были славяне. Это та территория, где размещены памятники типа Ипотешти-Кындешти-Чурелу.

Культура Ипотешти-Кындешти-Чурелу, вследствие проходивших здесь аваро-славянских войн с Византией, не получила дальнейшего развития. Позже здесь появилось новое население.

В Карпато-Дунайских землях к древностям с чертами антской культуры можно зачислить памятники, на которых археологически прослежены пеньковские элементы. К таким элементам в первую очередь мы относим неорнаментированную биконическую лепную посуду³⁶, обнаруженную на поселениях Пятра-Фрэкецей, Сучава-Шипот, Кукорень-Ботошань, Долхаска-Сучава, Яссы-Кручялуй Ференц, Зорлени-Васлуй, Милитар, Страулешт, Чурелу, Диногоеци и в других местах³⁷. На могильнике Сарата — Монтеору среди захоронений с местной гето-дакийской керамикой встречаются погребения с лепной биконической посудой³⁸. На поселении Сучава-Шипот найдены фрагменты лепных сосудов с треугольным в сечении налепным валиком под венчиком³⁹, что яв-

³⁵ *Teodorescu V.* Op. cit., p. 485; *Kuivacu-Komua M.* Указ. соч., с. 516; *Constantintu M.* Elemente romano-bizantine în cultura materială, a populației autohtone din partea centrală a Munteniei în secolele VI—VII e. n.—SCIV, 1966, t. 4, p. 665—677.

³⁶ Выделить округлобокие пеньковские горшки по иллюстративному материалу среди сходных инокультурных форм очень трудно, поэтому мы их исключаем при поисках археологических следов антов в Карпато-Дунайском регионе.

³⁷ *Vilceanu D., Barnea Al.* Ceramica lu cratu cu mine din așearea romano-bizantină de la Piatra — Frecăței (secolul de VI-lea).—SCIV, 1975, t. 26, p. 214, fig. 4, 1; *Matei M. D.* Contribuții la cunoașterea ceramicii slave de la Suceava.—SCIV, 1959, t. 10, p. 409—429; *Teodor S.* Săpăturile de la Cucorâni-Botoșani.—AM, 1975, vol. 111, N 8, p. 151—155; *Teodor Dan Gh.* Op. cit., p. 43; *Nestor I.* La nekropole slave d'époque ancienne de Sărata-Monteoru.—Dacia, 1957, 1, 5, p. 289—291; *Nestor I. și Zaharia Eug.* Zăpăturile de la Sărata — Monteoru.—MCA, 1959, N 6, p. 509—513; fig. 1, 1, 10; *Consgantiniu M.* Săpăturile de la București Noi-Sektorul Străulești — Lunca; —CAB, 1963, N 1, p. 90; fig. 10, 2—4; *Zirra VI. și Casimir Gh.* Săpăturile de la Militari.—CAB, 1963, N 1, p. 59—60; fig. 15, 2; *Morintz S.* Săpăturile de pe dealul Cturel.—MCA, 1961, N 7, p. 662, fig. 4, 6; *Barnea I.* L'incendie de la cité de Denogetia na VI-e siecle.—Dacia, 1966, t. 10, p. 251—259, fig. 12, 13.

³⁸ *Nestor I. și Zaharia Eug.* Săpăturile de la Sărata — Monteoru.—MCA, 1961, N 7, p. 509—513, fig. 1, 1, 10; p. 513—517; *Nestor I.* La nekropole slave d'époque ancienne de Sărata — Monteoru.—Dacia, 1957, N 1, p. 289—201.

³⁹ *Teodor Dan Gh.* Op. cit., p. 181, fig. 22, 1—3.

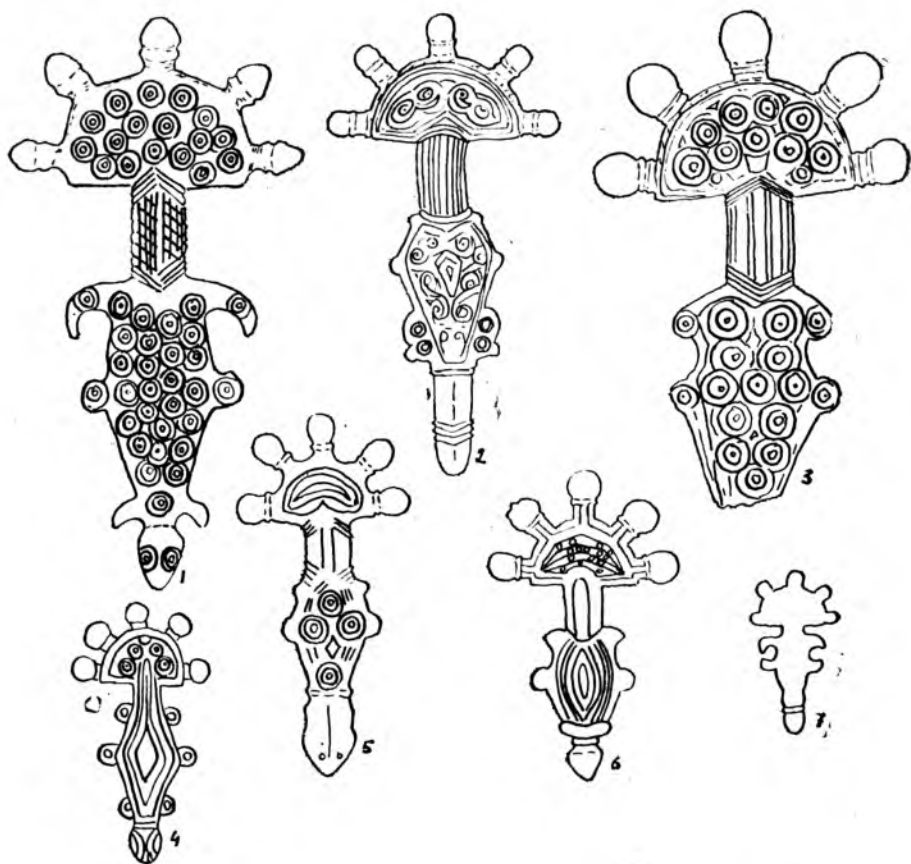

Рис. 3. Пальчатые фибулы с Карпато-Дунайских земель:

1 — Драчени-Ботошане; 2, 6 — Ясси-Кручя луй Ференц; 3 — Вуткани-Васлуй; 4 — Сарата-Монтеору; 5 — Виндерени-Васлуй; 7 — Сучаве-Шинот.

ляется типичным орнаментальным мотивом пеньковского керамического комплекса.

В Карпато-Дунайских землях нередко встречаются пальчатые фибулы с зоо- и антропоморфными элементами, характерными, по мнению специалистов, для антской женской одежды⁴⁰. Они найдены в Сучаве-Шинот, Яси-Кручя луй Ференц, Ботошане, Драчени, Будешты, Вуткани, Сулетя, Васлуй, Виндерен си Федешти, Дэ-

⁴⁰ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси.— М., 1948, с. 57—71; Рыбаков Б. А. Древние руссы.— СА, 1953, № 17, с. 23—104; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян.— М., 1979, с. 128; Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts.— In: Reinecke Festschrift. Mainz, 1950, S. 150—172; Werner J. Neues zur Frage der slawischen Bügelfibeln aus südosten ropäischen Bügelfibeln aus Ländern.— Germania, 1960, Bd 38, H. 1/2, S. 114—120.

мэрозья, Бутиману, на могильнике Сарата-Монтеору, на территории дунайских крепостей и в других местах⁴¹ (рис. 3, 1—7).

Подводя итоги сказанному выше, можно прийти к таким выводам.

1. Согласно письменным и археологическим источникам, с антами следует связывать южную группу славян Восточной Европы, носителей пеньковской культуры.

2. По имеющимся археологическим данным, можно говорить о постепенном заселении славянами Карпато-Дунайских земель, процесс которого приобрел наиболее интенсивный характер начиная с VI в н. э.

3. Несмотря на то что славяне подверглись влиянию со стороны местного гето-дакийского этнического элемента и провинциально-византийской культуры, они, сохранив свое этническое лицо, оставались доминирующим компонентом в Карпато-Дунайских землях в рассматриваемое время.

4. В последующее время славянская культура Румынии VI—VII вв. переросла в археологическую культуру VIII—IX вв. типа Хлынча I, родственную восточнославянским древностям типа Луки-Райковецкой.

Е. А. Горюнов, М. М. Казанский

К ИЗУЧЕНИЮ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЕЙ НИЖНЕГО ПОДУНАВЬЯ (VI—VII вв.)

В конце VI — начале VII в. Восточно-Римская империя терпит неудачи в борьбе с аварами и славянами и фактически лишается своих владений на Балканах. Натиску северных «варваров» не смогли противостоять ни дунайский лимес, восстановленный и усиленный Юстинианом I после готских и гуннских нашествий, ни отдельные успехи византийской армии во главе со стратигами Приском и Петром¹.

Дунай как граница империи последний раз упоминается в договоре 601 г. императора Маврикия с аварами². Примерно тогда же исчезают со страниц византийских хроник названия городов

---

⁴¹ *Matei M. D.* Славянские поселения в Сучаве.— *Dacia*, 1960, N 4, с. 383, p. 7; *Rata S.* Fibula digitală de bronz de la Dracseni.— *SCIV*, 1965, vol. 16, N 2, p. 378—381, fig. 1; *Cihodaru C., Vulpe R.* Cercetările arheologice de la Șuletea și Birlălești (r. Murgeni).— *SCIV*, 1951, t. 2, N 1, p. 219, fig. 4, 3; *Teodor Dau Ch.* Op. cit., p. 172, fig. 13, 1—5; p. 173, fig. 14, 1—4; p. 174; fig. 15, 1—6; *Nestor I. și Zaharia Eug.* Op. cit., p. 511; fig. 1, 2, 3, 7, p. 517, fig. 3, 1; *Nestor I.* La necropole slave D'époque ancienne de Sărata—Monteoru.— *Dacia*, 1957, t. 1, p. 291; pl. 1, 7; *Barnea I.* L'incendie de la cite de Denogefia na VI-e seclie.— *Dacia*, 1966, t. 10, p. 251—259.

¹ *Феофилакт Симокатта.* История.— М., 1957, с. 143—158.

² Там же, с. 168.

и крепостей северного пограничья империи, погибших под ударами авар и славян³.

Уже с конца VI в. славяне, нападая на Византию, стремятся закрепиться на захваченных землях. После падения дунайского лимеса, в правление Ираклия, империя, по выражению Константина Багрянородного, «была сужена с востока и запада». На это время приходится массовое расселение сербов и хорватов в Иллирии и Далмации, разрушение здесь городских центров⁴. Тогда же «славяне отняли у римлян Грецию»⁵, проникли на Крит (623 г.) и острова Эгейского архипелага. Известное сообщение Константина Багрянородного о том, что «ославянилась вся страна (Пелопоннес.— *Е. Г., М. К.*) и сделалась варварской в то время, когда ... скипетр ромеев находился в руках Константина Капронима», несомненно отражает историческую ситуацию и более раннего времени⁶. Для понимания исторической ситуации, сложившейся после падения лимеса в собственно Нижнем Подунавье, важным является свидетельство Феофана о семи славянских племенах, населявших Мезию ко времени появления здесь тюрко-болгарской орды Аспаруха⁷.

Таким образом, имеются все основания считать, что на конец VI — начало VII в. приходится определенный исторический рубеж, связанный с этническими сдвигами и коренными социально-экономическими переменами на Балканском полуострове. Но означало ли это полную гибель позднеантичной культуры на Балканах, или только ее варваризацию, пока остается неясным.

Существуют различные взгляды на ход исторического процесса в VI—VII вв. Одни ученые считают, что славяне принесли гибель римско-византийским городам и в целом позднеантичным культурным традициям⁸. Другие признают так называемый античный континуитет. Сторонники этой точки зрения полагают, что произошло лишь преломление культурной традиции в новых исторических условиях и в несколько иной этнической среде⁹. Еще одна кон-

³ *Beševliev V.* Zur Kontinuität der antiken Städte in Bulgarien.— In: *Neue Beiträge zur Geschichte der alten Welten.* Berlin, 1965, Bd 2, S. 211—221.

⁴ *Константин Багрянородный.* О народах.— М., 1899, с. 105—107, 118, 119, 123—124, 126—128.

⁵ *Исидор Севильский.* Хроника. См.: *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.— ВДИ, 1941, № 1, с. 259.

⁶ *Константин Багрянородный.* О формах.— М., 1899, с. 53.

⁷ *Феофан.* Хронография. См.: *Мишулин А. В.* Древние славяне..., с. 278.

⁸ *Кулаковский Ю. А.* История Византии.— Киев, 1912, т. 2, с. 355—397; Киев, 1915, т. 3, с. 51—53; *Каждан А. П.* Византийские города в VII—XI вв.— СА, 1954, № 21, с. 164—188; *Выжарова Ж. Н.* Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры.— В кн.: *Славяните и средиземноморският свят VI—XI век.* София, 1973, с. 266; *Ваклинов С.* За контактите между старата и новата культура в Мизия и Тракия след VI в.— ИБИД, т. 29, с. 177—188.

⁹ *Димитров Д. П.* Археологически и епиграфски паметници от Стара Загора и нейната околност.— В кн.: *Годишник на Народния археологически музей Пловдив.* София, 1950, кн. 2, с. 201—204; *Липищ Е. Э.* К вопросу о городе в Византии в VIII—IX веках.— ВВ, 1953, вып. 7, с. 113—131; *Сюзюмов М. Я.* Роль

цепция заключается в том, что позднеантичные центры были разрушены преимущественно в Мезии и Малой Скифии, тогда как во Фракии, не говоря уже о Средней Греции и Пелопоннесе, позднеантичные традиции сохранились, хотя и в синтезе с новыми «варварскими» элементами¹⁰.

Проблема античного континуитета широко обсуждалась на международном симпозиуме «Славяне и средиземноморский мир в VI—XI вв.», состоявшемся в Софии в 1970 г.¹¹ В докладах симпозиума доминировала мысль об участии местного фракийского компонента в формировании болгарской народности. Однако применительно к Нижнему Подунавью эта точка зрения не соответствует фактическим материалам, приведенным в тех же докладах, или, как показала Ж. Выжарова, даже противоречит им¹².

Отсутствие континуитета в Нижнем Подунавье действительно нельзя не признать. Оно доказывается не только гибелью или сильным разрушением городов и крепостей римско-византийского пограничья, но и появлением здесь после рубежа VI—VII вв. новой культуры, не имеющей местных корней и, несомненно, связанной со славянами.

Правда, различные культурные горизонты в Нижнем Подунавье еще не получили в литературе четкого определения. Материалы о городских центрах и крепостях известны чаще всего по отрывочным публикациям. Лучше других в литературе представлены Истрия¹³, Диногетия¹⁴, Сучидава¹⁵, Нове¹⁶, Ятрус¹⁷, Садов-

---

городов-эмпориев в истории Византии.— ВВ, 1956, вып. 8, с. 26—41; *Angelou D.* Die Bildung des bulgarischen Volkes.— В кн.: Славяните и средиземноморският свят VI—XI век. София, 1973, с. 7—12; *Милчев А.* Формирование староболгарской культуры.— Там же, с. 105—133.

¹⁰ *Beselviev V.* Op. cit., S. 211—221; *Велков В.* Състояние на проучванията върху прехода от античността към средновековието в Балканския полуостров.— ИБИД, 1974, т. 29, с. 163—172.

¹¹ Славяните и средиземноморският свят VI—XI век.— В кн.: Междунар. симпоз. по слав. археология. София, 23—29 апр. 1970. София, 1973.

¹² *Выжарова Ж. Н.* Славяне и праболгары., с. 239—266.

¹³ *Histria.* București, 1954.—1973.—1954, vol. 1; 1966, vol. 2; 1973, vol. 3; *Condurachi Em.* Şantierul arheologic Histria.— MCA, 1957, vol. 4, p. 9—101; 1959, vol. 7, p. 227—271; 1962, vol. 8, p. 383—438, 1970, vol. 9, p. 177—223.

¹⁴ *Stefan Gh.* Dinogetia. 1. București, 1967; *Stefan Gh.* Dinogetia I.— Dacia, 1941, t. 7/8, p. 401—425; *Stefan Gh., Barnea J., Mitrea B.* Şantierul arheologic Garvăn (Dinogetia).— MCA, 1957, vol. 4, p. 195—209; *Stefan Gh.* Săpăturile arheologice de la Garvăn.— MCA, 1959, vol. 5, p. 545—585; *Stefan Gh.* Săpăturile de la Garvăn.— MCA, 1959, vol. 6, p. 629—651; *Stefan Gh.* Şantierul arheologic Garvăn (Dinogetia).— MCA, 1961, vol. 7, p. 583—589; *Barnea J.* L'incendie de la cité de Dinogetia au VIe siècle.— Dacia, 1966, t. 10, p. 237—259.

¹⁵ *Tudor D.* Sucidava. București, 1974; *Tudor D.* Sucidava I.— Dacia, 1938, t. 5/6, p. 387—422; *Tudor D.* Sucidava II.— Dacia, 1941, t. 7/8, p. 359—400; *Tudor D.* Sucidava III.— Dacia, 1948, t. 11/12, p. 145—208; *Tudor D.* Sucidava V.— MCA, 1961, vol. 7, p. 473—494.

¹⁶ *Novae-sector zachodni 1970.*— Poznań, 1973; *Novae-sector zachodni 1972.*— Poznań, 1975. См. также информации в ИНИ, 1963, т. 26; 1964, т. 27; 1965, т. 28; 1966, т. 29.

¹⁷ *Gomolka G.* Die Kleinfunde vom Limeskastell Jatrus in Moesia inferior.— Klio, 1968, Bd 50, S. 171—250.

ско-Кале¹⁸. В большинстве работ основное внимание уделяется культурным слоям римского времени (I—IV вв. н. э.) или вопросам градостроительства, монументальной архитектуры, фортификации и т. д. Имеющиеся факты позволяют все же прийти к некоторым определенным выводам.

Пожарища и разрушения, связанные с военным разгромом, прослежены в Ятрусе, Диногетии, Сучидаве, Истрии, Садовско-Кале, Големаново-Кале и менее четко в других городских центрах и крепостях. О гибели отдельных центров могут свидетельствовать монетные и вещевые клады (Истрия, Ратиария)¹⁹, а также находки трехлопастных «аварских» стрел.

Соответствуют письменным известиям о падении лимеса на рубеже VI—VII вв. и массовые находки монет. Устанавливаемое на их основании колебание в хронологии римско-византийских слоев в целом невелико, но все же свидетельствует о том, что разрушение крепостей не было единовременным. Нападению подверглись прежде всего некоторые города и крепости Мезии — Эскусы, Ратиария, Горго Градище, Ятрус, где наиболее поздние монеты принадлежат императору Юстину II (565—578)²⁰. В других центрах Мезии и Малой Скифии, в частности, в Нове, Садовско-Кале, Големаново-Кале, Ульметуме, Диногетии, Сучидаве, Пыржоая найдены монеты Маврикия (582—602 гг.)²¹, что позволяет относить их гибель к началу VII в. Прекращение жизни в Новиодунуме, судя по монетным находкам, приходится на время правления императора Фоки (602—610 гг.)²². Еще позднее погибла Истрия, расположенная на черноморском побережье близ устья Дуная, то есть занимавшая особое географическое положение. В цитадели этого города прослежен слой с монетами императора Фоки, перечеканенными в правление Ираклия (вскоре после 610 г.), но и здесь обнаружены следы разрушений, датируемых по кладу мо-

¹⁸ *Welkow J.* Eine Gotenfestung bei Sadowitz (Nordbulgarien).— *Germania*, 1935, Jg. 19, H. 2, S. 149.

¹⁹ *Ueuzе S.* Gegossene Fibeln mit Scheitnumwicklung des Bügels in den östlichen Balkanprovinzen.— In: *Studien zur vor- und frühgeschichtlichen Archäologie*. München, 1974, т. 2, S. 485, 486; *Histria*, vol. 1, p. 573; *Герасимов Т.* Находки в развалинах на ранновизантийско градище при с. Жеглица.— ИАИ, 1946, т. 15, с. 203—205; *Велков В.* Приноси към историята на римските градове в България. Ратиария.— *Трудове на Висшия пед. инст. «Братя Кирил и Методий»*, 1965, т. 2, с. 7.

²⁰ *Иванов Т.* Экусус в светлината на последните проучивания.— В кн.: *Археологически открития в България*. София, 1957, с. 119; *Велков В.* Приноси към историята., с. 14—16; *Георгиева С.* Раскопки на объект S в «Горно градище» при с. Кадъкьой.— ИАИ, 1952, т. 18, с. 281; *Kluwe E.* Münzfunde.— *Klio*, 1966, Bd. 47, S. 397—416.

²¹ *Novae-sector zachodni* 1970, S. 144; *Welkow J.* Eine Gotenfestung bei Sadowitz, S. 156, 157; *Uenze S.* Gegossene Fibeln., S. 486; *Părvan V.* Cetatea Ulmetum; II, 1. București, 1913, p. 56—61; *Barnea J.* L'incendie de la cite de Dinogetia., p. 257, 258; *Tudor D.* Sucidava.— *București*, 1974, p. 132; *Mitrea B.* Descoperiri recente și mai vechi de monede antice și bizantine în Republica Socialistă România.— *SCJV*, 1966, t. 17, N 2, p. 426.

²² *Barnea J., Mitrea B.* Săpăturile de salvare de la Noviiodunum (Isaccea).— *MCA*, 1959, vol. 5, p. 472.

нет императора Маврикия рубежом VI—VII вв. Однако в начале VII в. Истрия уже ничем не напоминает римско-византийский город²³.

Основной причиной разрушения городских центров Нижнего Подунавья являлись военные нападения авар и славян. Но необходимо учитывать, что их гибель во многом определялась социально-экономическими факторами и, в первую очередь, тем, что расселение славян на Балканах одновременно вело и к распространению здесь нового экономического уклада. Последнее было ограничено рамками натурального хозяйства и не нуждалось в торгово-ремесленных, то есть городских центрах. Отсюда и совершенно иной характер культуры VII в. в Нижнем Подунавье, в целом типичной для всего славянского мира.

Крушение нижнедунайского лимеса — исходный момент при абсолютном датировании римско-византийских и ранних славянских древностей, лимес выступает для первых в качестве *terminus ante quem*, для вторых — *terminus post quem*. Благодаря точной привязке к шкале абсолютной хронологии римско-византийские и славянские древности приобретают датирующее значение и для регионов, связанных в культурно-историческом отношении с Нижним Подунавьем.

Основные категории датирующих вещей в римско-византийских и славянских комплексах совпадают. К ним относятся прежде всего фибулы, пряжки, сережки и поясной набор. Однако они, в свою очередь, подразделяются на типы, четко связанные только с определенными комплексами, что подчеркивает их своеобразие²⁴.

Фибулы римско-византийского комплекса делятся на литые с имитацией подвязного приемника и пальчатые. Первые (рис. 1, 19—21, 23—27) обстоятельно изучены С. Уенце²⁵. Ею составлен практически полный каталог этих фибул, где не учтены лишь находки в Молдавии (Ханска II), на Украине (Рипнев II, Звонец-

²³ Histria, vol. 1, p. 573.

²⁴ Керамика, стекло и другой массовый материал византийских центров Нижнего Подунавья рассмотрены Г. Гомолкой в связи с проблемой античного континуитета в специальной работе. *Gomolka G. Bemerkungen zur Situation der spätantiken Städte und Siedlungen in Nordbulgarien und ihrem Weiterleben am Ende des 6. Jahrhunderts.*— In: *Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz.* Berlin, 1976, S. 34—42.

²⁵ *Uenze S. Gegossene Fibeln.*, S. 483—493.

²⁶ Древняя культура Молдавии.— Кишинев, 1974, с. 83—84, рис. 23, 6; Баран В. Д. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга.— МИА, 1969, № 116, с. 221, рис. 6, 19; Материал разведки А. В. Бодянского с поселения у с. Звонецкое (балка Тягинка) в Надпорожье.— Фонды ИА АН УССР, коллекция № 3. Еще одна фибула из Среднего Поднепровья известна по собранию А. Н. Поля. См.: *Мельник К.* Каталог коллекции древностей А. Н. Поля в Екатеринославе.— Киев, 1893, вып. 1, табл. X, 287; *Teodor Dan G.* La pénétration des Slaves dans les régions du S—E de l'Europe d'après les données archéologiques des régions orientales de la Roumanie.— BS, 1972, t. 1, fig. 6, 1; *Horedt K.* Der östliche Reihengräberkreis in Siebenbürgen.— *Dacia*, 1977, 21, S. 262, Abb. 5, 4.

²⁷ *Uenze S. Gegossene Fibeln.*, S. 485, 487.

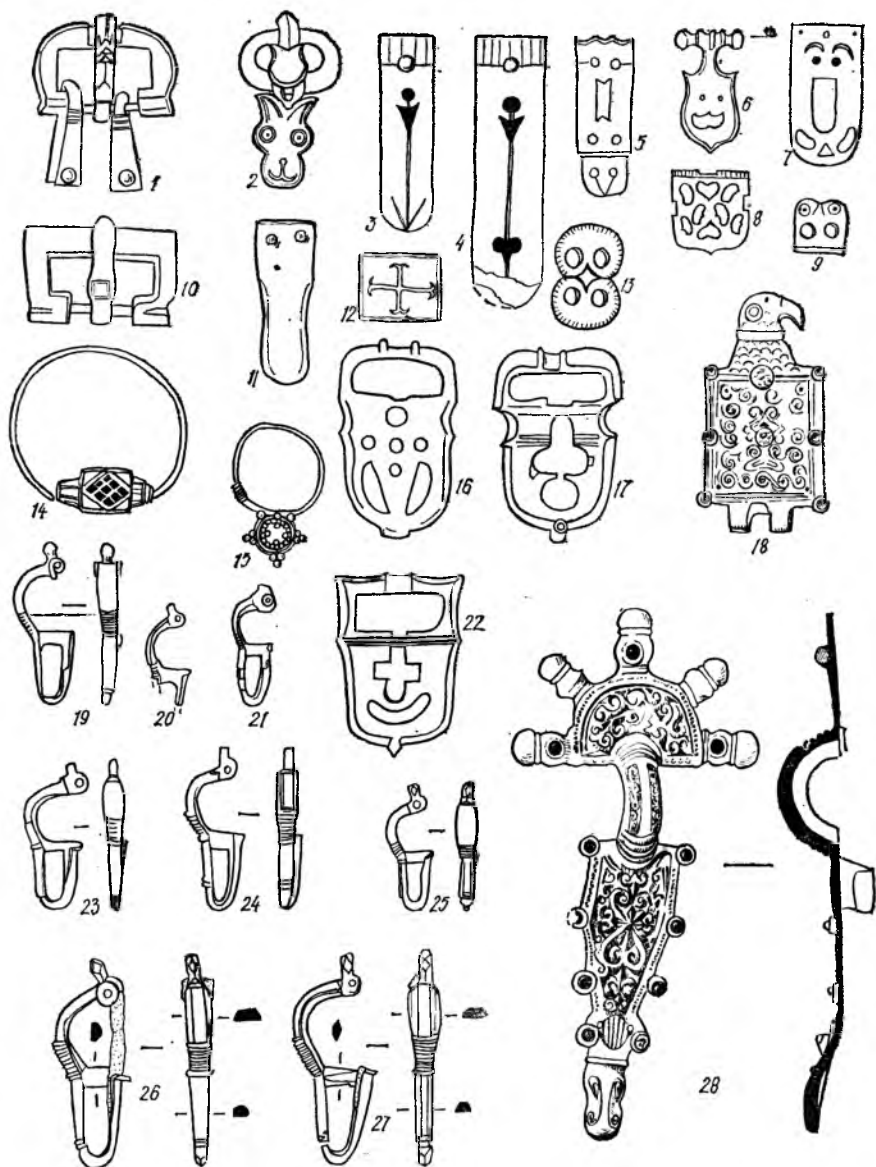

Рис. 1. Предметы римско-византийского времени из Нижнего Подунавья:

1, 3-6, 13-15, 21, 26 - Садовско-Кале; 2, 10-12, 24, 28 - Истрия; 7-9 - Пятра-Фрекэей; 16, 22 - Сучидава; 17, 20, 23, 25, 27 - Големаново-Кале; 18 - Ягрус; 19 - Новиодунум.

кое) и две фибулы из Румынии (Бакэу, Морешти)²⁸. Картографирование литых фибул свидетельствует о том, что они концентрируются на правом берегу Нижнего Дуная — в Мезии и Малой Скифии. Из 39 местонахождений фибул только единичные расположены за пределами балканских провинций Византии (10, а не 4, как отмечено С. Уенце).

Если верхняя дата рассматриваемых фибул ясна, поскольку она определяется временем падения крепостей (рубеж VI—VII вв.), то нижняя может быть установлена пока предположительно. В Садовско-Кале эти фибулы, судя по наиболее ранним монетам, сопровождающим находки, относятся ко времени после 527 г. В Големаново-Кале одна из фибул найдена в жилище позднего горизонта вместе с монетой Юстина II (565—578 гг.)²⁷. Таким образом, появление этих фибул с наибольшей вероятностью относится ко времени не ранее первых десятилетий VI в., а их исчезновение — к рубежу VI—VII вв.

С. Уенце предложила более узкое датирование литых фибул, подтверждаемое, по ее мнению, находкой подвязной фибулы близкой схеме в гепидском погребении аварского времени в Кишзомборе (погребение № 146)²⁸. Считая подобные подвязные фибулы исходными для литых, С. Уенце устанавливает хронологию последних в пределах 568—600 гг.

Такая датировка не лишена вероятности, однако, мнение С. Уенце мало согласуется с тем, что погребение в Кишзомборе относится к аварскому времени, для которого хорошо известны различные варианты узкопластинчатых подвязных фибул. Одна из таких фибул найдена вместе с малой пальчатой фибулой времени не ранее VII в. в жилище № 20 поселения Поян в Трансильвании²⁹. Вероятнее всего, фибулы этого типа не предшествуют литым, а сменяют их.

К числу пальчатых относятся бронзовые с позолотой фибулы из Истрии (рис. 1, 28) и Арчара, к сожалению, не имеющие стратиграфической привязки³⁰. Они аналогичны фибулам из Ровины (Югославия), Керчи и Софийского музея, объединяемым А. Петре в группу Арчар-Истрия. По А. Петре, который основывается главным образом на данных картографирования, такие фибулы изготовлялись в мастерских византийской периферии³¹. Соглашаясь в этом с А. Петре, трудно признать правильной датировку фибул VII в., предложенную им умозрительно, исходя из теории континуитета. Более вероятно, что исчезновение фибул типа Арчар-Истрия на Нижнем Дунае связано с падением римско-византийских центров.

²⁸ Csallány D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubekken.— Budapest, 1961, Taf. CXXXV, 1—6.

²⁹ Székely Z. Die frühesten slavische Siedlungen in Siebenbürgen.— Slavia Antiqua, 1970, t. 17, S. 130, Abb. 7, 1, 2.

³⁰ Petre A. Fibulete «digitate» de la Histria (Partea I).— SCIV, 1965, t. 16, N 1, p. 68, fig. 1, 2; Михайлов С. Раннесредневековые фибулы в България.— ИАИ, 1961, т. 24, с. 41, обр. 3, 3, 4, 6.

³¹ Petre A. Fibulete «digitate» de la Histria (Partea I), p. 92, 93.

Другие типы фибул, известные в Нижнем Подунавье для времени, предшествующего разрушению лимеса, представлены только отдельными находками. Сюда относятся две серебряные фибулы из Садовско-Кале³², бронзовая фибула из Новграда³³, круглая инкрустированная фибула-брошь с обрамлением из птичьих головок (Эскус)³⁴ и, наконец, пальчатые фибулы из Троян³⁵. Они принадлежат кругу германских древностей эпохи переселения народов, хотя бесспорные аналоги им назвать трудно.

Подобно фибулам пряжки из крепостей нижнедунайского лимеса также неоднородны. Они подразделяются на византийские и так называемые готские. Византийскими являются пряжки типа Сучидава — бронзовые цельнолитые с прямоугольной рамкой и геральдическим щитком (рис. 1, 16, 17, 22). Византийское их происхождение и датировка серединой и второй половиной VI в., по мнению И. Вернера, доказывается находками в ранневизантийских слоях Садовско-Кале, Сучидавы, Царичен-Града. К числу комплексов, датирующих пряжки типа Сучидава, он отнес погребения Сэрег близ Сегеда, Сентеш-Надъхедь, Яношхида (Венгрия), Чивидале (Италия)³⁶. Д. Чаллань рассматривает пряжки этого типа из гепидских погребений как византийский импорт, характерный для раннеаварского времени (568—600 гг.)³⁷. Датировка пряжек типа Сучидава временем до рубежа VI—VII вв. и их византийское происхождение подтверждается находками последних лет в Истрии, Пыржоая, Нове.

Литые византийские пряжки других типов в Нижнем Подунавье пока единичны. Это прямоугольная пряжка из Истрии, близкая ранним В-образным пряжкам из Садовско-Кале³⁸ (рис. 1, 1, 10), и некоторые другие.

Как говорилось, в Нижнем Подунавье наряду с пряжками собственно византийских типов известны и большие пряжки так называемого готского стиля. Одна из них — серебряная, с ромбическим щитком, украшенным по краю птичьими головками и головой зверя на конце, найдена в Садовско-Кале³⁹. Типологически она близка группе германских пряжек второй половины V в., известных на Среднем Дунае и в Италии⁴⁰. Пряжка из Садовско-

³² *Welkov J.* Eine Gotenfestung bei Sadowitz, Taf. 18, 1.

³³ *Михайлов С.* Раннесредневековни фибули..., с. 44, 46, абр. 3, 2.

³⁴ ИАИ, 1934, т. 8, с. 452, обр. 269.

³⁵ *Велков И.* Могилна гробна находка от Троянъ.— ИАИ, 1938, т. 12, св. 2, с. 419—420, обр. 203.

³⁶ *Werner J.* Byzantinische Gürtelschnallen des 6 und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergardt.— In: *Kölnener Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*. Berlin, 1955, Bd 1, S. 39—43, 45, 46, Karte 1.

³⁷ *Csallány D.* Archäologische Denkmäler..., S. 357—359.

³⁸ *Histria*, vol. 2, p. 534, Pl. 102, —XVI, 1; *Condurachi Em. și colaboratorul. Șantierul Histria*.— MCA, 1962, vol. 8, p. 402, fig. 5, 1; *Welkov J.* Eine Gotenfestung bei Sadowitz, Taf. 19, Abb. 2, 4.

³⁹ *Welkov J.* Eine Gotenfestung bei Sadowitz, Taf., 18, Abb. 2.

⁴⁰ *Annibaldi G., Verner J.* Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta.— *Germania*, 1963, Jg. 41, H. 2, S. 353—373, Taf. 37—40, 42, 47.

Кале обнаружена в кладе, зарытом в момент гибели крепости. Поэтому можно предположить, что развитие пряжек данного типа продолжалось и в более позднее время.

К ранневизантийскому слою Ятруса относится, видимо, орлиноголовая пряжка, происхождение которой, по Г. Гомолке, связано с Боспором ⁴¹ (рис. 1, 18). Г. Гомолка рассматривает эту находку как свидетельство присутствия готов в Ятруссе. По ее мнению, данная пряжка соответствует варианту I-в схемы М. Русу ⁴², то есть составляет одно целое с понтийскими пряжками из Керчи, Гурзуфа, Верхнеднепровска и т. д. Согласно М. Русу, пряжки всех трех выделенных им вариантов изготовлялись в боспорских мастерских ⁴³. А. К. Амброз, однако, оспаривает это мнение. Он полагает, что дунайский вариант пряжек (III-а, по М. Русу) являлся исходным для боспорских и был связан с гепидской культурной традицией ⁴⁴. По мнению А. К. Амброза, различные варианты пряжек с головками орлов имеют обособленные ареалы, что свидетельствует о нескольких центрах их изготовления (Паннония, Боспор, Юго-Западная Таврика).

Четкое деление пряжек на локальные варианты с присущими только им признаками делает более вероятной точку зрения А. К. Амброза. Пряжка из Ятруса типологически связывается не только с понтийскими пряжками варианта I-в, как считает Г. Гомолка, но и с гепидским вариантом III. Так, если боспорские пряжки имеют на длинных сторонах щитка только четыре вставки-инкрустации (или литых выступа), то у найденной в Ятруссе таких вставок шесть, подобно ранним гепидским пряжкам из Сирмии и Фундатуры ⁴⁵. Пряжка из Ятруса, скорее всего, относится ко времени не позднее конца VI в.

В том же Ятруссе найден щиток еще от одной пряжки, по Г. Гомолке, возможно, местной работы, но близкой типам, известным по германским древностям VI в., в частности гепидским и готским ⁴⁶.

Серьги известны лишь по отдельным находкам (Садовско-Кале, Ятрус). Типично византийскими являются серьги со звездчатой подвеской из Садовско-Кале (рис. 1, 15), получившие дальнейшее развитие в аварской культуре Среднего Подунавья и в «антском» комплексе Среднего Поднепровья ⁴⁷. Наряду с ними встречаются и большие полиэдрические серьги с инкрустациями

⁴¹ *Gomolka G. Die Kleinfunde...*, S. 183.

⁴² *Rusu M. Pontische Gürtelschnallen mit Adlerkopf (VI—VII Jh. u. Z.)*.— *Dacia*, 1959, t. 3, S. 509, 510.

⁴³ *Rusu M. Pontische Gürtelschnallen...*, S. 513—515.

⁴⁴ *Амброз А. К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI—VII вв.)*.— *КСИА. АН СССР*, 1968, № 113, с. 13—17.

⁴⁵ *Rusu M. Pontische Gürtelschnallen...*, S. 491, Abb. 5, 3; S. 495, Abb. 7, 1.

⁴⁶ *Gomolka G. Katalog der Kleinfunde*.— *Klio*, 1966, Bd 47, Taf. XXII, Nr. 364; *Gomolka G. Die Kleinfunde...*, S. 320.

⁴⁷ *Айбабин А. И. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа*.— *СА*, 1973, № 3, с. 62—72.

(рис. 1, 14), обычные для германского женского убора V—VII вв. (Садовско-Кале, Ятрус).

Своеобразие культуры римско-византийского пограничья подчеркивает и поясные наборы, встреченные в Садовско-Кале, Пятра-Фрекэцей и Истрии⁴⁸. В двух последних памятниках они найдены в погребениях. Поясной набор Истрии изготовлен из золота и состоит из поясных пряжек с овальной рамкой и коротким щитком в виде головы зверя, простых наконечников от ремня, стилистически близких германским⁴⁹, и прямоугольных аппликаций с изображением креста (рис. 1, 2, 11, 12). Пояс из Истрии заметно отличается от наборов Садовско-Кале и Пятра-Фрекэцей — геральдических с прорезным орнаментом (рис. 1, 3—9, 13).

Наборы из Садовско-Кале и Пятра-Фрекэцей введены А. К. Амбромом в хронологическую схему древностей Восточной и Центральной Европы, где они соответствуют различным этапам: пояс из Садовско-Кале — начальному (до рубежа VI—VII вв.), пояс из Пятра-Фрекэцей — третьему этапу, определяемому в рамках второй половины VII в.⁵⁰ Датировка А. К. Амбромом набора из Пятра-Фрекэцей небесспорна, поскольку к VII в. в Нижнем Подунавье относится появление тисненого поясного набора. К тому же по технике изготовления, типам бляшек («костыльковых», двучастных с двурогим верхним щитком и др.), мотивам прорезного орнамента он близок поясам Садовско-Кале и ранних погребений Суук-Су. Это делает маловероятным временной разрыв между поясами Пятра-Фрекэцей и Садовско-Кале.

Итак, рассмотренные хронологически важные категории предметов из городов и крепостей свидетельствуют о том, что частично они принадлежат византийским, частично германским типам. Сказанное согласуется с сообщениями письменных источников о пребывании готов в Мезии⁵¹.

Славянская культура VII в. в пределах бывшего византийского пограничья известна по отдельным поселениям, располагавшимся в ряде случаев на месте разрушенных крепостей (Ятрус, Диногация, Капидава и др.). Имеющаяся литература не дает цельного представления о характере жилищ, но, по всей видимости, она ничем не отличается от обычных для славян второй половины

⁴⁸ *Welkov J.* Eine Gotenfestung bei Sadowetz., Taf. 19, 2; *Петре А.* Предварительные сведения в связи с хронологией могильника в Пятра-Фрекэцей.— *Dacia*, 1962, t. 6, с. 227, рис. 17; *Nubar H.* Ein gotisch-alamisches Grab in Hustria.— *Dacia*, 1971, t. 15, S. 339, Abb. 8.

⁴⁹ *Schmidt B.* Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Halle, 1961, Taf. 79, 81 r; *Werner J.* Münzdatierte Austrasische Grabfunde.— Berlin: Leipzig, 1935, Taf. 21, 18, 19.

⁵⁰ *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой Восточной Европы.— *СА*, 1971, № 2, с. 118, 120; *Амброз А. К.* Рец. на кн.: *Erdélyi J., Ejtózi E., Gening W.* Das Gräberfeld von Newolino.— Budapest, 1969.— *СА*, 1973, N 2, с. 288—298.

⁵¹ О пребывании готов в Мезии в VI в. см.: *Иордан.* О происхождении и деяниях готов.— М., 1960, с. 120; *Прокопий.* О постройках.— *ВДИ*, 1939, № 4, с. 50.

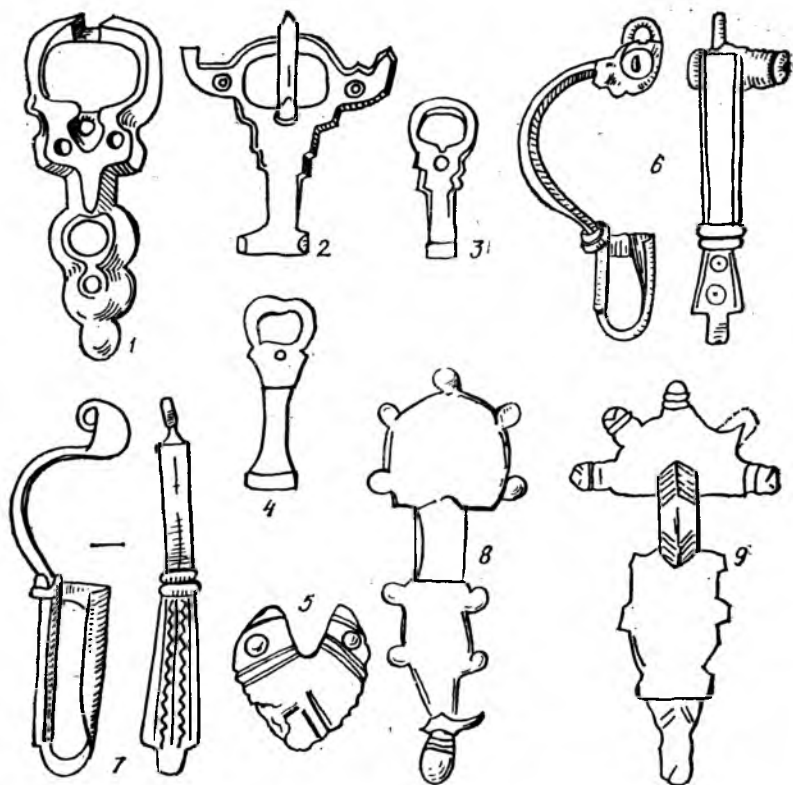

Рис. 2. Изделия раннеславянского времени из Нижнего Подунавья:
1—3, 7, 9 — Истрия; 4 — Оршова; 5, 8 — Кривина; 6 — Сучидава.

I тыс. н. э.⁵² Керамика, представленная в публикациях, — грубая лепная, близкая к так называемой пражской или к пеньковской лесостепной зоны Украины⁵³.

Рассмотренный вещевой комплекс VII в. в целом специфичен не только для культуры Нижнего Подунавья. Связанные с последней типы изделий характерны и для других регионов с различными этническими массивами — Среднего Подунавья, где в это вре-

⁵² *Въжарова Ж. Н.* Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI—XI век.— София, 1965; *Histria*, vol. 1, p. 573.

⁵³ *Herrmann J.* Die archäologischen Forschungen des Zentralinstituts für Alte Geschichte und Archäologie 1973 und ersten Halbjahr 1974.— Auf, 1974, Bd 19, H. 6, S. 303; *Matei Mircea D.* Contribuții la cunoașterea ceramicii slave de la Suceava.— SCIV, 1959, t. 10, N 2, p. 428, fig. 8; *Comșa M.* Contributions à la question de la pénétration des Slaves au sud du Danube durant les VI—VII siècles d'après quelques données archéologiques de Dobroudja.— In: *Międzynar. kongr. archeol. słowians.* Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970, t. 3, j. 322—328, fig. 1, 1—7; *Stefan Gh.* Sápăturile arheologice de la Garván.— MCA, 1959, vol. 5, p. 572, fig. 7.

мя господствовали авары; левобережья Нижнего Дуная, на котором рядом со славянами проживали авары, гепиды и группы романцев; лесостепных и лесных районов Украины, заселенных славянами; Крыма, занятого готами, аланами и начавшими оседать гунно-болгарами.

К основному типу фибул этого времени в Нижнем Подунавье относятся подвязные узкопластинчатые, представленные находками в Сучидаве, Истрии (рис. 2, 6, 7), Нове, Мишевско⁵⁴ и т. д. Ареал узкопластинчатых фибул — Среднее и Нижнее Подунавье, Балканы, Крым, Среднее Поднепровье⁵⁵.

Фибулы этого типа в свое время были проанализированы Х. Пешekom и отнесены им к V в. Однако автор подчеркнул отсутствие надежных оснований для такой датировки⁵⁶. По находкам узкопластинчатых фибул в слоях Истрии, Сучидавы, из поселений Давидени и Бухарест-Милитари в Румынии, а также на могильнике Суук-Су (погребения № 153, 155)⁵⁷ их скорее всего можно отнести к концу VI — первой половине VII в., то есть, в основном, ко времени после разрушения аварами и славянами византийских крепостей на Дунае, как это отмечено Д. Янковичем. Их исходной формой явились литые фибулы с ложноподвязным приемником, типичные для предшествующего времени в Нижнем Подунавье, Д. Янкович связывал их с византийской традицией, полагая, однако, что узкопластинчатые фибулы получили распространение в иной этнической среде, где славянский компонент был основным⁵⁸.

Помимо узкопластинчатых в пределах бывшего дунайского лимеса известны отдельные находки пальчатых фибул VII в., в том числе так называемых малых или мазуро-германских. Последние были обнаружены в одном из погребений могильника Пьятра-Фрекэцей⁵⁹. Пальчатые фибулы из числа редких форм найдены в Кривине (на месте Ятруса), Истрии, а также в Диогееции⁶⁰. Последняя аналогична известным по собранию Диергардта. И. Вернер называет их «украинско-славянскими» и датирует рубежом

---

⁵⁴ Tudor D. Sucidava, p. 475, fig. 2, 5; *Condurachi Em. și colaboratori. Sanțierul arheologic Histria.*— MCA, 1957, vol. 4, p. 20, fig. 7; *Novae-sector zachodni* 1972, S. 77, гус. 67; *Выжарова Ж.* Славяне и праболгары..., с. 263, рис. 27.

⁵⁵ Горюнов Е. А., Казанский М. М. О происхождении широкопластинчатых фибул.— КСИА АН СССР, 1978, № 155, с. 28, 29.

⁵⁶ Pescheck Ch. Zur Südausbreitung der Fibel mit umgeschlagenem Fuss.— PZ, 1953, Bd 34/5, H. 2, S. 265, 266.

⁵⁷ Горюнов Е. А., Казанский М. М. О происхождении широкопластинчатых фибул, с. 28, 29.

⁵⁸ Янкович Д. Позднеантичные фибулы VI и VII вв. и славяне.— В кн.: Тез. докл. на III Междунар. конгр. слав. археологии в Братиславе. 7—14 сент. 1975 г.

⁵⁹ Petre A. Предварительные сведения..., с. 226, рис. 12, 1.

⁶⁰ Herrmann J. Die archaologischen Forschungen..., S. 303, Taf. 44b; *Pet-re A. Fibulele «digitate» de la Histria (Partea a II-a).*— SCIV, 1965, t. 16, N 2, p. 286, 287; *Stefan Gh. ș. a. Săpăturile de la Garvăn.*— MCA, 1959, vol. 6, p. 633, fig. 7.

VI—VII вв.⁶¹ К этому же времени в Диногетии относится слой с лепной керамикой, формы которых свойственны пеньковской культуре⁶². Литая пальчатая фибула из Ятруса близка так называемым малым фибулам (рис. 2, 8), вошедшим в первую группу по И. Вернеру⁶³, хотя и не имеет там точных аналогий. Фибула из Истрии (рис. 2, 9), по мнению А. Петре, является дериватом фибул типа Арчар-Истрия⁶⁴.

К VII в. на Балканах относятся и некоторые пальчатые фибулы, близкие днепровским (Ново-Черна, Царичан — Град, Орля)⁶⁵. В Ново-Черна такая фибула найдена на поселении вместе со славянской керамикой.

Как и фибулы, пряжки принадлежат типам, ранее известным в Нижнем Подунавье. Они делятся на поясные и сумочные. Поясные цельнолитые пряжки, типа сиракузских с характерным растительным орнаментом на геральдическом щитке, найдены в одном из могильников Истрии⁶⁶. Византийское происхождение этих пряжек и их дата в пределах первой половины VII в. определены И. Вернером. К датирующим комплексам И. Вернер относит погребения Суук-Су, Сегед-Фехерто, Селевени, Ноцера Умбра. Время появления пряжек типа Сиракузы определяется И. Вернером по находкам в Салоне, разрушенной славянами в 613 в.⁶⁷ Ко второй половине VII в. относятся пряжки этого типа в хронологической системе, разработанной А. К. Амброзом⁷⁸. Не отрицая возможности их бытования во временных границах, определенных А. К. Амброзом, отметим, что пряжки из Истрии могут быть отнесены к первой трети VII в., поскольку могильник, где они найдены, связан с поселением в цитадели, датируемом по монетам этим же временем.

Из этого же могильника происходят еще три пряжки — поясная с вытянутым фигурным щитком (рис. 2, 1) и две сумочные с петлей (обоймой) на конце.

---

⁶¹ *Werner J.* Katalog der Sammlung Diergardt.— Berlin, 1961, Bd 1, S. 33, Taf. 34, 135. Подобная фибула найдена в с. Новоселье бывш. Остерского уезда.— Арх. ЛОИА АН СССР, ф. № 5 (А. А. Спнцын), д. 334, л. 115.

⁶² *Barnea J.* L'incendie de la cité de Denogetia., p. 251—259. И. Барня считает эту керамику кочевнической, хотя по формам она типична для комплексов оседло-земледельческого населения лесостепной зоны Украины (пеньковская культура).

⁶³ *Werner J.* Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts.— In: Reinecke Fest-schrift. Mainz, 1950, S. 150—172.

⁶⁴ *Petre A.* Fibule «digitate» de la Histria (Partea a II-a), p. 286, 287.

⁶⁵ *Милчев А.* Формирование староболгарской культуры, с. 118, 119, рис. 7, 9; *Мио-Зиси Б.* Ископаванья на Царичинно — Граду 1955 и 1956 године.— Старинар, 1958, т. 7/8, с. 327, сл. 39; *Tudor D.* Oltenia Romana.— București, 1968, p. 455, fig. 140, 6.

⁶⁶ *Petre A.* Fibulele «digitate» de la Histria (Partea I), p. 75, fig. 5, 2.

⁶⁷ *Werner J.* Byzantinische Gürtelschnallen., S. 37—39, 45—47, Karte 1. Отметим, что дата разрушения Салоны славянами нуждается в уточнении. См.: *Нидерле Л.* Славянские древности.— М., 1856, с. 60.

⁶⁸ *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии., рис. 7, 2.

Д. Чалланем аналогичные сумочные и поясные пряжки датированы VII в.⁶⁹ Одна из сумочных пряжек относится к выделенному С. Уенце типу Салона-Истрия — последняя треть VI и первая половина VII в. (рис. 2, 3, 4), другая — к типу Папа (рис. 2, 2) — первая половина — середина VII в., также по определению С. Уенце⁷⁰.

Датировка сумочных пряжек типа Салона-Истрия, видимо, несколько занижена С. Уенце, поскольку комплексы с этими пряжками, бесспорно датирующиеся концом VI в., отсутствуют. К числу таковых не может быть безоговорочно отнесено погребение № 118 в Суук-Су. Оно сопоставлено С. Уенце с датированным монетами погребением № 56 того же могильника только по наличию в том и другом поясного набора с прорезным орнаментом, известным и для более позднего времени. К тому же те немногие погребения с пряжками типа Салона-Истрия, имеющие твердые даты (погребение № 29 Суук-Су совместно с пряжкой типа Сиракузы и серьгой с пирамидальной подвеской) и аварские (Арадац, Секич-Ловенац — с монетой императора Ираклия и его сына Константина) относятся к VII в.⁷¹

Пряжки с птичьими головками по обеим сторонам рамки, относимые С. Уенце к типу Папа, также датируются аварскими погребениями. В Папа они найдены вместе с псевдопряжками (вторая половина VII в.)⁷², что подтверждает верхнюю границу этого типа сумочных пряжек. Их появление, судя по материалам могильника в Истрии, относится ко времени не ранее первой трети VII в.

Поясной набор VII в. в Нижнем Подунавье представлен только тисненными бляшками из Кривина (рис. 2, 5) и Ульметума⁷³. Поэтому о его особенностях судить трудно.

Общий характер древностей VII в. в Нижнем Подунавье остается во многом неясным. В настоящее время довольно точно определяются лишь их отдельные черты, присущие славянской культуре. Их этническая принадлежность может быть определена прежде всего характером поселений, жилищ, особенностями керамического комплекса, тогда как рассмотренные категории вещей (фибулы, пряжки, поясной набор) не несут четко выраженной этнической окраски. Изменение художественного стиля на рубеже VI—VII вв. тем не менее несомненно отражает происшедшие здесь этнокультурные изменения.

Подведем итоги сказанному. Археологические материалы Нижнего Подунавья подтверждаются сообщениями письменных источ-

⁶⁹ Чаллань Д. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства.— *Acta antiqua*, 1956, N 6, с. 285—287.

⁷⁰ Uenze S. Die Schnallen mit Riemenschlaufe aus dem 6. und 7. Jahrh.— *Bayerische Vorgeschichtsblätter*, 1966, Jg. 31, S. 142—146, 149—152, 165—166.

⁷¹ Uenze S. Die Schnallen mit Riemenschlaufe., S. 142—146.

⁷² Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии., с. 120.

⁷³ Párvan V. Cetatea Ulmetum. 2. 1.— *București*, 1913, pl. 25, fig. 1, N 11, 23; Párvan V. Cetatea ulmetum, 3. *București*, 1915, pl. 6, fig. 3, N 1; Herrmann J. Die archäologischen Forschungen., Taf. 44.

ников о разрушении на Нижнем Дунае византийской линии укреплений и городских центров в конце VI — начале VII в. и продвижении сюда славян. Падение византийского лимеса на Нижнем Дунае, сопровождавшееся уничтожением или вытеснением местного населения, одновременно означало и гибель позднеантичной культурной традиции. При коренных социальных и этнических изменениях, связанных с расселением славян на Балканах, не могло быть преемственности не только в области социальных институтов, религии и городской жизни, но и в области материальной культуры⁷⁴.

Гибель византийских центров происходила в течение сравнительно короткого времени — на протяжении 30—50 лет. При этом расселение славян в Мезии, несомненно, относится к несколько более раннему времени, чем в Малой Скифии, где, видимо, еще в начале VII в. сохраняется старая линия укреплений, хотя и перестроенная в соответствии с последними требованиями обороны⁷⁵. Хронологически четко устанавливаемое крушение нижнедунайского лимеса позволяет не только определить временные границы двух генетически не связанных между собой культур Нижнего Подунавья — римско-византийской и славянской, но и уточнить время бытования отдельных типов изделий, нередко датирующих, и в комплексах других регионов Восточной и Центральной Европы.

Л. П. Михайлина, Б. А. Тимощук

СЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАСЕЙНА ВЕРХНЕГО ПРУТА VIII—X вв.

В настоящее время в бассейне Верхнего Прута (Ивано-Франковская и Черновицкая области) известно более сотни славянских памятников второй половины I тыс. н. э. Они делятся на два хронологических периода: древности второй половины V—VII в. (культура пражского типа) и VIII—IX вв. (культура типа Луки-Райковецкой)¹. Между этими периодами нет резкого различия, наблюдается постепенный переход, и граница между ними несколько условна. В пределах этих двух хронологических периодов выделяются более узкие отрезки времени, позволяющие наметить их датировку по крайней мере в пределах одного столетия.

Здесь мы подведем некоторые итоги исследования славянских древностей Верхнего Прута, принадлежащих к культуре типа Луки-Райковецкой, которые обычно датируются VIII—IX вв. Но,

⁷⁴ *Королюк В. Д.* О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 35—37.

⁷⁵ *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии.— М., 1973, с. 217, 218.

¹ *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст.— К., 1976, с. 8—30.

как показали раскопки, многие черты этой культуры сохраняются и в X в. Поэтому назрела необходимость рассмотреть славянские древности этого типа в рамках VIII—X вв., что позволит получить более полную и ясную картину развития материальной культуры очерченного времени.

Славянские археологические памятники VIII—X вв. в бассейне Верхнего Прута исследуются в основном экспедицией Черновицкого госуниверситета под руководством авторов. В результате обнаружено большинство известных в настоящее время славянских памятников VIII—X вв. в бассейне Верхнего Прута, проведены раскопки на городищах в Ревно, Горишних Шеровцах, Красной Дубраве, на селищах в Широкой Поляне, Черновцах (Клокучка II и др.), Белой и других местах². Из них наиболее полно изучено Ревнянское поселение, состоящее из двух городищ и нескольких селищ, окружающих городища. Здесь раскопаны жилища (больше 30), длинные дома, ремесленные мастерские, ямы-хранилища, изучена оборонительная система городищ, начато исследование могильников.

Начиная с 1974 г. памятники типа Луки-Райковецкой на Пруте изучаются славянской экспедицией Института — археологин АН СССР (руководитель И. П. Русанова). Ею проведены раскопки известного славянского поселения Кодын, где исследовались также жилища VIII в.³ В 1979 г. начато исследование славянских поселений и курганного могильника у с. Черновка.

Обеими экспедициями получены значительные материалы, имеющие принципиальное значение для решения многих вопросов славянской археологии. Мы остановимся лишь на тех из них, которые подтверждают принадлежность памятников VIII—X вв. в бассейне Верхнего Прута к восточнославянской культуре типа Луки-Райковецкой.

Известно, что культурная принадлежность археологических памятников определяется изучением таких основных элементов материальной культуры, как керамика, жилища, обряд погребений, типы поселений и пр.⁴ Из них первостепенное значение имеет лепная керамика, изготовленная в домашних условиях.

Во время исследования славянских памятников VIII—X вв. в бассейне Верхнего Прута получено более сотни закрытых керамических комплексов, которые по стратиграфическим данным и датирующим находкам делятся на три хронологические фазы, каждая из которых датируется соответственно VIII, IX и X вв. На протяжении всего этого времени восточные славяне пользовались лепной керамикой. Но ее место на поселениях каждой отдельно взятой фазы не одинаково. Так, на поселениях VIII в. в бассейне Верхнего Прута встречена исключительно лепная посуда. Она

² Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст., с. 146—168.

³ Русанова И. П., Тимощук Б. А. Стратиграфия поселения Кодын II на Буковине.— АО 1977. М., 1978, с. 381.

⁴ Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре.— СА, 1964, № 1, с. 3.

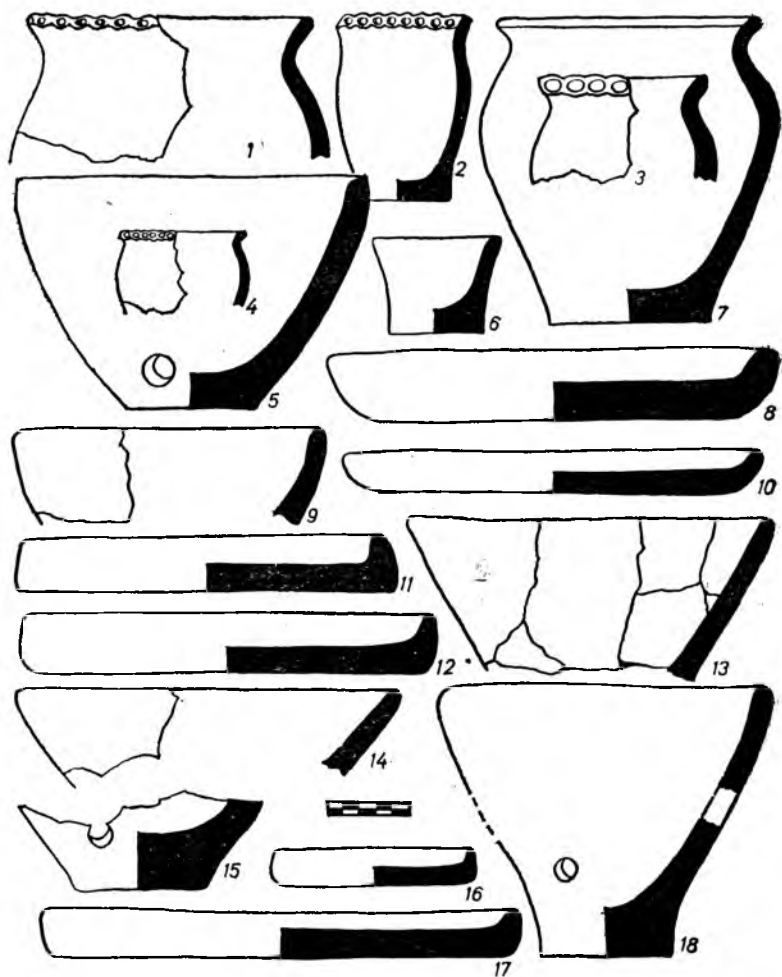

Рис. 1. Основные формы лепной керамики VIII—IX вв.:

1, 7 — Коростувата; 2, 4, 6, 8—10, 12—17 — Ревно; 3, 11 — Кодын; 5 — Горнище Шеровцы; 18 — Широкая Поляна.

представлена такими формами, как горшки, конические миски, сковородки, жаровни и миниатюрные сосуды (горшки, сковородки) (рис. 1, 1—18). Керамика этого времени изготовлена из глины с примесью шамота, зерна которого выступают на поверхность сосудов и делают ее шероховатой. Ведущей формой являются лепные горшки с отогнутым венчиком, верхний край которого нередко украшен ямками или косыми насечками (рис. 2, 2, 3, 6, 11, 14).

Керамика VIII в. наиболее полно изучена на поселении Кодын. На нем раскопано 27 жилищ, представленных лепной керамикой

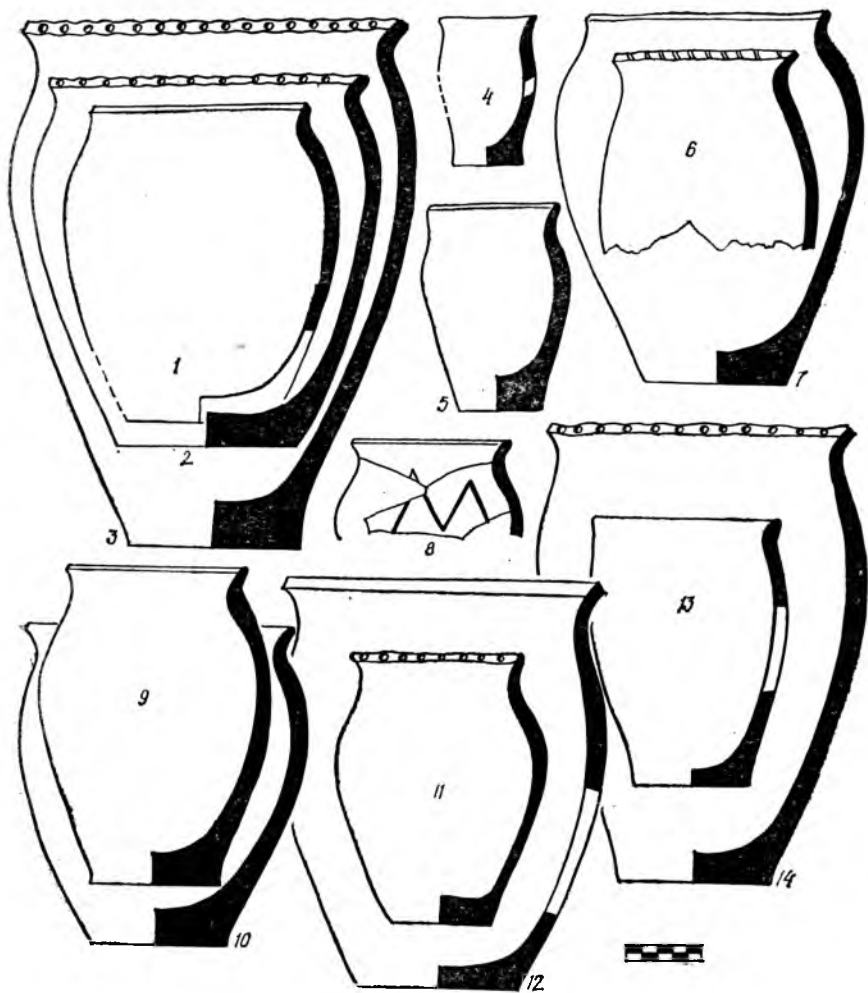

Рис. 2. Лепная керамика VIII—IX вв. Ревнянское поселение.

типа Луки-Райковецкой. Эти жилища во многих случаях врезаются в жилища VII в. и более раннего времени и по стратиграфическим данным относятся к финальной фазе существования этого поселения, хронологически следуют за жилищами поздней фазы культуры пражского типа. Их датировка VIII в. подтверждается находкой в жилище № 8 на поселении Кодын II вместе с керамикой этого времени монетовидной серебряной подвески. Последняя изготовлена из тонкого листа металла. Поверхность гладкая. Для подвешивания пробито небольшое отверстие. Такие подвески нередко встречаются в салтовских погребениях VIII—IX вв.⁵

⁵ Плетнева С. А. От кочевий к городам.— М., 1967, с. 167, рис. 46, 14.

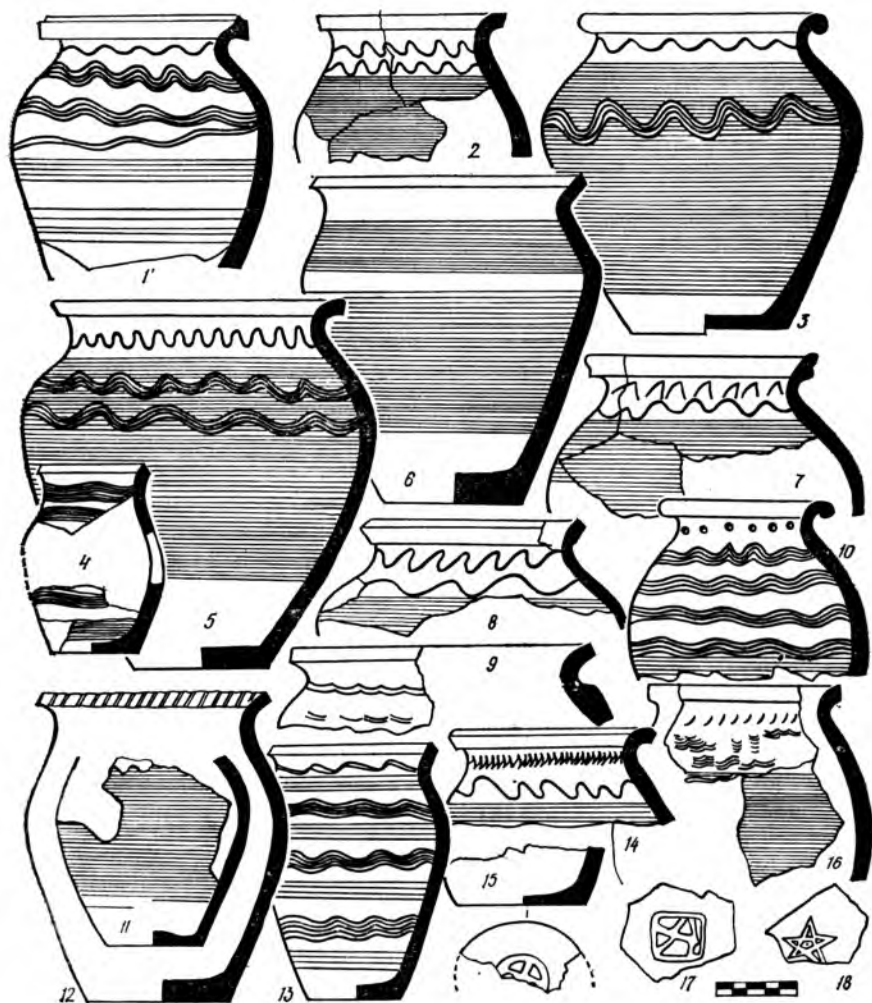

Рис. 3. Гончарная керамика IX—X вв. Ревнянское поселение.

Следующий этап развития керамики изучаемого нами времени наиболее полно и четко представлен материалами раскопок поселения, расположенного около городища Ревно IА. На нем раскопано 12 полуземлянок с печами-каменками, где найдено много керамики. Реставрировано 15 горшков, дающих более-менее полное представление о типе керамики этого времени.

Изучение полученных керамических комплексов показало, что в IX в. явно преобладала лепная керамика, составляющая 60—80% керамических комплексов. По формам и технике изготовления она почти не отличается от керамики VIII в.

Хронологически определяющим элементом керамических комплексов IX в. являются гончарные горшки. Они изготовлены на ручном круге, из глины с примесями мелкого шамота и песка. Их форма близка к лепным горшкам этого же времени (рис. 3, 1—18). Венчики гончарных горшков, как правило, отогнуты и кося срезаются. Горшки богато орнаментированы. Корпус почти всегда украшен волнисто-линейным орнаментом. Иногда этот орнамент выступает в комбинации с другими элементами (вертикальные линии, косые насечки или ямки на венчиках). Встречаются сосуды, где орнамент нанесен на внутренней поверхности венчиков (волнистые линии).

Датировка керамических комплексов IX в. подтверждается следующим. Поселение-спутник городища Ревно IA, где получены наиболее полные коллекции керамики этого времени, по стратиграфическим данным датируется временем не позже рубежа IX—X вв. Это подтверждается тем, что некоторые жилища поселения-спутника (№ 6, 10, 16) перекрываются валом городища IB, сооруженным не позже начала X в.⁶ Датировка керамики поселения-спутника IX в. подтверждается находкой железной шпору (рис. 4, 14)⁷, а также типологическим сходством с керамическими комплексами других славянских памятников, датированных этим же временем⁸.

Керамические комплексы следующего этапа их развития наиболее широко представлены в материалах раскопок городища Ревно IB и его поселения-спутника⁹. В оборонительных и жилищно-хозяйственных срубках (раскопано 11) этого городища и в полужемлянках (раскопано 12) поселения-спутника найдены однотипные керамические комплексы, в составе которых гончарная керамика преобладает, составляя от 50 до 90%. Основной формой являются гончарные горшки с манжетовидными или же сложнопрофилированными венчиками (рис. 3, 1, 5, 7). Они изготовлены из глины с примесями крупнозернистого или мелкозернистого песка. Поверхность корпуса и шейки украшена полосами волнистых и горизонтальных линий.

⁶ Городище Ревно IB представлено керамическими комплексами X в., датировка которых обосновывается ниже.

⁷ Железная шпора найдена в жилище № 13 поселения-спутника городища Ревно IA. У нее пластинчатая дужка, остроконечный шип и коленчатые петли. Принадлежит к типу шпор, бытовавших в основном в VIII и отчасти в IX вв. (Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси (X—XIII вв.). — САИ, 1973, вып. E1-36, с. 57).

⁸ Например, на поселении Монастырек Черкасской области раскопаны полужемлянки с печами-каменками, керамические комплексы которых состоят из лепной и небольшого количества гончарной посуды (культура типа Луки-Райковецкой). Вместе с керамикой здесь найдены серебряные арабские дирхемы, один из которых датируется 814 г. (АО 1974. М., 1975, с. 191, 192).

⁹ Поселение-спутник городища Ревно IB расположено на высоком мысу, на север от него. На территории поселения сохранилось около 150 прямоугольных западин, которые, как показали контрольные раскопки, являются следами полужемлянок. На территории селища также раскопан наземный дом длиной 85 м, шириной около 5 м, где обнаружено девять нишеобразных печей. В доме найдена керамика X в.

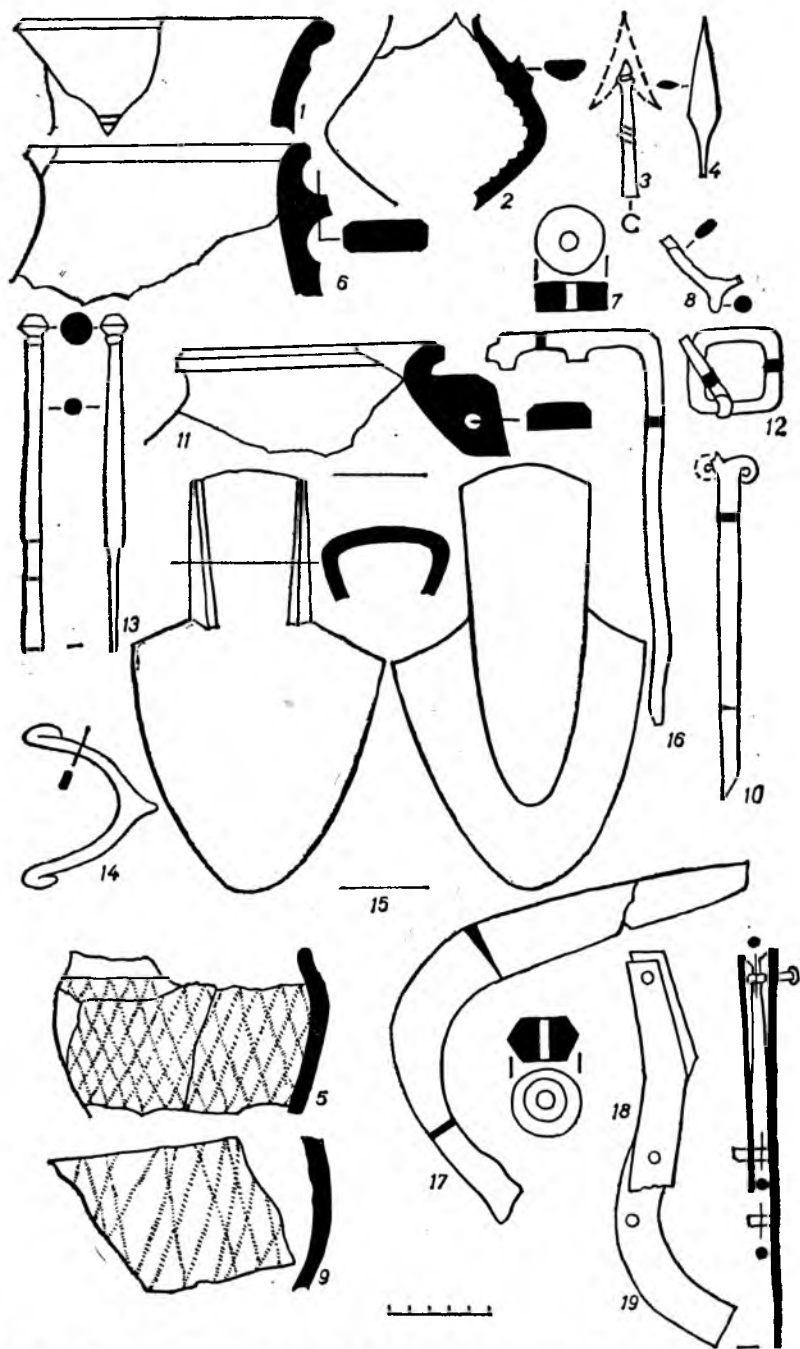

Рис. 4. Импортная керамика (1, 2, 5, 6, 9) и вещевые находки VIII—X вв. (3, 4, 7, 8, 10—19). Ревнянское поселение.

Датировка керамических комплексов X в. на городище Ревно IB подтверждается данными стратиграфии. Здесь раскопаны жилища, построенные на месте городища Ревно IA, погибшего в конце IX — начале X в. Городище Ревно IB прекратило свое существование в конце X в. Таким образом, керамические комплексы этого типа не выходят из хронологических рамок X в. Дата подтверждается и находками импортных амфоровидных сосудов с красным ангобом и без него. Часть сосудов украшена лощеным орнаментом (рис. 4, 1, 6, 5, 9). Сосуды такого типа в памятниках балкано-дунайской культуры датируются в основном X в.¹⁰

Итак, сравнительное изучение керамических комплексов VIII—X вв. из поселений бассейна Верхнего Прута свидетельствует о том, что их развитие проходило в следующем порядке. В VIII в. на поселениях полностью господствует лепная, изготовленная в домашних условиях керамика. Ближе к рубежу VIII—IX вв. появляется гончарная керамика, изготовленная на примитивном гончарном круге. Но внедрение гончарной посуды было медленным. На протяжении IX в. лепная посуда явно преобладает в керамических комплексах. Лишь с начала X в. начинает преобладать гончарная керамика, которая приблизительно к концу этого столетия полностью вытесняет лепную. Такая последовательность развития керамических комплексов VIII—X вв., как выяснено в последнее время, характерна и для других территорий распространения поселений с керамикой типа Луки-Райковецкой¹¹.

Обращает на себя внимание и то, что ассортимент лепной посуды VIII—X вв. был одинаковым на протяжении всего периода и на всей территории распространения культуры типа Луки-Райковецкой¹². Формы лепных сосудов (горшков, сковородок, жаровень, мисок), изготовленных в домашних условиях, почти не менялись. Изменялись только формы и орнаментация гончарных горшков в связи с развитием гончарного дела.

Лепные горшки VIII—X вв. по форме и пропорциям корпуса делятся на два основных типа. К первому из них относятся горшки, расширяющиеся в верхней части корпуса и сужающиеся у дна и горла. Они имеют выраженные округлые плечики, хорошо профилированную верхнюю часть (рис. 1, 2, 7; 2, 1, 5, 7—14). Горшки этого типа занимают, судя по целым формам и их крупным обломкам, ведущее место в комплексах лепной керамики

¹⁰ Дончева-Петкова Л. Българска битова керамика през ранното средновековие (втората половина на VI края на X в.).— София, 1977, с. 77, рис. 21; с. 78, рис. 28; *Comşa M.* La civilisation Balkano-Danubienne sur le territoire de la R. P. Roumaine.— *Dacia*, N. S., 1963, N 7, t. 2.

¹¹ Например, при типологическом изучении славянских керамических комплексов Подолья (Бакота) и Среднего Поднепровья (Сахновка и др.) выделены памятники переходного типа, соответствующие выделенным нами памятникам VIII в. (*Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.).— К., 1975, с. 44, 45).

¹² Славяне накануне образования Киевской Руси.— МИА, 1963, № 108, с. 142, рис. 3; с. 237, рис. 4; с. 307, рис. 15; *Рафалович И. А.* Славяне VI—IX вв. в Молдавии.— Кишинев, 1972, с. 157—164.

VIII—X вв. Такое же место сосуда этого типа занимают в керамических комплексах других поселений ареала культуры типа Луки-Райковецкой¹³, что свидетельствует о принадлежности славянских памятников Верхнего Прута к культуре типа Луки-Райковецкой.

Второй тип лепной посуды VIII—X вв. на памятниках Верхнего Прута составляют горшки с овальным корпусом, расширяющимся в средней части и сужающимся ко дну и горлу. Шейка у них прямая или слегка отогнута, венчик отогнут (рис. 2, 6). Этот тип керамики имеет глубокие местные корни. Близкие по форме сосуды бытовали еще в первой половине I тыс. н. э. (в культурах карпатских курганов и черняховской) и сохраняются в культурах пражского типа и Луки-Райковецкой. Горшки второго типа найдены на поселениях Луки-Райковецкой¹⁴, Рипнев¹⁵ и многих других, то есть они характерны для всего ареала распространения культуры типа Луки-Райковецкой, хотя в керамических комплексах они занимают второстепенное место.

В культуре типа Луки-Райковецкой Верхнего Прута встречаются и другие формы горшков (например, ситуловидные). Но в комплексах они занимают довольно скромное место и не имеют значения при определении типа культуры¹⁶.

Итак, анализ лепных керамических комплексов дает все основания сделать вывод о том, что памятники VIII—X вв. бассейна Верхнего Прута принадлежат к восточнославянской культуре типа Луки-Райковецкой.

Вторым важным элементом материальной культуры для определения ее типа являются жилища. На поселениях VIII—X вв. Верхнего Попрутья раскопано около 70 жилищ. Многие из них сравнительно хорошей сохранности (сгоревшие), что позволяет получить более-менее полное представление о сооружениях этого типа.

Все исследованные стационарные жилища VIII—X вв. углублены в материк. Их котлованы квадратной или прямоугольной формы, стены вертикальные, дно горизонтальное. Длина материковых стен котлованов в среднем 3—4 м. Глубина котлованов около 1 м. Стены жилищ были деревянными, столбовой, реже срубной конструкции. Они почти всегда возвышались над уровнем земли, то есть были полужемлянками.

¹³ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— М., 1973, с. 13—15; с. 26, табл. III; На Каневском поселении, например, формы горшков первого типа (тип 6 по Г. Г. Мезенцевой и тип 8 по И. П. Русановой) составляют более 50% (Мезенцева Г. Г. Канівське поселення полян.— К., 1965, с. 88).

¹⁴ Гончаров В. К. Луки Райковецкая.— МИА, 1963, № 108, с. 294, рис. 7, 1.

¹⁵ Баран В. Д. Раннеславянское поселение у с. Рипнев (Рипнев II) на Западном Буге.— МИА, 1963, № 108, рис. 7, 2.

¹⁶ Другие типы горшков играют значительную роль при выделении локальных вариантов культуры типа Луки-Райковецкой. Но это уже отдельная тема исследования.

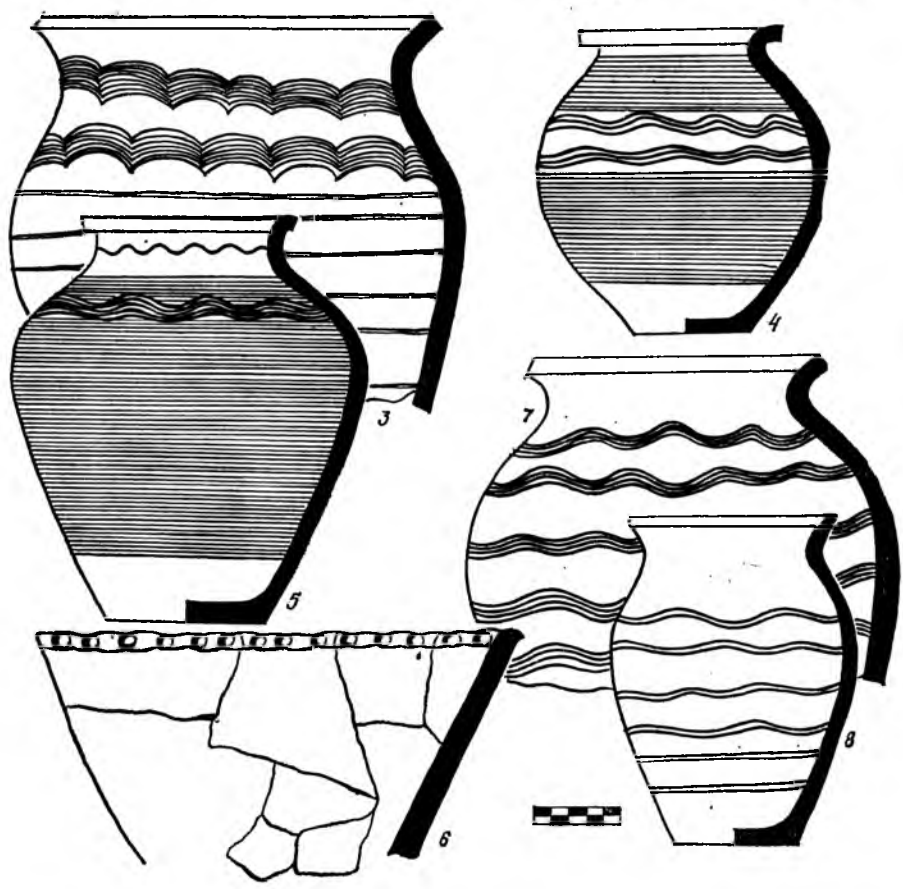
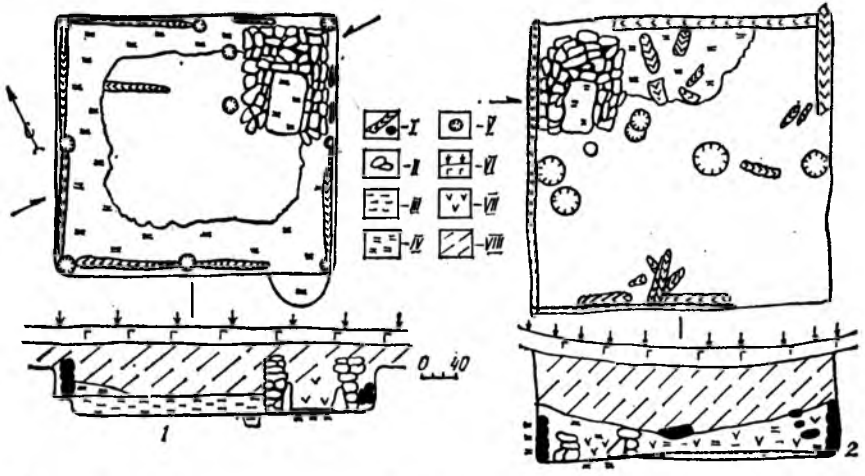

Рис. 5. Планы и разрезы жилищ IX—X вв. и керамические комплексы из них. Ревнянское поселение:

1 — жилище № 10 (Ревно II); 2 — жилище № 21 (Ревно I); 3—5, 7, 8 — керамика и жилища № 21; 6 — керамика из жилища № 10. I — обгоревшее дерево; II — камни; III — глина; IV — обожженная глина; V — столбовые ямы; VI — дерн; VII — уголь; VIII — сероватая глина.

Остатками стен столбовой конструкции являются прежде всего столбовые ямы (их глубина в среднем около 30 см), расположенные в углах и посередине материковых стен. В пазах этих столбов крепились горизонтально уложенные бревна. Сгоревшие остатки последних прослежены во многих жилищах. Примером этого может быть жилище, раскопанное на городище Ревно II (рис. 5, 1).

Жилище № 10 этого городища представляло собой котлован размером $3,3 \times 2,8$ м, глубиной 1 м. В его восточном углу стояла прямоугольная печь-каменка. Сгоревшие деревянные стены жилища сохранились до высоты 0,5 м. В углах и посередине материковых стен — остатки обгоревших столбиков, а между ними — сгоревших, горизонтально уложенных бревен шириной 15—20 м. Расположение столбов и бревен таково, что последние могли быть укреплены только в пазах вертикально поставленных столбов. Возле сгоревших стен найдено большое количество кусков глиняной обмазки с отпечатками дерева — остатков глиняной обмазки стен.

У большинства раскопанных жилищ VIII—X вв. на поселениях Верхнего Попрутья стены сложены из горизонтально уложенных бревен, закрепленных в пазах вертикально стоящих столбов. Одновременно встречаются, преимущественно на городищах, жилища со стенами срубной конструкции. Примером такого жилища может быть сооружение № 21, раскопанное на городище Ревно IБ (рис. 5, 2). Это полуземлянка размером $3,6 \times 3,4$ м, опущенная в материк на 1 м. В ее западном углу находилась прямоугольная печь-каменка. Жилище погибло от пожара. Частично сохранились его деревянные обгоревшие стены. Выяснилось, что горизонтально лежащие бревна (толщина 15 см) были соединены врубкой «в обло» с выступающими остатками длиной 10 см. Посередине материковых стен также обнаружены столбовые ямы. К этим столбам крепился конек двухскатной крыши. Пол жилища глиняный и подмазан жидкой глиной.

Существенной деталью оборудования славянских жилищ VIII—X вв. являются печи-каменки. Они, как правило, прямоугольной или квадратной формы, всегда помещаются в одном из углов жилища, а их стенки параллельны стенам домов, но отстоят от последних на 15—20 см, что соответствует толщине деревянной обшивки стен.

Открытые в бассейне Верхнего Прута полуземляночные жилища с печами-каменками и деревянными стенами столбовой или срубной конструкции типичны для культуры типа Луки-Райковецкой. Они распространены на широкой территории, заселенной не

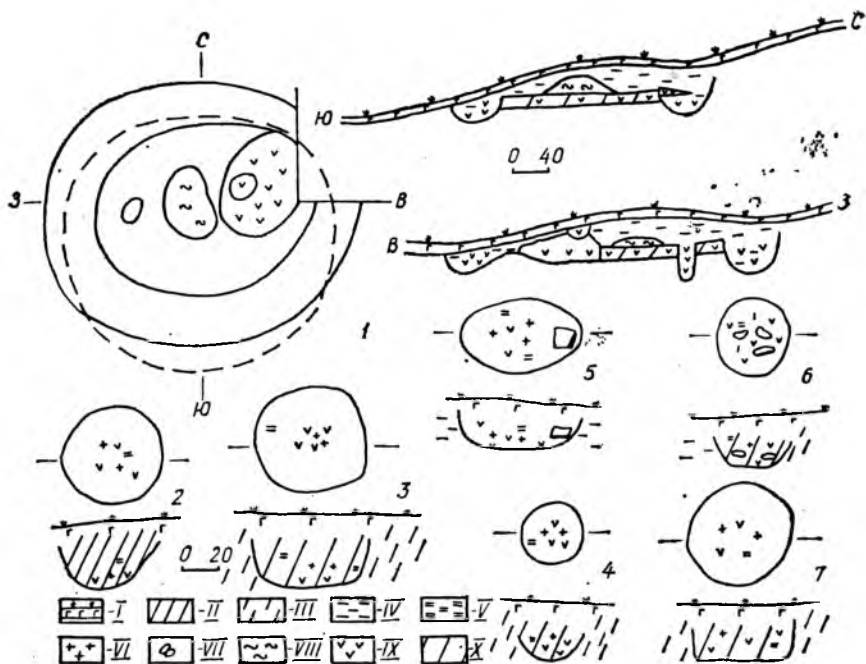

Рис. 6. Планы и разрезы погребений X в.:

1 — курган № 1 Черновского могильника; 2—7 — погребения № 9, 18, 19, 27, 28, 34 Ревнянского могильника. I — дерн; II — черная земля; III — сероватая глина; IV — глина; V — обожженная глина; VI — пережженные кости; VII — камни; VIII — зола; IX — угли; X — серая земля.

только восточными, но и западными и южными славянами¹⁷. Этот тип жилищ почти неизвестен в ареале других, не славянских культур.

Важное место в определении культурной принадлежности памятников VIII—X вв. занимают материалы могильников. В бассейне Верхнего Прута они исследовались в двух пунктах: в с. Черновке Новоселицкого района (курганый могильник) и в с. Ревно Кицманского района (бескурганый могильник) Черновицкой области.

Черновский могильник расположен на левом берегу р. Солонец (приток р. Мошков, впадающий в Прут). На нем насчитано более сотни невысоких, нередко еле заметных курганов. Рядом с могильником, расположенным на склоне берега, на горизонтальной площадке находится синхронное селище. Жилища в виде прямоугольных западин выступают и на территории могильника. Здесь, на склоне, в окружении курганов в раскопанной западине-котловане обнаружены печь-каменка и столбовые ямы. Несколько курганов

¹⁷ Donat P. Bemerkungen zur Entwicklung des slawischen Hausbanes in mittleren und südöstlichen Europa.— *Balcanoslavica*, 1975, N 4, S. 113—125.

расположено на горизонтальной площадке — основной территории поселения. Таким образом, курганный могильник расположен на территории поселения, в его северной части.

Курганы Черновского могильника невысокие (до 0,5 м) и небольшие (диаметр не превышает 5 м). Многие из них еле заметны на поверхности, несмотря на то что они расположены в лесу и не распахивались.

Во всех десяти раскопанных курганах прослежен один и тот же обряд: под полой невысокой курганной насыпи, на древнем хорошо сnivelированном горизонте находятся кострища (рис. 6, 1). Обожженной земли под ними не обнаружено. Кострища различной толщины: от 5 до 15 см. В них, кроме углей и золы, изредка встречаются мелкие осколки кальцинированных костей или же возле них находятся ямки (глубиной до 40 см, диаметром до 50 см) с остатками кремации (угли, зола, мелкие кальцинированные кости, обломки керамики). Часто под насыпью кургана размещаются по два-три захоронения.

Кострища и ямки с остатками кремации во всех случаях окружены ритуальными ровиками. Последние имеют почти отвесные стенки. Их ширина до 50 см, глубина до 40 см. Ровики наполнены углистой землей, углями и т. п. В плане они овальные или же вытянуто-овальные.

В большинстве курганов, но не во всех, на древнем горизонте и в ритуальных ровиках находятся черепки лепных и гончарных сосудов. Нередко они повторно обожжены и принадлежат разным сосудам. В некоторых курганах встречены отдельные, необработанные камни. Вообще инвентарь курганов беден.

Черновский курганный могильник по обряду погребения почти ничем не отличается от курганных могильников Украинского Правобережья, прежде всего Волыни. Почти полные ему аналогии встречаются в материалах курганного могильника, исследованного с наибольшей полнотой в с. Мирополь Житомирской области¹⁸.

Второй, бескурганный могильник Верхнего Попрутья раскопан на Ревнянском городище. Он расположен на территории поселения-спутника городища Ревно IБ (X в.), в восточной части селища, на высоком мысу. Эта территория заросла густым лесом и со времени прекращения жизни на городище не распахивалась и не была затронута другими видами земляных работ. Поэтому могильник сравнительно хорошо сохранился. Его погребения потревожены только корнями деревьев.

На территории могильника курганные насыпи не прослеживаются (бескурганный могильник). Он примыкал, как показали раскопки, к деревянной оборонительной стене X в., построенной на месте оборонительной линии IX в. На восток от могильника размещался большой наземный дом без следов стационарного заселения. В северо-западной части могильника раскопана овальная

¹⁸ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв., с. 40.

яма глубиной 40 см, длиной 2,65 м, шириной 1,1 м с сильно обожженными боковыми стенками и дном. В яме найдены кальцинированные кости, обожженные камни, угли, обломки керамики. По всей вероятности в яме сжигали умерших.

В южной части углубления — «культового места» — раскопана яма глубиной 0,7 м, диаметром 1,2 м. Дно ямы (слегка овальное) сильно обожжено и покрыто слоем угля — свидетельство того, что в свое время здесь горел ритуальный костер. После этого яма заполнялась в несколько приемов углистой землей, обломками лепной керамики и пр. В заполнении найдены кальцинированные кости, куски обожженной глины, обожженные камни, расколотая галька, переплавленное железо, спекшееся стекло. Этими остатками яма была заполнена на высоту 40 см. Принять эту яму за обыкновенное погребение нет основания. Скорее всего это жертвенная яма — часть могильного «святилища».

Вокруг «святилища» раскопано 37 захоронений, совершенных в ямах глубиной 20—45 см, диаметром 30—60 см (рис. 6, 2—7). Большинство ям находилось в верхнем гумусном слое, и их контуры хорошо прослеживались только в нижней части. У них плоское или округленное дно и расширенные кверху стенки. Все ямы наполнены углистой землей, где встречаются мелкие кальцинированные косточки, костный пепел, обломки лепной и гончарной керамики со следами вторичного обжига, угли, кусочки обожженной земли.

Во время раскопок захоронений установлено, что перед тем как поместить в ямки остатки кремации, их дно посыпали, по видимому, с целью «очистения» места захоронения, горячими углями и золой.

Зачистка проезжей дороги показала, что могильник занимал значительную территорию. Раскопана лишь северная его часть.

Обряд захоронений Ревнянского могильника по основным элементам (зольно-угольная подсыпка, захоронение остатков кремации в неглубоких ямках, бедность или же полное отсутствие погребального инвентаря, наличие обломков от ритуально разбитых глиняных сосудов) очень близок обряду захоронения Черновского могильника. Исключением являются курганные насыпи, отсутствующие в Ревно.

Наличие курганных и бескурганных славянских могильников с захоронениями в ямках характерно и для других районов Правобережной Украины. Почти полные аналогии обряду захоронений Ревнянского могильника встречаются в материалах раскопок славянского могильника VIII—IX вв. у с. Шумск Житомирской области¹⁹. Бескурганные захоронения, аналогичные Ревнянским, исследовались на р. Тясмин²⁰.

Как видим, сравнительное изучение основных элементов мате-

¹⁹ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв., с. 27, 37.

²⁰ Березовець Д. Г. Могильники уличів у долині р. Тясмину.— В кн.: Сло- в'яноруські старожитності. К., 1969, с. 58—71.

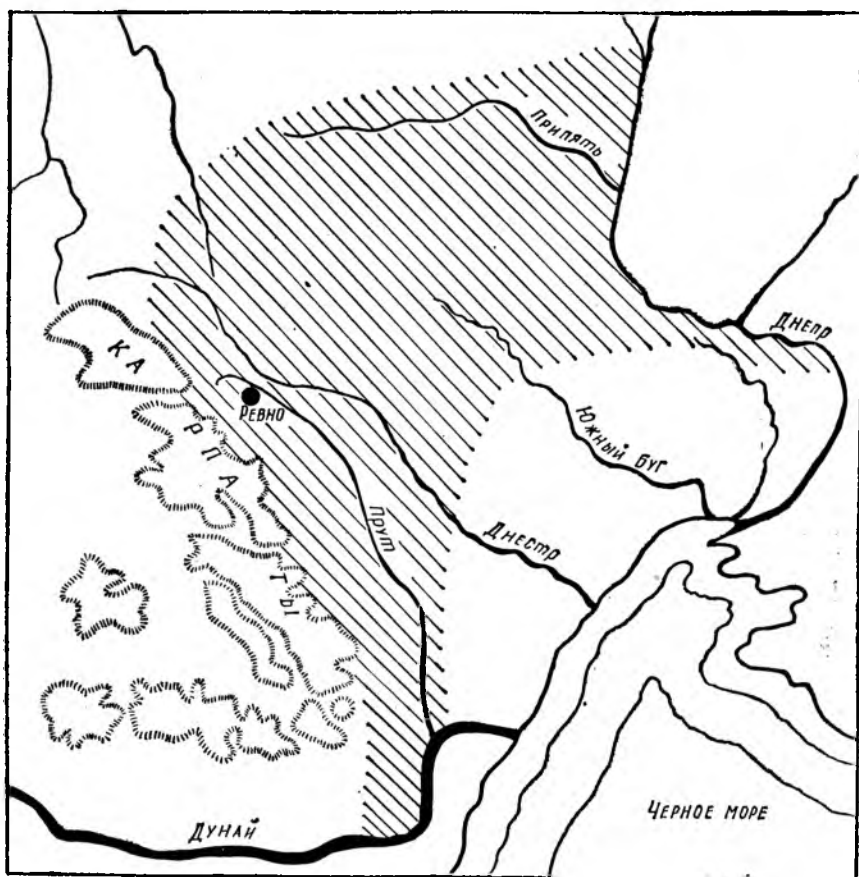

Рис. 7. Карта-схема распространения культуры типа Луки-Райковецкой.

риальной культуры (обряда захоронений, лепной керамики и жилищ) археологических памятников VIII—X вв. в бассейне Верхнего Прута позволяет утверждать, что они принадлежат восточнославянской культуре типа Луки-Райковецкой. Следовательно, территорию Верхнего Попрутья можно включить в ареал культуры типа Луки-Райковецкой.

На современном этапе изучения культуры типа Луки-Райковецкой территория ее распространения определяется следующими границами: на севере памятники этой культуры обнаружены севернее р. Припять, на востоке — доходят до Днестра, на западе — до Карпат (Попрутье), на юге они известны в бассейне Нижнего Дуная (рис. 7) ²¹.

²¹ Карта-схема составлена на основании следующих публикаций: Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв., с. 54, табл. 2; Рафалович И. А. Славяне VI—IX вв. в Молдавии; Comşa M. Slavii pe teritoriul R. P. R. in secolele VI—IX în lumina cercetarilor arheologice — SCIV, 1959, t. 1.

СЛАВЯНЕ В ПОДУНАВЬЕ И НА БАЛКАНАХ В VI—VIII вв.
(ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Славянская колонизация придунайско-балканских владений Византии в VI—VIII вв. н. э. является одним из главных моментов так называемого великого переселения народов, имевшим огромное значение для развития Восточной Европы. Это был один из наиболее важных факторов, обусловивших переход византийского общества, с одной стороны, от окончательно изжившей себя и разложившейся рабовладельческой системы к прогрессивному в то время феодальному строю. С другой стороны, результатом массового движения славян в пределы империи, на земли, расползшиеся к югу Дуная, была кардинальная трансформация этнической карты Юго-Восточной Европы — формирование болгарского, сербского, словинского, хорватского, македонского и прочих югославянских народов.

Начало славянской колонизации балканских земель, хронологически совпавшей с так называемыми Балканскими войнами VI—VII вв., отнюдь не было началом славянского расселения вообще. Процесс этот начался гораздо раньше и к VI в. успел пройти несколько фаз. Но лишь с переходом славянских отрядов через Дунай он привлек внимание современных ему греческих писателей. О славяно-византийских отношениях VI—VIII вв. писали все более или менее значительные историки того времени: Прокопий Кесарийский, Агатий Миринейский, Менандр Протиктор, Феофилакт Симокатта, Иоанн Эфесский, авторы «Чудес св. Димитрия» (памятник, дошедший до нас в двух разновременных редакциях), Маврикий Стратег, Феофан, патриарх Никифор и др. Их свидетельства позволяют восстановить довольно полную и выразительную картину как самих Балканских войн, так и славянской колонизации византийских земель.

Этим событиям посвящена огромная литература, в которой суммирован и достаточно глубоко интерпретирован имеющийся материал, хотя и сейчас преждевременно утверждать, что данная тема полностью исчерпана. Бесспорным пробелом является отсутствие основательного обобщающего труда, подобного исследованию М. В. Левченко, где рассматривается история славяно-византийских отношений в IX—XII вв.¹

Первой проблемой, которая встает перед исследователем, является вопрос о причинах, вызвавших расселение славян за пределы первоначальной славянской ойкумены. В общем плане эти причины в настоящее время не вызывают дискуссий: их природа кроется, конечно, не в политической (и тем более не в идеологической) области, а в сфере экономики. Однако и не в условиях производ-

¹ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений М., 1956.

ства, понимаемых в узком смысле. В основе процесса расселения лежали демографические закономерности эпохи, переходной от первобытно-общинного строя к феодализму.

К сожалению, в нашей литературе в течение длительного времени демографическим аспектам экономических разработок почти не уделялось внимания. В частности, это касается древнейших эпох мировой истории, лишенных статистических источников.

В настоящее время намечается известный сдвиг. Палеоэкономические работы С. Н. Бибикова² сыграли заметную роль в историко-социальной интерпретации каменного века, но что касается более поздних эпох, то здесь исследования до сих пор не вышли за рамки более или менее смелых рекогносцировок. Виною этому — отсутствие надежных методов, способных дать в руки ученого количественные данные, хотя бы в рамках определения порядка искомых величин.

Между тем, проблема расселения племен в основе своей является демографической. Сколь бы ни казались важными внешние факторы, не они определяют процесс в каждом конкретном случае. Движущей силой, заставляющей огромные людские массивы сниматься с обжитых земель, всегда является давление избыточного населения на развитие производительных сил³. Иными словами — разрыв между количеством рабочих рук с одной стороны, и средств производства — с другой. В общепhilosophическом плане это вполне понятно и не требует специальных разъяснений. Проблема сводится к трудности количественных определений при отсутствии надежных статистических выкладок.

Начало славянского расселения приходится на рубеж нашей эры (эпоха зарубинецкой культуры). Внешним выражением этого процесса выступает продвижение части зарубинецкого населения на юг, в область Нижнего Поднепровья и Причерноморья, и на север — в область Верхнего Поднепровья, Подесенья и Верхней Оки. Начиная от III в (период так называемых готских войн) экспансия восточноевропейских племен (среди которых были и славяне) на юг и юго-запад убедительно отражена в письменных источниках. Археологическими следами славянского расселения в этот период (III—V вв.) является распространение памятников черняховской культуры в область Южного Прикарпатья (земли между Карпатами и Дунаем), степного Причерноморья, северо-восточного Левобережья Днепра. Расселение оседлых лесостепных племен в это время приобретает, по-видимому, массовый характер.

В 1964 г. нами было предложено демографическое обоснование наблюдаемой археологами и в целом бесспорной картины⁴. Суш-

² Бибилов С. Н. Опыт палеоэкономического моделирования в археологии.— Тез. докл. Всесоюзной сес., посвященной итогам археол. и этнограф. исследований 1966 г. Кишинев, 1967; Бибилов С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита.— СА, 1969, № 4 и др.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 567—568.

⁴ Брайчевский М. Ю. Біля джерел слов'янської державності. К., 1964, с. 17—27.

ность гипотезы заключалась в следующем. Ко II—III вв. н. э. (время формирования черняховской, то есть анто-склавинской группы племен) плотность населения в основных районах восточноевропейской Лесостепи достигла цифры около 10 человек на 1 км². Расчеты основывались на весьма приблизительных данных о густоте размещения черняховских поселений и их усредненных размерах. Заметим, что эта же цифра получена для территории Южной Польши⁵. Так же оценивал плотность населения Германии в первые века новой эры Ф. Энгельс, исходя из письменных источников⁶.

Мы считаем названную плотность критической для конца первобытной эпохи. При таких условиях на семью из шести человек приходится статистический (то есть идеальный) участок земли, который эта семья в состоянии обработать собственными силами с помощью технических средств, имевшихся в распоряжении тогдашнего земледельца. Это значит, что фонд свободных земель был уже исчерпан и дальнейший рост народонаселения (а соответственно — уменьшение среднего надела) неизбежно приводил бы к конфликту между количеством рабочих рук и наличным фондом реальных средств производства. В результате возникала и все более возрастала масса избыточного населения, не находившего достаточного применения своему трудовому потенциалу. Перед обществом стояли две альтернативы (кстати, отнюдь не исключавшие друг друга); либо обезземеливание части общинников со всеми вытекающими отсюда последствиями, либо же уход избыточного населения куда-то на сторону.

После опубликования данной гипотезы проблема, к сожалению, не получила дальнейшей разработки. В 1972 г. И. С. Винокур сделал попытку пересмотреть наши расчеты в сторону снижения демографической квоты, уменьшив оценку плотности черняховского населения ровно вдвое (5 человек на 1 км²)⁷. Однако убедительных соображений в пользу этого пересмотра представлено не было⁸. Полагаем, что предложенные в 1964 г. расчеты покуда остаются в силе. Более того, новейшие данные, полученные в результате исследований последних лет, дают основание считать, что в опубликованных расчетах усредненные размеры черняховских поселений (около 20 жилищ в среднем) были существенно занижены.

С учетом демографических закономерностей эпохи, расселение славян, в том числе в Подунавье и на Балканах, теряет ореол таинственности и превращается в закономерное явление, продиктованное реальными факторами социально-экономического порядка.

---

⁵ Там же.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 145—146.

⁷ Винокур И. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя. К., 1972, с. 38—41.

⁸ Симонович Е. А. Рец.: І. С. Винокур. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя.— СА, 1975, № 4, с. 300.

Движение славян в Подунайские земли началось в III в. н. э. в связи с готскими войнами, то есть широким движением северо-причерноморских племен в недавно завоеванную римлянами Даклию. Завершилось оно в VIII ст. тотальной славянизацией северной части Балканского полуострова и возникновением обширных славянских колоний на Пелопонесе и в Передней Азии⁹. В настоящей статье мы ограничиваемся лишь кратким изложением общих итогов рассмотрения данной проблемы.

Расселение славян в области Подунавья и Балкан прошло три этапа. Первый хронологически охватывает период готских войн и последующее время (III—V вв.). Тогда славяне заселили земли Дунайского Левобережья (между средним и нижним течением реки и Карпатским хребтом). Территория нынешней Молдовы и низовьев Дуная входила в область формирования черняховской культуры; поэтому памятники данного типа здесь отражают аборигенную линию культурного развития. Совсем иную ситуацию видим на территории Мунтении, Олтении, Трансильвании. Здесь памятники черняховского типа наслаиваются на местную культуру гето-дакийских племен и сосуществуют с нею. Здесь открыты «чистые» черняховские могильники, которым отвечают сложные по составу поселения, где материалы черняховского типа соседствуют с материалами, отражающими местную археологическую традицию.

В этот ранний период славяне выступают в качестве не самостоятельной политической силы, а одного из компонентов сложного по составу конгломерата племен. Соответственно этому письменные источники III—V вв. (Дексипп, авторы «Истории августов» Юлий Капитолин и Требеллий Поллион, Филосторгий, Аммиан Марцеллин, Зосим и др.) еще не знают славян, как особого народа, а предпочитают говорить о причерноморских племенах совокупно, называя их сборными именами «готов» или «скифов» — без различия происхождения и этнической принадлежности¹⁰.

Первый этап славянского продвижения на юг оканчивается, по-видимому, около V в., что связано с нашествием гуннов и падением Римской империи. На какое-то время наступает затишье. Ликвидация Готского политического объединения в результате гуннской экспансии благотворно сказалась на состоянии Антского политического союза. Теперь восточные славяне оказались в положении единственной значительной политической силы в Восточной Европе. Им не могла противостоять даже Восточноримская империя, избежавшая социальной катастрофы.

Второй этап в развитии славянской экспансии в Подунавье и на Балканы начинается в первой половине VI в. (по-видимому, в 20-е годы столетия) и охватывает вторую четверть VI в. — первую часть правления Юстиниана I. Это время систематических, почти

⁹ *Брайчевский М. Ю.* К истории расселения славян на византийских землях. — ВВ, 1961, т. 19, с. 120—137.

¹⁰ *Ременников А. М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954.

ежегодных экспедиций, осуществляемых антами и склавинами в область Дунайского Правобережья. Они сопровождалась захватом значительных материальных ценностей и большого количества военнопленных, обрабатываемых в рабов.

Занятая упорной вооруженной борьбой в Италии, Иране, Северной Африке, Византия не в состоянии противостоять этому натиску, в результате чего северобалканские владения империи подвергаются основательному опустошению. Верная своим принципам использовать одних политических противников для борьбы с другими, Византия пытается заключить со славянами военно-политический союз с целью привлечения их для военных действий против готов и персов (сведения об этом находим, в частности у Прокопия¹¹ и Агатия¹²). Но эти контакты имеют скорее эпизодический, нежели последовательный и принципиальный характер.

Отличительной чертой данного периода славянской экспансии является сезонный характер военных предприятий наступающей стороны. До 550 г. славяне ни разу не оставались в пределах империи на зиму. Во время походов они проникали далеко вглубь страны, доходили иной раз до Константинополя¹³, но с приближением осени неизменно уходили на север, за Дунай.

Переломным моментом оказалась война 550—551 г., подробно (хотя и несколько хаотично) описанная Прокопием¹⁴. Эта война знаменует конец второго и начало третьего, решающего, этапа славянского расселения. Ее отличает от предшествующих событий ряд весьма примечательных черт. Новым было, в первую очередь, то, что славяне действовали по заранее разработанному, хорошо продуманному стратегическому плану, преследовавшему далеко идущие цели. С этим связана и другая существенная особенность: война 550—551 гг. имела своей задачей освоение определенного района. Впервые зиму 550—551 гг. славяне провели в пределах империи, что отмечено Прокопием¹⁵. Потерпев неудачу под Фессалониками и будучи вынужденными отказаться от немедленного захвата Солунской области, они, однако, не ушли за Дунай, а заняли Далмацию и вместо Эгейского вышли к Адриатическому морю.

Таким образом, именно с войной 550—551 гг. можно связывать начало заселения славянами земель, расположенных к югу от Дуная, которое в конечном итоге привело к славянизации всей Иллирии и большей части Фракии. Можно утверждать, что именно в это время определились границы последующего славянского расселения на Балканах и были созданы предпосылки для его практического осуществления.

¹¹ Proc. BG, II, 27; II, 2, 26.

¹² Agath., III, 6; III, 27; IV, 20.

¹³ Дьяконов А. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв.—ВДИ, 1946, № 1.

¹⁴ Proc. BG., III, 38, 1—23; III, 40, 1—8; III, 40, 30—45.

¹⁵ Proc. BG., III, 40, 33.

После событий 550—551 гг. славянское освоение опустошенных предшествующими событиями византийских земель идет весьма активными темпами, в результате чего уже через три десятилетия славяне чувствуют себя полными хозяевами Балканских владений империи. Иоанн Эфесский писал в 80-е годы VI ст.: «В третьем году после смерти царя Юстиниана и воцарения победителя Тиверия совершил нападения проклятый народ славяне. Они стремительно прошли всю Элладу, страны Фессалоники и всей Фракии и покорили многие города и крепости. Они опустошили и сожгли их, взяли пленных и стали господами на земле. Они осели на ней господами, как на своей, без страха. Вот в течение четырех лет и доселе по причине того, что царь занят персидской войной и все свои войска послал на восток, по причине этого они растеклись по земле, осели на ней теперь, пока допускает их Бог. Они производят опустошения и пожары и захватывают пленных, так что у самой Внешней стены они захватили и все царские табуны, много тысяч [голов] и другую разную [добычу]. Вот и до сего дня (то есть, до 895 г.— М. Б.)¹⁶ они остаются, живут и спокойно пребывают в странах ромеев — люди, которые не смели [раньше] показываться из дремучих лесов и мест, защищенных деревьями, и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, то есть дротиков»¹⁷.

Сведения Иоанна подтверждаются и другими авторами: в частности церковный историк Евагрий, писавший примерно в то же время, утверждал, что славяне заняли (не прошли, а именно заняли!) «всю Элладу»¹⁸.

Славянизация северной части Балканского полуострова имела далеко идущие последствия, в значительной степени определившие судьбы всей Восточной Европы. Оценка этих последствий — несмотря на огромное количество работ, посвященных данной теме, — продолжает оставаться актуальной задачей будущих исследований.

Не подлежит сомнению, что именно славянам в раннее средневековье принадлежала роль ведущего фактора исторического развития в Восточной Европе, и что Византийская империя своим возрождением была в значительной мере обязана их расселению. Оседая в пределах империи, славяне, с одной стороны, сохраняли (по крайней мере до определенного времени) свой общественный строй, а с другой, неизбежно воспринимали многие элементы византийской культуры. Задачей исследователя в данном случае является выяснение конкретной картины: что именно было сохранено переселенцами из их общественных установлений, и что было приобретено позже, в результате колонизации. К сожалению, эта проблема, поставленная еще в начале 60-х годов, до сих пор не нашла своего разрешения.

---

¹⁶ 895 г. по сирийскому летоисчислению соответствует 583—584 гг.

¹⁷ Дьяконов А. Известия Иоанна Эфесского., с. 32.

¹⁸ Evag. HE, VI, 10.

Социально-экономические отношения славян, расселившихся на византийских землях, отражены в интереснейшем юридическом памятнике VIII в., условно называемом «Земледельческим законом». Об этом документе существует огромная литература, рассматривать которую в данной статье нет ни возможности, ни необходимости. Отметим только, что единого мнения о происхождении и правовом характере этого памятника до сих пор не достигнуто.

«Земледельческий закон» является подлинным сфинксом раннего византийского средневековья, ибо отраженная в нем система общественных отношений решительно не вписывается в общую канву социального развития страны. Как известно, в VII—VIII вв. н. э. (иконоборческая эпоха) Восточноримская империя завершила переход от рабовладельчества к феодализму. Между тем, в «Земледельческом законе» не отражено ни развитие рабовладельчества, ни сложившийся феодализм. В нем видны лишь зародышевые формы классового членения общества и в то же время ярко описана сельская территориальная община. В частности, в тексте отсутствует главная категория зависимых производителей, характерная для византийского общества и хорошо известная по памятникам IV—VI и IX—X вв. — парики, то есть крестьяне, работающие на чужой земле и прикрепленные к ней. Земледельцы (γεωργοί) «Земледельческого закона» представляют собою, несомненно, свободных общинников, платящих определенный налог. Их положение принципиально отличается от положения георгов, выступающих в документах доиконоборческой эпохи.

Это дает нам основание утверждать, что «Земледельческий закон» был «ориентирован на регламентацию жизни сельских поселений, имеющих ярко выраженные черты высшей ступени варварства — и именно стадии сельской территориальной общины — марки»¹⁹. Отсюда — вывод относительно архаизации общественного строя Византии в VII—VIII вв., полной (или почти полной) ликвидацией здесь крупного землевладения, основанного на принудительном труде, господства в это время мелкого индивидуального хозяйства, возрождения общинных порядков и т. п.

Подобный вывод, как будто, подтверждается некоторым общим упадком общественной жизни — сокращением ремесла и торговли, деградацией городов, политической разрухой и т. д. «Земледельческий закон» — утверждает Е. Э. Липшиц, — очевидно, имел назначение фиксировать результаты стихийных изменений, происшедших в аграрном строе империи в VI—VII вв. и сказавшихся в широком распространении общинных порядков»²⁰.

Однако, такое понимание исторической сути документа встречает серьезные трудности. Во-первых, в нашем распоряжении отсутствуют данные относительно официального характера памятника,

¹⁹ Липшиц Е. Э. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. — ВВ., 1947, т. 1, с. 161.

²⁰ Там же, с. 162.

как юридического акта. «Земледельческий закон» — произведение анонимное, точнее даже псевдонимное: ряд поздних списков содержит имя императора Юстиниана, которое (как убедительно показано исследователями)²¹ поставлено вполне произвольно, с целью придать документу больший авторитет.

На основании некоторых черт формального сходства с Эклогой — законодательным сборником царей-иконоборцев Льва III и Константина V (изданным в 20-е годы VIII в.) — принято относить «Земледельческий закон» примерно к тому же времени, но попытки приписать его тем же авторам не могут считаться удачными. Гораздо больше оснований считать памятник частной записью обычного права, выполненной каким-либо ученым юристом и не имевшей реального законодательного значения²², но официально признанной императорской администрацией²³.

Во-вторых, положения «Земледельческого закона» не вяжутся (а в ряде случаев и противоречат) установлениям других памятников византийского права — не только Юстинианова кодекса, но и более поздних документов иконоборческой эпохи (та же Эклога) или периода восстановления иконопочитания (Эклога, измененная по Прохирону).

В-третьих (и это главное), сама по себе констатация архаизации общественного строя Византии VII—VIII вв. ровным счетом ничего не объясняет. Более того, она в свою очередь требует объяснения. И пока не выяснены причины, обусловившие столь неожиданное и столь непонятное, противоречащее логике исторического развития движение вспять, ставить любые точки над «i» было бы преждевременным.

В литературе известны достаточно серьезные попытки исторически обосновать наблюдаемое явление. Наибольшего внимания, с нашей точки зрения, заслуживает концепция, предложенная русскими византинистами еще в дореволюционное время (В. Г. Васильевский²⁴, Ф. И. Успенский²⁵, А. С. Павлов²⁶ и др.) и развитая на марксистской основе советскими учеными (Е. Э. Липшиц и др.²⁷).

²¹ Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация.— В кн.: Византийский сборник. М.— Л., 1945 с. 100—101.

²² Mortreuil J. Histoire du droit byzantin, t. II, 1847, p. 395; Dölger F. Ist der Nomos Georgikos ein Gesetz des Kaiser Justinian II? MBPAR, 1945, 35, S. 18—48.

²³ Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX в., М.— Л., 1961, с. 54.

²⁴ Васильевский В. Г. Законодательство иконоборцев.— В кн.: Васильевский В. Г. Труды, т. IV, Л., 1930.

²⁵ Успенский Ф. И. К истории крестьянского землевладения в Византии.— ЖМНП, 1883, ч. 225.

²⁶ Павлов А. С. Книги законные. СПб, 1885.

²⁷ Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация; Липшиц Е. Э. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма; Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры; Сюзюмов М. Я. О характере и сущности византийской общины по «Земледельческому закону».— ВВ, 1956, т. 10 и др.

Согласно этой концепции, причиной, вызвавшей архаизацию общественного строя Византийской империи в VII—VIII вв. была колонизация значительной части ее земель «варварскими» племенами, в первую очередь — славянскими. Эта мысль, безусловно, содержит глубокий смысл, так как адекватно отражает реальный исторический процесс, хорошо зафиксированный многочисленными и в большинстве своем вполне достоверными источниками.

Таким образом, если на западе, по выражению Ф. Энгельса, между римским колоном и средневековым крепостным стоял свободный франкский крестьянин²⁸, то на востоке, в Византии аналогичное место между георгом (колоном) и эпанографом позднеархаической Восточноримской империи V—VI вв. и париком (крепостным) IX—X вв. занимал свободный славянский общинник.

Из этого со всей убедительностью вытекает, что «Земледельческий закон» является памятником, отражающим развитие не столько собственно византийского общества, сколько славянской общины, осевшей на византийских землях и попавшей в сферу императорской юрисдикции. К сожалению, подлинное значение данного документа в этом смысле еще по достоинству не оценено славистами, упорно избегающими привлекать сведения «Земледельческого закона» в своих исследованиях. Единственным известным нам исключением является первый том «Истории Югославии», где во второй главе (написанной Ю. В. Бромлеем) некоторые положения памятника использованы для характеристики славянских переселенцев²⁹. При этом автор делает весьма характерную оговорку: «судить в целом о социально-экономических процессах, происходивших в VII—VIII вв. на этой территории (то есть, на территории современной Югославии.— М. Б.) у славян, возможно только на основе проверки и дополнения положений «Земледельческого закона» археологическими, лингвистическими и более поздними письменными материалами»³⁰.

Сам по себе призыв к комплексному использованию источников можно только приветствовать. Поэтому, следуя цитированной рекомендации, обратимся непосредственно к сравнению и проверке данных «Земледельческого закона» на основании археологических материалов эпохи славянской колонизации Балкан и показаний других письменных источников, посвященных характеристике славянских племен. Сопоставление данных приводит к выводу о том, что «Земледельческий закон» описывает общество, оставившее поздние памятники черняховской культуры и генетически связанные с ней славянские памятники третьей четверти I тыс. н. э.

Текст «Земледельческого закона» цитируем в переводе Е. Э. Липшиц, опубликованном в 1951 г.³¹ Археологические параллели, во избежание упреков в нарушении принципа синхронии, приводим на

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 154.

²⁹ История Югославии. т. 1. М., 1963, с. 36 и сл.

³⁰ Там же, с. 36.

³¹ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, с. 103—108.

основании, прежде всего, комплексов VII—VIII вв., то есть того времени, к которому относится древнейшая запись «Земледельческого закона». Но каждому серьезному историку ясно, что институты, зафиксированные любым юридическим памятником, всегда имеют более древнее происхождение, так как правовое оформление конкретного социального явления несколько отстает от реальной жизни. Следовательно, постановления «Земледельческого закона» неизбежно должны отражать ситуацию, более древнюю, нежели третья четверть I тыс. н. э.

Необходимо иметь в виду и следующий момент. Когда речь идет о массовом переселении какой-либо группы племен, приходится крайне осторожно оперировать признаками, характеризующими материальные следы данной миграции. Обращаясь к памятникам, оставленным переселенцами, следует четко различать то, что было принесено ими на новые места обитания, от того, что усвоено ими в местах оседлости от местного населения либо же под влиянием местных условий жизни. Поэтому для нас будут иметь первостепенное значение материалы, происходящие из коренных славянских областей, и в первую очередь — с территории южной части Восточно-европейской равнины, занятой в середине I тыс. н. э. «бесчисленными племенами антов» (Прокопий)³².

Главным содержанием «Земледельческого закона», естественно, является сельскохозяйственное производство во всех его слагающих. Начнем с характеристики уровня данной отрасли экономики и ее технической оснащенности.

Общество, описанное «Земледельческим законом», безусловно главным образом является хлебопашеским. О полях говорится во многих статьях (1, 6, 7, 14, 15, 38, 56 и др.), причем в ряде случаев в таком контексте, который бесспорно свидетельствует, что имеется в виду хлебное поле. В трех статьях речь идет о распашке (или пахоте) земель (ст. 1, 2, 22), в трех — о севе (ст. 2, 4, 12) и в двух — о жатве (ст. 6, 78). В ст. 12 упоминаются семена, используемые для посева, в ст. 60 — колосья, а в статье 68 — зерно, хранящееся в амбаре. В ряде статей говорится о снопах (ст. 9, 10, 60), о соломе (ст. 35), о стогах (ст. 64), под которыми следует понимать стога хлеба (а не сена), так как в этой же статье упоминается гумно.

К сожалению, комментируемый документ почти не содержит сведений о возделываемых культурах; лишь статья 70 (единственная!) упоминает жито (σῖτος). Однако нет никаких оснований полагать, что речь здесь идет именно о ржи: в древности данным термином называли все культурные злаки (в том числе и пшеницу). Кроме того ст. 60 упоминает стручковые (ῥόβλις).

О том, что славянская культура I тыс. н. э. носит земледельческий характер, общеизвестно. Возделывание злаков составляло основу ее экономики; данной отрасли хозяйства была подчинена и производственная структура общества.

³² Proc. BG., IV, 4, 9.

Пашенный характер производства, описанного «Земледельческим законом», также не вызывает сомнений. Плуг специально упомянут в ст. 62. Тут же речь идет о сошнике (точнее — наральнике), который, конечно, был железным, и о ярме, удостоверяющем тягловый характер вспашки. Поскольку о лошади не вспоминается ни в одной из статей, а о быках, напротив, говорится много и в самых разных контекстах, можно не сомневаться, что именно вол использовался в качестве тягловой силы.

Славянский плуг известен очень хорошо: находки железных наральников зафиксированы во многих пунктах. Они относятся к двум типам пашенных орудий. В ранний период (первая половина I тыс. н. э.) в употреблении была простая соха с рабочим концом, поставленным наклонно по отношению к линии движения. Это орудие могло только разрыхлять, но не переворачивать верхний пласт земли. Конструктивной деталью его были узколезвийные наральники, найденные на ряде поселений³³. В середине I тыс. н. э. в Восточной Европе появился первый плуг — орудие, способное не только разрыхлять, но и переворачивать дерновой слой почвы³⁴. Это было рало с горизонтально поставленным ползуном и отвальной доской; конструктивной деталью его выступают широколезвийные наральники с «запличиками».

Древнейшие широколезвийные наральники были найдены на некоторых поздних памятниках черняховской культуры. Но главным образом в материалах не ранее VII—VIII вв. (Пастырское городище³⁵, Сахновка³⁶, Пеньковка³⁷, Плиснеск³⁸, Хотомель³⁹, Шмырево⁴⁰ и др.). Они, следовательно, синхронны расселению славянских племен на землях к югу от Дуная и времени составления «Земледельческого закона».

Само собою разумеется, что и соха и плуг славянских племен предполагали использование в процессе вспашки тягловую силу домашних животных.

Орудием уборки урожая был серп, упоминаемый «Земледельческим законом» (ст. 22). Славянские серпы тоже хорошо известны археологам; они представлены двумя типами — черешковыми (с рукоятью, поставленной параллельно плоскости лезвия) и крючковыми (с рукоятью, крепившейся перпендикулярно лезвию)⁴¹.

³³ *Брайчевский М. Б.* Біля джерел слов'янської державності, с. 30—33.

³⁴ Там же, с. 34—36.

³⁵ Древности Приднепровья. К., 1899, вып. 2, табл. V, 137.

³⁶ *Довженко В. И., Линка Н. В.* Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось.— МИА, 1959, № 70, с. 105.

³⁷ *Березовец Д. Т.* Славянские поселения в устье р. Тясьмина.— КС ИА АН УССР, 1959, вып. 8, с. 42—43.

³⁸ *Старчук І. Д.* Розкопки городища Пліснеська в 1947—48 рр. АП, 1952, т. 3, табл. I, 11—12.

³⁹ *Кухаренко Ю. В.* Раскопки на городище и селище Хотомель.— КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 94—95.

⁴⁰ Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губ., произведенных Д. Я. Самоквасовым. М., 1915, с. 3—5; Атлас гочевских древностей. Приложение к дневнику раскопок. М., 1915, табл. Ia, IIa.

⁴¹ *Брайчевский М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності, с. 42—43.

К VII—VIII вв. относятся серпы из Пастырского⁴², Пеньковки⁴³, Стецовки⁴⁴, Рипнева⁴⁵ и др. Такие же точно серпы хорошо известны и в памятниках более ранней черняховской культуры⁴⁶.

Важным является вопрос об агрокультуре. Некоторые статьи «Земледельческого закона» упоминают новь, то есть только что освоенные под пашню земли (ст. 1, 2, 11). В других статьях (17 и 20) речь идет о подсеке, то есть о расчистке под пашню лесных массивов. Эти упоминания характерны для описываемой ситуации (для общества, пребывающего в состоянии движения) и непосредственно отражают процесс расселения. Нет никаких оснований видеть в них отражение подсечной системы земледелия⁴⁷. В обоих случаях речь идет о частновладельческих участках, а в одном из них — о сведении чужого леса (ст. 20).

Это обстоятельство тоже вполне отвечает картине, которую рисуют нам материалы славянской культуры VII—VIII вв., где подсечное земледелие выступает лишь как средство освоения земель, тогда как пашенное предполагало применение болсе или менее правильной севомены. Вспомним, кстати, известное место у Прокопия, где говорится о подвижности славян-земледельцев⁴⁸. Данное сообщение тоже пытались интерпретировать, как намек на подсечную систему⁴⁹. Но это мнение не подтвердилось: речь может идти только о вынужденной «подвижности» расселяющихся племен.

Наиболее важными представляются сведения о земельных отношениях и прежде всего о формах землевладения, довольно ярко освещенных в «Земледельческом законе». Описаную в нем систему аграрных отношений характеризует прежде всего господство общинной собственности на землю. Так, ст. 7 трактует споры о землевладении между двумя селами, то есть между двумя общинами. В ст. 81 пишется об общинных землях, остающихся в совместном пользовании общины. Однако обрабатываемые поля (а частично и лес), формально составлявшие собственность общины, реально распределялись между отдельными семьями и, следовательно, пребывали в частном владении.

---

⁴² Древности Приднепровья, 1899, вып. II, табл. IV, 84; *Брайчевский М. Ю.* Исследование Пастырского городища в 1955 г.—КСИА АН УССР, 1957, вып. 7, с. 95.

⁴³ *Березовец Д. Т.* Поселения улличей на р. Тясмине.—МИА 1963, № 108, рис. 20, б, 9, 13—15.

⁴⁴ *Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тыс. н. э.—МИА, 1963, № 108, рис. 6, б.

⁴⁵ *Аулих В. В.* Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской обл.—МИА, 1963, № 108, рис. 9, 8.

⁴⁶ *Брайчевский М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності, с. 40—42.

⁴⁷ *Липищ Е. Э.* Византийское крестьянство и славянская колонизация, с. 106, 110—112; *Липищ Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры, с. 59—64; *Липищ Е. Э.* Славянская община и византийский феодализм, с. 150—151.

⁴⁸ *Proc. VG.*, III, 14, 24—25.

⁴⁹ *Рыбаков Б. А.* Анты и Киевская Русь.—ВДИ, 1939, № 1, с. 324—325; *Мауродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 41—42 и др.

Индивидуальное хозяйство, основанное на таком наделе — «доле» (μέρος) или «жребии» (σκαρβιον), фигурируют во многих статьях (1, 2, 3, 4, 5, 6, 33, 60 и др.). Это чрезвычайно важный момент, фиксирующий совершенно определенную стадию социально-экономического развития земледельческих племен, соответствующую переходу от первобытно-общинного строя к классовому обществу.

В ст. 8, 32, 82 речь идет о разделах обрабатываемых площадей, в чем можно видеть пережиток более ранних форм земельных отношений, предусматривавших периодические переделы пахотных земель. В этом смысле интересна ст. 8, текст которой приводим полностью: «Если был произведен раздел несправедливо для некоторых в жребиях и в местоположении, пусть будет позволено аннулировать произведенный раздел»⁵⁰.

Здесь явно речь идет о переделе: слово «жребий» бесспорно означает индивидуальное хозяйство, предоставляемое во владение конкретному члену общины. Но поскольку в других статьях сказано об объектах, предполагающих длительное пользование участком (плодовые деревья, виноградники, мельницы и прочие сооружения), то следует сделать вывод, что обычай переделов уже был пройденным этапом. Перераспределению, по-видимому, подвергались поля, да и то, надо думать, не везде, не слишком часто и далеко не регулярно. Во всяком случае ст. 32 допускает посадку на полученном при разделе участка многолетних деревьев, а ст. 82 — постройку мельницы.

Земельные отношения славянских племен VII—VIII вв. хорошо известны исследователям. Они в точности соответствуют данным «Земледельческого закона». Здесь безраздельно господствовало индивидуальное хозяйство при сохранении общинной собственности на землю. Такая система земледелия существовала еще в I тыс. до н. э. Это убедительно доказано М. И. Артамоновым на основании сведений Геродота (V в. до н. э.)⁵¹. Исследователь пришел к выводу, что у населения Среднего Поднепровья в ту эпоху пахотные земли, во-первых, распределялись ежегодно между отдельными домохозяйствами, а, во-вторых, размер надела ограничивался.

На протяжении тысячелетия, отделяющего эпоху Геродота от начала славянской колонизации Балканских земель, система землевладения, естественно, претерпела существенные изменения. Переделы, очевидно, еще практиковались, как средство выравнивания хозяйственных возможностей отдельных семей, но сам обычай явно отходил в прошлое. Наряду с крупными общинными поселениями еще в середине I тыс. н. э. появлялись небольшие выселки, состоящие из нескольких дворов. Их владельцы, оставаясь членами общины, продолжая пользоваться всеми правами и выполнять

⁵⁰ Сборник документов по социально-экономической истории Византии, с. 103.

⁵¹ Артамонов М. И. О землевладении и земледельческом празднике у скифов.— Учен. зап. ЛГУ (сер. истор. наук), 1947, вып. 15.

все обязанности таковых, однако, выходили из практики переделов. Они соглашались получить во владение худшие участки земли, но на условии неограниченного во времени владения. Естественно, такую тенденцию могли проявлять лишь наиболее сильные в экономическом отношении семьи.

В с. Демьянов на Поднестровье исследован такой выселок VII в., состоящий из трех домохозяйств. Он был расположен на расстоянии около 200 м от обычного общинного поселения, на противоположной стороне заболоченной балки⁵². Еще более выразительным примером может служить несколько более раннее поселение, расположенное в с. Леськи близ Черкасс⁵³. Открытый здесь двор IV—VI вв. является отличной иллюстрацией индивидуального хозяйства, описанного «Земледельческим законом».

Согласно данным памятника такая усадьба включала прежде всего жилой дом (упоминается в ст. 21, 56, 66), а также хозяйственные постройки, из числа которых в тексте названы: сарай для сена и соломы (ст. 65), амбар (ст. 68), гумно (ст. 64), ограда (ст. 66). Специальные помещения для скота не названы, но об их существовании свидетельствуют многочисленные упоминания о самом скоте, содержавшемся в подобных хозяйствах.

Леськовский двор состоял из следующих сооружений: большого дома, разделенного на четыре комнаты (одну большую, общую, и три маленьких); сарая или амбара для хранения сена и соломы, а может быть и зерна; погреба для припасов; трех помещений для скотины (одного большого для крупных животных и двух маленьких типа курятника и свинушника); двух производственных помещений и мусорной ямы. Ограда археологически не документирована, но более чем вероятно.

Особого внимания заслуживают мельницы, применявшиеся для размала зерна. В «Земледельческом законе» они упомянуты трижды (ст. 81, 82, 83). Археологически мельничные сооружения славянской культуры исследовались неоднократно. Подобные объекты VII—VIII вв. или находки отдельных жерновов зафиксированы на городищах Пастырское (полуземлянка № 16)⁵⁴, Новотроицкое (роменская культура VIII—IX вв.)⁵⁵, в Стецовке⁵⁶ и в других местах. Интересны комплексы черняховского времени, носившие промышленный характер, то есть обслуживавшие не только индивидуальное хозяйство, а более широкую клиентуру⁵⁷. Эти комплексы дали основание Б. А. Рыбакову говорить о применении в

⁵² Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. К., 1972, с. 161—166.

⁵³ Брайчевская А. Т., Брайчевский М. Ю. Раскопки в с. Леськах близ Черкасс — КСИА АН УССР, 1959, вып. 8; Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю. Черняховское поселение в с. Леськи близ г. Черкасы.— МИА, 1967, № 139.

⁵⁴ Брайчевский М. Ю. Исследование Пастырского городища в 1955 г., с. 96.

⁵⁵ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое.— МИА, 1958, № 74, с. 214.

⁵⁶ Петров В. П. Стецовка, с. 212, 218 и др.

⁵⁷ Брайчевский М. Ю. Біля джерел слов'янської державності, с. 79—83.

них рабского труда⁵⁸. Иногда мельницы размещались в жилищах либо были конструктивно связаны с ними, иногда же представляли собой специальные постройки.

Здесь имеется, однако, серьезный вопрос, покуда не находящий окончательного решения в наличном материале. Известные нам славянские мельницы I тыс. н. э. работали с применением мускульной силы человека или животных. Между тем «Земледельческий закон» (по крайней мере в ст. 83) имеет в виду водяные мельницы.

Как известно, первые установки такого рода появились еще в Римской империи, но широкого применения не получили. Подлинное распространение водяных мельниц приходится на эпоху средневековья, в частности, раннего. Были ли они известны славянским племенам на их коренной территории? Исключить положительный ответ на данный вопрос невозможно, хотя реальных данных для его обоснования покуда не видим. Не исключено, однако, что славянские переселенцы впервые познакомились с этим нововведением уже на новых землях своего обитания (то есть в пределах империи) и быстро оценили его преимущества.

Наряду с хлебопашеством, составлявшим главную отрасль хозяйства, в обществе, описанном «Земледельческим законом», широко практиковалось виноградарство и садоводство. Виноградники упоминаются в ст. 13, 21, 25, 38, 50, 51, 58, 59, 61, 79, 80, 85, а в ст. 69 и 70 речь идет о вине. Такое количество упоминаний, однако, свидетельствует не о каком-то особо высоком удельном весе данной отрасли в общей системе производства, а о том, что виноградники в большей степени, нежели поля привлекали внимание правонарушителей и чаще становились предметом правовых конфликтов. Дело не только в том, что виноград обещал большую прибыль, чем зерно, но и в том, что ущерб, причиненный лозам, наносил несравненно бóльший урон владельцу, нежели обычная поправа поля или огорода.

Сады упоминаются в ст. 31, 33, 50, 51. Какие деревья выращивались в них, остается не разъясненным; только один раз названы смоквы — плоды экзотического для славян дерева, произрастающего в теплом климате, а потому не знакомом славянам на родине.

Из числа инструментов, применявшихся в виноградарстве и садоводстве, упомянут только садовый нож (ст. 22). Но не подлежит сомнению, что в данной отрасли хозяйства применялись также заступ и мотыга, названные, как земледельческие орудия (ст. 22).

О виноградарстве и садоводстве славянской культуры известно гораздо меньше, чем о полевом земледелии, но существование и того и другого не подлежит сомнению⁵⁹. Инструменты, о которых идет речь известны археологически. Заступ («лыскарь») был дере-

⁵⁸ Выступление Б. А. Рыбакова при обсуждении доклада И. С. Винокура на заседании славянской секции Пленума ИА АН СССР в апреле 1961 г.; *Брайчевский М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності, с. 288—289; *Винокур І. С.* Історія та культура черняхівських племен, с. 45—47.

⁵⁹ *Брайчевский М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності, с. 50—52.

вянным, но имел железные оковки рабочих краев. Последние встречены еще в материалах черняховской эпохи⁶⁰. На одном из поселений (Неслуховское) найден также поперечный набалдашник от рукояти заступа⁶¹. Хорошо известны и железные мотыги (Пастырское городище⁶², Пеньковка⁶³ и др.).

Не вполне ясно, что подразумевается под названием «садового ножа», и чем он отличается от обычных ножей, представляющих собою одну из наиболее распространенных и многочисленных категорий находок. Весьма вероятно, что он имел изогнутое лезвие. В таком случае археологическим прототипом ему является одна из моделей различных инструментов, прикрепленных к знаменитой цепи из Силадь-Шомлио, датированной серединой I тыс. н. э.⁶⁴. Не исключено, что маленькие серпы из находок в Пеньковке⁶⁵, Рипневе⁶⁶, а также из некоторых более ранних комплексов (Делаке⁶⁷ и др.) в действительности были садовыми ножами.

Большое место в постановлениях «Земледельческого закона» занимает животноводство. Слово «бык» — одно из наиболее употребляемых в данном памятнике: оно встречается в ст. 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 36, 37, 39, 41, 42, 43, 44, 48, 50, 51, 85. И это, конечно, не случайно: бык служил не только источником пищи, но и основной тягловой силой. Просто скот или домашние животные (без указания вида) упоминаются в ст. 34, 36, 39, 40, 47, 51, 71, 72, 73, 74, 79. Из прочих пород (помимо крупного рогатого скота) в тексте названы: осел (ст. 36, 38, 39, 41, 43, 51), овца и баран (ст. 38, 45, 49), свинья (ст. 45, 49, 52, 54) и собака (ст. 49, 52, 54, 55, 75, 76, 77). Последняя упоминается так часто потому, что была сторожевым животным и помощником пастуха. О собаках, охраняющих стада, пишется в ст. 55 и 75. Обращает внимание отсутствие козы, но, по-видимому, этот вид домашнего животного в юридическом отношении приравнивался к овце.

Существование стад у славян VII—VIII вв. подтверждается археологическими материалами — костными остатками, неизменно встречающимися в большом количестве при раскопках поселений⁶⁸. Первое место среди них принадлежит костям быка; следующие — свинье и мелкому рогатому скоту. Кости ослы в памятниках второй половины I тыс. не встречены ни разу, но зато они зафиксированы в комплексах черняховской культуры (Иванковцы

⁶⁰ Там же, с. 50—51.

⁶¹ Там же.

⁶² Древности Приднепровья, 1899, вып. 2, табл. III, 132.

⁶³ Березовец Д. Т. Поселения улицей на р. Тясмине, рис. 20, 1, 3.

⁶⁴ *Hampel I.* Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, B. 3, Braunschweig, 1905, Taf. 14.

⁶⁵ Березовец Д. Т. Поселения улицей на р. Тясмине, рис. 20, 6, 13.

⁶⁶ Аулих В. В. Славянское поселение у с. Рипнева, рис. 9, 8.

⁶⁷ Рикман Э. А. Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа. КСИИМК, 1959, вып. 77, с. 117.

⁶⁸ Брайтчевский М. Ю. Біля джерел слов'янської державності, с. 61—64; Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152, с. 139.

и Черепин)⁶⁹. Значение этих находок трудно переоценить — они бесспорно свидетельствуют о том, что осел был известен славянскими племенам. Само собой разумеется, что расселившись на византийских землях, где осел издавна служил главным транспортным средством, славяне охотно стали разводить это неприхотливое и выносливое животное.

По-видимому, осел заменил у переселенцев коня (ни разу не упомянутого в «Земледельческом законе»). В Византии лошадь была принадлежностью всадника, на которого действие комментируемого документа не распространялось. Между тем, в материалах славянской культуры кости коня по численности занимают четвертое место (после быка, свиньи и мелкого рогатого скота).

Костные остатки собаки встречаются неизменно, иногда в большом количестве. В общем балансе им принадлежит пятое место. К сожалению, до сих пор исследователи не уделяли им того внимания, которого они, судя по данным «Земледельческого закона», заслуживают.

Скотоводство славянских племен носило приселищный характер⁷⁰. Таким описывает его и «Земледельческий закон». Выпас был общинным и осуществлялся под присмотром специального общинного пастуха (*ἄγελῆριος*). Последний называется в ст. 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29. О социальном положении его речь будет идти ниже. Животные, составлявшие стадо, бесспорно находились в частной собственности отдельных хозяев, что хорошо отражено практически во всех перечисленных выше статьях: в них пастух, в качестве юридического лица, текстуально противопоставлен хозяину скотины.

Заслуживает внимания упоминание колокольчика, подвешиваемого к шее животного (быка или овцы) — тронки или калатала (ст. 30). Находки таких колокольчиков известны в памятниках черняховской культуры (Леськи, Компанийцы и др.)⁷¹.

В производственном отношении скотоводство имело два аспекта — с одной стороны домашний скот был тягловой силой, а с другой — источником питания. И если функция осла по преимуществу лежала в первой сфере, а свиньи — исключительно во второй, то бык играл существенную роль и в том и в другом отношении. Заметим, что в «Земледельческом законе» (ст. 34) отмечено наличие молочного скота и молочного производства. В археологических материалах славянской культуры известны обломки сосудов с дырочками в стенках, служившие для изготовления сыра из молока.

Охота и прочие промыслы не отражены в «Земледельческом законе». Лишь ст. 52 упоминает западни, но без уточнения, где и на кого они ставились. Из прочих производственных процессов от-

⁶⁹ Брайчевский М. Ю. Біля джерел слов'янської державності, с. 62; Баран В. Д. Поселення перших століть н. е. біля с. Черепин. К., 1961, с. 79.

⁷⁰ Брайчевский М. Ю. Біля джерел слов'янської державності, с. 64—65.

⁷¹ Там же, с. 67.

мечена только рубка леса (ст. 20, 22, 39, 40 и др.). В ст. 22 и 40 упоминается топор, как главное орудие в данном трудовом процессе. Находки железных топоров неоднократно фиксированы в памятниках VII—VIII вв. (Пастырское городище⁷², Новотроицкое⁷³, Пеньковка⁷⁴ и др.), а также и более ранних⁷⁵. Ремесло полностью оказалось за пределами внимания составителей «Земледельческого закона».

Итак, совокупность данных о состоянии и уровне сельскохозяйственного производства, извлекаемых из постановлений «Земледельческого закона» и представленных в археологических материалах славянской культуры VII—VIII вв. (и более ранней), оказывается идентичным по всем основным показателям. В то же время приведенная характеристика существенно отличается от развития сельского хозяйства в Византии по другим источникам. Это давно отмечено исследователями. Е. Э. Липшиц, в частности, подчеркивает «отсутствие в «Земледельческом законе» каких-либо упоминаний о той сравнительно высоко рационализированной интенсивной обработке почвы, которая применялась в Греции и Риме в античную эпоху, и частично отразилась в византийской сельскохозяйственной энциклопедии, так называемой «Георониса»⁷⁶.

Это исключительно важный момент. Речь, как видим, идет не о деталях и мелочах, а о самой сути описываемого явления — об уровне общественного развития, отраженного документом. «Земледельческий закон» — утверждает Е. Э. Липшиц в другом месте, — имеет с варварскими «Правдами» сходство, гораздо более поражающее, чем со сборниками римского и римско-византийского права (имеется в виду Кодекс Юстиниана и Эклога — М. Б.)»⁷⁷.

Таким образом, речь идет не о византийской деревне, а о какой-то другой (варварской) существующей на территории Византии.

В то же время исследователи констатируют и существенные отличия хозяйственной системы, описанной «Земледельческим законом», от сельскохозяйственной практики, свойственной населению Балканского полуострова и Малой Азии. Способ пастьбы скота на участках возделанной земли после снятия урожая, описанный в «Земледельческом законе», замечает Е. Э. Липшиц, не имеет ничего общего с системой, характерной для полукочевых, главным образом скотоводческих хозяйств, малоазийских и балканских горцев⁷⁸.

⁷² Древности Приднепровья, 1899, вып. 2, табл. V, 131, 133, 134, 136; *Брайчевский М. Ю.* Исследование Пастырского городища в 1955 г., с. 95.

⁷³ *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое, табл. LXXXIX.

⁷⁴ *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине, рис. 20, 4, 7.

⁷⁵ *Брайчевский М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності, с. 174—177.

⁷⁶ *Липшиц Е. Э.* Византийское крестьянство и славянская колонизация, с. 112.

⁷⁷ *Липшиц Е. Э.* Славянская община и византийский феодализм, с. 154.

⁷⁸ *Липшиц Е. Э.* Византийское крестьянство и славянская колонизация, с. 116.

Лишь материалы, характеризующие хозяйственное развитие антских и склавинских племен, дают достаточно полную и вполне адекватную аналогию данным «Земледельческого закона».

Архаичности системы сельскохозяйственного производства, описанной комментируемым памятником, соответствует и относительная архаичность общественного строя описываемых там же племен. Этот строй имеет бесспорные аналогии среди материалов славянской культуры, отражающих переломную стадию в общественном развитии наших предков на пути к феодализму. К сожалению, археологические материалы дают сведения о данной стороне исторического развития не столь полные и не столь непосредственные как в области материального производства. Это, вполне закономерно, ибо сами по себе общественные отношения не находят материального воплощения, способного оставить в земле осязаемые остатки. Приходится оперировать косвенными данными, последовательно выверяя их показаниями письменных источников, безусловно относящимися к славянам. В настоящее время в этом достигнуты значительные успехи, в результате чего общественный строй антских и склавинских племен предстает перед нами в более или менее законченном виде.

Выше уже отмечалось, что главной социальной ячейкой древнеславянского общества была сельская община, переживавшая стадию глубокого разложения. В результате развития земельных отношений (главным образом частного землевладения) намечается глубокая имущественная и социальная дифференциация, в конечном итоге приведшая к созданию классовой структуры.

Имущественное неравенство отражено в археологических материалах более явственно и наглядно: богатые и бедные погребения, развитие ювелирного искусства, переживающего в VI—VIII вв. неслыханный до того подъем, большое число кладов (в том числе и весьма богатых), находки ключей от дверных запоров и т. д.— все это дает исследователю солидный материал для решения поставленной задачи.

Гораздо сложнее обстоит дело с социальным расслоением. Но тут на помощь историку приходят данные письменных источников, о которых упоминалось выше.

«Земледельческий закон» описывает общество, по существу еще не знающее классового деления в собственном смысле слова. Речь может идти лишь о зародышевых формах, о классах в потенции либо же в процессе формирования. Это — чрезвычайно важный момент, исключаящий памятник из общего ряда византийских источников эпохи окончательного оформления феодальной империи.

Главной фигурой «Земледельческого закона» выступает лично свободный общинник — владелец индивидуального хозяйства, платящий налог в пользу общины и государства. «Закон» называет два термина для обозначения этого общинника: «земледелец» (γεωργός) и хозяин (κύριος). Оба термина применяются примерно одинаково и выступают в качестве взаимозаменяемых. Смысловой

нюанс, по-видимому, имеет функциональный характер. Термин «георг» подчеркивает производственный момент (занятие), термин «кир» — момент господства над землей и материальными ценностями (социальный статус). В этом смысле важна ст. 17, текст которой приводим полностью: «Если земледелец [γεωργός] войдет и возделает поросшую землю другого земледельца [γεωργός], то три года будет пользоваться ее плодами, затем отдаст ее хозяину [κύριος] ее»⁷⁹.

Как видим, здесь одно и то же лицо названо в одном случае «георгом», а во втором — «киром». В первом контексте оно выступает рядовым членом общины, так же, как и ответчик; во втором подчеркивается факт владения. Характерно, что закон отдает преимущество трудовому моменту перед моментом собственности.

Столь же существенно и то, что оба термина — и георг и кир — никак не связаны с имущественным состоянием обозначаемых ими лиц. Как убедимся далее, «хозяин» может оказаться неимушим, что, по-видимому, не влияет на его принадлежность к данной социальной категории.

Но наряду со свободным общинником в «Земледельческом законе» фигурирует ряд лиц, социальное положение которых является ущербным и представляет различные стадии закабаления. Это: рабы, апоры, издольщики, мортиты, наемные работники, вербуемые из числа свободных, но неимущих лиц. С другой стороны, в двух статьях (9 и 10) выступает «земледелец» — лицо претендующее на роль эксплуататора, присвоителя нетрудового дохода, то есть чужого труда.

О рабах (δοῦλοι) говорится в ст. 45, 46, 47, 71, 72. Особых комментариев эта социальная группа, по-видимому, не требует, так как ее статус вполне понятен и не вызывает каких-либо вопросов. Речь идет о лицах, не пользующихся защитой закона. Ответственность за их преступления несет господин, который по собственному усмотрению назначает им наказание (ст. 45, 47, 72). Любопытна ст. 72, в которой говорится следующее: если кто-либо доверит рабу скотину без ведома рабовладельца и с этой скотиной что-то случится, то ни раб ни его господин не несут никакой ответственности. Этим снимается сама возможность обращения с рабом, как с юридическим лицом: тот, кто пойдет на сделку с ним и в результате понесет ущерб, признается виновным в собственной беде и не может претендовать на какую-либо компенсацию.

О рабстве у антов и склавинов написано много и возвращаться к обсуждению данного вопроса считаем излишним. Византийские авторы VI—VIII вв. часто пишут о захвате славянами военнопленных с целью их превращения в рабов⁸⁰. По данным Прокония, например, число уводимых в рабство невольников исчисля-

⁷⁹ Сборник документов по социально-экономической истории Византии, с. 104.

⁸⁰ Proc. BG., III, 13, 29, 38, 40; IV, 25; Proc. An., XXIII, 6—7; Theoph. Sim., I, 75; VII, 2, 2—3.

лось десятками и даже сотнями тысяч⁸¹. Имеются сведения о наличии у антов и склавинов работорговли⁸².

Часть рабов угонялась победителями домой, на родину, часть продавалась на сторону или же отпускалась за выкуп на волю. Но не подлежит сомнению, что с начала расселения славян на византийских землях множество военнопленных удерживалось колонистами и использовались ими в своем хозяйстве.

Изучение археологических материалов славянской культуры в свою очередь позволяет говорить о выразительных элементах рабовладельчества в древнеславянской экономике, о чем частично говорилось выше. Некоторые отрасли производства определенно предполагают использование принудительного рабского труда (мельницы, горнорудные разработки, строительство масштабных оборонительных сооружений и пр.).

Еще более интересными являются социальные процессы, приводившие к обезземеливанию и обнищанию части общинников, попадавших в экономическую (а далее и социальную) зависимость от своих более удачливых соседей. Этот процесс приводил к возникновению отношений уже не рабовладельческого, а социального порядка. Последствия его убедительно отражены «Земледельческим законом».

В ряде статей выступает особая категория лиц — «неимущий» ('αλορος, 'αλορφος), то есть крестьянин, лишенный средств производства в степени, исключавшей возможность ведения собственного хозяйства (ст. 13, 14, 18). Показательна формулировка ст. 18: «Если не имеющий средств для обработки своего поля земледелец бежал... и т. д.»⁸³. Здесь экономическая суть явления отражена вполне ясно: речь идет об общиннике, сохраняющем свою сословную принадлежность («георга» или «кира»), но разорившегося настолько, что владение наделом (следовательно и обязанность платить налог) становится для него невозможным.

Уделом апоров были два пути: издольщина, представляющая собой прямую дорогу к феодальной кабале, или наемный труд. «Земледельческий закон» фиксирует и то и другое. Издольщина в нем выступает в двух принципиально разных формах: испольтщины и морты. Остановимся на обеих подробнее.

Испольтщине посвящено пять статей (11, 12, 13, 14, 15); в двух из них идет речь о пашне, в одной о винограднике. Но особенно важны статьи 11, 12 и 14, из которых явствует, что апор выступает хозяином отдаваемого в испольтщину участка. Это исключительно интересное явление, показывающее, с одной стороны, крепость общинной системы, а с другой — чрезвычайную сложность процесса социального расслоения. Речь, следовательно, идет об особой категории лиц, которые еще не лишились своего земель-

⁸¹ Proc. An., XVIII, 20—21.

⁸² Proc. BG., III, 14, 14—19.

⁸³ Сборник документов по социально-экономической истории Византии, с. 104.

ного надела («доля» или «жребий» «Земледельческого закона», очевидно, представляли собой неотчуждаемые владения), но уже не имеют средств для его нормальной эксплуатации (техники, тягла, рабочих рук и т. д.). Эти обедневшие (но еще полноправные!) общинники вынуждены были отдавать свои участки на кабальных условиях (за половину урожая) богатым соседям. Работали, естественно, не богачи. Здесь видим совершенно бесспорные зародышевые формы феодальной коммандации, как одного из путей возникновения классического феодализма.

Другую категорию образуют мортиты (десятинщики). Это — лица, работающие на своего господина за определенную часть урожая на его земле. О них речь идет в статьях 9 и 10. Первая запрещает земледельцу-мортиту убирать урожай без ведома господина, вторая устанавливает размер ренты, получаемой землевладельцем (девять снопов работнику и один сноп господину — норма эксплуатации, как видим, сравнительно мягкая).

В этих статьях встречается чрезвычайно интересный термин «земледавец» (*χωροδότης*), вообще не характерный для византийской документалистики (тем более — для литературы). Вряд ли речь идет о церковном землевладении (как предполагают некоторые исследователи)⁸⁴ — хотя статья 10 заканчивается необычной для «Земледельческого закона» сакральной формулой: «разделивший иначе да будет проклят Богом». Это единственная статья, упоминающая о потусторонней силе; правда, нет уверенности, что имеется в виду Бог христианский. Скорее всего, комментируемые статьи фиксируют отношения, близкие по характеру феодальной ренте, и утверждают неравноправность участвующих в них сторон.

В обеих статьях отсутствует малейший намек на какое-либо соглашение между мортитом и земледавцем (подобное тому, которое упоминают статьи, посвященные исполщине или наемному труду). Следовательно, явление, о котором идет речь, породилось не какими-либо специальными актами в каждом конкретном случае, а представляло собою постоянный (и само собою разумеющийся) социальный институт.

Кто ж такие мортиты, какова их классовая природа? Прежде всего вряд ли можно сомневаться, что речь идет об обезземельных крестьянах, ибо имеющий землю не станет по доброй воле работать за часть урожая. Конечно, возможно предположить, что имеются в виду общинники, потерявшие надел. Но сведения, содержащиеся в статьях, посвященных исполщине, говорят о том, что система общинного землепользования, описанная в «Земледельческом законе», стремилась как-то оградить своих членов от полной пауперизации. Отсюда вывод, что правдоподобнее говорить о лицах, вообще не входящих в систему разделов и не могущих претендовать на получение официального надела (чужестранцы, вчерашние рабы и т. д.). Это — явный зародыш прекария.

⁸⁴ *Липшиц Е. Э.* Византийское крестьянство и славянская колонизация, с. 124—126; *Липшиц Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры, с. 71—72.

Наемный труд становился реальной перспективой, когда крестьянин вообще лишался каких бы то ни было средств для существования. О наемниках идет речь в разных статьях, посвященных различным ситуациям и сферам приложения наемного труда. Ст. 16 посвящена лицу, взявшемуся обрабатывать чужое поле или виноградник. В ст. 25 говорится о заработной плате пастуха. Из этого следует, что пастухи, о которых речь идет в ст. 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, скорее всего тоже работали по найму. В ст. 38 речь о садовом стороже, также получающем заработную плату и т. д.

Специальный интерес представляет ст. 34. В ней (единственный раз!) упоминается термин «мистот» в отношении пастуха (ποιῦν μισθός).

Слово «мистот» известно в собственно византийских памятниках и означает лично свободных, но экономически неполноправных лиц, обязанных обрабатывать землю и платить налоги⁸⁵. Это значит, что такой земледелец оказывается фактически прикрепленным к земле, хотя владелец участка (пекулия) не имел права в полной мере распоряжаться личной судьбой работника. Наряду с мистотами-крестьянами, были также мистоты-ремесленники и представители других профессий,— разумеется, с соответствующими поправками на условия труда.

Важным моментом византийского законодательства («Книга Эпарха») является, в частности, утвержденное право мистота работать по найму, заключая с хозяином соответствующий договор⁸⁶, то есть признание его юридическим лицом. В ст. 34 «Земледельческого закона» также говорится о плате мистоту. Но с другой стороны, та же «Книга Эпарха» допускает куплю и продажу мистота (исключая, правда, из числа покупателей иностранцев и варваров)⁸⁷. Вполне очевидно, что в данном случае речь идет об определенной форме феодальной зависимости в ее раннем проявлении.

Сведения о том, что у славян VII—VIII вв. существовала определенная форма зависимости, отличная от рабской, содержится в «Стратегиконе» Псевдомаврикия. Здесь читаем: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться во-свояси или остаться там, где они находятся, на положении свободных и друзей»⁸⁸.

Это, не вполне вразумительно изложенное место неоднократно комментировалось в литературе⁸⁹. Совершенно ясно, что «положение свободных и друзей», о котором говорит источник, не озна-

⁸⁵ Cod. Just., XI, 47, 19.

⁸⁶ Книга Эпарха. М., 1962, VI, 2; VIII, 10; VIII, 12.

⁸⁷ Книга Эпарха, VIII, 7.

⁸⁸ Pseud. Strateg., XI, 5.

⁸⁹ Довженко В. И. Про дофеодальний період в історії Русі.— Археологія, 1952, т. 6, с. 25—26; Брайчевський М. Ю. Антський період в історії східних слов'ян.— Археологія, 1952, т. 7, с. 37—38; Нариси стародавньої історії Української РСР. К., 1957, с. 343.

чало полной свободы и социальной полноправности,— иначе вчерашний раб был бы волен идти, куда угодно, в том числе и на родину, для чего однако требовался выкуп. Следовательно, речь идет о какой-то иной форме зависимости, более мягкой по сравнению с рабовладельчеством, не исключавшей определенной экономической самостоятельности, но ограничивавшей личную свободу.

Как неоднократно отмечалось, разгадку данного сообщения скорее всего можно видеть в характеристике Корнелием Тацитом положения рабов у древних германцев в начале новой эры. «Рабов они,— пишет историк,— используют, впрочем, не так, как мы: они не держат их при себе и не распределяют между ними обязанностей; каждый из них самостоятельно распоряжается на своем участке и у себя в семье. Господин облагает его, как если бы он был колоном, установленной мерой зерна или овец и свиней, или одежды, и только в этом состоят отправляемые рабом повинности»⁹⁰.

Думается, приведенная цитата вполне точно определяет сущность «положения друзей и свободных» Псевдомаврикия и морты «Земледельческого закона». Это уже зарождение феодальных отношений, еще далеких от завершенной формы, но вполне уверенно утверждающихся в качестве наиболее прогрессивной тенденции.

Славянская община, оседавшая на византийских землях, неизбежно должна была вступать в какие-то взаимоотношения с императорской администрацией. Здесь мы не будем рассматривать вопрос о социальной природе Антского и Склавинского союзов племен, как об определенной стадии сложного процесса возникновения государственной организации. По этому вопросу мы неоднократно высказывались в литературе⁹¹,— полагаем, все сказанное прежде и в настоящее время вполне сохраняет свое значение. С нашей точки зрения оба союза безусловно представляли собою политические образования государственного типа, несущие в себе все необходимые признаки политической надстройки.

Тем более справедливо это в отношении объединений, возникших на развалинах Антского и Склавинского союзов, разрушенных в VI—VII вв. аварским нашествием. Речь идет о так называемом государстве Само у западных славян (склавинов) и начальной Руси («Руси в узком значении слова»⁹²) у восточных славян

---

⁹⁰ Тас. Germ., 25.

⁹¹ *Брайчевський М. Ю.* Антський період, с. 38—40; *Брайчевский М. Ю.* Основные вопросы археологического изучения антов.— Докл. VI научн. конф. Инст. археол. К., 1953, с. 73; *Брайчевський М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності, с. 304—321.

⁹² *Тихомиров М. Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля».— СЭ, 1947, т. 6—7; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 28—46; *Рыбаков Б. А.* Древние руссы.— СА, 1953, с. 17.

(антов). Сам факт существования таких крупных объединений предполагает систему взаимоотношений между формирующейся социальной элитой, сосредоточивавшей в своих руках публичную власть, и широкими массами подданных, в роли которых выступали рядовые члены общины. Эти отношения включили прежде всего налоговую систему, призванную обеспечить новоявленную государственную власть необходимыми материальными средствами, и определенные формы политического господства.

Существенной чертой любого «варварского» государства, однако, является то, что между публичной властью и подданными всегда стоит община, которая в силу свойственной ей круговой поруки выполняет роль своеобразного буфера между обоими социально-политическими полюсами.

Аналогичная картина должна была установиться в Подунавье и на Балканах в результате славянской колонизации византийских земель. Конечно, историческая суть явления менялась. Юрисдикция славянских «варварских» государств типа Антского союза или ранней Руси на византийские владения не распространялась. Оседая на имперских землях, славянские переселенцы попадали под протекторат Константинопольского двора и местных, фемных властей (стратигов). Естественно, этот процесс мог развиваться на определенных условиях, которые в общих чертах хорошо известны исследователям. Константин Багрянородный называет следующие пункты обязательств, которые византийская администрация налагала на «варваров»: 1) признавать архонтов, назначаемых начальником фемы; 2) отбывать военную службу (в случае необходимости) и 3) платить установленные налоги⁹³.

Нужно отдать справедливость византийской администрации: она довольно быстро оценила возможности и выгоды, открывавшиеся в связи со славянской колонизацией. Широкий приток переселенцев способствовал поднятию демографического потенциала северо-западных провинций. В эпоху великого переселения народов огромные площади пригодных для обработки земель оставались заброшенными и не давали империи тех доходов, которые могли бы дать при нормальной эксплуатации. Города лежали в руинах и требовались немалые экономические усилия для их возрождения. Для того, чтобы оживить хозяйственную жизнь страны требовались, прежде всего, свежие трудовые ресурсы.

Поэтому византийская администрация вскоре после начала славянской колонизации перешла от политики сопротивления и конфронтации к тактике всеобщего содействия и привлечения все больших и больших масс переселенцев. Более того, она стремится создать славянские колонии в глубинных районах империи — на Пелопонесе, в Малой Азии и т. д., — о чем имеются вполне достоверные свидетельства⁹⁴.

⁹³ Const. Porph. Al., 217.

⁹⁴ Брайчевский М. Ю. К истории расселения славян, с. 133—134.

Мудрость такой политики не замедлила сказаться: в отличие от Западноримской империи, попытавшейся противостоять «варварскому» нашествию и сметенной им, Византия не только устояла, но, пройдя через глубочайшие потрясения VIII в. к началу IX в. вступила в полосу экономического, политического и культурного подъема. Не даром Ш. Диль называет период с 867 по 1025 гг. «периодом несравненного величия» Византийской империи, новым золотым веком⁹⁵.

Но как и на коренных славянских землях, в пределах империи между государством и аппаратом и конкретным георгом-переселенцем стояла община. Более того, сложные условия массовой колонизации чужих территорий, весьма вероятно, подчеркивали ее значение, как формы социальной структуры. Действительно, переселенцы, выходя из-под юрисдикции складывавшейся славянской государственности, могли рассчитывать только на свои силы и свои организационные возможности. Поэтому обстановка, в которой осуществлялось расселение, усиливала и трансформировала роль общины, вследствие чего у славян в Подунавье и на Балканах в VII—VIII вв. она могла оказаться даже большей, нежели за пределами империи.

В ст. 18 и 19 «Земледельческого закона» отражены взаимоотношения между крестьянским миром и государственной властью. Первая из этих статей гласит: «Если не имеющий средств для обработки своего поля земледелец бежал и ушел в чужие края, то пусть ответственные перед казной за подати собирают плоды, и не имеет права возвратившийся назад земледелец взыскивать с них что-либо»⁹⁶. Вторая имеет аналогичное содержание — с тем лишь отличием, что трактует о казенных экстраординарных налогах.

Обе статьи раскрывают не только сущность комментируемых отношений, но и их механизм. Как видим, ответственной за фискальные сборы оказывается община, а не конкретный производитель. Последний несет обязанности только по отношению к общине; его исчезновение не влияет на экономические функции общины — приходящуюся на его долю часть податей вынуждены платить другие.

Здесь вскрывается еще один момент, немаловажный для понимания генезиса древнеславянского феодализма. В свое время К. Маркс писал о земельных отношениях, издревле существовавших в Дунайских провинциях: «Часть земель самостоятельно возделывалась членами общины, как свободная частная собственность, другая часть — *ager publicus* [общинное поле] — обрабатывалась ими сообща. Продукты этого совместного труда частью служили резервным фондом на случай неурожая и других случайностей, частью государственным фондом на покрытие военных, цер-

⁹⁵ Диль Ш. История византийской империи. М., 1948, с. 71, 89 и др.

⁹⁶ Сборник документов по социально-экономической истории Византии, с. 104.

ковных и других общинных расходов. С течением времени военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на похитителей общинной земли. Одновременно с этим развились крепостные отношения...»⁹⁷.

К. Маркс подчеркивает, что эта форма общинной собственности была отлична от славянской⁹⁸. Для последней общинное поле (*ager publicus*) не было характерно. Общие расходы тут покрывались регулярными взносами индивидуальных хозяев. В определенных условиях такая система земельных отношений могла быть источником и прототипом феодальной ренты,— но не отработочной, а продуктовой⁹⁹. Именно ее имеет в виду «Земледельческий закон», говоря о податях в пользу казны.

В условиях славянской колонизации византийских земель к обычно регламентированым общественным потребностям (о которых писал К. Маркс в цитированном отрывке) добавлялись сборы на уплату государственных налогов. Но можно не сомневаться, что общинная верхушка, привыкшая пользоваться преимуществами своего положения, не упускала столь благоприятного случая для личного обогащения, и что значительная часть собираемой продукции «прилипала» к ее рукам, способствуя тем самым углублению имущественного и социального неравенства.

Но вместе с тем следует констатировать еще одну сторону, не менее важную. Ограничивая взаимоотношения с переселенцами налоговой и военной сферой, византийская администрация избегала вмешиваться во внутреннюю жизнь славянской общины и тем более — навязывать ей существовавшие к тому времени в империи общественные институты. Этому способствовало фемное устройство, утвердившееся в VI в. Тем самым община предохранялась от ускоренного разрушения и разложения, получивши возможность самостоятельно и быстрыми темпами пройти путь от высшей стадии первобытно-общинного строя к феодализму. Именно это и вызвало к жизни памятники, подобные «Земледельческому закону».

Итак, славяне, колонизовавшие балканские владения Византии, действительно принесли с собой более архаичный общественный уклад, чем существовавший здесь до VI в. И это имело существенное значение для дальнейшего развития империи. Отсюда — общее впечатление архаизации, отмеченное исследователями.

Однако, вряд ли было бы правильно говорить об архаизации социального строя Византии в полном и прямом смысле этого слова. Славянская колонизация охватила, разумеется, не всю тер-

⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 249.

⁹⁸ Там же, с. 249.

⁹⁹ Довженко В. И. Про дофеодалний період в історії Русі, с. 15; Довженко В. И. Характерні риси феодализму в Київській Русі.— УІЖ, 1970, № 12, с. 38—39 и др.

риторию империи, а лишь ее северо-западную периферию. К тому же существование общины отнюдь не противоречило условиям не только раннего, но и развитого феодализма. Подобная многоукладность является характерной чертой едва ли не всякой формации, основанной на эксплуатации человека человеком¹⁰⁰. Поэтому можно полагать, что в византийской деревне VII—VIII вв. (а возможно и позже) существовал своеобразный дуализм общественных отношений, имевший в значительной мере пространственное значение.

---

¹⁰⁰ Шапов Я. Н. О социально-экономических укладах в древней Руси XI—первой половины XII в.— В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ	— Археологические исследования в Молдавии
АИУ	— Археологические исследования на Украине
АЛЮР	— Археологическая летопись южной России
АП	— Археологічні пам'ятки
АО	— Археологические открытия
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ГО СССР	— Географическое общество СССР
ДП	— Древности Поднепровья
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения
ЗОО	— Записки Одесского археологического общества
ЗОПИ	— Записки Одесского педагогического института
ИАК	— Известия археологической комиссии
ИОН	— Институт общественных наук АН УССР
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОГАМ	— Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР
МДАПВ	— Матеріали і дослідження по археології Прикарпаття і Волині
НА ИА АН УССР	— Научный архив Института археологии АН УССР
НЗОДПІ	— Наукові записки Одеського державного педагогічного інституту
ОАК	— Отчет археологической комиссии
ОГУ	— Одесский государственный университет
Праці ОДУ	— Праці Одеського державного університету
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РВД	— Раннесредневековые восточнославянские древности
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СРС	— Слов'яно-руські старожитності
СЭ	— Советская этнография
Труды ГИМ	— Труды Государственного исторического музея
ЭВ	— Эпиграфика Востока
ААИ — ИБАИ	— Известия на археологически институт. София
ИБИД	— Известия на Българско историческо дружество. София
АА	— Acta Archaeologica, Budapest

- AE — Archaeologiai Ertesítő. Budapest
 Agath. — Agathiae Historiae (De Regno Justiniani).
 AH — Archaeologica Hungarica, Budapest
 AM — Archeologia Moldovei
 AP — Archeologia Polski
 AUF — Ausgrabungen und Funde, Berlin
 BS — Balkano-Slavica, Beograd
 Evag. — Evagrii Historia ecclesiae.
 CAB — Cercetari archeologice in Bucuresti
 Cod. Just. — Codex Justiniani.
 Const. Porph. AI — Constantini Porphyrogeneti De administrando imperio
 FAP — Fontes archeologii Poznanienses
 FP — Fontes Prahistorii
 MBPAR — Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiker
 Rechtsgeschichte.
 MS — Materialy starożytne
 MSA — Materiale și cercetari archeologice, Bucuresti
 MS — Materialy starożytnie
 MSW — Materialy starożytne i wczesnośredniowieczne
 PA — Prace archeologiczne
 Proc. AN An. — Procopii Anecdota.
 Proc. BG. — Procopii De bello Gothico.
 Pseud. Strat. — Pseudomauricii Strategicum.
 PZ — Prahistorische Zeitschrift, Berlin
 Tac. Germ. — Taciti Germania.
 Theoph. Sim. — Theophilacti Simocattae Historiae.
 SA — Slovenska archeologia, Nitra
 Spr. A — Sprawozdania archeologiczne
 SCIV — Studii și cercetari de istorie veche, Bucuresti
 WA — Wiadomości archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Баран В. Д.</i> Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян	5
<i>Пачкова С. П., Романовская М. А.</i> Памятники Карпато-Днестровского региона конца I тыс. до н. э.	48
<i>Козак Д. Н.</i> Памятники рубежа и первых веков нашей эры в Поднестровье и Западном Побужье	77
<i>Винокур И. С.</i> Черняховские племена на Днестре и Дунае	105
<i>Магомедов Б. В.</i> О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и Лесостепи	135
<i>Вакуленко Л. В.</i> Поселение поздне римского времени у с. Сокол и некоторые вопросы славянского этногенеза	155
<i>Приходнюк О. М.</i> К вопросу о присутствии антов в Карпато-Дунайских землях	180
<i>Горюнов Е. А., Казанский М. М.</i> К изучению раннесредневековых древностей Нижнего Подунавья (VI—VII вв.)	191
<i>Михайлина Л. П., Тимощук Б. А.</i> Славянские памятники бассейна Верхнего Прута VIII—X вв.	205
<i>Брайчевский М. Ю.</i> Славяне в Подунавье и на Балканах в VI—VIII вв. (по данным письменных источников)	220
Список сокращений	248

СЛАВЯНЕ НА ДНЕСТРЕ И ДУНАЕ

Сборник научных трудов.

*Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР*

Редактор Л. Л. ВАЩЕНКО
Оформление художника Г. М. БАЛЮНА
Художественный редактор С. П. КВИТКА
Технический редактор С. Г. МАКСИМОВА
Корректоры О. Е. ИСАРОВА,
В. Н. БОЖОК, Н. А. ЛУЦКАЯ

Информ. бланк № 5247

Сдано в набор 10.06.82. Подп. в печ. 11.01.83. БФ
00604. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типогр. № 1. Лит.
гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 15,75. Усл. кр.-отт.
15,75. Уч.-изд. л. 18,74. Тираж 1700 экз. Заказ
2—1335. Цена 3 руб. 10 коп.

Издательство «Наукова думка».
252601 Киев, ГСП, Репина, 3.

Изготовлено Нестеровской городской типография-
ей, г. Нестеров, Львовской обл., ул. Горького,
8, с матриц Головного предприятия РПО «По-
лиграфкнига», 252057, Киев-57, Довженко, 3.
Зак. 639.

НБ ПНУС

475252

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКОВА ДУМКА» В 1983 г.
ВЫЙДЕТ В СВЕТ КНИГА:

СУББОТИН Л. В. Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины. 12 л. 1 р. 80 к.

Монография посвящена исследованию энеолитической культуры Гумельница, населявших левобережное Понизовье Дуная в IV тыс. до н. э. Дается характеристика гумельницких памятников Юго-Запада Украины, рассматриваются вопросы материальной культуры, хозяйства, быта и истории оставившего их населения, а также взаимоотношений с племенами трипольской культуры и с гумельницкими племенами.

Для археологов, историков, краеведов, преподавателей и студентов исторических факультетов.

Предварительные заказы на эту книгу принимают все магазины книготоргов, магазины «Книга — почтой» и «Академкнига». Просим пользоваться услугами магазинов — опорных пунктов издательства: Дома книги — магазина № 200 (340048, Донецк-48, ул. Артема, 147а), магазина «Книжный мир» (310003, Харьков-3, пл. Советской Украины, 2/2) и магазина издательства «Наукова думка» (252001, Киев-1, ул. Кирова, 4).

Магазины во Львове, Одессе и Киеве высылают книги иногородним заказчикам наложенным платежом.